К 63.3(2)
П 759

С. А. Приклонский

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

НА

СѢВЕРѢ.

1884 г.

355663

9(47)
П759
К63.3(2)
П759

С. А. ПРИКЛОНСКІЙ.

20/III 59.

НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

НА

СѢВЕРѢ.

355663кр.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°., Пименовск. ул., д. Кушнеревой.
1884.

1998

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го сентября 1883 года.

Предлагаемая читателямъ, книга написана давно. Она составилась изъ статей, которыя, въ сокращенномъ видѣ, были напечатаны въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ концѣ 1879 и въ началѣ 1880 годовъ. Тамъ онѣ носили названіе—„Письма объ Олонецкой губерніи“—и были подписаны псевдонимомъ „Донскій“.

Въ настоящемъ изданіи является въ первый разъ въ печати только одна послѣдняя глава „Народная школа и рабочая жизнь“. Остальныя главы уже были напечатаны и теперь издаются въ дополненномъ, но не измѣненномъ видѣ.

Такъ составилась книга, которую я рѣшился предложить читателямъ подъ новымъ названіемъ „Народная жизнь на Сѣверѣ“.

„Письма объ Олонецкой губерніи“ были написаны на досугѣ, во время безпѣлья. Затѣмъ, наступила пора, когда я былъ поглощенъ другими работами до такой степени, что не могъ и думать объ отдѣльномъ изданіи „Писемъ“. Да и читателямъ было не до нихъ. Въ это время у всѣхъ было много живаго дѣла, много насущныхъ, широко поставленныхъ, вопросовъ.

Теперь у меня опять досугъ, опять безпѣлье. Отъ безпѣлья были написаны „Письма“, отъ безпѣлья-же они издаются отдѣльною книгою.

Я знаю, что въ этой книгѣ есть большіе недостатки. Цеховые ученые найдутъ ее черезъ-чуръ легкомысленною, а

обыкновенные читатели — слишкомъ скучною. Поэтому я ни за что нерѣшился-бы издать ее, если-бы, въ настоящее время, русское общество непереживало давно небывалаго литературнаго оскудѣнія. Вѣдь, читать почти нечего.... При такой скудости моя книга небудетъ лишнею.

Приклонскій.

24 іюля 1883 г.

Глава первая.

КРЕСТЬЯНСКІЯ НЕВЗГОДЫ
и
ЗЕМСКАЯ НЕМОЧЬ.

Экономическое положеніе Олонецкой губерніи *) никогда небыло блестящимъ. Она всегда считалась губерніей бѣдною и не разъ нуждалась въ государственной помощи. За здѣшними крестьянами доселѣ числится въ недоимкѣ громадный долгъ государству по ссудамъ изъ общаго продовольственнаго капитала, выданнымъ еще во время голода, бывшаго въ 1867 и 1868 годахъ. Тогда общество на минуту остановилось съ праздным любопытствомъ предъ картиною предсмертной муки, умиравшаго отъ голода, олонецкаго крестьянина. Рѣдко кто задавался вопросомъ о причинахъ голода, потому-что русскій человѣкъ, изъ-поколѣ-вѣка, привыкъ относить всякое несчастіе,—голодъ-ли, пожаръ-ли, или банкротство и т. п.,—къ одной причинѣ,—волѣ Божіей. Правда, нашлись умныя головы, которыя глубокомысленно утверждали, будто мужикъ самъ виноватъ, что умираетъ съ голоду. Ему, по словамъ этихъ мудрецовъ, неслѣдовало заниматься земледѣліемъ, а нужно было приняться за другіе промыслы. И это говорили люди, выдававшіе себя за знатоковъ народнаго быта... Впро-

*) Чтобы познакомить читателей съ экономическимъ положеніемъ Олонецкой губерніи, мы воспользуемся свѣдѣніями, собранными мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ. Гдѣ понадобится, мы будемъ дополнять ихъ какъ личными наблюденіями, такъ и свѣдѣніями изъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ.

чемъ, все равно ихъ мало слушали, а еще менѣе нашлось охотниковъ критически провѣрить мнѣніе ихъ.

Между тѣмъ, голодовка въ Олонецкой губерніи окончилась, и мужики столь-же картинно стали умирать отъ голода—то въ Самарской, то въ Казанской, то въ Вятской губерніяхъ и т. д. Общественное вниманіе было отвлечено отъ Олонецкой губерніи. Тамошній мужикъ ничѣмъ непапоминалъ о себѣ, и общество успокоилось насчетъ судьбы его, заключая, что если онъ молчитъ, то, значитъ, благоденствуетъ.

Одни мѣстные дѣятели продолжали заботиться о мужикѣ. Десять лѣтъ *) они насаждали въ Олонецкой губерніи промышленность насчетъ мужицкаго кармана: срокъ настолько продолжительный, что теперь можно судить о результатахъ, достигнутыхъ ими. Каково-же настоящее экономическое положеніе Олонецкой губерніи?

Цѣлый рядъ несчастій обрушился, въ послѣднее время, на жителей этого края: земледѣліе упало, торговля и промышленность остановились, сельскіе и городскіе работники остались безъ хлѣба и безъ работы, дороговизна на все сдѣлалась ужасная. Да и впереди невидно выхода изъ бѣдственнаго положенія, такъ-что рабочему люду осталось одно — покидать родной край и на чужой сторонѣ отыскивать пропитаніе.

Въ особенности тяжело отозвался на Олонецкомъ краѣ упадокъ земледѣлія, потому-что оно здѣсь служитъ главною основою благосостоянія крестьянъ. Вопреки мнѣнію, будто земледѣліе на сѣверѣ ничего неможетъ приносить, кромѣ убытка, и что крестьянамъ необходимо, для поднятія своего благосостоянія, бросить земледѣліе и приняться

*) Это писано въ концѣ 1879 года.

за промыслы, — весь бытъ здѣшняго крестьянина зиждется на хлѣбопашествѣ, всѣ помыслы его направлены къ расширенію земледѣльческой дѣятельности.

Статистическія данныя показываютъ, что сельское населеніе Олонецкой губерніи живетъ преимущественно доходомъ, получаемымъ отъ земледѣлія, а къ промысламъ прибѣгаетъ изъ нужды, для пополненія дефицита въ своемъ хозяйственномъ бюджетѣ. По свѣдѣніямъ статистическаго комитета, доходъ сельскаго населенія отъ мѣстныхъ промысловъ, въ 1878 году, простирался до 1.211,035 рублей, тогда-какъ доходъ отъ земледѣлія, по самой низкой оцѣнкѣ, опредѣляется въ 3.143,986 руб.

Несмотря на такую очевидную выгодность земледѣлія и невозможность для крестьянина существовать, помимо его, одними промыслами, здѣсь сдѣлано все, чтобы отучить крестьянъ отъ хлѣбопашества. И эти старанія, отчасти, неостались безслѣдными. Встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія къ земледѣльческой дѣятельности, крестьянинъ, поневолѣ, бываетъ вынужденъ, понемногу, сокращать запашку и искать заработка въ другихъ промыслахъ.

Но какъ бы ни были выгодны эти промыслы, какъ бы ни разжился отъ нихъ крестьянинъ, все же онъ не бросаетъ земледѣлія и немѣняетъ деревню на городъ. Напротивъ, если крестьянину посчастливится въ промыслѣ и онъ начнетъ выбиваться изъ нужды, то, прежде всего, онъ старается поправить свое упавшее земледѣльческое хозяйство, расширить запашку, завести больше скота, расчистить изъ-подъ лѣсу новыя сѣнокосныя пожни. Между здѣшними крестьянами нерѣдко встрѣчаются крупные капиталисты, разжившіеся отъ торговли. Они тоже небросаютъ земледѣлія и нетолько сохра-

няютъ свои деревенскіе участки, но заботятся о расширеніи и улучшеніи земледѣльческаго хозяйства.

Какъ на особенно разительный примѣръ въ этомъ отношеніи, можно указать на одного, извѣстнаго своимъ богатствомъ, петербургскаго лѣсопромышленника, изъ крестьянъ Толвуйской волости. Постоянно проживая по дѣламъ въ столицѣ, въ качествѣ представителя старинной и богатой фирмы, онъ незаразился, охватившею собратій его по промышленности, слабостью къ дворянству и генеральскому мундиру, нехочетъ даже выписываться въ купцы, а, попрежнему, остается крестьяниномъ и ведетъ обширное земледѣльческое хозяйство въ родной деревнѣ. Точно также поступаютъ почти всѣ здѣшніе торгующіе крестьяне, которые смотрятъ на деревенскій участокъ, какъ на какую-то неприкосновенную святыню.

Когда подъѣзжаешь къ Петрозаводску по большой петербургской дорогѣ, то въ деревнѣ Суложъ-горѣ ямщикъ указываетъ всякому проѣзжающему полусгнившую избушку съ забитыми наглухо окнами, покачнувшуюся на бокъ, но тщательно огороженную и охраняемую отъ разрушенія. Насупротивъ ея, по другую сторону дороги, стоитъ большой двухъэтажный домъ, прекрасно отдѣланный, со множествомъ хозяйственныхъ построекъ.

— Тутошніе крестьяне Тихоновы выстроили,—поясняетъ ямщикъ, указывая на двухъэтажный домъ.—Въ городѣ у нихъ лавки свои, домовъ сколько настроено.... А сами здѣсь на крестьянствѣ живутъ,—днемъ въ городѣ торгуютъ, а вечеромъ сюда пріѣзжаютъ.

— А здѣсь,—продолжаетъ ямщикъ, показывая на избушку,—родители ихъ жили, пока нерасторговались.

Вишь ты, — нехотятъ ломать избушку, чтобы нужду крестьянскую помнить.

Благодаря ветхой избушкѣ и „крестьянству“, едва-ли кто пользуется въ Петрозаводскѣ такою извѣстностью, какъ купцы Тихоновы. Они—первыя лица, съ которыми знакомится, по разсказамъ, всякій, пріѣзжающій въ Петрозаводскъ.

Олонецкіе крестьяне говорятъ, что никакой промыселъ неможетъ замѣнить имъ выгоды земледѣлія, если бы только былъ предоставленъ необходимый просторъ для сельскохозяйственной дѣятельности. Поэтому занятіе земледѣліемъ у крестьянъ считается самымъ почетнымъ и служитъ признакомъ имущественной состоятельности. Если обращаешься къ крестьянамъ съ вопросомъ: ходятъ-ли они на промыслы?—то коренной земледѣлецъ съ гордостью отвѣчаетъ:

— Пока Богъ миловалъ, — нехаживали. Отцы на крестьянствѣ жили, и мы крестьянство ведемъ. А впередъ загадывать нельзя: отъ сумы не слѣдъ отказываться.

Напротивъ, бѣдняки, уходящіе на промыслы, какъ будто оправдываясь, говорятъ:

— Не сами идемъ, нужда на промыселъ гонитъ.

Жители селеній по р. Свири, занимающіеся лоцманствомъ и другими, выгодными, судоходными промыслами, говорятъ, что они съ радостью бросятъ свои промыслы, если-бы имъ была позволена расчистка удобныхъ земель въ окружающихъ, обширныхъ, казенныхъ лѣсахъ. Безземелье среди громадной лѣсной пустыни поставило ихъ въ необходимость обратиться къ промышленности, но немогло убить, воспитанныхъ вѣками, привычки и охоты къ земледѣльческому труду.

Да и какъ крестьянамъ полюбить земледѣлія и не держаться за него, когда они, то и дѣло, воочію видятъ примѣры разоренія и обнищанія мѣстностей, которыя, покинувъ земледѣліе, обратились къ ненадежнымъ заработкамъ отъ промысловъ. Напримѣръ, мѣщане города Повѣнца жили безъ нужды, пока небросили земледѣлія, прельстившись хорошимъ заработкомъ на лѣсопильномъ заводѣ. А теперь, когда заводъ закрылся, они обратились въ нищихъ и пьяницъ, едва поддерживающихъ несчастное существованіе.

Жители селеній, расположенныхъ по берегамъ и островамъ озера Водлозера въ Пудожскомъ уѣздѣ, были исконными земледѣльцами и жили, хотя не богато, но въ достаткѣ, пока обработывали землю. Но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „охранители казенныхъ интересовъ“ запретили имъ заниматься обычнымъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, подсѣчнымъ хозяйствомъ на казенныхъ, лѣсныхъ земляхъ. Тогда нужда заставила крестьянъ обратиться къ рыбному промыслу. Но скоро обширное озеро оскудѣло рыбою, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, населеніе впало въ ужасную бѣдность.

Подобныхъ примѣровъ очень много, и они наглядно убѣждаютъ крестьянъ въ необходимости крѣпко держаться за земледѣліе, какъ промыселъ наиболѣе вѣрный, отъ котораго, хотя богатъ небудешь, но сытъ будешь скорѣе, чѣмъ отъ другихъ промысловъ.

Любовь олонецкаго крестьянина къ земледѣльческому труду тѣмъ болѣе замѣчательна, что здѣсь этотъ трудъ несравненно тяжеле, чѣмъ въ средней Россіи, или въ плодородныхъ южныхъ степяхъ. Здѣсь земледѣльцу приходится вести упорную и тяжелую борьбу съ такимъ врагомъ культуры, который, въ другихъ мѣстахъ, давно

побѣжденъ и играетъ роль благодѣтельнаго и необходимаго помощника человѣка. Трудность борьбы увеличивается оттого, что и начальство горою стоитъ за крестьянскаго врага, такъ-что земледѣльцу предварительно приходится разными способами усыплять бдительность „недремлющаго ока“, или, въ противномъ случаѣ, подвергаться разорительнымъ штрафамъ. Этотъ врагъ крестьянина—громадный, первобытный лѣсъ.

Вся Олонецкая губернія представляетъ изъ себя возвышенную площадь, сплошь покрытую лѣсомъ. Лѣсная растительность до такой степени сильна, что лѣпится вездѣ, гдѣ отыщетъ для себя хотя-бы на вершокъ подходящей почвы. Озера, въ безчисленномъ множествѣ разбросанныя среди лѣсовъ, хотя и медленно, но постоянно затягиваются болотиною, и на зыбкой поверхности ея появляются низкія и тощія сосны, ростъ которыхъ увеличивается по мѣрѣ утолщенія почвеннаго слоя, покрывающаго озеро. Сосна проникаетъ даже въ ничтожныя ямки и щели гранитныхъ скалъ. Чуть только въ ямки и щели попадетъ мелкій щебень отъ разрушающейся, подъ вліяніемъ морозовъ и солнечнаго зноя, поверхности скалы, едва успѣетъ щебень немного перемѣшаться съ пылью, занесенною вѣтромъ, съ пометомъ птицъ и животныхъ, съ перегноемъ травы и моха,—какъ уже на скалѣ появляется тощая сосна и ростетъ, пока корень находитъ жалкое питаніе въ ничтожномъ слоѣ почвы.

Лѣсъ со всѣхъ сторонъ стѣною окружаетъ малолюдныя олонецкія деревни. Въѣзжая въ здѣшнюю лѣсную деревню, вы видите два-три двора, къ которымъ примыкаютъ небольшія пашни и сѣнокосныя пожни, обнесенныя изгородью изъ кольевъ, или невысокими стѣна-

ми, красиво и прочно сложенными изъ булыжника безъ помощи цемента. А за пожнями прямо начинается лѣсъ, который безъ конца тянется въ глубь сѣвера. Лѣсъ до того одолѣлъ здѣшняго крестьянина, что даже неоставилъ ему свободнаго мѣста для выгона, и скотъ пасется по окраинамъ лѣса. Скудныя сѣнокосныя пожни, съ величайшимъ трудомъ расчищенныя изъ-подъ лѣса, то и дѣло покрываются лѣсною зарослью, и крестьянину вновь приходится очищать ихъ отъ кустарника.

Лѣсъ, состоящій преимущественно изъ сосны и ели, убиваетъ вокругъ себя остальную растительность и обращаетъ почву въ дикое состояніе. Съ хвойныхъ деревьевъ осыпаются на землю иглы, содержащія въ себѣ дубильную кислоту, которая непозволяетъ произрастать травѣ. Отъ этого здѣшніе лѣса покрыты однимъ верескомъ и мохомъ. Кромѣ того, лѣсъ загораживаетъ поверхность земли отъ благотворнаго дѣйствія на нее солнечныхъ лучей, поддерживаетъ въ почвѣ постоянную сырость и холодъ, питаетъ громадныя болота, отъ которыхъ, по почамъ, поднимаются холодные туманы, часто истребляющіе ближайшіе хлѣбные посѣвы.

Кромѣ дикаго лѣса, олонецкій земледѣлецъ ведетъ борьбу и съ другими естественными врагами—съ камнемъ и болотомъ. Волнистая поверхность земли здѣсь, то и дѣло, представляетъ изъ себя или низину, покрытую ни къ чему непригоднымъ болотомъ, или возвышенность, на которой обнажаются громадныя гранитныя скалы, — *щёлья*, какъ ихъ называютъ крестьяне. Земля, удобная для земледѣльческой культуры, выдается небольшими клочками у подножія скалъ и по окраинамъ болотъ, изрѣдка представляя болѣе обширныя, сплошныя пространства на такъ называемыхъ *сельгахъ*. Сележ-

ными мѣстами, сельгами здѣсь называются, разбросанныя среди болотъ, возвышенности, почва которыхъ пригодна для земледѣлія. Впрочемъ, несмотря на удобную почву, не всякая сельга можетъ быть обращена въ культурную землю. Да если и удастся крестьянину отыскать сельгу, пригодную для земледѣльческихъ цѣлей, то онъ можетъ воспользоваться на ней только небольшими клочками. Нужно много знаній и опытности, чтобы найти мѣсто для пашни. Не разъ крестьянинъ обойдетъ и осмотритъ облюбованную имъ сельгу и много передумаетъ прежде, чѣмъ рѣшится расчищать лѣсъ на мѣстѣ, которое, по его замѣчаніямъ, и отъ болотъ удалено, и защищено отъ холодныхъ вѣтровъ, и не слишкомъ сухо, и не мокро, и не особенно завалено камнемъ.

Каменистость почвы представляетъ большое затрудненіе для земледѣльца. Кромѣ болотъ, здѣсь нѣтъ такого мѣста, которое-бы небыло завалено камнемъ. Отъ этого крестьянскія пашни и сѣнокосныя поляны имѣютъ весьма оригинальный видъ, будучи покрыты по бокамъ и въ серединѣ большими кучами валуновъ, собранныхъ съ поля и сложенныхъ въ одно мѣсто. Но сколько крестьянинъ ни выкидываетъ камни, все-таки, болѣе мелкій булыжникъ во множествѣ остается въ пахатной землѣ, среди которой также выступаютъ мѣстами громадные камни, по величинѣ непосильные для человѣка. На очистку поля отъ камней требуется очень много труда, который увеличивается еще оттого, что здѣсь, вслѣдствіе каменистой почвы, необходимо дѣлать весьма рѣдкій посѣвъ, и, слѣдовательно, для посѣва извѣстнаго количества зерна, нужно расчистить гораздо большее пространство земли, чѣмъ въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ камня.

Вслѣдствіе различныхъ причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, у крестьянъ очень мало сѣнокосовъ и полевыхъ пашенъ. Поэтому крестьяне принуждены вести въ лѣсахъ бродячее, подсѣчное хозяйство. Разработка подсѣкъ представляетъ тяжелый, чисто каторжный трудъ, къ которому можетъ побудить человѣка одна безъисходная нужда. Да къ тому-же, этотъ каторжный трудъ сопряженъ съ постояннымъ рискомъ попасть въ руки „охранителей казенныхъ интересовъ“ и окончательно разориться отъ штрафовъ по приговорамъ мировыхъ судей. Но ни тяжесть труда, ни разорительность штрафовъ, — ничто не въ силахъ остановить крестьянина отъ разработки подсѣкъ. Сегодня оштрафованный, онъ завтра-же идетъ съ топоромъ въ лѣсъ, вырубаетъ клочекъ лѣса на сельгѣ, сжигаетъ его и на удобренную золою почву бросаетъ сѣмена. Смотришь,—въ дикомъ лѣсу появилась нивка, зрѣетъ и спѣетъ хлѣбный колосъ, высшая культура проникла въ лѣсную глушь. А носитель и сѣятель высшей культуры, олонецкій мужикъ, опять фигурируетъ въ качествѣ подсудимаго въ камерѣ мироваго судьи, и опять налагаются на него штрафы за самовольную порубку и за лѣсопотребленіе. Но какъ-бы ни разоряли его штрафами, а культурная задача его исполнена: на мѣстѣ нивки, разработанной изъ-подъ хвойнаго лѣса, выростаетъ высшаго сорта лиственный лѣсъ, который опадающими листьями удобряетъ подъ собою почву, и на ней появляется сочная, зеленая трава на смѣну, никуда негоднаго, вереска и моха.

Несмотря на изумительное упорство и героизмъ, которые обнаруживаетъ земледѣлецъ на сѣверѣ, ведя, описанную выше, культурную борьбу, побѣда остается на сторонѣ дикой природы и „охранителя казенныхъ инте-

ресовъ". Крестьянинъ изнемогаетъ въ борьбѣ, годъ отъ году уменьшаетъ запашки, и лѣсная растительность опять начинаетъ покрывать культурныя земли. Слѣдующія цифры, выражающія въ четвертяхъ количество посѣва озимаго и яроваго хлѣбовъ за послѣдніе годы, наглядно показываютъ, какъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе упадаетъ земледѣліе въ Олонецкой губерніи.

Въ	1864	году	посѣяно	180,052 четв.
„	1869	„	„	172,163 „
„	1874	„	„	160,230 „
„	1875	„	„	171,609 „
„	1876	„	„	171,474 „
„	1877	„	„	170,287 „
„	1878	„	„	167,611 „

При такомъ постоянномъ уменьшеніи хлѣбныхъ посѣвовъ, земледѣльцу чистая бѣда и разоренье, если урожай хлѣба будетъ плохой. Крестьянинъ въ силахъ кое-какъ вынести одинъ-два неурожайныхъ года, хотя это и стоитъ ему многихъ лишеній. Но если три года и болѣе продолжаются неурожаи, тогда начинается великое общественное бѣдствіе, надолго разоряющее земледѣльцевъ. Подобное несчастіе выпало на долю Олонецкой губерніи въ послѣдніе годы.

Неблагопріятная погода весною 1876 года уничтожила посѣвы ржи, такъ что озимыя поля были пересѣяны ярью. Но и яровой посѣвъ мало помогъ бѣдѣ, — все-таки, урожай вышелъ самый скудный. Зимою крестьяне терпѣли большую нужду въ хлѣбѣ, однако, кое-какъ пропитывались своими средствами, неприбѣгая къ посторонней помощи.

Весною и въ началѣ лѣта 1877 года, ростъ хлѣбовъ былъ необыкновенно хорошъ, такъ-что ожидали обиль-

наго урожая. Затѣмъ наступила дождливая и холодная погода, продолжавшаяся съ половины лѣта до глубокой осени. Яровые хлѣба почти повсемѣстно недозрѣли, а въ иныхъ мѣстахъ были побиты морозомъ. Зерно овса вышло тонкое и легкое. Рожь также не вполнѣ дозрѣла, да къ тому-же, отъ дождей и вѣтровъ, прилегла къ землѣ и вымокла на корню. По окончаніи жатвы, она долго стояла въ суслонахъ, по случаю дождливой погоды, такъ-что начала прорастать и портиться. Хлѣбъ вышелъ дурной, солодѣлый. Зимою недостатокъ хлѣба обнаружился повсемѣстно въ губерніи и вызвалъ распоряженіе земства о доставкѣ хлѣба въ нуждающіяся мѣстности, для продажи изъ земскихъ запасныхъ магазиновъ. Весною и лѣтомъ 1878 года, обнаружился голодъ въ корельскихъ волостяхъ, Повѣнецкаго уѣзда, такъ-что земство было вынуждено разрѣшить ежемѣсячную выдачу бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ ссуду изъ своихъ запасовъ по 1 пуду муки на взрослаго и по 20 фунтовъ на малолѣтковъ.

Продолжительная и холодная осень 1877 года остановила всходы вновь посѣяннаго озимаго хлѣба, не предвѣщая ничего хорошаго въ будущемъ году. Дѣйствительно, весною оказалось, что озими, посѣянныя недоброкачественными сѣменами прошлогодняго урожая, вышли рѣдки и заросли сорными травами. Къ тому-же, и холодная весна мѣшала всходамъ. Крестьяне потеряли надежду на урожай ржи и сосредоточили всѣ заботы на яровыхъ хлѣбахъ. Къ несчастію, повсемѣстно оказался недостатокъ въ яровыхъ сѣменахъ, такъ-что бѣдные крестьяне были вынуждены покупать ихъ по дорогой цѣнѣ у зажиточныхъ сосѣдей. Лѣтомъ дождливая и холодная погода помѣшала росту хлѣбовъ. Уро-

жай вышелъ очень плохой, зерно тощее и непримолотистое. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, особенно въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, хлѣбъ былъ выбитъ морозомъ.

Крестьяне не въ силахъ были вынести трехгодичный неурожай. Въ началѣ зимы 1878—79 гг., голодъ обнаружился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда и особенно усилился въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Крестьяне стали ѣсть соломенный и даже сосновый хлѣбъ, одинъ видъ котораго возбуждаетъ ужасъ. Читатели могли ознакомиться съ образцами этого хлѣба на антропологической выставкѣ, въ 1879 году. Что-же касается небывшихъ на выставкѣ, то они получатъ полное понятіе о наружномъ видѣ соломеннаго и сосноваго хлѣба, если представятъ себѣ кусокъ высушеннаго коровьяго помета.

Соломенный хлѣбъ приготовляется изъ тщательно просушенной ячменной соломы, которая толчется въ деревянной ступѣ, пока непревратится въ мелкія волокна, и потомъ мелется на ручныхъ жерновахъ, съ примѣсью четвертой части ржи, или ржаной муки. Крестьяне, болѣе зажиточные, смѣшиваютъ солому и ржаную муку по равному количеству. Если нужда такъ велика, что нѣтъ и ячменной соломы, то для хлѣба употребляется ржаная солома. Ржаной колосъ, вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ находящихся въ немъ сѣмянъ, толкутъ въ ступѣ и затѣмъ, неразмалывая, пекутъ изъ толченой мякины хлѣбъ, безъ прибавки муки. Если-же въ колосѣ нѣтъ сѣмянъ, то прибавляютъ на десять фунтовъ соломы три фунта муки. Хлѣбъ изъ ржаной соломы выходитъ жесткій и отвратительнаго вкуса.

Бѣдствія голода еще неокончаются употребленіемъ въ пищу хлѣба изъ ржаной соломы. Весною дѣло доходитъ до того, что и ржаной соломы негдѣ взять. Тогда

крестьяне начинаютъ питаться хлѣбомъ изъ сосновой коры. Съ сосны сдираютъ кору и отдѣляютъ внутреннюю, бѣловатую оболочку, которая высушивается и потомъ прожаривается на горячихъ угольяхъ, чтобы „смолистый духъ выгорѣлъ“. Когда кора покраснѣетъ отъ дѣйствія жара, ее толкутъ и мелютъ, какъ ячменную солому, съ примѣсью четвертой части ржаной муки. Только самыя здоровыя натуры могутъ вынести употребленіе сосноваго хлѣба. Обыкновенно-же съ полною вѣроятностію можно считать обреченнымъ на смерть всякаго, кто доведенъ нуждою до такой пищи.

Между тѣмъ, нужда идетъ еще далѣе. У крестьянина нѣтъ ни соломы, ни ржаной муки,—и тогда онъ прибѣгаетъ къ послѣднему, ужасному средству въ борьбѣ со смертію. Въ сосновую муку, приготовленную безъ примѣси ржи, вливаютъ немпого молока, такъ-что образуется густая каша. Кто началъ ѣсть сосновую кашу, вмѣсто хлѣба, тотъ болѣе не жилецъ на свѣтѣ.

Лица, посѣтившія Повѣнецкій уѣздъ зимою 1878—79 гг., разсказывали, что у нихъ сердце обливалось кровью, глядя на поразительные ужасы голода. Ихъ, буквально, осаждали толпы голодныхъ, выпрашивавшихъ корку хлѣба. Вездѣ повторялись сцены голода, бывшаго въ 1867 году, когда, по оффиціальному свидѣтельству чиновниковъ повѣнецкой полиціи, во время сбора податей, плательщики просили у нихъ милостыню,—копѣйку, или кусокъ хлѣба, „ради Христа“.

Къ концу зимы, во всей губерніи хлѣбные запасы стали истощаться, какъ въ земскихъ магазинахъ, такъ и у купцовъ. Торговцы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для своей выгоды и безсовѣстно подняли цѣну на хлѣбъ. Даже въ Петрозаводскѣ, къ веснѣ, цѣна на

хлѣбъ дошла до 12-ти рублей за куль, а бѣднякамъ продавалась въ разновѣску по 1 рублю 50 коп. за пудъ. Въ деревняхъ ржаная мука, самаго дурнаго качества, продавалась по 14 и 15 рублей за куль, а въ разновѣску по 2 рубля за пудъ.

Тогда поднялся общій ропотъ на земство. Говорили, что земствомъ заправляетъ шайка торговцевъ, которая, будто-бы, нарочно истощила земскіе запасы продажею хлѣба состоятельнымъ лицамъ, и даже купцамъ, чтобы самимъ и своимъ родственникамъ воспользоваться барышами отъ возвышенія цѣны на хлѣбъ въ частной продажѣ. Конечно, эти толки ничѣмъ неподтвердились, и мы упоминаемъ о нихъ лишь съ тою цѣлью, чтобы показать, каково мнѣніе крестьянъ и болѣе интеллигентнаго общества о земскихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ. Однако, упреки, дѣлаемые земству, лишены нѣкотораго основанія въ томъ отношеніи, что земство непозаботилось предупредить возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ заблаговременною заготовкою достаточнаго количества хлѣба по дешевой цѣнѣ.

Вообще, на сѣверѣ дешевый хлѣбъ составляетъ самую насущную потребность населенія, потому-что, пожалуй, никто такъ сильно неразоряетъ края, какъ торговцы, сбывающіе населенію дурной хлѣбъ по баснословно дорогой цѣнѣ. Въ виду этого, одною изъ главныхъ задачъ земства здѣсь должна быть борьба съ эксплоатаціею населенія со стороны хлѣбныхъ торговцевъ. Земство и теперь постоянно продаетъ хлѣбъ крестьянамъ,— безъ этого нельзя обойтись на сѣверѣ. Но оно должно было-бы расширить свои операціи, а главное дѣло— поставить себѣ задачею снабженіе населенія хорошимъ хлѣбомъ по столь дешевой цѣнѣ, чтобы барышъ хлѣб-

ныхъ торговцевъ, конкуррирующихъ съ земствомъ, былъ пониженъ до послѣдней возможности. Къ сожалѣнію, хлѣбныя операціи олонецкаго земства вообще неудачны, да къ тому-же исторія земства представляетъ немало примѣровъ помощи, оказанной со стороны земства хлѣбнымъ торговцамъ въ ущербъ интересамъ населенія.

Тяжело жилось крестьянину въ 1879 году, а въ будущемъ его ожидало еще болѣе нужды и горя. Хлѣбъ опять неуродился. Все лѣто 1879 года было холодное, вѣтреное и дождливое. Около 20-го іюня, холода дошли до того, что мѣстами выпалъ иней, а мѣстами были настоящіе заморозки. Озими были попорчены,— зерно уродилось тощее, негодное на сѣмена, а въ иныхъ колосьяхъ совсѣмъ небыло зеренъ.

Въ 1880 году снова былъ неурожай. Наступилъ пятый неурожайный годъ сряду. Неурожай былъ такъ великъ, что крестьяне, вскорѣ послѣ посѣва озимыхъ полей, обратились къ покупкѣ привознаго, кулеваго хлѣба. Между тѣмъ, дороговизна росла съ необычайною быстротою, и хлѣбные торговцы наживали громадные барыши. Имъ самимъ ржаная мука обошлась недороже 10 и 10 рублей 50 копѣекъ, а они, уже осенью, продавали ее по 18 рублей; когда-же приходилось спускать хлѣбъ, въ счетъ заработной платы, рабочимъ на лѣсныхъ заготовкахъ, то купцы ставили его крестьянамъ по 20 рублей за куль. Въ разновѣску торговцы продавали муку по 2 руб. 20 коп. и по 2 руб. 40 коп. за пудъ.

Крестьяне, разоренные предшествующими неурожаями, неимѣли средствъ на покупку хлѣба, а тутъ еще пришла пора платить подати за вторую половину 1880 года. Полиція знать нехотѣла крестьянской нужды и производила взысканіе обычными, крутыми мѣрами. Поли-

цейскіе чиновники экзекуціями понуждали крестьянъ къ уплатѣ податей и для этого разъѣзжали по селеніямъ съ полнымъ составомъ волостныхъ судей и съ цѣлымъ штабомъ полицейскихъ властей.

Между тѣмъ, крестьяне, для покупки хлѣба и для уплаты податей, были принуждены обратиться къ распродажѣ рабочаго скота. Эта распродажа велась съ такимъ-же быстрымъ и блистательнымъ успѣхомъ, какъ и сборъ податей. Осенью и зимою крестьяне такъ много распродали скота, что мясо дошло до баснословной дешевизны: съ 12-ти коп. цѣна упала до 8-ми коп. за фунтъ самаго лучшаго мяса. Вмѣстѣ со скотомъ, продавалось и заготовленное на зиму сѣно, которое также шло за безцѣнокъ, не дороже 5-ти копѣекъ за пудъ. Къ тому-же, у крестьянъ много пало скота отъ голода и эпизоотій. Зимою, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, околѣвшія отъ голода, лошади валялись по дорогамъ. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ были селенія, въ которыхъ неосталось ни одной штуки скота,—ни лошадей, ни коровъ. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ скота, и цѣна на мясо стала подниматься, такъ-что съ 8-ми коп. дошла, въ іюнѣ, до 17-ти коп. за фунтъ.

Мѣстные дѣятели или незнали дѣйствительнаго положенія населенія, или нехотѣли сознаться, что оно не укладывается подъ обычную мѣрку благополучія и, попадѣвшись на русское *авось*, нетолько непріняли никакихъ мѣръ для помощи крестьянскому населенію, а напротивъ, предъявили къ послѣднему такія требованія, исполненіе которыхъ возможно только въ самые счастливые годы народнаго благоденствія. Губернія пострадала отъ неурожая, а мѣстная администрація, какъ видно изъ *Правительственнаго Вѣстника*, увѣряла правя-

тельство, что урожай яровыхъ хлѣбовъ былъ *удовлетворительный*, а урожай озимыхъ—*посредственный*. Пострадавшее отъ неурожая, населеніе нуждалось въ продовольствіи и облегченіи по уплатѣ казенныхъ сборовъ; вмѣсто того, подати взыскивались съ обычными строгостями, при помощи экзекуцій. Земство обязано было сдѣлать значительную покупку хлѣба, для удешевленной продажи и раздачи въ ссуду, а также заготовить сѣмена для будущихъ посѣвовъ. На самомъ-же дѣлѣ, оно сдѣлало ничтожную заготовку муки и, непозаботившись о сѣменахъ, обложило крестьянъ новымъ налогомъ на обезпеченіе народнаго продовольствія во время будущихъ неурожаевъ,—какъ будто населеніе нетолько не испытывало нужды, но еще имѣло у себя избытки!

Между тѣмъ, осенью 1880 года, какъ только закрылась навигація по Онежскому озеру и каналамъ Маріинской системы, такъ-что доставка хлѣба въ Олонецкую губернію сдѣлалась невозможною, тотчасъ обнаружилась нужда въ продовольствіи и начался ропотъ въ населеніи. Ужасающая дороговизна хлѣба принудила петрозаводскую городскую думу издать обязательное постановленіе, воспрещающее частнымъ торговцамъ продавать ржаную муку дороже 18-ти рублей за куль и 2-хъ руб. за пудъ. Эта мѣра имѣла самый чрезвычайный характеръ и могла быть принята неиначе, какъ подъ сильнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Между тѣмъ, она доказывала только общественное безсиліе въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ, такъ-какъ допускала и узаконяла невозможныя цѣны на хлѣбъ. Но торговцы считали и это обязательное постановленіе думы, все-таки, нарушающимъ ихъ интересы и старались поднять цѣну на хлѣбъ еще выше, такъ-что приходилось судомъ обуз-

дывать ихъ торгашескую алчность. Напримѣръ, купецъ П. О. Тихоновъ былъ оштрафованъ 25-ю рублями за нарушеніе обязательнаго постановленія думы.

Народное возбужденіе, вызванное нуждою въ хлѣбѣ, возросло до такой степени, что на петрозаводскихъ улицахъ были наклеены рукописные листки, малограмотность которыхъ указывала на ихъ мѣстное происхожденіе, вѣроятно, изъ среды рабочаго класса. Въ нихъ заключался укоръ правительственной администраціи въ томъ, что она оказываетъ поблажку земскимъ дѣльцамъ, которые незаботятся о народномъ продовольствіи и равнодушно смотрятъ, какъ въ земскихъ запасахъ осталась одна *гниль да плѣсень*.

Этотъ укоръ администраціи можетъ показаться весьма страннымъ и непонятнымъ для читателей, которые привыкли отовсюду слышать жалобы не на поблажку, а на противодѣйствіе земству со стороны администраціи. Для объясненія этой странности нужно замѣтить, что въ Олонецкой губерніи нѣтъ дворянскаго представительства, и предсѣдатели земскихъ собраній назначаются изъ чиновниковъ, по указанію губернатора. Обыкновенно, губернаторъ, съ утвержденія министра, назначаетъ, для предсѣдательствованія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Хотя выборъ непремѣнныхъ членовъ и принадлежитъ земству, но всегда дѣло устраивается какъ-то такъ, что выборы въ земскихъ собраніяхъ оказываются несостоявшимися. Оттого почти всѣ непремѣнные члены назначаются на должности не по земскому выбору, но по указанію губернатора изъ преданныхъ ему административныхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, непремѣнные члены, назначаемые

предсѣдателями въ земскихъ собраніяхъ, вполнѣ зависятъ отъ губернатора, а съ другой стороны, земскіе гласные,—въ громадномъ большинствѣ крестьяне и притомъ волостные старшины и писаря,—находятся въ зависимости отъ непремѣнныхъ членовъ.

Есть и другія, очень сильныя связи между администраціей и земствомъ, какихъ, во всей Россіи, несуществуетъ нигдѣ, кромѣ Олонецкой губерніи..... Поэтому укоръ послѣдней за поблажку земскимъ дѣльцамъ имѣетъ для олончанъ весьма понятный смыслъ.....

Губернская земская управа, встревоженная появившимися на улицахъ листками, въ ноябрѣ поспѣшила успокоить, болѣе волновавшееся, городское населеніе, разрѣшивъ отпускъ муки для бѣднѣйшихъ городскихъ жителей по заготовочной цѣнѣ, т.-е. по 13 рублей за куль, вмѣсто 18 рублей, какъ было въ частной продажѣ. Это распоряженіе касалось однихъ только городскихъ жителей, но нераспространялось на крестьянъ, о которыхъ мало заботились, такъ-какъ считали ихъ людьми болѣе спокойными и терпѣливыми. И дѣйствительно, крестьяне безропотно терпѣли все,—продавали послѣднюю скотину, платили подати, покупали у торговцевъ ржаную муку по 2 рубля 20 коп. и 2 рубля 40 коп. за пудъ,—а все-таки терпѣли. Впрочемъ, и крестьяне, еще съ осени, начали заявлять начальству ходатайства о продажѣ имъ муки изъ земскихъ запасовъ, но удовлетворенія неполучали. Только съ февраля, наконецъ, земство разрѣшило отпускъ муки въ волостные запасы. До какой степени велика была нужда въ хлѣбѣ и какъ недостаточны были земскія запасы, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. На Пасхѣ крестьяне толпами, человѣкъ по 50, ежедневно приходили, за 30 и болѣе

верстъ, въ Сямозеро за мукою, но, по словамъ очевидцевъ, возвращались *со слезами*, исключая немногихъ счастливцевъ, которымъ, изъ жалости, продавали до 10 фунтовъ. Не въ лучшемъ положеніи находился и Спасогубскій запасный магазинъ, не вдалекѣ отъ котораго умеръ голодною смертью крестьянинъ деревни Пялозера, Дубинъ. Передъ Пасхою, Дубинъ купилъ 4 фунта муки на все семейство, состоящее изъ 4 душъ, и питался кое-какъ до 17-го апрѣля, когда, наконецъ, протянулъ ноги отъ голода.

До какой небывалой степени дошла нужда въ хлѣбѣ лѣтомъ 1881 года, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщенныхъ мѣстнымъ мировымъ судьею Ѳ. С. Давыдовымъ. Такъ-называемое *Заонежье*, состоящее изъ двухъ волостей—Толвуйской и Великогубской, издавна считается въ Петрозаводскомъ уѣздѣ хлѣбною житницею. Тамъ урожаи всегда бываютъ прекрасные; населеніе, благодаря хлѣбопашеству и выгоднымъ промысламъ, живетъ въ сравнительномъ довольствѣ; недостатка хлѣбныхъ запасовъ здѣсь никогда небывало. Но теперь населеніе Толвуйской волости считало своимъ благодѣтелемъ лѣсопромышленника Захарьина только за то, что у него былъ запасъ муки. Между тѣмъ, этотъ благодѣтель продавалъ крестьянамъ, въ куляхъ вѣсомъ отъ 6 до 8 пудовъ, подмоченную муку по такой же цѣнѣ, по какой въ Петрозаводскѣ продавалась хорошая мука въ куляхъ 9-типудоваго вѣса. Въ Великогубской волости было заготовлено земствомъ 500 кулей, да крестьяниномъ Михеевымъ для продажи 1,500 кулей муки. Въ маѣ всѣ эти запасы истощились, и началась спѣшная доставка земской муки весенней заготовки. „14-го іюня,—разсказываетъ г. Давыдовъ,—я былъ свя-

дѣтелемъ, какъ къ пріѣзду парохода собралось до 70 подводъ и человѣкъ полтораста безъ лошадей. Всѣ они пріѣхали и пришли за земской мукою, которую ожидали на пароходѣ. Каково же было разочарованіе ихъ, когда узнали, что на пароходѣ пришли только 20 мѣшковъ для крестьянина Михеева!... Земская мука, доставленная 31-го мая и 7-го іюня, была разобрана въ тотъ же день. 8-го іюня, въ 10 часовъ утра, собралось до 40 человѣкъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ деревень: Корасъозера, Мяргозера, Берковицъ и др., но уже ненашли, привезенной наканунѣ, земской муки и вернулись домой голодать на цѣлую недѣлю".

Не менѣе сильную нужду въ хлѣбѣ испытывали крестьяне въ Кондопожской волости. Напримѣръ, въ деревнѣ Лычномъ Островѣ крестьяне отдавали за муку свои хлѣбные посѣвы. „До какой крайности дошло дѣло,—разсказываетъ г. Давыдовъ,—видно изъ того, что, въ первой половинѣ іюня, волостной старшина Веденеевъ везъ въ свою деревню Кокосельгу 8 кулей муки, но транспортъ его былъ остановленъ крестьянами деревни Ершевъ и весь растащенъ, такъ-что въ Кокосельгу не попало ни пылинки изъ 8 кулей. Ранѣе этого приходилъ къ старшинѣ одинъ крестьянинъ, который просилъ муки, говоря, что голодаетъ уже три дня. Жена старшины сказала ему, что муки нѣтъ, но крестьянинъ легъ на крыльцѣ дома и объявилъ, что несойдетъ съ мѣста, пока или неумретъ съ голоду, или непродадутъ ему муки. Тогда только ему продали полпуда муки".

Въ другихъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда крестьяне голодали точно такъ же. Напримѣръ, въ началѣ весны, изъ Шокшинскаго училища вышли 9 учениковъ, чтобы собирать по міру милостыню, а 8 учениковъ взяты ро-

дителями до окончанія ученья и отданы, отъ нужды, въ подпаски. Въ деревнѣ Викшицахъ, по выраженію мѣстныхъ жителей, крестьянки разучились печь хлѣбы изъ цѣльной муки: имъ случалось голодать по двое сутокъ. „Въ деревнѣ Ложевской,—разсказываетъ г. Давыдовъ,—крестьянка Порохова, имѣющая семью изъ 7 душъ при одномъ работникѣ, приходила, передъ Петровымъ днемъ, къ дьячку Дубровскому и просила сколько-нибудь муки, или денегъ подъ работу, говоря, что семья голодаетъ два дня. Но дьячекъ отказалъ въ просьбѣ, потому что у него самого продана половина скота. Съ мая голодные крестьяне, цѣлыми толпами, человѣкъ до 100, стали приходить въ Петрозаводскъ съ ходатайствомъ о выдачѣ муки въ ссуду. Ихъ выпроваживали изъ города или полицейскими мѣрами, или обѣщаніемъ, что хлѣбъ будетъ доставленъ ранѣе, чѣмъ они прибудутъ въ свои деревни. Такихъ случаевъ было уже до десяти, и всякій разъ крестьяне проводили по два, по три дня голодными, недобившись отъ земства ничего“.

Несмотря на все это, казалось, для голодающаго края было мало несчастій, которыя пришлось терпѣть ему подрядъ въ теченіе пяти лѣтъ. Надъ нимъ собралась новая туча, до того страшная, что даже безпечальное земство встрепенулось и струсило.

1-го іюля 1881 года, въ Петрозаводскѣ, въ губернской земской управѣ, собралась „небольшая, но честная компанія“ земскихъ гласныхъ. Ихъ было всего 10 человѣкъ, и все подобранъ больше народъ сѣрый, загнанный, подначальный,—нѣсколько чиновниковъ, да крестьяне и мелкіе купцы. Среди нихъ скромнѣе и незамѣтнѣе всѣхъ казался, назначенный по волѣ начальства, предсѣдатель земскаго собранія. Въ противопо-

ложность ему, предсѣдатель управы г. С. держалъ себя болѣе, чѣмъ развязно, и гласные, не то съ какимъ-то недоумѣніемъ, не то съ робостью, прислушивались къ шумному разговору его съ любезнымъ родственникомъ по женѣ, вытегорскимъ купцомъ М.

Наконецъ, разговоры смолкли. Въ собраніе вошелъ губернаторъ. Голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, онъ прочиталъ по тетрадкѣ *рѣчь*.

„Изъ имѣющихся у меня и въ губернской земской управѣ свѣдѣній видно,—читалъ, между прочимъ, г. Григорьевъ,—что продолжительная и холодная весна неблагопріятно повліяла на произрастаніе хлѣбовъ въ настоящее лѣто. Часть озимей, отъ долгаго лежанія на нихъ снѣга, погнила; уцѣлѣвшія же озими и яровые посѣвы, вслѣдствіе засухи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи, остановились въ ростѣ и, развѣ только нынѣ, отъ бывшихъ въ послѣднее время дождей, поправились. По случаю небывалыхъ еще, крайне дорогихъ цѣнъ на хлѣбъ, *экономическій упадокъ чувствуется въ нашемъ краѣ*“.

Прочитавъ свою рѣчь, губернаторъ объявилъ земское собраніе открытымъ и поспѣшилъ уѣхать домой.

Собраніе началось чтеніемъ доклада управы о томъ, что виды на будущій урожай плохи, и потому всѣ уѣздныя управы сдѣлали заявленія о заготовкѣ муки, для обезпеченія населенія продовольствіемъ, въ двойномъ размѣрѣ противъ прошлаго года. Основываясь на заявленіяхъ уѣздныхъ управъ, нужно было заготовить 57,000 кулей муки, на сумму 740,000 рублей. Собраніе пришло въ ужасъ отъ такой громадной суммы. Всѣ согласились, что нужно быть, по возможности, экономнѣе и уменьшить заготовку муки.

Одинъ изъ гласныхъ говорилъ:

— Мнѣ кажется, для Петрозаводскаго уѣзда требуютъ слишкомъ много муки. Можно было бы уменьшить заготовку тысячи на три, или даже на четыре тысячи кулей.

— Конечно, слѣдуетъ уменьшить,—съ радостью соглашалось собраніе.

— Ужь если уменьшать,—подхватывалъ другой гласный,—то уменьшимъ заготовку и для Повѣнецкаго уѣзда, примѣрно, тысячъ на пять кулей. Повѣнецкая управа—эвона! сколько хватила,—20,000 кулей!... Авось, Богъ милостивъ, и съ пятнадцатью тысячами обойдутся...

— Сократить, сократить!—торопливо соглашалось собраніе.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, „небольшая, но честная компанія“ сократила заготовку хлѣба до 46,000, вмѣсто 57,000 кулей. Но затѣмъ явилась новая бѣда: откуда взять денегъ на хлѣбъ, когда свободнаго, губернскаго, продовольственнаго капитала было только 140,000 рублей? Сколько гласные ни ломали головы, а немогли придумать ничего иного, какъ только просить правительство о ссудѣ въ полмилліона рублей.

Покончивши съ дѣломъ, собраніе перешло къ забавѣ. Началась травля газетнаго корреспондента. Дѣло въ томъ, что, мѣсяца два назадъ, въ *Голосѣ* появилась телеграмма Ѳ. С. Давыдова, служившаго мировымъ судьею въ Петрозаводскомъ уѣздѣ. Въ этой телеграммѣ сообщалось, что въ Петрозаводскомъ уѣздѣ голодъ, отъ котораго, между прочимъ, умеръ крестьянинъ деревни Пялотера, Дубинъ. Вотъ изъ-за этого и загорѣлся сыръ боръ.

Г. Давыдовъ имѣлъ полное основаніе утверждать, что смерть Дубина произошла отъ голода, потому-что, кромѣ

общей молвы объ этомъ, въ рукахъ его находилась копія съ слѣдующаго оффиціальнаго акта.

„1881 года апрѣля 20-го дня. Деревня Пялозеро. Полицейскій урядникъ 5-го участка, 1-го стана Петрозаводскаго уѣзда постановилъ настоящій протоколъ въ слѣдующемъ. Прибывъ сего числа въ деревню Пялозеро-Сѣверное, крестьянская вдова Марѳа Тимоѳеева Дубина заявила, что мужъ ея Тимоѳей Филипповъ Дубинъ умеръ 17-го сего апрѣля, по случаю неполнаго употребленія пищи, по случаю бѣдности; и жена его Марѳа Дубина заявила, что и она приметъ ту же участь, если небудетъ ни откуда помощи для поддержанія ея семейства“.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ телеграммы Давыдова, на столбцахъ *Голоса* появилась новая телеграмма, подписанная предсѣдателемъ Олонецкой губернской земской управы и предсѣдателемъ Петрозаводской уѣздной земской управы. „Телеграмма мироваго судьи Давыдова о голодѣ въ Петрозаводскѣ и Петрозаводскомъ уѣздѣ положительно ложна. Крестьянинъ Дубинъ, о которомъ идетъ рѣчь въ телеграммѣ Давыдова, 65-тилѣтній старикъ, имѣя лошадь и корову *) и проживая въ 15 верстахъ отъ мѣста расположенія земскаго запаса **), не могъ умереть отъ голода. Онъ умеръ отъ простуды, проболѣвши около 10 дней, что удостовѣряется произведеннымъ дознаніемъ... Оставляя за собою право преслѣдовать мироваго судью Давыдова за взведенную имъ на земство клевету, покорнѣйше просимъ, какъ редак-

*) Лошадь продавалась Дубинымъ, но, такъ-какъ была больна мегницею, то никто несоглашался купить ее; что касается коровы, то она составляла приданое, выданной въ замужество, дочери, которою была дана на время для прокормленія, потому-что Дубины неимѣли своей коровы.

**) Земской муки въ Спасогубскомъ магазинѣ небыло въ Пасху, когда умеръ Дубинъ.

цію *Голоса*, такъ и другія газеты, напечатать настоящее опроверженіе".

По поводу этой телеграммы, въ *Голосѣ* (№ 203) появилась передовая статья, разъясняющая, „что голодъ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ невыдуманъ мировымъ судьею Давыдовымъ, а былъ дѣйствительно, что народъ, во многихъ волостяхъ, дѣйствительно, терпѣлъ нетолько недостатокъ въ хлѣбѣ, а настоящій голодъ, что это бѣдствіе произошло отъ невниманія къ народнымъ нуждамъ мѣстнаго земства и мѣстной администраціи, что крестьянинъ Дубинъ умеръ не отъ простуды, а отъ голода, что полицейское дознаніе о его смерти было произведено съ намѣреніемъ скрыть дѣйствительную причину его смерти и т. п." Обращаясь къ угрозѣ Савельева возбудить судебное преслѣдованіе противъ г. Давыдова за клевету, *Голосъ* высказывалъ, что, въ данномъ случаѣ, земство будетъ имѣть дѣло не съ однимъ Давыдовымъ. „Мы,—писалось въ передовой статьѣ,—должны были также явиться на судъ. Съ массою имѣющихся у насъ документовъ мы надѣялись оградить, на будущее время, русскія газеты отъ опроверженій, присылаемыхъ должностными лицами,—опроверженій, отрицающихъ дѣйствительно происшедшіе факты и заключающихъ въ себѣ положительную ложь". Обращаясь затѣмъ къ сообщенію г. Давыдова, „оказавшемуся совершенно правдивымъ", *Голосъ* замѣчаетъ: „правдивость эту мы имѣемъ возможность доказать хлѣбомъ, которымъ питались люди и который трудно отличить отъ навоза; мы можемъ представить документы, нетолько писанные, но и печатные, документы, наконецъ, оффиціальные, свидѣтельствующіе, что г. Давыдовъ, своимъ сообщеніемъ, оказалъ услугу, достойную признательности".

Такимъ образомъ, предсѣдатель губернской упр[illegible] попалъ въ очень непріятную исторію, въ которой былъ виноватъ онъ одинъ, а никакъ не олонецкое земство, избравшее его своимъ представителемъ. Вотъ это-то одинокое положеніе въ щекотливомъ и непріятномъ дѣлѣ очень сильно тяготило его. По пословицѣ „на міру и смерть красна“, онъ задумалъ втянуть земство въ свои личныя дрязги и запутать его въ распрю съ газетнымъ корреспондентомъ. Въ этихъ видахъ, земскому собранію былъ представленъ докладъ губернской земской управы, составленный въ слѣдующемъ смыслѣ.

„Губернская земская управа, принимая на видъ, что извѣстіе Давыдова положительно ложно, какъ доказано оффиціальнымъ опроверженіемъ и какъ убѣдилось теперь собраніе; что Давыдовъ, по мнѣнію управы, достаточно обезпеченъ, чтобы писать изъ-за гонорара, и однако пишетъ; и что все это показываетъ систематическое преслѣдованіе печатью дѣятельности олонецкаго земства,—представляетъ объ этомъ на благоусмотрѣніе земскаго собранія“.

Едва окончилось чтеніе доклада, какъ раздался сильно возбужденный голосъ купца М., какъ будто заряженная пушка разразилась выстрѣломъ. Обращаясь къ любезному редственнику, предсѣдателю управы, онъ запальчиво предложилъ вопросъ:

— Прежде всего я желалъ-бы знать: отъ правительства Давыдовъ мировымъ судьею, или по выборамъ?

— Отъ правительства, — отвѣчалъ предсѣдатель управы, среди гробовой тишины въ собраніи, которое конфузливо прислушивалось къ семейному разговору о личномъ дѣлѣ предсѣдателя.

— Сколько жителей въ участкѣ Давыдова?—продолжалъ М. допрашивать своего родственника.

— Тысячъ до двѣнадцати.

— Я, да и всѣ мы, господа, какъ жители Олонецкой губерніи, которую одинаково любимъ... я нахожу, что здѣсь личности ни причемъ, что гнусною телеграммою Давыдова нанесена обида цѣлому учрежденію.

Въ собраніи, попрежнему, царствовало молчаніе, которое было прервано замѣчаніемъ предсѣдателя управы:

— Мое дѣло было доложить собранію, а какъ оно знаетъ, такъ пусть и поступаетъ.

— Надѣюсь, господа, — продолжалъ М. подзадоривать собраніе, — что всѣ вы раздѣляете мой взглядъ. Я полагаю, что такъ-какъ Давыдовъ назначенъ отъ правительства, то донести министру юстиціи, чтобы...

— Нѣтъ, на это мы неимѣетъ права, — скромно прервалъ рѣчь предсѣдатель управы.

— Но если мировой судья Давыдовъ гнусно солгалъ, что Дубинъ умеръ отъ голода, если онъ этимъ вызвалъ движеніе, то спрашивается, что-же онъ дѣлаетъ съ 12-ю тысячами, которыя ввѣрены ему правительствомъ. Я подозрѣваю...

— Нѣтъ, это ненужно,—съ мольбою въ голосѣ говорилъ предсѣдатель управы.

— Вѣдь, онъ можетъ быть снова назначенъ правительствомъ въ Западный край. Поэтому, чтобы правительство знало, я полагаю донести министру юстиціи.

— Нѣтъ, пусть судъ окончательно рѣшитъ дѣло.

— Господа!—взывалъ неумолимый М.—Ему ввѣрены двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Я подозрѣваю...

— Иванъ Михайловичъ!—умолялъ предсѣдатель управы.—Этого ненадо.

Семейная сцена была прервана предсѣдателемъ собранія, который обратился къ гласнымъ съ вопросомъ:

— Законно-ли будетъ возбуждать преслѣдованіе?

Гробовое молчаніе, длившееся двѣ минуты, было отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Молчаніе-же, по словамъ юристовъ, есть ничто иное, какъ выраженіе согласія. Такъ понялъ его предсѣдатель собранія и обратился къ гласнымъ съ слѣдующими словами:

— Итакъ вопросъ конченъ на томъ, что уполномочить управу возбудить судебное преслѣдованіе противъ мироваго судьи Давыдова за клевету.

У гласныхъ не поднялся языкъ сказать „да“, и они молчаливымъ наклоненіемъ головы дали свое согласіе. Только одинъ гласный, крестьянинъ Коротяевъ, какъ будто умывая руки въ этомъ дѣлѣ, робко промолвилъ:

— Ну, къ чему отдавать его подъ судъ, когда въ сентябрѣ, все равно, мы вытурнимъ его!

Это замѣчаніе осталось безъ всякаго отклика, и чрезъ нѣсколько минутъ собраніе разошлось.

По обыкновенію, судъ не скоро разобралъ распрю земства съ газетнымъ корреспондентомъ. Давыдовъ цѣлый годъ „состоялъ подъ судомъ“. Наконецъ, онъ дождался и суда надъ собою. Прокурорская власть отказалась отъ обвиненія, и судъ вполнѣ призналъ правоту Давыдова.....

Глава вторая.

МУЖИЦКАЯ КУЛЬТУРА

И

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Хлѣбные неурожаи, бывшіе въ Олонецкой губерніи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, имѣютъ нѣкоторыя мѣстныя особенности, которыя указываютъ на необходимость углубиться далѣе, при изслѣдованіи причины періодическихъ голодовокъ. Въ этихъ видахъ, мы, прежде всего, обратимъ вниманіе на оффиціальныя, статистическія данныя о степени урожая главнѣйшихъ хлѣбныхъ растеній. Въ самые неблагопріятные годы, степень урожая, въ среднемъ выводѣ по цѣлой губерніи, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.
Урожай ржи . .	$2^{9}/_{10}$ „	$4^{3}/_{10}$ „	$3^{6}/_{10}$ „	$3^{3}/_{10}$ „
„ овса . .	3 „	$3^{6}/_{10}$ „	$3^{8}/_{10}$ „	$4^{2}/_{10}$ „
„ ячменя .	$3^{2}/_{10}$ „	$3^{5}/_{10}$ „	$3^{9}/_{10}$ „	4 „

Урожай — самъ 3-4 есть явленіе обыкновенное въ Россіи. Во многихъ губерніяхъ такой урожай считается посредственнымъ и почти нигдѣ недоводитъ населеніе до голодовки, какъ въ Олонецкой губерніи. Уже это одно показываетъ, что причина голодовокъ заключается не въ скудости урожаевъ, но въ другихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть обнаружены только при подробномъ изслѣдованіи положенія земледѣльческаго населенія. Къ сожалѣнію, для этого собрано слишкомъ мало данныхъ. Къ тому-же и тѣ данныя, какія есть, отличаются неполнотою и отрывочностью, отчего очень затруднительно пользоваться ими. Только по одному

Олонецкому уѣзду собраны болѣе полныя и подробныя статистическія свѣдѣнія, которыя позволяютъ, при изслѣдованіи положенія земледѣльческаго населенія въ этомъ уѣздѣ, сдѣлать нѣкоторые интересные наблюденія и выводы.

Олонецкій уѣздъ занимаетъ пространство въ 8,113½ квадратныхъ верстъ, невключая сюда внутреннихъ водъ. Наличное, городское и сельское населеніе уѣзда простиралось въ 1873 году до 15,848 мужчинъ и 17,527 женщинъ, всего 33,375 душъ. Слѣдовательно, на каждую квадратную версту приходится 4,1 жителя. Сельское населеніе состоитъ исключительно изъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ считается 14,424 ревизскихъ души, а наличныхъ—14,923 мужчинъ и 16,518 женщинъ. Крестьяне живутъ малолюдными и отдаленными другъ отъ друга поселками. Всѣхъ селеній считается 532, а дворовъ въ нихъ 5,728; значитъ, на каждое селеніе приходится менѣе 11 дворовъ, а жителей на каждый дворъ около 5½ душъ. Крестьяне еще неполучили владѣнныхъ записей на землю, которая вся считается казенною собственностью. Казнѣ принадлежатъ 839,308 десятинъ,—въ томъ числѣ 209,270 десятинъ неудобной земли. За исключеніемъ крестьянскихъ угодій, все остальное пространство удобной земли покрыто лѣсомъ.

Довольно вѣрное въ общихъ чертахъ, наглядное понятіе объ экономическомъ положеніи населенія даетъ обычная пища его. Какова пища человѣка, таковъ весь бытъ его. Пища служитъ самымъ надежнымъ указателемъ,—чѣмъ богатъ человѣкъ и чѣмъ онъ бѣденъ. Поэтому для насъ очень важно и интересно знать, что въ Олонецкомъ уѣздѣ, да и во всей губерніи, крестьяне

такъ мало ѣдятъ мяса, что почти незнаютъ вкуса его, но за то большіе охотники до рыбы. Въ этомъ отношеніи, народный вкусъ всего замѣтнѣе на домашней прислугѣ, которую горожане нанимаютъ прямо изъ деревни. Въ первое время по пріѣздѣ изъ деревни, прислуга бываетъ крайне недовольна мясною пищею, мало и какъ-бы насильно ѣстъ ее, съ отвращеніемъ отзываясь о мясѣ: „хоть-бы вѣкъ его небыло“. Она чувствуетъ себя голодною, и имѣетъ скучный, недовольный видъ, если хозяинъ, нарочно для нея, непокупаетъ дешевой, плохой рыбы. Но чрезъ нѣсколько времени прислуга привыкаетъ къ мясу и удивляется, какъ это раньше она могла чувствовать отвращеніе къ нему.

Другая характерная черта обычнаго питанія у крестьянъ Олонецкаго уѣзда заключается въ маломъ количествѣ ржанаго хлѣба, недостатокъ котораго восполняется овсянымъ хлѣбомъ и рѣпою. Вообще, обыкновенную пищу крестьянъ составляютъ—хлѣбъ, приготовленный пополамъ изъ овсяной и ржаной муки, щи изъ мелкой, сухой, или свѣжей рыбы, рѣпа пареная, или печеная и рѣдко вареная, отчасти картофель; все это запивается рѣпянымъ квасомъ. Въ скоромные дни, столъ разнообразится кислымъ, встворожennымъ молокомъ. Постомъ главная и любимая пища состоитъ изъ рыбы, рѣпы и рѣпнаго кваса. Праздничный столъ бываетъ лучше, чѣмъ въ будни, но и въ немъ преобладаетъ овсяная пища, напримѣръ, овсяные блины съ житною кашею, овсяный кисель съ молокомъ. Чай пьютъ очень мало, а вмѣсто него употребляютъ плохой кофе, который, такъ-же какъ и соль, получается контрабандnымъ путемъ изъ сосѣдней Финляндіи.

Крестьянинъ привыкъ питаться, чѣмъ богатъ; а чего

нѣтъ у него, въ томъ онъ, поневолѣ, немогъ узнать вкуса. Если, напримѣръ, онъ неѣстъ мяса, то ясно, что у него мало скота. Напротивъ, любовь къ рыбѣ указываетъ на общедоступность этой пищи. Дѣйствительно, здѣсь селенія расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ, въ которыхъ крестьяне сами добываютъ рыбу для стола. Гдѣ своего улова нехватаетъ, тамъ прикупаютъ рыбу.

Рѣпа, будучи любимою пищею жителей, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ земледѣлія въ Олонецкомъ уѣздѣ и сѣется въ очень большомъ количествѣ. Въ волостяхъ Видлицкой, Коткозерской и Ведлозерской сѣютъ ее на самыхъ лучшихъ подсѣкахъ и часто первымъ хлѣбомъ, что ясно показываетъ, какое громадное значеніе имѣетъ она въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ прочихъ волостяхъ рѣпа сѣется на подсѣкахъ, вырубленыхъ изъ-подъ мелкаго лѣса, иной разъ даже изъ-подъ кустарника пятилѣтняго возраста. Къ сожалѣнію, относительно размѣровъ культуры рѣпы несобрано точныхъ свѣдѣній, на которыя, мало-мальски, можно было-бы положиться. Извѣстно только, что здѣсь она очень хорошо родится, давая урожай отъ 60-ти до 80-ти четвериковъ съ десятины.

Картофель постепенно входитъ въ большее и большее употребленіе, но разводится еще въ ограниченныхъ размѣрахъ и преимущественно трудомъ женщинъ, которыя большія охотницы до него.

Ячменя сѣется немного, но за-то овса сѣется много болѣе, чѣмъ ржи, хотя онъ даетъ нѣсколько меньшій урожай. Это объясняется тѣмъ, что овса высѣвается на десятинѣ вдвое болѣе, чѣмъ ржи, и, слѣдовательно, десятина, засѣянная овсомъ, даетъ большее количество

зерноваго хлѣба, чѣмъ такая-же десятина, засѣянная рожью.

Такимъ образомъ, уже одно поверхностное знакомство съ пищею населенія въ Олонецкомъ уѣздѣ даетъ указаніе на недостатокъ здѣсь земли и скота, вслѣдствіе чего крестьяне неѣдятъ мяса, а овсяная и рѣпная пища превышаетъ количество потребляемой пищи изъ ржи.

О размѣрахъ культуры картофеля, ржи и яровыхъ хлѣбовъ въ Олонецкомъ уѣздѣ можно получить понятіе изъ слѣдующей таблицы:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.
Картофель:							
посѣяно. . .	1,081	1,357	1,250¹/₄	—	1,362¹/₂	2,216	1,844
собрано. . .	5,657	4,232	4,831	—	6,054	7,879	8,450
Озимый хлѣбъ:							
посѣяно. . .	6,564	6,701	7,208³/₄	6,357	6,616¹/₂	8,063	6,829
собрано. . .	22,852	25,375	18,993³/₄	21,875	30,134¹/₂	28,669	27,494
Яровой хлѣбъ:							
посѣяно. . .	10,170	13,870	11,328¹/₄	12,331	10,566	18,539	11,939
собрано. . .	34,087	35,721¹/₄	36,072¹/₄	37,842	48,600	62,165	44,648
Итого озимаго и яроваго хлѣбовъ:							
посѣяно. . .	16,734	20,571	18,537	18,688	17,182¹/₂	26,602	18,768
собрано. . .	56,939	61,096³/₄	55,066	59,717	78,734¹/₂	90,834	72,142
Степень урожая.	3,4	2,9	2,9	3,2	4,5	3,4	3,8

Эта таблица нетолько даетъ понятіе объ относительныхъ размѣрахъ культуры озимаго и яроваго хлѣбовъ, но также указываетъ на интересныя колебанія въ величинѣ хлѣбныхъ посѣвовъ. Впрочемъ, объ этихъ колебаніяхъ рѣчь будетъ впереди, а теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на другой весьма интересный фактъ. Въ періодъ 1869—1872 г., самое большое количество хлѣба получено крестьянами въ наиболѣе неурожайный 1870 годъ. Точно такъ-же и въ слѣдующій періодъ 1873—1875 г., наибольшее количество хлѣба получено

въ 1874 году, давшемъ наименьшій урожай. Это произошло оттого, что въ неурожайные годы у крестьянъ были самые большіе посѣвы и этимъ обстоятельствомъ было устранено бѣдствіе неурожая. Но большой посѣвъ, какъ увидимъ далѣе, былъ послѣдствіемъ одного исключительнаго обстоятельства, позволившаго крестьянамъ временно воспользоваться большимъ количествомъ земли для посѣва. Въ обыкновенное-же время, крестьяне дѣлаютъ весьма малые посѣвы, по недостатку пахатной земли. Въ Олонецкомъ уѣздѣ на все, наличное крестьянское населеніе обоего пола, состоящее изъ 31,441-й души, приходится пахатной земли 17,474 десятины, т.-е. немного болѣе ½ десятины на душу. Крайній недостатокъ пахаты всего яснѣе обнаруживается, если сравнимъ въ этомъ отношеніи Олонецкій уѣздъ съ Вятскою губерніею, которая также лежитъ въ сѣверной полосѣ Россіи. Въ Вятской губерніи на крестьянское населеніе обоего пола, простирающееся до 2.005,281-й души, приходится пахатной земли 4.846,133 десятины, или по 2,4 десятины на душу. Естественно, вслѣдствіе такой громадной разницы въ количествѣ пахаты, Олонецкій уѣздъ, сравнительно съ Вятскою губерніею, при одинаковомъ урожаѣ, всегда будетъ имѣть меньше хлѣба, и если многоземельный вятскій крестьянинъ, въ недавнее время, былъ доведенъ до голодовки, то малоземельному олонецкому крестьянину малѣйшее пониженіе урожая должно грозить голодомъ.

Олонецкій крестьянинъ хорошо знаетъ, что спасеніе его отъ голодной смерти заключается въ увеличеніи запашки, и потому, какъ только представится благопріятный случай, спѣшитъ увеличить посѣвъ съ 16-ти до 26-ти тысячъ четвертей. Но судьба рѣдко балуетъ крестьянина

такимъ счастьемъ. Обыкновенно, за временнымъ увеличеніемъ быстро слѣдуетъ уменьшеніе посѣва и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближе подвигается опасность голодной смерти. Несмотря на стремленіе крестьянъ къ увеличенію запашки, хлѣбные посѣвы въ Олонецкой губерніи годъ отъ году уменьшаются и, вслѣдствіе этого, посредственный урожай самъ 3—4 доводитъ крестьянъ до такой крайней нужды, что они покупаютъ муку по 2 рубля за пудъ и даже ѣдятъ сосновый и соломенный хлѣбъ. Ясно, что есть такія, независящія отъ крестьянъ, обстоятельства, которыя нетолько препятствуютъ имъ увеличивать посѣвы, но и побуждаютъ сокращать запашку. Съ цѣлію уясненія этихъ обстоятельствъ, мы войдемъ въ нѣкоторыя, неупущенныя интереса, подробности хозяйственнаго быта крестьянъ Олонецкаго уѣзда.

На основаніи свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи, собранныхъ въ 1871 и 1872 годахъ межевщиками отряда по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей, и при помощи другихъ статистическихъ данныхъ, можно разбить всю массу крестьянъ Олонецкаго уѣзда на три группы. Отличительными признаками первой группы служатъ наибольшее количество сѣнокосовъ и полевыхъ пашенъ, наименьшее количество подсѣкъ и наибольшая производительность земли. Во второй, самой большой, группѣ, наоборотъ, наибольшему количеству подсѣкъ соотвѣтствуетъ какъ наименьшая производительность земли, такъ и наименьшее количество сѣнокосовъ и полевыхъ пашенъ; словомъ, вторая группа представляетъ совершенную противоположность первой группѣ. Наконецъ, третья, самая малая, группа интересна для изученія, какъ патологическое явленіе: здѣсь крестьяне терпятъ недостатокъ во всемъ, и притомъ

доведены до разоренія въ недавнее время, такъ-что причины ихъ бѣдственнаго положенія могутъ быть изслѣдованы по горячимъ слѣдамъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ 10 мелкихъ казенныхъ дачъ, въ которыхъ лежатъ крестьянскія угодья, принадлежащія 5,404-мъ ревизскимъ душамъ. Крестьяне имѣютъ скота—2,227 лошадей, 2,953 коровы, 2,099 телятъ и нетелей, 3,628 овецъ. Здѣсь, какъ и во всей Олонецкой губерніи, скотъ мелкой породы. Съ половины мая до половины сентября, онъ находится на подножномъ, а въ остальные 8 мѣсяцевъ на сухомъ корму. Полагая сѣна въ сутки—для лошадей и коровъ по 20 фунтовъ, для телятъ и нетелей по 10 фунтовъ и для овецъ по 3 фунта, нужно на продовольствіе всего количества скота, въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ, 783,820 пудовъ.

Въ пользованіи крестьянъ первый группы состоитъ сѣнокосовъ 15,615 десятинъ, такъ-что на каждую ревизскую душу приходится по 2,8 десятины. Какъ во всей Олонецкой губерніи, здѣсь сѣнокосами служатъ болотистыя пожни, которыя даютъ жесткое и грубое сѣно. Олонецкіе жители неимѣютъ понятія о дивномъ ароматѣ хорошаго свѣжаго сѣна, которое, по выраженію крестьянъ среднихъ губерній, „ягодою пахнетъ“, „малиновый духъ даетъ“. Напротивъ, здѣшнее сѣно имѣетъ непріятный, прѣлый запахъ. По укосу травы, олонецкіе сѣнокосы также плохи. Десятина даетъ не болѣе 70-ти пудовъ сѣна, такъ-что сборъ сѣна съ 15,615 десятинъ составляетъ 1.093,050 пудовъ. За вычетомъ отсюда количества, необходимаго на прокормъ скота, остается излишекъ въ 309,230 пудовъ, который идетъ на продажу въ Петербургъ и бѣдныя сѣнокосами мѣстности Олонецкаго и Лодейнопольскаго уѣздовъ.

Въ центрѣ богатой сѣнокосами мѣстности, въ селѣ Ильинскомъ, на берегу Ладожскаго озера, находится сѣнная биржа, куда крестьяне привозятъ сѣно на продажу. Вся торговля сѣномъ находится въ рукахъ немногихъ скупщиковъ, которые, при удачѣ, получаютъ громадный барышъ. Въ особенности, была выгодна торговля сѣномъ лѣтъ 30 тому назадъ, когда въ Петербургѣ требовалось много Олонецкаго сѣна. Въ то время, при покупкѣ изъ первыхъ рукъ, цѣна на сѣно стояла не ниже 12-ти копѣекъ, а одинъ годъ доходила до 30-ти копѣекъ за пудъ. Но потомъ спросъ постоянно уменьшался, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣны на сѣно падали. Уменьшеніе спроса на сѣно крестьяне объясняютъ тѣмъ, что подъ самымъ Петербургомъ вновь разработано очень много хорошихъ луговъ. Теперь крестьяне получаютъ самую пустую выгоду отъ продажи сѣна, такъ что иной разъ неокупается даже трудъ косцовъ. Часто они, какъ милости, просятъ у богатыхъ скупщиковъ, чтобы купили сѣно. Но тѣ отказываются, и если покупаютъ, то по самой низкой цѣнѣ. Нуженъ чрезвычайный неурожай травы, чтобы поднять цѣну на сѣно, а иначе пудъ сѣна на мѣстѣ стоитъ безъ доставки 3—4 копѣйки, или съ доставкою на Ильинскую пристань 4—5 копѣекъ.

Обширные, Олонецкіе сѣнокосы явились, въ недавнее время, на мѣстахъ, гдѣ, въ прошломъ столѣтіи, разстилались никуда негодныя болота. Начиная съ 1812 года, крестьяне принялись за осушку болотъ. А такъ-какъ ни отдѣльныя семьи, ни даже малолюдные поселки не въ силахъ были одолѣть этого громаднаго труда, то многія селенія соединялись въ одну рабочую общину и дружно ополчались противъ болотъ. Напримѣръ, 33 селенія, лежащія въ Туксинской дачѣ и состоящія

нынѣ изъ 837 ревизскихъ душъ, соединились вмѣстѣ для осушки болота, два года рыли канавы, потомъ два года выжигали болото и, наконецъ, засѣяли горѣлое мѣсто хлѣбомъ.

Нужно замѣтить, что посѣвы, сдѣланные тотчасъ по осушкѣ болота, даютъ громадные, почти баснословные урожаи — самъ 25! Въ глухихъ деревняхъ Олонецкой губерніи, среди разорёнаго населенія, нерѣдкость встрѣтить зажиточнаго крестьянина, у котораго домъ—полная чаша. По привычкѣ видѣть достатокъ у однихъ сельскихъ коммерсантовъ, называемыхъ *обиралами* и *кулаками*, бываешь сильно изумленъ, когда услышишь, что хозяинъ богатаго дома незанимается торговлею, а разжился *отъ болота*. Обыкновенно, исторія его такова. Сначала онъ былъ такъ-же бѣденъ, какъ сосѣди, потомъ, съ громаднымъ трудомъ и лишеніями, осушилъ болотце, засѣялъ его и, три-четыре года сряду, получалъ великолѣпный урожай, благодаря которому успѣлъ обзавестись скотомъ. Послѣ этого болотце было запущено подъ сѣнокосъ, который далъ возможность содержать много скота и получать столько удобренія, что крестьянинъ нетолько возстановилъ имъ производительность стараго, пахатнаго участка, но и завелъ новую пашню. Точно такая-же исторія случилась съ крестьянами Туксинской дачи, когда они осушили обширное болото и, снявъ съ него три великолѣпныхъ урожая, запустили подъ сѣнокосъ.

Въ описываемой мѣстности сѣнокосы, будучи обязаны своимъ происхожденіемъ соединенному труду большой крестьянской общины, остаются въ общинномъ владѣніи и носятъ названіе *общихъ луговъ*. Эксплоатація ихъ производится трудомъ всей общины. По об-

щественной разверткѣ, каждая платежная душа обязана выставить опредѣленное и всегда равное съ другими количество рабочей силы, для подчистки кустарника и для косьбы общаго луга. Съ этою цѣлью, община за раньше опредѣляетъ, какое количество рабочей силы необходимо для общей работы, и потомъ полученное число рабочихъ дѣлитъ на число платежныхъ душъ, такъ-что крестьянамъ обязательно приходится выставлять одного рабочаго, напримѣръ, съ полутора, двухъ, 2½ и т. д. душъ. Кто не въ силахъ, или нежелаетъ выставить причитающееся на его долю количество рабочей силы, тотъ *продаетъ свои души* другимъ крестьянамъ. Общимъ трудомъ сѣно выкашивается и убирается въ сѣнные *зароды*, т.-е. въ особаго устройства стоги, или умёты. Среди луга, по прямой линіи, на близкомъ и всегда равномъ другъ отъ друга разстояніи, вбиваются въ землю шесты, называемые *заколинами*. Около заколинъ кладется сѣно и образуетъ, на всемъ своемъ протяженіи одинаковый въ вышину и ширину, зародъ, имѣющій видъ узкой и длинной стѣны, наверху которой торчатъ концы заколинъ. По окончаніи уборки, общество дѣлаетъ вычисленіе, — по скольку заколинъ сѣна приходится на каждую душу, выставившую рабочихъ на общій лугъ. По этому разсчету все собранное сѣно дѣлится поровну между участниками въ общей работѣ.

Странно было-бы говорить о благосостояніи земледѣльческаго населенія въ описываемой мѣстности, когда на 5,402 ревизскихъ души приходится пашни 7,791,4 десятины, или по 1,4 десят. на душу мужскаго пола. Но если обратить вниманіе на недавнюю разработку сѣнокосовъ, которые, въ первое время, должны были

служить для возстановленія производительности ранѣе воздѣланныхъ пашенъ, и если при этомъ принять въ разсчетъ, что во второй группѣ приходится пахатной земли по 1,1 десят., а въ третьей по 1 десятинѣ на душу, то нельзя непризнать относительнаго успѣха, сдѣланнаго здѣсь земледѣльческою культурою. Производительность почвы здѣсь настолько высока, что, для удобренія одной десятины пашни, требуется 120 возовъ навоза, тогда-какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Олонецкаго уѣзда нужно 240 возовъ на десятину. Населеніе нетолько кормится собственнымъ хлѣбомъ, но продаетъ его на сторону, въ сосѣднія мѣстности того-же уѣзда, гдѣ никогда нехватаетъ своего хлѣба. Равнымъ образомъ, отсюда ежегодно идетъ на продажу въ Петербургъ излишекъ рогатаго скота въ количествѣ отъ 200 до 250-ти головъ, чего тоже нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, что особенно характеристично для описываемой мѣстности,—здѣшнее населеніе почти совсѣмъ оставило подсѣчное хозяйство. Засѣянныхъ подсѣкъ здѣсь найдено всего 1,919,1 десятинъ, что составляетъ по 0,3 десятины на душу. Притомъ-же, около $^1/_{10}$ подсѣкъ находится въ дачѣ, представляющей собою переходъ ко второй группѣ, въ которой широкому развитію подсѣчнаго хозяйства соотвѣтствуетъ недостатокъ постоянныхъ угодій. За исключеніемъ этой дачи, въ остальныхъ девяти дачахъ, съ населеніемъ 4,625 душъ, приходится засѣянныхъ подсѣкъ по 0,2 десятины на душу.

Ко второй группѣ принадлежатъ 6 большихъ казенныхъ дачъ, съ населеніемъ 7,225 ревизскихъ душъ. Здѣсь, преимущественно, развито лѣсное, подсѣчное хозяйство, которое ведется въ довольно обширныхъ размѣрахъ. У крестьянъ находится засѣянныхъ подсѣкъ

12,471 десят., или по 1,7 десят. на душу. Подсѣчное хозяйство кладетъ своеобразный отпечатокъ на весь крестьянскій бытъ. Крестьяне проводятъ всю свою трудовую жизнь въ лѣсу, такъ что про нихъ сложилась пословица: *въ лѣсахъ живутъ, днямъ богу молятся.* Здѣсь нельзя вести подсѣчное хозяйство сообща, всѣмъ міромъ, потому-что удобная для обработки земля разбросана среди лѣсной пустыни небольшими клочками, которые впору обработывать одному человѣку. Крестьянинъ, самъ-другъ съ неизмѣннымъ товарищемъ—топоромъ, ищетъ по лѣсу удобное для подсѣки мѣсто, одинъ *валитъ* и *стелетъ* лѣсъ, одинъ выжигаетъ и убираетъ *палъ*, одинъ сѣетъ и пашетъ, одинъ убираетъ хлѣбъ,—словомъ, всю работу справляетъ одинехонекъ въ лѣсу. Онъ привыкаетъ къ одинокой работѣ; мірское, общинное хозяйство ему незнакомо и необычно. Московскій крестьянинъ, привыкшій постоянно жить на міру и вести хозяйство по мірскому совѣту и уложенію, непначе охарактеризовалъ бы олонецкаго крестьянина, какъ сказавши, что онъ всю жизнь *своевольничаетъ*. Сельской общины, въ великорусскомъ смыслѣ, нѣтъ въ описываемой мѣстности. Всякій рубитъ лѣсъ, пашетъ землю, коситъ сѣно, гдѣ знаетъ, не спрашивая согласія общины, лишь бы облюбованное имъ мѣсто не было ранѣе занято другимъ.

Привыкши хозяйничать одиноко, въ разбродъ, крестьянинъ непроизводительно тратитъ громадную массу почти нечеловѣческаго труда и не достигаетъ сотой части тѣхъ результатовъ, какіе получились крестьянами первой группы посредствомъ общинной разработки болотъ. Здѣсь обширныя болота лежатъ нетронутыя, потому-что крестьяне нѣсколькихъ селеній не могутъ соединиться

въ одну рабочую общину, а для отдѣльныхъ семей и селеній не подъ силу разработывать обширныя болотистыя пространства. Между тѣмъ, осушка болотъ составляетъ самую насущную потребность населенія. Во владѣніи 7,225 ревизскихъ душъ находится сѣнокосной земли, всего 7,908,1 десятинъ, т.-е. 1,1 десят. на душу. Притомъ сѣнокосы находятся не въ одномъ кругу, а разбросаны въ лѣсу, на громадномъ пространствѣ, самыми мелкими клочками. Эти мелкія сѣнокосныя пожни находятся отъ селеній въ 10, 15, 20 верстахъ и со всѣхъ сторонъ окружены лѣсомъ. Вблизи ихъ почти всегда стоятъ лѣсныя избушки, или станки, для житья во время уборки сѣна. Когда наступитъ сѣнокосная пора, крестьянская семья уходитъ на недѣлю и болѣе на свои пожни и проживаетъ въ избушкѣ, или станкѣ, пока кончитъ уборку сѣна на одной пожнѣ, потомъ такимъ же порядкомъ перекочевываетъ на другую и третью пожни. Понятно, какъ много при этомъ тратится даромъ самаго дорогаго, рабочаго времени.

Вслѣдствіе недостатка сѣнокосовъ, и здѣсь непрерывно идетъ разработка новыхъ пожней изъ подъ болотъ. Но этотъ трудъ совершается медленно и неспоро, и притомъ онъ подъ силу однимъ богатымъ и многосемейнымъ крестьянамъ. Обыкновенно, такіе крестьяне соединяются въ товарищества изъ 3—4 домохозяевъ, которые общими силами разработываютъ небольшое болотце. А бѣдные и маломочные крестьяне остаются совсѣмъ безъ сѣнокосовъ и потому не могутъ держать скота. Земледѣльческія товарищества, которыя называются *себрами*, имѣютъ весьма древнее происхожденіе и обязаны своимъ развитіемъ отсутствію сельской общины великорусскаго типа. Гдѣ такая община суще-

ствуетъ, тамъ неможетъ быть мѣста для себры. А гдѣ нѣтъ общины, тамъ себра, состоящая изъ богатыхъ людей, становится въ ихъ рукахъ новымъ орудіемъ обогащенія и ведетъ къ большему имущественному неравенству. Но съ другой стороны, себра имѣетъ воспитательное значеніе. Наглядно показывая преимущество коллективнаго труда предъ единичнымъ, она подготовляетъ переходъ къ рабочей общинѣ, который, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже успѣлъ совершиться, такъ-что и теперь есть деревни, составляющія каждая особую себру.

Нужда въ сѣнѣ, во многихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, до того велика, что у крестьянъ вошло въ обычай собирать въ іюнѣ березовый листъ, который сушится и складывается въ особые сараи, для корма скота зимою. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне, разъѣзжая на лодкахъ по рѣкѣ, выкашиваютъ водяныя растенія и сушатъ ихъ, какъ сѣно. Неурожай травы здѣсь производитъ великое общественное бѣдствіе, о которомъ, въ другихъ губерніяхъ, немѣютъ понятія. Такой неурожай былъ въ Олонецкой губерніи въ 1872 году и довелъ крестьянъ до того, что всѣ бросились продавать скотъ и сбили цѣны на него до послѣдней возможности. Чтобы непродавать скотъ за безцѣнокъ и неуморить его голодомъ, крестьяне стали убивать коровъ и вялить мясо. Въ каждой деревнѣ, на виду у прохожихъ, висѣли подъ кровлями избъ стяги вяленаго мяса, придававшіе селеніямъ дикій, кровожадный видъ. Мясо продавалось ни почемъ, но за-то молоко сильно вздорожало. Сколько крестьяне ни продавали и ни рѣзали скота, а все не хватало кормовъ. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, уже въ мартѣ 1873 года, сѣно продавалось по 70 ко-

пѣкъ за пудъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже лежалая, ржаная солома дошла до 75 копѣекъ за пудъ. Въ апрѣлѣ, почти небыло въ продажѣ ни соломы, ни сѣна, и скотъ началъ умирать отъ голода.

Въ началѣ мая, мнѣ пришлось проѣхать по всей Олонецкой губерніи, и вездѣ я видѣлъ однѣ и тѣ же картины. Скотъ бродилъ около дорогъ и по дорогамъ, съ жадностью бросаясь на уцѣлѣвшіе кое-гдѣ клочки сухой, прошлогодней травы. Лошади походили на скелеты, обтянутые кожею, почти безъ признака мускуловъ. Они тихо стояли и безнадежно посматривали вдаль кроткими, плачущими глазами. Коровы пронзительно мычали, отъ слабости еле передвигали ноги, и когда шли, то качались съ боку на бокъ. Ямщикъ, то и дѣло, долженъ былъ останавливать лошадей и дожидаться, пока корова медленно очиститъ проѣздъ по дорогѣ. И это въ каждомъ селеніи, на протяженіи слишкомъ 1,000 верстъ...

Страданія скота были тѣмъ болѣе ужасны, что не было никакихъ средствъ помочь голоднымъ,—нигдѣ не оставалось ни клока сѣна и соломы. Даже въ Петрозаводскѣ сѣно, стоившее, годъ тому назадъ, 10 копѣекъ за пудъ, весною дошло до 75 копѣекъ, и все-таки нельзя было достать его. Не только у бѣдныхъ, но и у богатыхъ людей въ городѣ нечѣмъ было кормить скотъ, такъ-что собирали старые вѣники, и распаривъ ихъ въ горячей водѣ, давали глодать коровамъ. Когда появилась молодая трава и окончилась безкормица, тогда только вполнѣ обнаружились послѣдствія ея. Иные крестьяне лишились скота, и имъ нечѣмъ было пахать землю. Другіе кое-какъ сберегли скотъ, но до такой степени прожились въ кормъ скотинѣ, что не

могли добыть яровыхъ сѣмянъ для посѣва. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ такіе захудавшіе крестьяне составляли около четвертой части населенія. Они были вынуждены сдать свои полосы для засѣва другимъ, выговоривъ за это въ свою пользу третью часть урожая. Понятно, что должно было остаться много и незасѣянныхъ полосъ.

Въ описываемой мѣстности Олонецкаго уѣзда сѣнокосы даютъ укоса 991,970 пудовъ сухого сѣна. Между тѣмъ, на прокормъ 2,986 лошадей, 3,961 коровъ, 2,821 телятъ и петелей, 4,871 овецъ—нужно въ годъ не менѣе 1.051,610 пудовъ сѣна. Слѣдовательно, на продовольствіе скота ежегодно недостаетъ 59,640 пудовъ сѣна. Постоянныхъ полевыхъ пашенъ у крестьянъ находится 7,908,1 десят., или по 1,1 десят. на душу. На каждую десятину пахоты приходится 1,8 голова крупнаго и мелкаго скота, тогда-какъ въ первой группѣ—1,1. По за-то въ первой группѣ, для удобренія одной десятины пахаты, нужно 120 возовъ навоза, тогда-какъ во второй—240 возовъ. Поэтому разсчету нужно было бы имѣть во второй группѣ по 2,8 головы на каждую десятину. Крестьяне, сознавая крайній недостатокъ скота, стараются расширить скотоводство даже сверхъ мѣры, такъ-что у нихъ нехватаетъ корму. Но малочисленность сѣнокосовъ кладетъ преграду этому культурному стремленію. По недостатку скота, пашни, какъ слѣдуетъ, неудобряются, почва на нихъ годъ отъ году выпахивается и истощается, урожаи получаются самые скудные и крестьяне, изъ года въ годъ, принуждены прикупать хлѣбъ на сторонѣ.

При такомъ положеніи земледѣльческаго хозяйства, оно только и можетъ поддерживать свое существованіе

подсѣчною культурою. Подсѣка потребуетъ навоза, она удобряется золою отъ выжженнаго лѣса. Между тѣмъ, выросшій на подсѣкѣ, хлѣбъ потребляется въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ видѣ зерна и соломы, обращается въ навозъ и идетъ на удобреніе постоянныхъ пашенъ. Такимъ образомъ, безъ подсѣчнаго хозяйства невозможна культура постоянныхъ пашенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало сѣнокосовъ и скота. Здѣсь подсѣка поддерживаетъ существованіе земледѣлія до той поры, пока земледѣлецъ неразработаетъ сѣнокосовъ и необзаведется достаточнымъ количествомъ скота. Какъ только онъ окончитъ эту культурную работу, то спѣшитъ бросить подсѣчное хозяйство, какъ оно брошено уже въ первой группѣ, гдѣ крестьяне успѣли обзавестись скотомъ и сѣнокосами.

Это есть типическій процессъ, который наблюдается на всемъ протяженіи Олонецкой губерніи. Гдѣ мало скота и сѣнокосовъ, тамъ вездѣ сильно развито подсѣчное хозяйство, а гдѣ много скота и сѣнокосовъ, тамъ или совсѣмъ нѣтъ его, или-же оно существуетъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Поэтому существованіе подсѣчнаго хозяйства вездѣ служитъ надежнымъ признакомъ малоземелья и нищеты земледѣльческаго населенія. Такъ, въ описываемой группѣ, отличающейся широкимъ развитіемъ подсѣчнаго хозяйства, нищета населенія обнаруживается въ постоянномъ недостаткѣ хлѣба своего урожая, тогда-какъ въ первой группѣ почти всегда бываетъ избытокъ хлѣба. Что-же касается замѣчанія о малоземельѣ, то повидимому, мы наблюдаемъ во второй группѣ обратное явленіе, т.-е. сравнительное многоземелье. Въ первой группѣ приходится на душу сѣнокосовъ 2,$_5$, пашенъ 1,$_4$, и засѣянныхъ подсѣкъ 0,$_3$,

всего 4,3 десятинъ; а во второй группѣ — сѣнокосовъ 1,9, пашень 1,1, и засѣянныхъ подсѣкъ 1,7, всего 4,7 десятины на душу. Но при этомъ слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что на подсѣкахъ дѣлаются болѣе рѣдкіе посѣвы, такъ-что если на десятинѣ постоянной пашни высѣвается 8 четвериковъ ржи, то на десятинѣ подсѣкъ только 5 четвериковъ. Слѣдовательно, десятина засѣянныхъ подсѣкъ равняется $^5/_8$ десятины постоянной пахаты. По этому разсчету выходитъ, что во второй группѣ душевой участокъ въ 4,7 десятины соотвѣтствуетъ количеству земли около 4,1 десятины въ первой группѣ.

При недостаткѣ скота, сѣнокосовъ и пахоты, подсѣчное хозяйство даетъ земледѣльцу большія выгоды. Оно не только прокармливаетъ крестьянское семейство, но и дастъ земледѣльцу средства увеличивать количество скота и лучше удобрять постоянную пашню. Но въ то же время, оно никакъ неможетъ замѣнить выгодъ правильной полевой культуры, потому-что разработка подсѣкъ, представляя тяжелый, чисто каторжный трудъ, обходится крестьянину дороже обычнаго воздѣлыванія постоянныхъ пашенъ. Оттого рядомъ съ подсѣками у крестьянъ всегда существуютъ постоянныя пашни. Оттого, равнымъ образомъ, какъ только крестьянинъ начинаетъ выбиваться изъ нужды, онъ, прежде всего, старается разработать изъ подъ болотъ и лѣсу сѣнокосы и новыя пашни, уменьшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣры подсѣчнаго хозяйства. Между тѣмъ, на сѣверѣ разработка сѣнокосовъ есть трудъ медленный и дорогой, къ которому земледѣлецъ неможетъ приступить ранѣе, чѣмъ пріобрѣтетъ извѣстный имущественный достатокъ. Сокращеніе имущественнаго достатка неминуемо отдаляетъ переходъ къ правильному, полевому хозяйству.

А подсѣчное хозяйство поддерживаетъ крестьянское благосостояніе на извѣстномъ уровнѣ, такъ-что, если, бы возможно было расширить размѣры этого хозяйства, то такое расширеніе привело бы къ соразмѣрному увеличенію благосостоянія населенія. Въ свою очередь, съ увеличеніемъ земледѣльческаго благосостоянія, увеличивается у крестьянъ и количество постоянныхъ угодій, которое всегда ведетъ къ соразмѣрному сокращенію подсѣчнаго хозяйства. Слѣдовательно, посѣчное хозяйство представляетъ такую неизбѣжную ступень, которой земледѣліе никакъ неможетъ миновать при прогрессивномъ переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ фазамъ развитія.

На западѣ Европы земледѣліе давно вышло изъ первобытнаго состоянія подсѣчнаго хозяйства, и культурно-историческое значеніе этого хозяйства тамъ давно забыто. Поэтому и у насъ интеллигентное общество, стоящее въ уровень съ европейскою наукою, смотритъ на подсѣчное хозяйство сверху внизъ, съ высшей культурной точки зрѣнія. Напротивъ, крестьянинъ смотритъ на него съ низу въ верхъ, какъ на необходимый переходъ къ желательной для него высшей культурѣ. Онъ съ топоромъ въ рукахъ, врывается въ лѣсную глушь рубитъ лѣсъ и дѣлаетъ палы, но то и дѣло натыкается на шлагбаумъ, поставленный интеллигентнымъ человѣкомъ, съ укоризною говорящимъ ему: „не хорошо, братецъ, такъ въ Европѣ недѣлается“. Представьте же себѣ при этомъ, что до послѣдняго времени русскій интеллигентный человѣкъ непремѣнно носилъ форменный мундиръ и кокарду, а въ словахъ „приказать“ и „воспретить“ видѣлъ самое простое и дѣйствительное средство вносить свѣтъ европейской цивилизаціи въ темную

крестьянскую массу. Понятно, что происходило и теперь происходитъ изъ этого. Крестьянинъ, неимѣя возможности вести земледѣльческое хозяйство на постоянныхъ пашняхъ, рвется въ лѣсъ разработывать подсѣки; а интеллигентный человѣкъ „воспрещаетъ“ ему рубить лѣсъ и „приказываетъ“ воздѣлывать постоянныя пашни. Крестьянинъ, думая, что „баринъ дуритъ“, нехочетъ слушать приказаній и воспрещеній интеллигентнаго человѣка; а тотъ, въ свою очередь, думаетъ, что „крестьянинъ—круглый невѣжда“, котораго никакими хорошими словами нельзя вразумить, и отсылаетъ крестьянина къ мировому судьѣ для наказанія. Въ концѣ концовъ, изъ этого выходитъ, что крестьянинъ, попрежнему, рубитъ подсѣки, но при этомъ разоряется отъ штрафовъ по приговорамъ мироваго судьи, и оттого переходъ отъ дикаго, подсѣчнаго хозяйства къ болѣе интензивной системѣ земледѣлія, желательный одинаково и для крестьянина и для интеллигентнаго человѣка,—отодвигается вдаль.

Хорошо, если интеллигентный человѣкъ не слишкомъ строго преслѣдуетъ свою цивилизаторскую задачу въ средѣ темнаго крестьянскаго люда, если онъ, по свойственнымъ русскимъ людямъ снисходительности и отчасти безпечности, допускаетъ временныя послабленія и отступленія отъ исполненія приказаній и воспрещеній. Тогда вмѣшательство его въ хозяйственный бытъ народа производитъ лишь временную путаницу и застой въ отправленіяхъ экономической жизни. Въ такомъ случаѣ, запрещеніе разработывать подсѣки имѣетъ послѣдствіемъ временное уменьшеніе запашки у крестьянъ, за которымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, слѣдуетъ быстрое увеличеніе посѣва. Отсюда происходятъ постоянныя колебанія въ величинѣ хлѣбныхъ посѣвовъ. Приведенная

выше таблица даетъ понятіе, до какой степени сильны и внезапны эти колебанія. Въ 1869 г., посѣвъ равнялся 16,000 четвертей; въ слѣдующемъ году внезапно поднялся на 20 тысячъ, но потомъ опять упалъ, въ 1871 и 1872 годахъ—до 18,000 четвертей, а въ 1873 году до 17 тысячъ; послѣ этого вдругъ поднялся на 26 тысячъ, а въ 1875 году опять упалъ до 18,000 четвертей.

Для объясненія такого колебанія въ величинѣ посѣвовъ нужно знать, что, въ теченіе всего приведеннаго періода, крестьяне Олонецкаго уѣзда находились подъ двумя противоположными вліяніями. Съ одной стороны, чиновники по составленію владѣнныхъ записей внушали крестьянамъ, что лѣсничіе неимѣютъ права запрѣщать имъ дѣлать подсѣки, а съ другой стороны, лѣсничіе продолжали привлекать крестьянъ къ отвѣтственности за подсѣки, такъ-что крестьяне не знали, кого изъ нихъ слушать и кому вѣрить. Наконецъ, губернаторъ обнаружилъ, что управленіе государственными имуществами скрыло отъ крестьянъ, послѣдовавшее еще въ 1868 году, разрѣшеніе лѣснаго департамента расчищать подсѣки далѣе 3 верстъ отъ селеній. По приказанію губернатора, объ этомъ разрѣшеніи было объявлено крестьянамъ въ 1873 году, и потому, въ слѣдующемъ 1874 году, крестьянскіе посѣвы съ 17,000 четвертей вдругъ возрасли до 26,000 четвер. Но вслѣдъ затѣмъ, управленіе государственными имуществами постаралось обставить разными ограниченіями разрѣшеніе лѣснаго департамента. Оттого, въ 1875 году, крестьянскіе посѣвы вновь уменьшились до 18,000 четвертей.

Но если запрещеніе расчищать подсѣки проводится строго, такъ-что крестьяне неимѣютъ никакой возмож-

ности проникнуть въ лѣсъ чрезъ шлагбаумы, устроенные интеллигентнымъ человѣкомъ, тогда земледѣльческое населеніе окончательно разоряется, и всѣ завоеванія, съ величайшимъ трудомъ сдѣланныя культурою въ области дикаго лѣса, опять становятся добычею дикой природы. Разительный примѣръ обнищанія земледѣльческаго населенія, вслѣдствіе запрещенія подсѣчнаго хозяйства, представляетъ третья группа крестьянъ Олонецкаго уѣзда. Сюда принадлежатъ три дачи съ населеніемъ 1,797 ревизскихъ душъ. Сѣнокосовъ, пашенъ и засѣянныхъ подсѣкъ находится въ крестьянскомъ пользованіи много менѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ группахъ, именно—по 3,$_2$ десятины на душу. Пахатной земли состоитъ 1,775,$_2$ десят., или менѣе одной десятины на душу. На десятину пашни приходится скота много болѣе, чѣмъ въ остальныхъ группахъ, именно—по 2,$_2$ головы; а всего—лошадей 825, коровъ 1,080, телятъ и петелей 780, овецъ 1,347. На продовольствіе всего количества скота нужно въ годъ 288,870 пудовъ сѣна, тогда-какъ сборъ сѣна съ состоящихъ въ крестьянскомъ пользованіи, 2,891 десят. сѣнокосовъ (по 1,$_6$ десят, на душу) простирается только до 202,370 пуд.; значитъ, недостаетъ на прокормъ скота 86,500 пудовъ. При этомъ у крестьянъ очень мало и засѣянныхъ подсѣкъ,—всего 1,134,$_8$ десят., или по 0,$_6$ десят. на душу. Нечего и говорить, что собственнаго хлѣба никогда нехватаетъ на продовольствіе населенія. Чтобы продлить полуголодное существованіе, крестьяне вынуждены пускаться на разныя хитрости, и, все-таки, разореніе и нищета остаются неизбѣжнымъ удѣломъ ихъ.

Какъ могли крестьяне дойти до такого ужаснаго положенія? Какъ возможно такое крайнее малоземелье въ

уѣздѣ, гдѣ жителей обоего пола приходится по 4 души на квадратную версту? Повидимому, извѣстная загадка— „стоитъ мужикъ по горло въ водѣ, — пить хочется, а напиться неможетъ"—должна-бы относиться исключительно къ области народной фантазіи, неимѣя ничего общаго съ дѣйствительностью; а между тѣмъ, мы видимъ на самомъ дѣлѣ, какъ мужикъ голодаетъ отъ малоземелья въ мѣстности, гдѣ многоземелье есть самое больное мѣсто. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что здѣсь малоземелье есть искусственное созданіе, надъ которымъ не мало потрудился интеллигентный человѣкъ во имя государственной пользы, и нужно правду сказать, сдѣлалъ свое дѣло такъ прочно, что не скоро передѣлаешь его.

Первое мѣсто въ третьей группѣ принадлежитъ Туломозерской дачѣ съ населеніемъ 1,171 ревизскихъ душъ мужскаго пола. Лѣтъ тридцать тому назадъ, здѣшніе крестьяне вели въ обширныхъ размѣрахъ подсѣчное хозяйство и, если неблагоденствовали, то и нетерпѣли такой нужды, какъ теперь. Но въ 40-хъ годахъ, начальство задумало вводить правильное лѣсное хозяйство и для этого нашло нужнымъ разграничить владѣнія казны отъ крестьянскихъ владѣній, пріурочивъ тѣ и другія къ однимъ мѣстамъ. Было предположено дать крестьянамъ въ надѣлъ по 15 десятинъ земли на каждую ревизскую душу, и по этому разсчету были составлены проекты надѣловъ во всемъ Олонецкомъ уѣздѣ. Къ счастію, проекты надѣловъ небыли утверждены нигдѣ, кромѣ Туломозерской дачи. Туломозерскимъ же крестьянамъ было нарѣзано, правильными фигурами, по 15 десятинъ на душу около каждаго селенія. Большинство дальнихъ, отхожихъ пашенъ и сѣнокосовъ, а

также подсѣчныя мѣста, остались внѣ надѣловъ, во владѣніи казны, а взамѣнъ ихъ крестьяне получили лѣсную землю, негодную для земледѣльческихъ цѣлей. Послѣ того, какъ въ Туломозерской дачѣ крестьянскій надѣлъ былъ утвержденъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, лѣсное начальство строжайше запретило крестьянамъ пользованіе ихъ прежними пашнями, сѣнокосами и подсѣками, оставшимися внѣ черты надѣла, въ единственномъ владѣніи казны. Но крестьяне, получивъ неудобный надѣлъ, продолжали пользоваться старыми угодьями въ казенномъ лѣсу. Въ свою очередь, лѣсное начальство наказывало крестьянъ штрафами за самовольное вторженіе въ казенный лѣсъ. О разорительности штрафовъ можно составить понятіе изъ того, что, въ 60-хъ годахъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, крестьяне туломозерскаго общества заплатили около 5,000 рублей штрафовъ. Послѣдствіемъ этого было обнищаніе и разореніе населенія.

Нѣсколько иная исторія случилась съ другою дачею—Александро-Свирскою. Здѣшніе крестьяне, въ числѣ 154 душъ мужескаго пола, проживаютъ около Александро-Свирскаго монастыря, о богатствѣ котораго свидѣтельствуетъ уже одно то обстоятельство, что олонецкимъ архіереямъ стоило не мало хлопотъ добиться титула александро-свирскихъ архимандритовъ и чрезъ это получить право на часть доходовъ съ этого лакомаго куска. Монастырю была пожалована громадная, казенная, лѣсная дача, въ которой находились угодья крестьянъ александро-свирскаго общества. Когда монастырь основываясь на правѣ собственности, запретилъ крестьянамъ доступъ въ свою дачу, то въ ихъ владѣніи осталось земли на каждую ревизскую душу мужескаго пола—

по 0,31 десят. пашни, 0,19 десят. сѣнокосовъ и 0,13 десят. засѣянныхъ подсѣкъ. Естественно, что крестьяне обнищали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытали общую судьбу подмонастырныхъ слободъ: они прославились своимъ распутствомъ, жертвою котораго сдѣлалось, въ особенности, женское населеніе.

Малоземелье, отсюда—разоренье и нищета, а въ концѣ концовъ—голодовка,—вотъ неизбѣжный результатъ, къ которому ведетъ стѣсненіе и преслѣдованіе подсѣчнаго хозяйства ранѣе, чѣмъ населеніе, естественнымъ путемъ, подготовится къ переходу отъ него къ болѣе интензивной системѣ земледѣльческаго хозяйства. Этотъ результатъ есть общее явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся не въ одномъ Олонецкомъ уѣздѣ, но во всей Олонецкой губерніи, и не въ одной этой губерніи, но на всемъ русскомъ сѣверѣ.

Глава третья.

ПОДЪ ПРИКРЫТІЕМЪ

ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ.

Кто слѣдилъ за газетными корреспонденціями съ сѣвера, тотъ, конечно, припомнитъ, что, въ послѣдніе годы, въ нихъ чаще и чаще встрѣчаются указанія на борьбу крестьянъ съ лѣснымъ начальствомъ изъ-за обладанія подсѣками. Эта борьба ведется на огромномъ пространствѣ, обнимая губерніи Архангельскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодскую, Костромскую, Вятскую, Пермскую. Жизненное значеніе борьбы за подсѣки до такой степени велико, что сами газетные корреспонденты неостаются равнодушными и безпристрастными наблюдателями, но непремѣнно заявляютъ свои симпатіи той, или другой изъ воюющихъ сторонъ. Сторонники крестьянъ указываютъ преимущественно на необходимость разрѣшенія подсѣкъ для поддержки упавшаго хозяйства у крестьянъ. Другіе возстаютъ противъ подсѣкъ во имя правъ казны на землю и въ виду, доказаннаго европейскою наукою, вреда отъ подсѣчнаго хозяйства. До какой степени борьба за подсѣки имѣетъ острый характеръ, — показываетъ слѣдующій случай. Корреспондентъ одной петербургской газеты изъ Пермской губерніи съ самодовольнымъ торжествомъ разсказываетъ, что онъ, въ качествѣ мироваго судьи, разорилъ штрафами нѣсколько волостей, но за то отучилъ крестьянъ отъ подсѣчнаго хозяйства, внушивъ имъ уваженіе къ закону и правамъ казны на землю.

Такимъ образомъ, подсѣчное хозяйство, въ силу широкой распространенности и жизненнаго значенія для

всего сѣвера Европейской Россіи, имѣетъ полное право на вниманіе русскаго общества. На этомъ основаніи намъ кажется совершенно умѣстнымъ ближе познакомить читателей съ культурною борьбою за подсѣки, конечно, въ той формѣ, какъ она проявляется въ Олонецкой губерніи. Главнымъ-же образомъ, нужно разсмотрѣть вопросъ: дѣйствительно-ли мы имѣемъ право подвергнуть наше сѣверное, подсѣчное хозяйство безусловному осужденію на смерть съ точки зрѣнія европейской науки?...

Едва весеннее солнце сгонитъ снѣгъ, какъ олончанинъ — приземистый крѣпышъ — отправляется въ лѣсъ. На деревьяхъ еще только распускается листъ и холодъ такъ силенъ, что нѣтъ возможности снять съ себя тяжелую, зимнюю одежу. На крестьянинѣ, поверхъ синей, холстинной, или розовой, ситцевой рубахи, надѣта еще вязаная изъ толстой шерсти рубашка, длиною по поясъ, а на ней овчинный полушубокъ, да на полушубкѣ суконный кафтанъ, подпоясанный кушакомъ; на головѣ —баранья шапка. Тяжела такая одежа для весны, когда въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстахъ уже цвѣтетъ ландышъ и свищетъ соловей. Но что подѣлаешь, когда нѣтъ еще тепла въ сѣверной сторонѣ, а въ лѣсахъ, по низинамъ и оврагамъ, кое-гдѣ лежитъ снѣгъ.

Узкою, едва замѣтною, лѣсною тропинкою пробирается крестьянинъ, тяжело шлепая по лужамъ неуклюжими сапогами изъ бѣлой кожи, подъ которыми, для тепла, обуты суконныя опучи. Съ тропинки крестьянинъ свернулъ въ лѣсную чащу и все идетъ впередъ, осторожно пробираясь между камней, перелѣзая чрезъ поваленныя вѣтромъ деревья, обходя болота и крутыя скалы, переправляясь чрезъ ручьи.

Въ лѣсу онъ свой человѣкъ,— каждый ручеёкъ знаетъ, всѣ *щелья* (скалы) еще мальчишкою облазилъ, всѣ *сельги*, во время осенняго *полъсья* (охоты), обходилъ, около болотъ зимою на лѣсной заготовкѣ работалъ. Но лѣсъ такъ обширенъ и дикъ, что, иной разъ, крестьянинъ съ недоумѣніемъ останавливается и, оглядываясь по сторонамъ, соображаетъ: куда онъ зашелъ? куда дальше путь держать? По направленію сучьевъ сосны и ели, онъ отыскиваетъ сѣверъ и безошибочно направляетъ свой путь дальше.

Наконецъ, передъ нимъ знакомая сельга, а вотъ и памятная кривая береза, на которой, *осенись, въ лонскомъ году* (осенью, въ прошломъ году), онъ сдѣлалъ зарубку топоромъ, когда *полъсовалъ* (охотился) въ здѣшнихъ мѣстахъ. Съ глубочайшимъ вниманіемъ онъ осматриваетъ всю сельгу, потомъ идетъ дальше отыскивать другую знакомую сельгу, а отъ другой къ третьей и т. д. Это онъ выбираетъ удобное мѣсто расчистить подсѣку.

Выборъ мѣста для подсѣки—дѣло очень важное, отъ котораго вполнѣ зависитъ хлѣбный урожай. Поэтому, при выборѣ, нужно принять въ разсчетъ много разныхъ условій и особенно обратить вниманіе на почву и породу лѣса. Къ счастію, два послѣднія условія, большею частію, совпадаютъ между собою. Гдѣ растетъ лиственный лѣсъ,—береза, осина, ольха съ ивнякомъ,—тамъ почва содержитъ въ себѣ много дорогаго для земледѣльцевъ перегноя, тамъ она покрыта сочною травою и цвѣтами, туда лѣтомъ бабы ходятъ собирать грибы; это самыя лучшія и дорогія мѣста для подсѣкъ. Гораздо хуже по плодородію та подсѣка, гдѣ растетъ ель и гдѣ почва глинистая. Если ель смѣшана съ березою и оси-

ною, то и почва содержитъ въ себѣ больше суглинка и перегноя, и урожай здѣсь лучше. Но когда ель растетъ въ смѣси съ сосною, тогда подъ ними глинистая почва бываетъ покрыта слоемъ моха и даетъ худшій урожай. Самое плохое мѣсто для подсѣки — гдѣ преобладаетъ сосна, а подъ нею песчаная почва, слабо прикрытая перегноемъ опавшей хвои.

Когда выборъ мѣста для подсѣки сдѣланъ, весеннее солнце просушитъ землю и листъ на березѣ развернется въ копѣйку, — обыкновенно, въ началѣ іюня, или въ концѣ мая,—крестьянинъ срубаетъ лѣсъ на облюбованномъ мѣстѣ и оставляетъ здѣсь срубленныя деревья на цѣлый годъ, чтобы они просохли, а земля подъ ними хорошенько пропрѣла. На другой годъ, въ то же самое время, крестьянинъ, выбравъ ясный и тихій день, приходитъ на мѣсто порубки и стелетъ достаточно просохшія деревья и сучья въ небольшіе костры, подъ которыми положены жерди съ такимъ разсчетомъ, чтобы по нимъ можно было передвигать костры по направленію вѣтра. Эти костры зажигаются съ подвѣтреной стороны, и огонь быстро охватываетъ все пространство сѣчи. Въ клубахъ то сѣраго, то чернаго, то синяго дыма мелькаютъ и лижутъ землю огненные языки причудливыхъ формъ, то теряясь въ густомъ дыму, то вновь ярко вспыхивая и разбрасывая вокругъ себя миріады блестящихъ искръ. И въ этой массѣ огня и дыма, и жгучихъ, огненныхъ искръ, то тамъ, то здѣсь, быстро мелькаетъ фигура мужика съ шестомъ въ рукахъ. Онъ *валитъ* лѣсъ, т.-е. передвигаетъ шестомъ костры съ мѣста на мѣсто, наблюдая, чтобы хорошенько прогорѣли древесные корни и *дуброва* (дернъ). Искры летятъ въ глаза ему, ѣдкій дымъ застилаетъ дыханіе, а

мужикъ бѣгаетъ себѣ въ огнѣ, какъ грѣшникъ въ аду на картинѣ страшнаго суда. Послѣ такой работы рѣдкій нестрадаетъ воспаленіемъ глазъ, но мало кто думаетъ объ этомъ, поглощенный одною мыслію, одною заботою—добыть хлѣбушка семьѣ.

Но до хлѣбушка еще далеко. Того и гляди, поднимется сильный вѣтеръ и снесетъ съ *гари*, или *палаи* драгоцѣнную сажу и пепелъ, попусту развѣетъ ихъ по дикому лѣсу, и тогда даромъ пропадетъ мученическій трудъ мужика. Оттого крестьянинъ спѣшитъ, какъ можно скорѣе, очистить палъ отъ несгорѣвшихъ деревьевъ и взорать землю. Трудно сказать, что тяжелѣе,—выжиганье-ли подсѣки, или орка. Орютъ особою сохою съ болѣе прямыми сошниками и безъ палицы, поднимая землю не глубже $1^1/_2$ вершковъ. Соха, то и дѣло, задѣваетъ за корни, такъ-что пахарь все время долженъ нести ее на себѣ, то опуская въ глубь, то поднимая къ верху. Тутъ нужны и опытный пахарь, и привычная лошадь, иначе, того и гляди, сошка задѣнетъ за пень или корень и переломится. За оркою прямо сѣютъ зерно и потомъ боронуютъ деревянными боронами, слаженными изъ еловыхъ плахъ, съ длинными сучьями, вмѣсто зубьевъ. На подсѣкѣ дѣлаются 2—3 посѣва, рѣдко—болѣе, и потомъ она запускается подъ лѣсную заросль лѣтъ на 20—25. Чѣмъ глубже на сѣверъ, тѣмъ медленнѣе ростутъ деревья, и оттого подсѣки запускаются подъ заросль на болѣе продолжительный срокъ,—даже до 60-ти лѣтъ.

Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при разработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахатныхъ полей, то послѣднее покажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно, какъ велика нужда, которая

гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Но эта кровная нужда почти непринимается въ разсчетъ, и крестьянину, болѣе полутораста лѣтъ, приходится оборонять отъ законодательныхъ и административныхъ стѣсненій и запрещеній свое исконное право—расчищать дикій лѣсъ, который, по народному воззрѣнію, есть *Божій даръ*, выросшій, *по Божьему произволенію*, на потребу всѣмъ людямъ. Такое народное воззрѣніе на лѣсъ, долгое время, господствовало и въ нашемъ законодательствѣ, непризнававшемъ относительно лѣса неограниченнаго права частной собственности. По законамъ Петра I (указы 19-го января и 20-го марта 1720 года), въ незаповѣдныхъ лѣсахъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, всякій могъ безплатно рубить деревья для домашнихъ надобностей, но отнюдь не на продажу. Если владѣлецъ требовалъ попенныя деньги за вырубленный въ его дачѣ лѣсъ, то, въ наказаніе за это, земли его секвестровались въ казну. Право всѣхъ и каждаго на безплатное пользованіе лѣсомъ было отмѣнено указомъ 30 марта 1767 года. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1782 году, было признано неограниченное право частной собственности на лѣсъ, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ. Результаты послѣдняго законодательнаго акта извѣстны всѣмъ и каждому. Едва минуло сто лѣтъ со времени изданія его, какъ топоръ лѣсопромышленника уже снесъ съ лица земли громадные, казалось, непстощимые, владѣльческіе лѣса, и въ настоящее время, становится очевидною необходимость вновь положить ограниченіе на право владѣльцевъ распоряжаться принадлежащими имъ лѣсами въ южной и средней полосахъ Россіи.

Первый ударъ подсѣчному хозяйству былъ нанесенъ законами Петра I о заповѣдныхъ лѣсахъ, къ числу ко-

торыхъ были отнесены всѣ казенные и владѣльческіе лѣса отъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ и отъ малыхъ, сплавныхъ,—на 20 верстъ. За порубку заповѣднаго лѣса, назначеннаго исключительно „для самыхъ нужныхъ государевыхъ дѣлъ“, были опредѣлены большой денежный штрафъ и смертная казнь. Для охраненія лѣсовъ были назначены вальдмейстеры и лѣсные надсмотрщики, которые, получая жалованье изъ штрафовъ за порубки, до того доходили въ рвеніи объ охраненіи казенныхъ интересовъ, что ловили крестьянъ, обутыхъ въ лапти, и представляли въ города къ воеводамъ, какъ самовольныхъ порубщиковъ. Въ одной деревнѣ у крестьянъ былъ найденъ валежникъ, взятый изъ заповѣднаго лѣса на полозья къ санямъ; за это они были преданы суду, и судья хотѣлъ пытать ихъ!

Несостоятельность этого законодательства была признана, чрезъ два года послѣ смерти Петра, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, который, въ указѣ 30-го декабря 1726 года, писалъ: „въ народѣ отъ вальдмейстеровъ и лѣсныхъ надзирателей великая тягость состоитъ въ томъ,... что едва можетъ ли гдѣ сыскаться свободное мѣсто, гдѣ-бъ было незаповѣдано“; притомъ-же вальдмейстеры и надзиратели, „для своей пользы примѣтываясь къ народу, чинятъ обиды и кладутъ и правятъ великіе штрафы и затѣмъ крестьянъ держатъ въ тюрьмахъ и за карауломъ“. Въ силу этихъ соображеній, число заповѣдныхъ лѣсовъ было значительно сокращено, а должности вальдмейстеровъ упразднены. Но, со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны, въ 1730 году, законодательство Петра о заповѣдныхъ лѣсахъ было возстановлено и дополнено еще новыми строгостями. Только съ признаніемъ права частной собственности въ отношеніи владѣльческихъ

лѣсовъ, сама собою рушилась система заповѣдныхъ лѣсовъ.

При существованіи системы заповѣдныхъ лѣсовъ, подсѣчное хозяйство было невозможно на всемъ заповѣданномъ пространствѣ, наравнѣ со всякою другою порубкою. Но въ лѣсахъ незаповѣдныхъ оно дозволялось безъ всякихъ стѣсненій и даже отчасти поощрялось, такъ-что, иной разъ, для расчистки изъ-подъ лѣса пашенъ и сѣнокосовъ, дѣлались изъятія даже изъ законовъ о заповѣдныхъ лѣсахъ (указы 3-го августа 1720 г., 27-го сентября 1725 г.). Законодательныя стѣсненія собственно подсѣчнаго хозяйства начинаются съ царствованія Императрицы Анны, которая отдавала столь явное предпочтеніе лѣсному хозяйству предъ земледѣльческою культурою, что предписывала изъ нѣкоторыхъ округовъ насильственно переселять крестьянъ и на мѣстахъ ихъ жительствъ сѣять дубовый лѣсъ. Въ то время, на пятиверстномъ разстояніи отъ засѣянныхъ лѣсомъ пространствъ и подчищенныхъ рощъ, была изгнана всякая земледѣльческая культура. Если скотъ проникалъ въ такія рощи, то велѣно было владѣльцевъ скота, „бивъ кнутомъ и вырѣзавъ поздри, ссылать въ каторжную работу вѣчно“. При такихъ строгостяхъ, подсѣчное хозяйство въ незаповѣдныхъ лѣсахъ подвергалось стѣсненіямъ изъ опасенія лѣсныхъ пожаровъ. Подъ вліяніемъ пожарнаго страха, правительство придумало даже тяжелый для населенія военный постой, въ видахъ наблюденія за лѣсами въ лѣтнее время.

Послѣ признанія права частной собственности на лѣса, законодательство о подсѣчномъ хозяйствѣ стало касаться однихъ лишь казенныхъ лѣсовъ. По „Инструкціи оберъ-форштмейстеру“ 1798 года, выжиганіе подсѣкъ въ да-

чахъ единственнаго владѣнія казны было запрещено безусловно, а въ границахъ проектированнаго 15-тидесятиннаго крестьянскаго надѣла оно было обставлено большими стѣсненіями и затрудненіями. А такъ-какъ рѣдко гдѣ была произведена нарѣзка надѣла, то, на самомъ дѣлѣ, существовало полное запрещеніе подсѣчнаго хозяйства. Эта оберфорштмейстерская инструкція, съ нѣкоторыми измѣненіями, вошла въ Сводъ Законовъ 1842 и 1857 годовъ.

Съ 1860 года начинается цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій о подсѣчномъ хозяйствѣ, противорѣчащихъ одно другому. Сначала, предписаніемъ лѣснаго департамента, отъ 27-го февраля 1860 года, было дозволено государственнымъ крестьянамъ Олонецкой губерніи расчищать подсѣки на разстояніи 3 верстъ отъ селеній. Потомъ тотъ-же департаментъ, предписаніемъ отъ 28-го августа 1863 года, запретилъ расчистку подсѣкъ. Но въ 1866 году, предписаніемъ отъ 23-го апрѣля, вновь разрѣшено дѣлать подсѣки на разстояніи 3 верстъ отъ селеній. Наконецъ, въ 1868 году, лѣсной департаментъ, предписаніемъ отъ 19-го сентября, дозволилъ, при недостаткѣ удобныхъ земель въ районѣ трехъ верстъ отъ селеній, вести подсѣчное хозяйство и за этою чертою, но не иначе, какъ на мѣстахъ, которыя прежде расчищались крестьянами для хлѣбопашества. Это предписаніе въ свое время небыло объявлено крестьянамъ и оставалось никому неизвѣстнымъ, кромѣ лѣсничихъ.

Между тѣмъ, крестьяне чувствовали такой недостатокъ въ землѣ для хлѣбопашества, что, въ 1870 году, одинъ гласный изъ крестьянъ Олонецкаго уѣзда просилъ Олонецкое губернское земское собраніе ходатайствовать о дозволеніи крестьянамъ пользоваться землями,

находящимся внѣ неудобнаго крестьянскаго надѣла, проектированнаго въ 40-хъ годахъ палатою государственныхъ имуществъ. Земское собраніе довольно апатично отнеслось къ такому ходатайству, постановивъ только сообщить о немъ управленію государственными имуществами. Изъ отвѣта управленія, который былъ объявленъ крестьянамъ одного Олонецкаго уѣзда, въ 1871 году, въ первый разъ сдѣлалось извѣстно, что еще въ 1868 году было дозволено дѣлать подсѣки далѣе 3 верстъ отъ селеній. Крестьяне поспѣшили воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, но лѣсничіе всячески стѣсняли подсѣчное хозяйство въ Олонецкомъ уѣздѣ, а въ прочихъ уѣздахъ совсѣмъ небыло извѣстно о разрѣшеніи дѣлать подсѣки внѣ черты палатскихъ надѣловъ. Только въ 1873 году, губернаторъ объявилъ всѣмъ крестьянамъ Олонецкой губерніи предписаніе лѣснаго департамента 1868 года, и тогда крестьяне, опираясь на авторитетъ высшей власти, начали безбоязненно воздѣлывать подсѣки.

Между тѣмъ, мѣстное лѣсное начальство, видя, какъ изъ его рукъ ускользаетъ власть произвольно запрещать и разрѣшать подсѣки, подняло изъ-за этого тревогу, запугивая призракомъ лѣсоистребленія, и добилось-таки, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало распоряженіе, въ силу котораго крестьянинъ не иначе могъ расчистить подсѣку, какъ получивъ предварительно особый билетъ отъ лѣсничаго. Но и этого показалось мало лѣсному начальству. Въ 1878 году, по ходатайству управляющаго государственными имуществами, будто-бы для того, „чтобы лѣсничіе имѣли возможность слѣдить, правильно-ли производятся крестьянами подсѣки“,—губернское присутствіе установило новый порядокъ выдачи разрѣшенія на разработку под-

сѣкъ. Теперь крестьяне должны дѣлать заявленія о подсѣкахъ волостному правленію, которое посылаетъ къ лѣсничему, не позже 1-го февраля, списокъ желающихъ сдѣлать подсѣки, съ означеніемъ кто въ какомъ урочищѣ намѣренъ расчищать ихъ. Въ свою очередь, лѣсничіе къ 1-му марта увѣдомляютъ волостныя правленія о разрѣшеніи, или запрещеніи крестьянамъ дѣлать подсѣки. Если-же крестьянинъ расчиститъ подсѣку безъ разрѣшенія лѣсничаго, то подвергается отвѣтственности за это, какъ за самовольную порубку.

Такимъ образомъ, нынѣ подсѣчное хозяйство находится въ полной зависимости отъ одного личнаго произвола лѣсничихъ, — положеніе едвали не худшее, чѣмъ полное законодательное запрещеніе. При полномъ запрещеніи крестьянинъ дѣлаетъ подсѣку потихоньку, никому необъявляя объ избранномъ урочищѣ, и потому можетъ надѣяться, что лѣсничій не поймаетъ его. Въ настоящее-же время, крестьянинъ долженъ заранѣе указать избранное мѣсто лѣсничему, отъ котораго вполнѣ зависитъ воспретить расчистку въ этомъ мѣстѣ и затѣмъ наблюдать, чтобы крестьянинъ здѣсь нерубилъ лѣсъ. Притомъ-же, выбирая мѣсто для подсѣки, крестьянинъ неимѣетъ въ виду никакихъ правилъ, которыя-бы указывали ему, гдѣ подсѣка можетъ и гдѣ неможетъ быть дозволена, и потому онъ совершенно непонимаетъ, почему лѣсничій запрещаетъ ему рубить лѣсъ въ избранномъ мѣстѣ. Положимъ, что, въ этомъ случаѣ, лѣсничій будетъ совершенно правъ, но чѣмъ-же виноватъ крестьянинъ, когда ему заранѣе не объявлено, въ какихъ мѣстахъ нельзя дѣлать подсѣки? Въ запрещеніи разработать подсѣку онъ видитъ произволъ, который гибельнымъ образомъ отражается на его

хозяйствѣ. Такъ-какъ послѣ 1-го февраля неприни-маются заявленія о подсѣкахъ, то крестьянинъ, полу-чивъ отъ лѣсничаго разрѣшенія, долженъ въ этомъ году оставаться безъ подсѣки и, значитъ, безъ хлѣба. Понятно, что при такихъ условіяхъ, крестьянамъ го-раздо выгоднѣе разработывать подсѣки старымъ поряд-комъ, потихоньку отъ лѣсничихъ, которые, основываясь на доказанномъ европейскою наукою вредѣ отъ подсѣч-наго хозяйства, очень скупы на разрѣшенія подсѣкъ. Отсюда возникаетъ цѣлая масса дѣлъ о самовольныхъ порубкахъ лѣса подъ посѣки,—дѣлъ, которыя разори-ютъ крестьянъ и обременяютъ какъ лѣсничихъ, такъ и мировыхъ судей.

Вредъ отъ подсѣчнаго хозяйства, на который ссыла-ются лѣсничіе, научнымъ образомъ былъ доказанъ Либихомъ съ такою поразительною ясностью и недопуска-ющею сомнѣнія силою, что и до сего времени всѣ воз-раженія противъ этой первобытной системы земледѣль-ческаго хозяйства опираются, главнымъ образомъ, на авторитетѣ знаменитаго ученаго. Между тѣмъ, Либихъ, собственно говоря, доказывалъ вообще вредъ хищни-ческаго хозяйства, когда земледѣлецъ извлекаетъ изъ земли, въ видѣ зерна и соломы, минеральныя вещества, необходимыя для питанія растеній, и, взамѣнъ того, не возвращаетъ ничего въ землю для возстановленія про-изводительности ея. Вѣрность этого положенія немо-жетъ быть подвергнута никакому сомнѣнію; но отсюда совсѣмъ неслѣдуетъ, что именно подсѣчное хозяйство должно быть запрещено и преслѣдуемо. Мы знаемъ, что, при существующей системѣ эксплоатаціи естественныхъ сѣнокосовъ, происходитъ точно такое-же расхищеніе производительныхъ силъ почвы, и потому наши луга

очень истощены и годъ отъ году даютъ меньшіе укосы. Точно такъ-же, при повсемѣстномъ недостаткѣ скота у крестьянъ, удобреніе постоянныхъ полевыхъ пашенъ никогда невознаграждаетъ расходъ минеральныхъ веществъ, которыя извлекаются изъ почвы, въ видѣ зерна и соломы. Словомъ, все наше земледѣльческое хозяйство, въ современномъ его положеніи, есть такое-же хищничество, какъ и первобытное подсѣчное хозяйство. Съ точки зрѣнія европейской науки они должны быть одинаково осуждены. Но гдѣ-же найдется такой законодатель, или администраторъ, который-бы, въ силу этихъ соображеній, однимъ почеркомъ пера „воспретилъ" земледѣльческое хозяйство въ той формѣ, какъ нынѣ оно ведется въ Россіи?

Въ доказательство вреда отъ подсѣчнаго хозяйства Либихъ ссылается на примѣръ истощенія почвы въ Америкѣ,—примѣръ до того поразительный, что онъ дѣйствуетъ на читателя съ неотразимою убѣдительностью. Этотъ примѣръ Америки цѣликомъ переносится на русскую почву и изъ него выводится такого рода умозаключеніе. „Американскаго колониста, какъ-бы онъ ни грабилъ почву, нельзя сравнивать съ русскимъ поселенцемъ. Въ Америку шелъ, большею частію, англичанинъ или нѣмецъ, люди болѣе понимавшіе законы природы, а многіе, можетъ-быть, и знакомые съ правилами раціональнаго хозяйства. У русскаго-же колониста былъ одинъ учитель—мать-природа, а при этомъ учителѣ,—какъ еще замѣтилъ Петръ Великій,—народъ незнаетъ ни земли своей, ни воды. Можно, поэтому, себѣ представить, что за грабежъ почвы былъ въ то время, когда огневая система у насъ была господствующею" (проф. Совѣтовъ. О системахъ земледѣлія). Такое умозаключе-

ніе столь рѣзко бросается въ глаза своею поспѣшностью, что неможетъ быть принято безъ провѣрки, которая, притомъ-же, непредставляетъ большихъ трудностей. Огневая система и теперь господствуетъ на русскомъ сѣверѣ, и потому очень легко убѣдиться—приводитъ-ли она здѣсь къ тѣмъ-же самымъ результатамъ, къ какимъ привело господство подсѣчнаго хозяйства въ Америкѣ.

Американскій колонистъ, пріобрѣтя въ собственность участокъ лѣсной земли, заботился объ одномъ, — какъ можно скорѣе, возвратить и увеличить капиталъ, затраченный на покупку земли. Съ этою цѣлью онъ велъ подсѣчное хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ, причемъ хлѣбное зерно продавалъ, а солому бросалъ, ни мало незаботясь объ удобреніи земли. Какъ только почва въ его участкѣ истощалась, онъ или продавалъ ее за безцѣнокъ другому, такому-же хищнику, или-же бросалъ безъ хозяина, а самъ пріобрѣталъ новый участокъ съ дѣвственною почвою. Такимъ образомъ, въ Америкѣ, все, что земледѣлецъ извлекалъ изъ почвы, то пропадало безвозвратно. Наоборотъ, у насъ, на сѣверѣ, земледѣлецъ непродаетъ хлѣба и небросаетъ соломы, полученной съ подсѣки, а употребляетъ ее на удобреніе постояннаго, пахатнаго участка, такъ-что здѣсь происходитъ не безвозвратное расходованіе минеральныхъ веществъ, извлекаемыхъ изъ подсѣки, а только перемѣщеніе ихъ, съ цѣлью улучшенія постоянныхъ пашенъ. Притомъ-же, сѣверный крестьянинъ, будучи на всю жизнь привязанъ къ родной почвѣ, неимѣетъ никакого интереса такъ истощать почву чрезмѣрною выпашкою подсѣкъ, какъ дѣлаетъ это американскій колонистъ.

Говорятъ также, будто отъ подсѣчнаго хозяйства ухудшается порода лѣса. Такъ, лѣсничій Осиповъ, дѣлая

обзоръ состоянія лѣсопромышленности въ Олонецкой губерніи, высказываетъ слѣдующія замѣчанія: „Недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ ощутителенъ только тамъ, гдѣ скученныя поселенія государственныхъ крестьянъ истощили, прилегавшія къ селеніямъ, части дачъ принятымъ здѣсь вообще, подсѣчнымъ хозяйствомъ. Въ такихъ мѣстностяхъ лѣса имѣютъ весьма жалкій видъ: кустарникъ, обгорѣлыя и кривыя деревья хвойныхъ породъ встрѣчаются на каждомъ шагу. Но, по мѣрѣ удаленія отъ селеній, состояніе лѣсовъ улучшается: лиственный кустарникъ постепенно переходитъ въ дровяной матеріалъ хорошаго уже качества, хвойныя-же породы образуютъ часто сплошныя насажденія строеваго лѣса".

Совершенно вѣрно, что на подсѣкахъ невыростаетъ хвойный, строевой лѣсъ, а непремѣнно дровяной, лиственный и преимущественно березовый лѣсъ. Но отъ этого нѣтъ убытка для лѣснаго хозяйства, а скорѣе выгода, потому-что береза и вообще лиственный лѣсъ ростетъ скорѣе, чѣмъ хвойный лѣсъ, и потому приноситъ большій доходъ, какъ скоро существуетъ спросъ на дрова. Съ другой стороны, подсѣчное хозяйство ни мало не виновато въ томъ, что около скученныхъ селеній остался одинъ кустарникъ, потому-что подсѣки недѣлаются вблизи деревень. Мѣстности, ближайшія къ селеніямъ, постоянно истощаются не подсѣками, а вырубкою дровъ, такъ-что кустарникъ неуспѣваетъ подростать. Притомъ-же, крестьянскій скотъ, за непмѣніемъ особыхъ выгоновъ, все лѣто бродитъ въ кустарникѣ, топчетъ его и гложетъ молодые побѣги. Оттого лѣсъ вблизи селеній плохо ростетъ, и деревья, большею частію, выходятъ кривыя.

Вотъ и всѣ возраженія, какія дѣлаются противъ нашего сѣвернаго, подсѣчнаго хозяйства, съ точки зрѣнія европейской науки. Конечно, въ нихъ есть большая доля основательности, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія высшей культуры, рекомендующей плодопеременное хозяйство съ удобреніемъ искусственными туками. Но если мы заберемся на такую культурную высоту, то уже неимѣемъ права подвергать осужденію одно подсѣчное хозяйство, выдѣляя отсюда существующую повсемѣстно, не менѣе хищническую, трехпольную систему съ естественными сѣнокосами. Подсѣчное хозяйство въ той формѣ, какъ оно существуетъ на русскомъ сѣверѣ, ни мало не вреднѣе трехпольщины съ ничтожнымъ удобреніемъ по недостатку скота. Если оно можетъ привести у насъ къ такимъ-же вреднымъ послѣдствіямъ, какъ въ Америкѣ, то благопріятныя условія для этого заключаются не въ принятой у крестьянъ системѣ разработки подсѣкъ, а въ той системѣ, какая практикуется нынѣ лѣсною администраціею въ отношеніи подсѣкъ.

Судьба земледѣлія на сѣверѣ теперь поставлена въ зависимость отъ одного личнаго произвола лѣсничихъ. Между тѣмъ, лѣсничіе только о томъ и заботятся, какъ-бы сократить число подсѣкъ, въ видахъ сохраненія казеннаго лѣса. Эти заботы о сокращеніи числа подсѣкъ должны неминуемо приводить къ прямо противоположному результату, т.-е. къ оскудѣнію лѣсныхъ дачъ. Крестьянинъ, встрѣчая препятствія къ разработкѣ новыхъ подсѣкъ, поневолѣ долженъ истощать разработанныя подсѣки чрезмѣрною вышашкою, снимая съ нихъ, вмѣсто 3 хлѣбовъ, гораздо болѣе. Опытъ показываетъ, что, когда подсѣка разработывается долѣе нормальнаго срока, къ чему крестьяне прибѣгаютъ только въ случаѣ крайней нуж-

ды, тогда на ней возобновляется лѣсная заросль вдвое медленнѣе. Напримѣръ, если съ подсѣки сняты три хлѣба, то на ней выростаетъ лѣсъ, годный опять подъ подсѣку, положимъ, чрезъ 25 лѣтъ; но если снято болѣе трехъ хлѣбовъ, то такой-же толщины и вышины лѣсъ можетъ вырости не ранѣе 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, неразумное стѣсненіе подсѣчнаго хозяйства легко можетъ привести къ тѣмъ-же самымъ печальнымъ результатамъ, какъ и хищничество колонистовъ въ Америкѣ.

Говоря откровенно, ссылка на европейскую науку, въ оправданіе запрещенія и стѣсненія подсѣчнаго хозяйства, служитъ только благовиднымъ прикрытіемъ для стремленія, неимѣющаго ничего общаго съ наукою. Лѣсная администрація боится, что если дозволить крестьянамъ свободную разработку подсѣкъ, то останется меньше лѣса для заграничной торговли, уменьшится доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ. Но, въ такомъ случаѣ, отчего-же къ заграничной лѣсной торговлѣ неприлагается таже самая мѣрка, какъ и къ подсѣчному хозяйству? Отчего непоставить вопросъ о томъ, — насколько лѣсная торговля истощаетъ почву? Ежегодно вывоза въ Англію, въ громадномъ количествѣ, древесную массу, нерасхищаемъ-ли мы варварски сокровища нашей страны, чтобы обогатить ими чужеземную почву? Можетъ быть, лѣсная торговля и есть то вопіющее дѣло, то ужасное преступленіе, за которое надъ нами будутъ тяготѣть проклятія потомства...

Что касается уменьшенія казеннаго лѣснаго дохода, въ случаѣ дозволенія крестьянамъ свободно разработывать подсѣки, то такое уменьшеніе есть дѣло гадательное. Притомъ-же, боязнь уменьшенія дохода отъ продажи казеннаго лѣса можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ

случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на казенное управленіе, какъ на лавочку для распродажи государственной собственности. Но и въ такомъ случаѣ фирма, открывшая эту лавочку, неможетъ пользоваться довѣріемъ въ торговомъ мірѣ и разсчитывать на долговѣчность, если, посредствомъ продажи, она будетъ лишать себя необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей, если, напримѣръ, будучи поглощена заботою о продажѣ за границу возможно большаго количества лѣса, станетъ отнимать у крестьянъ подсѣки и тѣмъ доводить ихъ до нищеты. На рынкѣ пользуется уваженіемъ тотъ продавецъ, который предлагаетъ на продажу свои избытки. Но кто выноситъ на рынокъ имущество, необходимое для собственнаго употребленія, кого нужда заставляетъ отказывать себѣ въ крайне необходимомъ и искать покупателя, тотъ встрѣчаетъ однѣ двусмысленныя улыбки да прижимки со стороны богатыхъ купцовъ.

Глава четвертая.

ВОЛОСТНОЕ ВЛАДѢНІЕ ЗЕМЛЕЮ.

Въ Олонецкой губерніи, земледѣліе находится въ переходномъ состояніи отъ архаической системы выжиганія подсѣкъ къ общепринятой въ Россіи трехпольной системѣ. Благодаря сравнительной выгодности, трехпольщина сдѣлала такіе громадные успѣхи, что неосталось ни одного ничтожнаго поселка, гдѣ-бы не было постоянныхъ пашенъ, воздѣлываемыхъ по трехпольной системѣ. Даже на глубокомъ сѣверѣ, въ лѣсныхъ дебряхъ Повѣнецкаго уѣзда, куда иначе нельзя пробраться, какъ пѣшкомъ, или верхомъ по лѣснымъ тропинкамъ,—и тамъ есть постоянныя пашни. Въ иной деревнѣ нищета населенія дошла до того, что не осталось ни одной лошади, люди впрягаются въ соху, вмѣсто скота, за недостаткомъ навоза, вынимаютъ изъ болотъ торфъ для удобренія пашни,—и при всемъ томъ, эти мученики культуры, недовольствуясь разработкою подсѣкъ, поддерживаютъ существованіе своихъ жалкихъ, трехпольныхъ пашенъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ густое населеніе пользуется сравнительнымъ достаткомъ, гдѣ много земли и скота, гдѣ земля даетъ хорошіе урожаи,—тамъ переходъ къ трехпольной системѣ вполнѣ завершился, и выжиганье подсѣкъ перешло въ область народнаго предапія. Впрочемъ, такихъ счастливыхъ уголковъ немного. Въ большей части Олонецкой губерніи, подсѣчная и трехпольная системы земледѣльческаго хозяйства существуютъ рядомъ, такъ-что крестьяне имѣютъ и постоянныя паш-

ни и, въ то же время, выжигаютъ подсѣки. Такимъ образомъ, существующую здѣсь систему земледѣлія нельзя назвать иначе, какъ смѣшанною. Она неуспѣла принять вполнѣ законченной и отвердѣвшей формы. Здѣсь земледѣліе находится въ переходномъ, неопредѣленномъ состояніи.

Было время, когда огневое, подсѣчное хозяйство существовало на всемъ пространствѣ теперешней Олонецкой губерніи, повсемѣстно было распространено въ одинаковой степени и представляло собою единственную форму земледѣльческой культуры. Этотъ періодъ господства огневой системы начался въ XI вѣкѣ, когда появились здѣсь первые отряды славянскихъ колонистовъ. Онъ длился нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ весь народный бытъ, весь строй соціальной жизни крестьянъ успѣлъ приспособиться къ существующей системѣ земледѣльческаго хозяйства. Подсѣка была не только кормилицею, но и воспитательницею населенія. Поэтому, вся жизнь крестьянъ сложилась такъ, какъ удобнѣе для веденія подсѣчнаго хозяйства.

Когда начали появляться постоянныя пашни и новая трехпольная система пришла на смѣну первобытнаго подсѣчеинаго хозяйства, въ то время народная жизнь уже сложилась въ опредѣленную, законченную форму, мало приспособленную для новаго хозяйства. Инертность, привычка къ старинѣ и, въ то же время, остатки подсѣчнаго хозяйства, окончательно еще не покинутаго, способствовали поддержанію старинныхъ формъ народнаго быта. Съ другой стороны, условія новаго трехпольнаго хозяйства дѣлали старинныя формы мало пригодными для обезпеченія земледѣльческаго быта. Теперь пришлось отчасти вырабатывать новыя формы для

общежитія, отчасти заимствовать ихъ, въ готовомъ видѣ, изъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ переходъ къ трехпольной системѣ, былъ давно законченъ. Инымъ селеніямъ удалось благополучно перейти къ новымъ формамъ соціальнаго быта, болѣе приспособленнымъ къ трехпольной системѣ, а другія и до настоящаго времени остаются при старинныхъ формахъ; въ третьихъ идетъ глухая борьба между приверженцами стараго и новаго порядковъ; въ нѣкоторыхъ, рядомъ съ новыми формами, сохранились и старыя. Словомъ, соціальный бытъ крестьянъ находится въ такомъ-же неопредѣленномъ, переходномъ состояніи, какъ и система земледѣлія, представляя собою смѣсь историческихъ наслоеній, въ которыхъ сразу трудно ориентироваться. Поэтому уяснить основныя начала соціальнаго устройства и преимущественно существующей у крестьянъ системы землевладѣнія можно не иначе, какъ путемъ историческаго обзора тѣхъ переворотовъ, которые совершались въ экономическомъ и соціальномъ бытѣ народа, по мѣрѣ вымиранія подсѣчнаго хозяйства и развитія трехпольной системы.

Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что вся территорія теперешней Олонецкой губерніи издавна была покрыта сплошь „мхами да болотами, дикими лѣсами, лѣшими рѣками, лѣшими озерами“. Сосна да ель съ малою примѣсью лиственныхъ породъ, а можетъ быть и безъ этой примѣси, росли по кряжамъ и болотамъ. Топоръ еще никогда некасался ихъ; они незнали надъ собою власти человѣка. Первобытные жители здѣшнихъ мѣстъ, дикари — Чудь, Лопь, Самоядь, неимѣли осѣдлости, незанимались земледѣліемъ. Въ дикихъ лѣсныхъ чащахъ и непроходимыхъ *корбахъ* они

отыскивали звѣря, а въ лѣшихъ рѣкахъ и озерахъ ловили рыбу. „Въ тѣ-то поры давнія,—разсказываютъ олонецкіе крестьяне, — наше мѣсто незавѣдомо было ни бояриномъ, ни лихимъ человѣкомъ удалымъ. А въ лѣсу звѣря расплодилося: что ни кустъ — лисица съ купицею, что ни пень—медвѣдь съ волчищемъ. А и рыбы наплодилося, хоть рукой имай, аль *корцомъ* (ковшомъ) черпай".

Таково было положеніе Олонецкаго края въ то стародавнее время, когда пришли сюда первые славянскіе колонисты. Они заняли своими поселеніями теперешній Лодейнопольскій уѣздъ, гдѣ первоначально жила Чудь. Инородцы назвали ихъ *Русью*, — именемъ, подъ которымъ до сихъ поръ слыветъ въ народѣ южная часть Лодейнопольскаго уѣзда. За этимъ первымъ отрядомъ колонистовъ потянулись новыя толпы славянъ, постепенно подвигаясь все глубже и глубже на сѣверъ и вытѣсняя собою инородцевъ.

Славянскіе колонисты въ Олонецкомъ краѣ были земледѣльцы. Они шли сюда „пашенной земли искати, гдѣбы можно поселитися жити, или пахати", — шли „дикій лѣсъ расчищати, деревни и починки на томъ лѣсу ставити". Поэтому здѣсь самыя хлѣбородныя мѣста заняты славянами. Конечно, инородцы не безъ упорной борьбы уступали имъ свои „полѣшія" земли подъ „страдомыя" деревни. Слѣды этой борьбы повсюду сохранились въ народныхъ преданіяхъ и названіяхъ урочищъ. Однако, въ концѣ концовъ, инородцы должны были уступить. Они удалились похудшія, негодныя славянами земли и отчасти вымерли, отчасти ассимилировались съ славянами и, подъ ихъ цивилизующимъ вліяніемъ, сами обратились въ осѣдлыхъ землепашцевъ.

По культурному человѣку еще не такъ трудно было вести борьбу съ дикарями-инородцами, какъ съ дикою, не культурною природою. Ему, со слабыми силами и малыми средствами, прежде всего предстояло одолѣть дикій, вѣковой лѣсъ. Онъ, безъ милосердія, истреблялъ огнемъ сосны и ели, и сжигалъ не какія-нибудь мелкія деревья, но цѣлыхъ великановъ сѣверной, лѣсной растительности, какихъ нынѣ съ жадностью ищетъ лѣсопромышленникъ, но уже рѣдко находитъ. Послѣ лѣснаго пожога нужно было приступать къ обработкѣ земли подъ пашню, а между тѣмъ, въ первое время, въ распоряженіи землепашца небыло ни скота, ни земледѣльческихъ орудій, кромѣ матыки, и ему приходилось руками копать землю подъ посѣвъ. О такомъ способѣ обработки земли даютъ понятіе „житія“ колонистовъ Олонецкаго края, причисленныхъ церковью къ лику святыхъ. Такъ, изъ житія Кирилла Чолмогорскаго видно, что онъ, поселившись, въ началѣ XIV вѣка, при устьѣ рѣки Чолмы, надъ озеромъ Лекшмозеромъ, среди язычниковъ Чуди, обрабатывалъ землю матыкою. Впрочемъ, въ то время, и самая Чудь уже вела кочевое, подсѣчное хозяйство. Дикари пришли на гору, гдѣ поселился Кириллъ, и, несмотря на просьбу его удалиться, стали сѣчь лѣсъ и устраивать нивы. Пущенный ими огонь произвелъ лѣсной пожаръ, отъ котораго сгорѣли посѣвы, сдѣланные Кирилломъ. О другомъ колонистѣ, Александрѣ Ошевенскомъ, жившемъ во второй половинѣ XV вѣка, въ рукописномъ житіи его говорится: „зимнему-же времени минувшу и веснѣ наставши, начатъ древеса посѣкати и огнемъ сожигати, нивы творя и землю умягчая къ сѣянію готовяше, и добрѣ труждаяся, дѣлая своими руками и отъ своихъ потовъ пищу

пріимая". Но самое полное понятіе о тяжести, предстоявшей первымъ земледѣльцамъ, борьбы съ природою даетъ описаніе жизни первыхъ колонистовъ Выгорѣцкой пустыни, сохранившееся въ „Исторіи" Ивана Филиппова.

Въ концѣ XVII столѣтія, религіозныя преслѣдованія заставили многихъ старовѣровъ удалиться въ необитаемыя пустыни, лежавшія по теченію верхняго Выга. На новомъ мѣстѣ они тотчасъ принимались за излюбленное славянами занятіе — земледѣліе. И какихъ ужасныхъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ стоило имъ провести первую борозду на дикой, дѣвственной почвѣ! У нихъ небыло рабочаго скота и, обработывая землю, они непахали ее, но копали собственными руками. Ручное копаніе земли вполнѣ замѣняло пашню, такъ-что Филипповъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ о первыхъ колонистахъ: „*пахаше* пашню копарюгою", или „копарюгою землю *ораше*", или „пашню *пахаше* матыкою"; а въ другихъ случаяхъ: „матыкой *копаше*, копарюгою *копая* землю". У нихъ небыло и другихъ земледѣльческимъ орудій, кромѣ *сѣкиры* для сѣченія суковъ, т.-е. для вырубки лѣса подъ подсѣку, и *матыки*, или *копарюги* для копанія земли подъ посѣвъ. Нуждаясь въ хлѣбѣ для пропитанія, они такъ спѣшили посѣвомъ, что весною сѣкли суки, а лѣтомъ того же года жгли ихъ, тогда-какъ теперь вырубленный для подсѣки лѣсъ обыкновенно сжигается черезъ годъ по вырубкѣ. Съ другой стороны, имъ не подъ силу былъ громадный трудъ вырубать подъ подсѣки дѣвственный лѣсъ. Вмѣсто того, для сокращенія труда, они пускали лѣсные пожары въ жаркіе, лѣтніе дни и потомъ засѣвали хлѣбомъ выжженныя мѣста.

Поселенцевъ было мало, а земли и лѣсу очень много, такъ много, что они неимѣли никакой цѣнности. Земля была вольная, *ничья*, *Божья*,—селись на ней кто хочетъ, и владѣй, сколько силъ хватитъ. Гдѣ полюбилось, тамъ и селился первый колонистъ, а гдѣ поселился, то мѣсто и считалъ *своимъ*, конечно, не по закону, но по самой простой, первобытной логикѣ: гдѣ я сижу, тамъ неможетъ другой сидѣть, — какъ говорили римскіе юристы. Самыя деревни назывались *сидѣньями* тѣхъ лицъ, кто первый основалъ ихъ. Такъ, въ древнихъ актахъ постоянно упоминаются: „деревня Оникіево сидѣнье, деревня Яковлево сидѣнье“ и т. д. Когда первый колонистъ умиралъ и осѣдлость его переходила по наслѣдству къ потомству его, тогда деревня переставала называться сидѣньемъ и принимала названіе *слѣда*, т.-е. наслѣдства; теперь она называлась Яковлевъ слѣдъ, Оникіевъ слѣдъ. Нѣкоторыя селенія, въ теченіе многихъ вѣковъ, сохранили въ своихъ названіяхъ имена первыхъ поселенцевъ.

Древніе поселенцы любили ширь, просторъ и не терпѣли тѣсноты. Они всегда избѣгали многолюдныхъ, скученныхъ поселеній. Въ такихъ селеніяхъ имъ было тѣсно и несподручно жить. Привыкши всю жизнь проводить въ лѣсу за одинокою работою, то занимаясь земледѣльческимъ трудомъ на подсѣкахъ, то отыскивая въ лѣсу звѣря, — они выработали въ себѣ нелюдимый характеръ и склонность къ пустынножительству. Поэтому, какъ только семья колониста размножалась и ей становилось тѣсно жить въ одномъ дворѣ, то выдѣлившіеся изъ семьи члены рѣдко ставили въ той же деревнѣ новый дворъ, рядомъ со старымъ дворомъ. Они предпочитали покинуть старую деревню и, въ болѣе или

менѣе дальнемъ разстояніи отъ · нея, основать новый починокъ. Это дѣлалось не безъ глубокаго хозяйственнаго разсчета. Вся совокупность условій тогдашняго экономическаго быта крестьянъ побуждала ихъ предпочитать малолюдныя и одинокія поселенія въ лѣсахъ. Не имѣя постоянныхъ пашенъ и ведя бродячее подсѣчное хозяйство, крестьянинъ небылъ привязанъ къ извѣстному клочку земли. Ему было все равно, на какомъ бы клочкѣ ни жить, лишь бы въ окрестностяхъ были мѣста, удобныя для разработки подсѣкъ. А такихъ мѣстъ, конечно, было больше вдали отъ старыхъ деревень, и потому крестьянамъ было удобнѣе покидать старыя деревни и селиться на новыхъ мѣстахъ.

Потребность въ рыбѣ для постояннаго домашняго обихода также побуждала крестьянъ выселяться изъ старыхъ деревень. Крестьянинъ искалъ для поселенія такого мѣста, гдѣ-бы онъ могъ каждый день добывать рыбу для стола. Между тѣмъ, въ рѣкѣ или озерѣ не всякое мѣсто одинаково богато рыбою. Въ старыхъ деревняхъ самыя рыбныя мѣста издавна заняты ловушками коренныхъ поселенцевъ. Если новый домохозяинъ будетъ требовать у нихъ уступки мѣста для своихъ ловушекъ, то изъ этого выдетъ много грѣха, явится тѣснота, и пожалуй, безрыбье. Поэтому для него гораздо лучше было удалиться изъ старой деревни и основать новое поселеніе на берегу рѣки или озера, возлѣ новаго, никѣмъ незанятаго, богатаго рыбою мѣста.

При томъ-же, рыба и хлѣбъ далеко немогли удовлетворить всѣхъ потребностей жизни. Нужны были деньги на уплату податей и покупку разныхъ хозяйственныхъ вещей. Въ старое время, роль денегъ играли звѣриныя шкуры, а потомъ, когда монета вошла въ общее упо-

требленіе, деньги, попрежнему, добывались преимущественно звѣриною ловлею. Между тѣмъ, звѣрь водится только въ извѣстныхъ мѣстахъ, которыя, въ древнихъ актахъ, при вычисленіи земельныхъ угодій, упоминаются подъ именемъ *ловищъ*. Эти ловища нельзя было ни дѣлить, ни стѣснять многолюднымъ, совмѣстнымъ пользованіемъ,—иначе, того и гляди, звѣрь переведется. Поэтому опять являлась нужда выселяться изъ старой деревни, отыскивать въ лѣсу новое ловище и, не вдалекѣ отъ него, строить новый починокъ.

Когда крестьянинъ уходилъ изъ деревни и ставилъ въ пустомъ лѣсу новый починокъ, то онъ этимъ не разрывалъ связь съ деревнею. Тамъ оставались у него отецъ, мать, братья, сестры, дяди, тетки и т. д. Съ ними онъ состоялъ въ неразрывномъ, вѣковѣчномъ союзѣ, составляя *одно племя*. Да и жилъ онъ съ ними въ *одномъ* лѣсу, на *одной* рѣкѣ, или озерѣ. Связь между деревнею и починкомъ была до такой степени крѣпка, что иной починокъ долгое время неимѣлъ особаго названія и не только носилъ одно имя съ деревнею, но считался нераздѣльною частью деревни, хотя находился на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ нея. Такое образованіе починковъ и до сихъ поръ наблюдается въ глухихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи.

Мнѣ лично пришлось подмѣтить этотъ любопытный фактъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Выга. Разъ я остановился въ деревнѣ Шелтопорогѣ, чтобы перемѣнить верховую лошадь. Эта деревня, хотя и небольшая, но, все-таки, состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, построенныхъ рядомъ, — словомъ, какъ слѣдуетъ быть русской деревнѣ. Оставивъ Шелтопорогъ, я неуспѣлъ проѣхать версту или двѣ по усѣянному камнями бере-

гу Выга, какъ встрѣтилъ новое поселеніе, изъ двухъ или трехъ дворовъ.

— Это что за деревня?—спрашиваю проводника.

— Тотъ же Шелтопорогъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Вѣдь это особая деревня!

— Нѣтъ, деревня одна—Шелтопорогъ; только тамъ жительство и тутъ жительство,—въ томъ вся разница. Въ томъ жительствѣ тѣсно стало,—выселились сюда; а деревня все одна.

Проѣхавши еще версты четыре или пять, встрѣчается новенькая, недавно выстроенная, избушка,—стоитъ одинехонька въ лѣсу, какъ будто лѣсная сторожка.

— Это что?—спрашиваю.

— А все Шелтопорогъ,—отвѣчаетъ проводникъ. — Года два, какъ построился тутъ крестьянинъ изъ Шелтопорога.

— Почему-же вы недадите особаго названія этой деревнѣ?

— Какая же тутъ деревня?!—усмѣхнулся проводникъ.

— Что-же это, какъ не деревня?

— Такъ,—жительство, фатера... А деревня у насъ, одна—Шелтопорогъ.

— Пусть будетъ жительство, но какъ-нибудь вы называете-же его. Ты собрался идти въ это жительство,—какъ сажешь дома—куда идешь?

— А говоримъ: къ Лисицѣ идемъ... Тутошнему жителю прозвище—Лисица...

По чисто великорусскому пониманію, вынесенному изъ среднихъ губерній, Шелтопорогъ будетъ особая деревня, три двора тоже особая деревня, житель Лисица опять особая деревня. Но олончане понимаютъ деревню совсѣмъ иначе. У нихъ и Шелтопорогъ, и три двора, и

житель Лисица—все одна деревня, одинъ Шелтопорогъ. Правда, придетъ время, когда чиновникъ, для порядка, обзоветъ и жителя Лисицу деревнею, и это названіе укрѣпится за Лисицею навѣки вѣчные; но въ народномъ сознаніи, все-таки, непзгладится представленіе о связи и единствѣ Лисицы съ Шелтопорогомъ, и народъ, попрежнему, будетъ звать Шелтопорогомъ группу поселеній, оффиціально признаваемыхъ отдѣльными деревнями.

Такія группы селеній, въ настоящее время, составляютъ обычное явленіе въ Олонецкой губерніи. Такъ, въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ есть заселенная мѣстность, называемая Оштою. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ небольшихъ поселеній, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустыми промежутками. Каждое поселеніе имѣетъ свое названіе и оффиціально считается деревнею. Но въ народномъ сознаніи всѣ они составляютъ одно селеніе и носятъ одно общее названіе Ошты. Въ томъ-же Лодейнопольскомъ уѣздѣ есть заселенная мѣстность Винницы, извѣстная по актамъ съ XII вѣка. Она также состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ поселковъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по обоимъ берегамъ рѣки Ояти, на протяженіи около 3-хъ верстъ. Здѣсь каждый поселокъ владѣетъ пахатною землею особо отъ сосѣднихъ поселковъ, отъ которыхъ отдѣляется полями. Но, несмотря на это, въ народномъ сознаніи они непризнаются за особыя деревни. Крестьяне объясняютъ, что чиновники, для своихъ надобностей, прозвали поселки деревнями, на самомъ-же дѣлѣ, они совсѣмъ не деревни, потому-что деревня одна—Винницы.

Связь и единство между отдѣльными поселками, принадлежащими къ одной группѣ, издавна выражалась въ

томъ, что всѣ они имѣли одинъ *суёмъ* (мірская сходка). Въ половинѣ прошлаго столѣтія, выборные старосты отъ разныхъ заонежскихъ волостей въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовали существующіе у крестьянъ суймы: „Въ таковыхъ ихъ совѣтахъ нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго, а всѣ вообще“. А вотъ также не менѣе характерный отзывъ тогдашнихъ правительственныхъ чиновниковъ о крестьянскихъ суймахъ: „Во всѣхъ погостахъ и волостяхъ введены такъ-называемые здѣсь суёмы, и какая-бъ надобность не случилась,—велика-ль, или мала, — также, когда изъ канцеляріи посылаются къ старостамъ указы, то собираются изъ всѣхъ того присуда жительствъ въ одно мѣсто, неразсуждая, что нѣкоторые, въ дальнемъ разстояніи отлучаясь отъ своихъ жилищъ, лишаются чрезъ то домостроительства, а только для того, что обще горланютъ и приговариваютъ что по указамъ дѣлать, а съ того и выходитъ, что на всякій указъ — репортъ и зачѣмъ иногда исполнять не хотятъ представленія, и только дѣла, что одинѣ переписки, такъ властно, *какъ-бы всякое старосто было учрежденнымъ какимъ правленіемъ*“.

На суёмъ собирались всѣ крестьяне, которые составляли одинъ міръ. Но сѣверный, олонецкій міръ далеко непоходитъ на великорусскій міръ, существующій въ среднихъ губерніяхъ. Въ центральной Россіи каждое селеніе, а иной разъ даже часть деревни, представляетъ собою особый міръ. Напротивъ, олонецкіе крестьяне говорятъ: „въ деревнѣ міра не наберёшь“. Олонецкій міръ обнимаетъ цѣлую группу селеній и часто состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, издавна, естественнымъ путемъ, слившихся въ одно цѣлое. Такая организація міра вполнѣ приспособлена къ образованію по-

выхъ выселковъ и починковъ, а можетъ-быть и явилась вслѣдствіе дробленія старыхъ деревень на мелкіе починки. При ней какъ-бы ни умножалось число починковъ,—міръ отъ этого ни мало непзмѣняется; для него безразлично, живетъ-ли Лисица въ Шелтопорогѣ, или поселился въ пустомъ лѣсу, потому-что, основывая новый починокъ, онъ невыдѣляется изъ міра. Напротивъ, въ среднихъ губерніяхъ, крестьянинъ, выселившись изъ деревни, тѣмъ самымъ разрываетъ всякую связь съ міромъ, становится въ весьма невыгодное, одинокое положеніе.

Отъ этого въ Олонецкой губерніи постоянно образуются новые выселки и починки, а въ среднихъ губерніяхъ, наоборотъ, замѣчается стремленіе къ уничтоженію мелкихъ селеній, посредствомъ выселенія крестьянъ въ болѣе крупныя селенія. Напримѣръ, около Москвы, въ Черкизовской волости, еще недавно существовала деревня Новлянская, изъ которой всѣ жители постепенно переселились въ сосѣднюю деревню Дмитровку. Когда спросишь крестьянъ,—отчего уничтожилась Новлянская?—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что отъ малолюдства, оттого, что въ ней міръ былъ малъ, а въ Дмитровкѣ, куда переселились новлянцы, міръ больше. То же самое происходитъ въ Черкизовской волости съ деревнею Елиной, откуда крестьяне переселяются въ сосѣднія деревни—Черную Грязь и Назарьево, такъ-что въ Елиной осталось всего 4 или 5 дворовъ. Выселеніе происходитъ опять-таки оттого, что въ Елиной міръ малъ, почему крестьянъ одолѣли мірскіе расходы. Напримѣръ, при 4—5 дворахъ, елинцы должны имѣть особаго пастуха, которому платятъ 75 рублей въ годъ, тогда-какъ въ сосѣднемъ, большомъ селѣ Чер-

кизовѣ съ 60-ти дворовъ платится пастуху 150 рублей. Отсюда понятно, какія выгоды представляетъ крестьянамъ большой міръ и почему они выселяются изъ мелкихъ деревень въ большія селенія.

Олонецкіе суймы небыли искусственными созданіями, извнѣ привитыми къ народному быту. Они образовались естественнымъ порядкомъ, подъ многовѣковымъ давленіемъ множества обстоятельствъ, настойчиво воспитывавшихъ въ крестьянствѣ одну и ту же мысль, что какъ скоро люди живутъ въ *одномъ* лѣсу, на *одной* рѣкѣ, на *одномъ* озерѣ, то и сами должны составлять нѣчто *одно*, дѣйствовать *за одно*. Лѣсъ, въ которомъ жили крестьяне, считался ничьимъ, Божьимъ, выросшимъ на потребу для всѣхъ людей. Нуженъ былъ крестьянину клочекъ лѣса для подсѣки,—онъ выжигалъ его, расчищалъ пивку и, снявши два-три урожая, бросалъ разработанный участокъ, не присвоивая никакихъ правъ на дальнѣйшее владѣніе имъ. Коль скоро лѣсной участокъ брошенъ,—всякій другой крестьянинъ могъ пользоваться имъ, сколько хотѣлось и какъ ему было угодно. По, опять-таки, ему неприходила въ голову мысль о вѣчномъ освоеніи этого участка, ибо, при существованіи подсѣчной системы, въ такомъ освоеніи нѣтъ надобности. Крестьяне до сего времени говорятъ, что въ лѣсу они не владѣльцы, а только „работаютъ промежъ себя“, т. е. пользуются имъ каждый отдѣльно и въ то же время всѣ сообща.

Съ такимъ первобытнымъ воззрѣніемъ на лѣсъ явились въ Олонецкій край толпы крестьянъ-колонистовъ изъ Великаго Новгорода. Но вмѣстѣ съ ними сюда-же пришли люди, проникнутые хищническимъ стремленіемъ къ вѣковѣчному освоенію пустыхъ лѣсныхъ земель. Это были новгородскіе бояре. Они захватывали пу-

стыя земли, укрѣпляя ихъ за собою приказнымъ порядкомъ. Когда, такимъ образомъ, среди безконечнаго пространства выдѣлились клочки боярскіе, то крестьяне, работавшіе въ лѣсу, неизбѣжно должны были придти въ соприкосновеніе съ сосѣдними землевладѣльцами-боярами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ явилось сознаніе своей солидарности по землѣ, на которой они работаютъ промежъ себя, и своей обособленности отъ бояръ тоже по землѣ. Явились поземельныя распри между крестьянами и боярами, понадобилось, для прекращенія распрей, провести границу между вольною, божьею землею и боярскою землею.

Кто-же долженъ вступить въ соглашеніе съ боярином о проведеніи границъ? Естественно, въ соглашеніе должны были вступить всѣ тѣ крестьяне, которые „работаютъ промежъ себя“. Всѣ они имѣютъ одинаковый интересъ въ спорѣ съ боярином, потому-что у всѣхъ ихъ одинаковыя права на землю, такъ-что между ними „нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго, а всѣ вообще“. Такимъ образомъ, когда (въ 1375 году) боярину Григорью Семеновичу понадобилось размежеваться съ сосѣдними крестьянами, то съ нимъ вступаютъ въ соглашеніе не отдѣльные владѣльцы изъ крестьянъ и не сосѣднія съ нимъ деревни, но всѣ крестьяне четырехъ старыхъ сельскихъ группъ—Шунги, Толвуи, Кузаранды и Имочининцъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ по нѣсколько поселковъ. Всѣ они заодно заключили съ боярином слѣдующій договоръ: „Се докончаша миръ въ миръ съ Челмужскимъ съ боярином, съ Григорьемъ Семеновичемъ и съ дѣтьми — съ Бакуномъ и Савельемъ—староста Вымочинскаго погоста Артемій, прозвищемъ Оря, со всемъ племенемъ, да шунгскіе смер-

да—Иванъ Герасимовъ да Василій, прозвищемъ Стайковъ, — Глѣбовы, да Игнатій, прозвищемъ Игоча, да Осафій — Перфирьевы дѣти, и *вси* шунжане, и *вси* талвьяне, и *вси* кузарандцы, и *вси* вымочинцы съ Григорьемъ и съ его дѣтьми миръ взяли и межу въ Челмужскомъ погостѣ урядили"... Этимъ договоромъ крестьяне, совершили актъ освоенія земли и лѣса, гдѣ они работали промежъ себя. Но освоеніе совершено не однимъ лицомъ, какъ это сдѣлалъ боярин Григорій Семеновичъ, но всѣми шунжанами, всѣми толвуянами, всѣми кузарандцами, всѣми имочинцами,—всѣми ими заодно. Теперь четыре сельскія группы сдѣлались такимъ-же поземельнымъ владѣльцемъ, какъ и боярин Григорій Семеновичъ, — они составили изъ себя одну *волость*.

Мы воспользовались приведеннымъ примѣромъ единственно для того, чтобы наглядно показать, какъ завершился процессъ юридическаго освоенія земли древнею сельскою общиною, которая носила названіе *волости*. Самая община существовала издавна; она была принесена въ Олонецкій край, въ готовомъ видѣ, изъ Великаго Новгорода. Упоминаемые въ приведенномъ договорѣ, Шунга, Толвуя, Кузаранда и Имочинцы издавна составляли каждая особую волость, особый сельскіе міръ и, конечно, каждая имѣла особый суѣмъ. Но, въ то-же время, въ нихъ еще незародилось сознаніе своей обособленности по землѣ,—земля у нихъ общая, она божья, ничья. Мысль о возможности освоенія земли зародилась случайно, привилась извнѣ. Поселился подъ бокомъ сосѣдъ-Челмужскій боярин, захватилъ въ свои руки клочекъ божьей земли и,—нечего дѣлать,—пришлось помириться съ тѣмъ фактомъ, что божья земля

можетъ быть освоена и разграничена. Но крестьянскія волости еще далеки отъ мысли дѣлить между собою землю. Онѣ остаются при первобытномъ воззрѣніи на землю, какъ на божье созданіе, дарованное всѣмъ трудящимся для общаго пользованія. Всѣ смежныя волости въ поземельномъ отношеніи еще необособились между собою, а составляютъ какъ-бы одну волость. Только впослѣдствіи, мало-по-малу, подъ вліяніемъ посторонннихъ обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, произошло поземельное разграниченіе волостей, обширныя, древнія волости раздробились на болѣе мелкія, строго поземельныя общины-*волостки*, и каждая волость сдѣлалась особымъ поземельнымъ владѣльцемъ.

При господствѣ подсѣчнаго хозяйства, волость, какъ нельзя лучше, обезпечивала земледѣльческій бытъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ членовъ. Каждый, наравнѣ со всѣми другими и безобидно для другихъ, могъ пользоваться землею и лѣсомъ для разработки подсѣкъ. Онъ захватывалъ въ свое пользованіе столько земли и лѣсу, сколько было нужно и сколько хватало силъ на разработку. При обиліи земли, никто не могъ своимъ пользованіемъ стѣснить право другаго на такое-же пользованіе землею и лѣсомъ. Притомъ-же пользованіе землею было самое краткосрочное, продолжаясь 2 — 3 года, послѣ чего земля опять дѣлалась общимъ достояніемъ и ею могъ пользоваться всякій другой членъ общины. При такихъ условіяхъ, волость была единственнымъ хозяиномъ земли, а волостные крестьяне не болѣе, какъ работниками на этой землѣ, — всѣ они имѣли равное и безобидное другъ для друга право работать промежъ себя. Волость вполнѣ удовлетворяла потребности всѣхъ

и каждаго въ землѣ при существованіи подсѣчнаго хозяйства, и никакая другая поземельная организація не могла быть лучше приспособлена къ условіямъ веденія этого хозяйства. Оттого въ Олонецкой губерніи, вмѣстѣ съ подсѣчнымъ хозяйствомъ, донынѣ сохранилось и древнее волостное устройство.

Особенности волостнаго устройства у крестьянъ Олонецкой губерніи въ первый разъ были подмѣчены А. Л. Лалошемъ. Будучи производителемъ работъ по составленію и выдачѣ владѣнныхъ записей государственнымъ крестьянамъ Олонецкой губерніи, онъ, и оффиціальнымъ, и литературнымъ путями, горячо пропагандировалъ мысль о необходимости надѣлять землею не отдѣльныя селенія, но существующія изъ-покопъ вѣка у крестьянъ поземельныя общины, изъ которыхъ каждая обнимаетъ цѣлую группу селеній. На сторонѣ г. Лалоша стоялъ законъ, предписывающій обезпечить крестьянамъ сѣверныхъ губерній существующую у нихъ систему подсѣчнаго хозяйства, и другой законъ, въ силу котораго мірское устройство должно быть сохранено неприкосновеннымъ при надѣленіи крестьянъ землею. Казалось-бы, что можетъ быть сильнѣе такого союзника, какъ законъ? А между тѣмъ, и онъ непомогъ г. Лалошу. Владѣнныя записи будутъ выданы на каждое селеніе отдѣльно, т.-е. отдѣльно на Шелтопорогъ, отдѣльно на три двора и отдѣльно на жителя Лисицу. Такимъ образомъ, въ настоящее время, древняя волость доживаетъ послѣдніе дни въ Олонецкой губерніи.

Въ странное время живемъ мы,— языкомъ лепечемъ о сохраненіи основъ, а руками ломаемъ эти основы...

Глава пятая.

ЛИЧНОЕ ВЛАДѢНІЕ ЗЕМЛЕЮ.

Древняя поземельная община, носившая названіе волости, была полнымъ, единственнымъ хозяиномъ земли и обезпечивала всѣмъ своимъ членамъ равное и безобидное пользованіе ею—не почему иному, какъ благодаря существованію подсѣчной системы земледѣльческаго хозяйства. При этой системѣ ежегодно происходитъ какъ-бы передѣлъ земли между членами общины, и притомъ передѣлъ совершается естественнымъ, а не искуственнымъ порядкомъ, незамѣтно для членовъ общины, безъ всякаго соглашенія между ними. Крестьянинъ ежегодно занимаетъ посѣвами большее или меньшее пространство общинной земли, соразмѣрно своей рабочей силѣ. Увеличивается въ семьѣ рабочая сила, тогда увеличивается и запашка, уменьшается сила—уменьшается и запашка.

На этомъ постоянномъ колебаніи количества рабочей силы въ крестьянской семьѣ основанъ и передѣлъ общинныхъ земель въ центральной Россіи, гдѣ принята трехпольная система. Но тамъ передѣлъ совершается искусственнымъ порядкомъ, по мірскому совѣту и приговору, на основаніи выработанныхъ обычаемъ правилъ. Напротивъ, въ сѣверныхъ общинахъ, гдѣ существуетъ система подсѣчнаго хозяйства, передѣлъ земли происходитъ естественнымъ путемъ, безъ всякаго предварительнаго мірскаго соглашенія. Здѣсь крестьянинъ, ни у кого неспрашиваясь, ни съ кѣмъ

несовѣтуясь, занимаетъ столько общинной земли, сколько въ силахъ занять. Какъ-бы много земли крестьянинъ ни занялъ, онъ этимъ никого нестѣсняетъ, потому-что земли для всѣхъ довольно, и если, въ послѣднее время, какъ мы видѣли, явилась тѣснота, то это произошло не вслѣдствіе абсолютнаго недостатка земли, но отъ преслѣдованія подсѣчнаго хозяйства ревнителями казенныхъ интересовъ. Равнымъ образомъ, если крестьянинъ занялъ посѣвами очень мало земли, то этимъ самымъ онъ необреченъ на малоземелье. Увеличится рабочая сила, и тогда онъ, на другой-же годъ, можетъ занять много свободной, общинной земли.

На сѣверѣ, въ періодъ господства подсѣчнаго хозяйства, права общины на владѣніе землею были гораздо крѣпче и обширнѣе, а права маломочныхъ крестьянъ на пользованіе общинною землею болѣе обезпечены, чѣмъ въ общинахъ средней Россіи, гдѣ земля передѣляется на долгіе сроки. Въ центральной Россіи, какъ скоро совершится передѣлъ общинной земли, положимъ, на 10 лѣтъ, то, въ теченіе всего этого срока, права общины на землю находятся въ состояніи покоя и бездѣйствія; они уступлены на этотъ срокъ каждому члену общины отдѣльно. Поэтому, на другой-же годъ послѣ раздѣла, община будетъ равнодушно смотрѣть на такую, напримѣръ, явную несправедливость. У получившаго большой участокъ земли рабочая сила уменьшилась, а у получившаго малый участокъ—увеличилась, величина-же участковъ осталась безъ измѣненія у того и у другаго, въ теченіе всего десятилѣтняго срока. Напротивъ, на сѣверѣ, при существованіи подсѣчнаго хозяйства, община неуступаетъ никому своихъ правъ на землю. Здѣсь каждый членъ общины пользуется землею не какъ

владѣлецъ, которому община, на извѣстный срокъ, передала право на землю,—дѣлай съ нею, что знаешь, никто несмѣетъ помѣшать тебѣ. Нѣтъ, онъ пользуется землею исключительно какъ работникъ,—пока работаетъ, до тѣхъ поръ и пользуется землею, а пересталъ работать, тогда землю занимаетъ всякій другой работникъ, неспрашивая согласія на это ни у перваго работника, ни у общины. А такъ-какъ никто въ отдѣльности несчитается владѣльцемъ земли, а всѣ сознаютъ себя работниками на общинной землѣ, то, естественно, всякій работаетъ по мѣрѣ своей рабочей силы, постоянно занимаетъ такое количество земли, какое въ силахъ обработать.

Однако, древняя, подсѣчная система представляла много недостатковъ и неудобствъ. Поэтому, съ теченіемъ времени, она должна была уступить мѣсто новой и лучшей, трехпольной системѣ земледѣльческаго хозяйства. Эта новая трехпольная система имѣла то громадное преимущество предъ подсѣчнымъ хозяйствомъ, что обработка постоянныхъ пахатныхъ полей требуетъ несравненно меньшаго расхода мускульной силы, чѣмъ разработка подсѣкъ. Въ настоящее время, обработка одной десятины постоянной пашни обходится крестьянину отъ 30 до 45 руб., тогда-какъ обработка одной подсѣчной десятины стоитъ отъ 100 до 150 рублей. Такимъ образомъ, какъ скоро участокъ земли, занятый подсѣкою, обращается въ постоянную пашню, то стоимость ежегодной обработки его значительно уменьшается. Такое уменьшеніе стоимости ежегодной обработки постоянной пашни есть прямой результатъ значительной затраты мускульнаго труда на первоначальную расчистку пашни изъ-подъ лѣса. Постоянная пашня представляетъ собою

не просто землю, но землю и вложенный въ нее, при первоначальной разработкѣ, человѣческій трудъ. Этотъ трудъ, уйдя въ землю, такъ-сказать, сростается съ землею и живетъ въ ней вѣчно. Оттого, при дальнѣйшей обработкѣ земли, отъ человѣка требуется уже меньшій расходъ мускульнаго труда, недостатокъ котораго восполняется трудомъ, ранѣе вложеннымъ въ землю.

Громадная разница между дикою, невоздѣланною землею и обработаннымъ полемъ приводитъ къ двумъ весьма важнымъ результатамъ. Съ одной стороны, если дикая земля въ первобытномъ обществѣ считалась ничьею, божьею, то воздѣланная земля, заключающая въ себѣ трудъ человѣка, должна была сдѣлаться достояніемъ работника. Онъ вложилъ въ землю свой трудъ, смѣшалъ его съ землею почти до безразличія, и потому, оставаясь хозяиномъ своего труда, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлался и хозяиномъ земли. Съ другой стороны, если дикая, невоздѣланная земля непредставляла собою никакой цѣнности, то человѣческій трудъ въ первобытномъ обществѣ всегда высоко цѣнился, а потому и земля, въ которую вложенъ человѣческій трудъ, пріобрѣтала значеніе цѣнности. Тутъ цѣнилась не земля, но человѣческій трудъ, вложенный въ землю.

Исходя изъ первобытнаго воззрѣнія, что земля сама по себѣ ничья, общество сдѣлало большую ошибку, оцѣнивая въ воздѣланной землѣ одинъ человѣческій трудъ, составляющій неотъемлемое достояніе работника. Въ дѣйствительности, хотя земля и пріобрѣла значеніе цѣнности, благодаря вложенному въ нее труду, но чрезъ это она сама непревратилась въ трудъ, а осталась, попрежнему, землею. При томъ-же, одинъ трудъ, самъ по себѣ, безъ соединенія съ землею, не въ силахъ

произвести никакой цѣнности и, слѣдовательно, въ процессѣ образованія цѣнности земля и человѣческій трудъ играютъ совершенно равную роль. Поэтому рабское, крѣпостное подчиненіе земли воздѣлавшему ее работнику должно быть признано дѣломъ непослѣдовательнымъ и несправедливымъ, если мы будемъ исходить изъ первобытнаго воззрѣнія на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ работниковъ, сгруппировавшихся въ общину-волость. Пусть трудъ, вложенный въ землю, останется достояніемъ работника, но земля, попрежнему, должна оставаться общимъ достояніемъ всѣхъ работниковъ, составляющихъ волость. Это, именно, и было упущено изъ виду древнею, сѣверною волостью.

Слабая сторона этой поземельной общины заключалась въ томъ, что она обезпечивала своимъ членамъ ровное и безобидное пользованіе исключительно одними подсѣками. Она была приспособлена къ одному лишь подсѣчному хозяйству и оказалась безсильною примѣнить принципъ равенства къ пользованію постоянными угодьями, когда, на смѣну подсѣчнаго хозяйства, явилась новая, трехпольная система земледѣлія.

Въ какое время и какимъ путемъ появилась и распространилась трехпольщина въ Олонецкомъ краѣ,— мы незнаемъ, но думаемъ, что первыя трехпольныя пашни образовались точно такимъ же порядкомъ, какъ и теперь заводятся вновь, такъ называемыя *запольныя*, или *отхожія* пашни. Когда крестьянинъ бываетъ въ силахъ увеличить количество постоянной пахатной земли, то онъ начинаетъ приспособлять для болѣе глубокой пахаты и унавоживать расчищенную имъ подсѣку и, такимъ образомъ, обращаетъ ее въ пахатное поле, обрабатываемое по трехпольной системѣ. Такія поля, вновь

заведенныя въ лѣсу на болѣе или менѣе дальнемъ разстояніи отъ селеній, называются *запольками*, или запольными пашнями. Такъ какъ они образуются изъ подсѣкъ, поэтому крестьяне продолжаютъ пользоваться ими на такихъ же точно основаніяхъ, какъ и подсѣками, т. е. работаютъ на нихъ безъ помѣхи со стороны другихъ крестьянъ и безъ всякихъ ограниченій со стороны общины. Согласно древнему обычаю, выработанному въ періодъ господства подсѣчнаго хозяйства, община наблюдаетъ, чтобы никто изъ членовъ ея не мѣшалъ работать другому, и потому одинаково охраняетъ право трудящагося на занятую имъ общинную землю,—будетъ ли то подсѣка, или образовавшаяся изъ подсѣки постоянная пашня. На самомъ же дѣлѣ, между подсѣкою и постоянною пашнею существуетъ громадная разница. Подсѣка даетъ 2—3 урожая и потомъ бросается, дѣлается ничья, общая. Напротивъ, постоянное поле небросается, но ежегодно обрабатывается, безконечное число лѣтъ. Поэтому общинная охрана права трудящагося надъ обработкою постояннаго поля создаетъ для него новое, весьма обширное право владѣнія этимъ полемъ, въ теченіе безконечнаго числа лѣтъ, пока онъ самъ неброситъ его, словомъ—вѣчное владѣніе.

Въ періодъ господства подсѣчнаго хозяйства, община выработала правило, по которому, если крестьянинъ умиралъ, неуспѣвши воспользоваться плодами труда, употребленнаго имъ на разработку подсѣки, то право на дальнѣйшее пользованіе подсѣкою переходило къ сыну, или иному наслѣднику его. Равнымъ образомъ, если расчистившій подсѣку почему-либо немогъ или нехотѣлъ засѣять ее, то могъ, тѣмъ или другимъ

способомъ, передать свое право на подсѣку кому вздумается и притомъ на годъ, на два, или до окончательнаго истощенія почвы.

Допуская наслѣдственный переходъ подсѣкъ и свободу отчужденія ихъ изъ рукъ въ руки, община продолжала оставаться полноправнымъ и единственнымъ хозяиномъ земли, такъ какъ пользованіе подсѣками можетъ быть только самое краткосрочное, послѣ чего они опять становятся достояніемъ общины. Совсѣмъ иной результатъ получился тогда, когда община, держась одинаковаго взгляда на постоянныя поля и подсѣки, допустила тотъ же наслѣдственный переходъ и ту-же свободу отчужденія относительно постоянныхъ полей. Отсюда произошло то, что за общиною только въ принципѣ стало признаваться верховное право на землю; на самомъ же дѣлѣ, община перестала быть хозяиномъ постоянныхъ угодій, лишилась права распоряжаться ими и сохранила власть надъ однѣми, никѣмъ незанятыми, землями.

Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что въ старину у крестьянъ господствовала система личнаго владѣнія постоянными пашнями и сѣнокосами съ неограниченнымъ правомъ владѣльцевъ на наслѣдственную передачу и отчужденіе въ посторонніе руки своихъ участковъ. Крестьяне владѣли постоянными угодьями, какъ потомственною и вѣчною собственностью, продавали ихъ, закладывали, дарили, завѣщали, отдавали въ приданое. Такимъ путемъ крестьянскія земли переходили даже во владѣніе лицъ, посторонихъ волости, пріобрѣтались попами и посадскими людьми. Волость ни мало непрепятствовала образованію на своей общинной землѣ такого личнаго поземельнаго владѣнія. Она

дозволяла крестьянамъ распоряжаться ихъ участками свободно, какъ знаютъ, требуя только одного, чтобы каждый владѣлецъ въ границахъ общинной территоріи тянулъ государево тягло вмѣстѣ съ волостными людьми.

До какой степени глубоко проникла въ крестьянскую жизнь система личнаго владѣнія постоянными угодьями, это показываетъ исторія одного крестьянскаго участка въ деревнѣ Пголкиной, Вытегорскаго погоста, разсказанная въ купчей крѣпости 1676 и 1701 годовъ. Исторія этого участка восходитъ до начала XVII столѣтія. Первый извѣстный намъ владѣлецъ участка, крестьянинъ Тихонъ, передалъ его, по наслѣдству, сыну Мартыну, а Мартынъ своему сыну, Кондратью Шилову. Этотъ владѣлецъ расширилъ участокъ,—„слѣдъ отца своего и дѣда“,—вновь расчистивъ изъ 'подъ лѣса сѣнные покосы. Во время нужды, онъ закладывалъ участокъ, но послѣ выкупалъ его, уплативъ долгъ заимодавцамъ. Наконецъ, онъ занялъ у зятя Акима Данилова полтретья рубля и за этотъ долгъ уступилъ ему участокъ во владѣніе на 10 лѣтъ, постановивъ слѣдующее условіе. „А на сторону ему, зятю моему, ни продать, ни заложить никуда никому. А мнѣ, Кондрашкѣ, послѣ урочныхъ 10 годовъ, взять тожъ полтретья рубля; а буде непонадобится мнѣ, Кондрашкѣ, или смерть случится, и тѣми землями и угодьями впредь владѣть зятю моему Акиму вѣчно и дѣтямъ его“. На основаніи такого акта, участокъ перешелъ въ собственность къ Акиму Данилову, который передалъ его по наслѣдству сыну Ивану. Въ 1701 году, Иванъ Акимовъ продалъ участокъ крестьянину Давыду Ѳедорову.

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ отчужденія крестьянскихъ участковъ былъ залогъ ихъ

деревенскимъ ростовщикомъ, которые, по просрочкѣ долга, становились владѣльцами заложенной земли. Ростовщичество и въ настоящее время существуетъ повсемѣстно въ Олонецкой губерніи и считается самымъ прибыльнымъ занятіемъ сельскихъ коммерсантовъ, потому что ростовщики берутъ съ крестьянъ безбожные проценты. Но въ старину ростовщичество еще губительнѣе дѣйствовало на бытъ крестьянъ, чѣмъ теперь. Это была страшная язва, уничтожавшая съ корнемъ крестьянскія хозяйства. Профессоръ Лаксманъ, посѣтившій, въ половинѣ прошлаго столѣтія, южную часть Олонецкой губерніи, считаетъ ростовщичество одною изъ главныхъ причинъ бѣдности и разоренія крестьянъ. По словамъ его, „почти въ каждомъ погостѣ находится не больше одного зажиточнаго крестьянина, который въ состояніи помогать бѣднымъ своимъ сосѣдямъ. Имѣющій достатокъ почти за весь погостъ платитъ деньги въ нужномъ случаѣ, а именно, когда должно платить подушныя деньги, или употреблять на домашнія нужды и на складчину во время рекрутскаго набора. Но за таковое свое благодѣяніе беретъ онъ чрезвычайные проценты, на которые склоняетъ его староста, и, такимъ образомъ, бѣдные крестьяне не токмо немогутъ исправиться, но еще приходятъ чрезъ то въ большее разореніе“.

Въ XVII столѣтіи мы находимъ въ числѣ сельскихъ ростовщиковъ не однихъ богатыхъ крестьянъ, но и богомольные монастыри (напримѣръ, извѣстный на сѣверѣ Палеостровскій монастырь), которые закладными кабалами опутывали крестьянъ и отнимали у нихъ земли. Къ подобнымъ же ростовщикамъ принадлежалъ попъ Вытегорскаго погоста, Евсей Васильевъ, живший

за 10[illegible] лѣтъ ранѣе Лаксмана. Изъ сохранившихся закладныхъ видно, что Евсей, пользуясь нуждою крестьянъ, раздавалъ имъ въ долгъ деньги не иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе,—именно подъ залогъ земельныхъ участковъ. Займы дѣлались краткосрочные, на время отъ 10 до 20 мѣсяцевъ. Вмѣсто процентовъ, попъ пользовался землею впредь до уплаты долга. Въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, земля переходила въ собственность заимодавца. Изъ закладной кабалы 1675 года видно, что, въ обезпеченіе уплаты долга въ 5 рублей, былъ заложенъ попу Евсею сѣнной покосъ крестьянина Павла Пантелеева, купленный отцомъ его у Мокея Романова. Заемъ заключенъ 31 октября 1675 года, а срокомъ платежа назначенъ Семенъ-день, т. е. 1 сентября будущаго года. Въ видѣ процента, попу Евсею предоставлено право скосить сѣно на заложенной землѣ,—процентъ далеко неумѣренный за ссуду 5 рублей на 10 мѣсяцевъ. Если долгъ небудетъ уплаченъ въ назначенный срокъ, то предоставлено попу Евсею владѣть заложенною землею „вѣчно, изъ рода въ родъ, безотнимочно и безъ выкупа“. Въ томъ же году 3 мая, крестьяне Вытегорскаго погоста, два брата Зеленины, взяли у попа Евсея въ долгъ два рубля подъ залогъ сѣнныхъ покосовъ съ обязательствомъ уплатить долгъ къ Покрову, т. е. 1 октября будущаго года. Въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, предоставлено заимодавцу владѣть заложенною землею впредь до выкупа. Изъ другой закладной видно, что крестьяне Вытегорскаго погоста, Иванъ Попке съ сыномъ Савинкомъ, заняли у попа Евсея 20 алтынъ на срокъ съ 23 января 1678 года по 1 октября будущаго года, подъ закладъ принадлежащей имъ трети сѣнокоснаго наволока. „А буде мы, заем-

щики,—сказано въ закладной кабалѣ,—тѣхъ денегъ ему, попу, незаплатимъ въ тотъ срокъ, — и послѣ того срока ему, попу, владѣть того нашего наволока нашею третью впредь до выкупа, а выкупать тотъ наволокъ намъ послѣ того срока на Покровъ же Богородицы". Изъ послѣднихъ двухъ закладныхъ видно, что попъ Евсей за ссуду 2 рублей на 15 мѣсяцевъ взялъ двухгодичный сборъ сѣна съ заложеннаго сѣнокоса и такой же сборъ взялъ за другую ссуду 20 алтынъ на 20 мѣсяцевъ. Вообще, въ старину существовалъ обычай, въ силу котораго заложенное за долгъ недвижимое имущество поступало въ пользованіе заимодавца впредь до полной уплаты долга. Поэтому крестьяне, изъ нужды заложившіе деревенскіе участки, поступали въ разрядъ безземельныхъ и окончательно разорялись.

Въ началѣ XVII вѣка, великія общественныя бѣдствія довели крестьянъ до разоренія и необходимости закладывать и распродавать деревенскіе участки. Въ смутныя времена междуцарствія, Олонецкій край подвергся грабежу и разоренію отъ набѣговъ поляковъ, татаръ и казаковъ. Изъ писцовыхъ книгъ видно, что цѣлыя деревни были сожжены, а жители убиты непріятелемъ. По свидѣтельству современниковъ, въ то время, до 2,325 убитыхъ мѣстныхъ жителей оставались безъ погребенія, а уцѣлѣвшіе въ живыхъ скрывались въ лѣсахъ. Непріятельскіе набѣги и разореніе продолжались нѣсколько лѣтъ, по 1619 годъ. Едва окончилось это бѣдствіе, какъ явилась новая бѣда—хлѣбный неурожай въ 1621 году, который, по свидѣтельству писцовой книги, довелъ крестьянъ до новаго разоренія. Въ довершеніе всѣхъ этихъ несчастій, въ концѣ первой половины XVII вѣка, крестьяне заонежскихъ и лоп-

скихъ погостовъ были обращены въ солдаты и образовали „драгунскіе полки“. Военная служба была обязательна для всѣхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ. Многосемейные дворы, состоящіе изъ 3 или 4 мужчинъ, давали въ солдаты по 2 и по 3 человѣка, а малосемейные—по одному и по два. Въ мирное время масса рабочихъ рукъ была оторвана отъ хозяйства для обученія воинскому строю, а на войнѣ погибали отъ непріятеля. Во время войнъ, бывшихъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, до 7,000 заонежанъ были убиты и взяты въ плѣнъ.

Писцовая книга 1622 года, въ сухомъ перечнѣ крестьянскихъ дворовъ, представляетъ ужасную картину разоренія края. Изъ семи волостей, описанныхъ въ книгѣ, наименѣе пострадала Устьмошская волость, но и въ ней мы видимъ глубокіе слѣды недавняго опустошенія. Здѣсь пять деревень совсѣмъ запустѣли: изъ одной крестьяне сошли безвѣстно, одна сожжена непріятелемъ и, за смертію послѣдняго домохозяина, запустѣла, въ одной крестьянскій жеребій лежалъ впустѣ непаханъ, въ двухъ деревняхъ участки, по неизвѣстной причинѣ, перешли во владѣніе крестьянъ, живущихъ въ сосѣднихъ селеніяхъ. Семь другихъ деревень сожжены литовскими людьми, во время непріятельскаго нашествія въ 1619 году,—въ нихъ крестьяне селились вновь. Въ жилыхъ деревняхъ 17 домохозяевъ сошли безвѣстно отъ разоренія литовскихъ людей въ 1619 году и отъ хлѣбнаго недорода въ 1621 году; 6 домохозяевъ жили въ другихъ деревняхъ; 10 домохозяйствъ запустѣли, за смертію владѣльцевъ; 6 домохозяевъ обнищали и скитался межъ дворы; нѣкоторые домохозяева прожитьемъ охудали и жеребьи ихъ лежали впустѣ непаханы, почему имъ

дана трехлѣтняя льгота отъ платежа податей; другіе неимѣли собственныхъ домовъ и проживали у сосѣдей; иногда въ одномъ дворѣ жили двѣ семьи и пополамъ владѣли однимъ жеребьемъ. Вообще, въ 1622 году, въ Устьмошской волости, въ 100 жилыхъ деревняхъ осталось 269 жилыхъ дворовъ; затѣмъ 12 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ съ крестьянскими жеребьями лежали впустѣ, а 60 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ съ жеребьями перешли во владѣніе крестьянъ, имѣющихъ и безъ того свои дворы и жеребьи. Такимъ образомъ, число домохозяевъ, окончательно разорившихся и потерявшихъ земельныя угодья, составляло около $^1/_4$ части домохозяевъ, уцѣлѣвшихъ отъ разоренія. Другія волости подверглись еще большему разоренію и запустѣнію. Напримѣръ, въ волости Дубровѣ Набережной, при 23 жилыхъ деревняхъ, было 7 пустыхъ деревень и, при 103 хозяйствахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разоренія, было 54 разоренныхъ хозяйствъ. Въ Набережской волости 32 хозяйства были разорены и только 64 хозяйства уцѣлѣли отъ разоренія.

Такое разореніе крестьянъ было на руку богачамъ, потому-что вело бѣдняковъ прямо въ кабалу къ нимъ. Разорившіеся бѣдняки закладывали и продавали свои земли богатымъ крестьнамъ, а сами или уходили безвѣстно, или скитались межъ дворы, будучи дешевыми работниками у тѣхъ-же богачей. Такимъ образомъ, крестьянскія поземельныя владѣнія стали сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ богачей. Это были, преимущественно, люди, нажившіе богатство путемъ торговли. Между ними, судя по писцовой книгѣ, въ Устьмошской волости, особенно выдаются двое—Баженко Ларіоновъ и Ѳедька Щербакъ. Оба они имѣли тяглые

дворы въ торговомъ мѣстечкѣ—Устьмошекомъ острожкѣ, состоявшемъ изъ торговыхъ амбаровъ и клѣтей, да изъ осадныхъ дворовъ, безъ всякихъ угодій при нихъ,—что прямо указываетъ на занятіе жителей торговлею. У обоихъ было много земель въ разныхъ деревняхъ Устьмошской волости, но при этомъ у Баженки земли находились въ Кирилловскомъ приходѣ, а у Щербака въ Пятницкомъ приходѣ. Можетъ быть, владѣнія ихъ совершенно случайно пріурочивались къ церковнымъ приходамъ, а можетъ быть, это произошло и потому, что сфера экономическаго вліянія ихъ на мѣстное населеніе, дѣйствительно, совпадала съ границами приходовъ. Послѣднее предположеніе едва-ли не самое вѣрное, такъ-какъ до настоящаго времени вся Олонецкая губернія подѣлена на болѣе или менѣе обширные участки, изъ которыхъ въ каждомъ крестьяне эксплоатируются исключительно однимъ мѣстнымъ богачемъ.

Оедька Щербакъ имѣлъ дворъ въ Устьмошскомъ острожкѣ, но нежилъ тамъ, можетъ быть, предоставивъ сыну Іевку заниматься торговыми дѣлами въ острожкѣ. Старый Щербакъ постоянно жилъ въ деревнѣ Легачовѣ,—въ уединенномъ поселкѣ, состоявшемъ изъ одного Щербакова двора. Въ сосѣдней деревнѣ Черноусовѣ Щербакъ имѣлъ пустой дворъ и крестьянскій жеребій; другіе два пустыхъ двора и при нихъ жеребьи находились въ деревняхъ Ермолаевской и Костинѣ. Всего во владѣніи Щербака состояли: деревня Легачова, участки земли и пустые дворы въ трехъ другихъ деревняхъ, да дворъ въ Устьмошскомъ острожкѣ.

Другой богачъ изъ числа торговыхъ людей—Баженко Ларіоновъ, хотя и жилъ въ своемъ дворѣ въ Устьмош-

скомъ острожкѣ, но былъ коренной крестьянинъ деревни Совдухиной, отличавшейся обиліемъ плодородной земли. Здѣсь онъ имѣлъ жилой дворъ и жеребій, да еще изъ тягла владѣлъ жеребьемъ Овдокимка, который сшелъ безвѣстно отъ разоренья литовскихъ людей въ 1619 году. Недовольствуясь обработкою двухъ земельныхъ участковъ въ деревнѣ Совдухиной, Баженко владѣлъ изъ тягла крестьянскимъ жеребьемъ при деревнѣ Ѳефилатовской. Онъ обрабатывалъ этотъ участокъ „наѣздомъ“, т.-е. несодержалъ на немъ постояннаго хозяйственнаго обзаведенія. Хотя Баженко владѣлъ участкомъ изъ тягла, но пріобрѣлъ его по купчей отъ крестьянина Заборскаго. Слѣдовательно, участокъ составлялъ крѣпостную собственность, на которой, въ силу принадлежности къ тяглой волости, лежало тягло, т.-е. повинность владѣльца „съ того жеребья всяки государевы подати платить съ волостными людьми вмѣстѣ“. Кромѣ того, Баженко имѣлъ еще жеребій въ деревнѣ Бураковѣ. Въ писцовой книгѣ сказано, что въ этой деревнѣ „пашутъ наѣздомъ изъ тягла Баженка Ларіоновъ четь выти, Ивашко Черноковъ четь-же выти, а тягло они съ тѣхъ жеребьевъ платятъ тоя-же деревни со крестьяны вмѣстѣ“. Черноковъ былъ такой-же богатый крестьянинъ, какъ и Баженко. У Баженки были поземельныя владѣнія въ 3-хъ мѣстахъ, и у Черноковa—то же въ 3-хъ мѣстахъ. Но Баженко былъ торговый человѣкъ, нажилъ богатство торговлею, землями владѣлъ одинъ безъ участія товарищей. Напротивъ, Черноковъ былъ исключительно земледѣлецъ, отъ земледѣлія нажилъ богатство и, по характеру своего землевладѣнія, былъ только соучастникомъ въ коллективномъ владѣніи.

Въ старину, между крестьянами бывали большія, нераздѣльныя семьи, которыя владѣли землею и вели все хозяйство сообща. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такія родовыя общины встрѣчались довольно часто. Такъ, помѣщикъ Харьковской губерніи П. С. Стремоуховъ, горячій пропагандистъ общиннаго хозяйства, разсказываетъ слѣдующее. „Во многихъ великороссійскихъ селеніяхъ нерѣдко и теперь еще видѣть можно, особливо между однодворцами и удѣльными крестьянами, семьи, или роды, заключающіе отъ 30, 40 до 50 и болѣе душъ, живущихъ и хозяйствующихъ вмѣстѣ подъ распоряженіемъ старшаго въ родѣ, при совершенномъ во всемъ изобиліи и во всякой сельской и государственной исправности. Рядомъ-же съ ними живущіе, поселяне, по самовольству, или развратности, обычай сей оставившіе и хозяйствующіе мелкими семьями, таковыхъ выгодъ отнюдь не имѣютъ. Милліоны недоимокъ накопились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раздѣлы крестьянъ укоренились; онѣ, при всѣхъ предпринимаемыхъ мѣрахъ, остаются неудобовзыскуемыми и служатъ тому яснымъ, хотя и вреднымъ для всего государства, доказательствомъ“.

Богатыя родовыя общины среди обнищавшаго населенія дѣлали то же самое, что и богачи, въ родѣ Баженки Ларіонова. Они, подъ разными предлогами, обирали у разорившихся крестьянъ земли и, такимъ образомъ, бывшихъ домохозяевъ превращали въ безземельныхъ работниковъ. Пока небыли введены передѣлы общинныхъ земель, эта операція обезземеленія крестьянъ производилась очень удобно, даже послѣ того, какъ государственнымъ крестьянамъ было запрещено отчуждать земли. Стремоуховъ жалуется, что, вслѣдствіе вреднаго экономическаго вліянія богачей и родовыхъ

общинъ на крестьянскую массу, даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, правительственныя распоряженія объ уравненіи земель между казенными крестьянами неимѣли, успѣха. „Чрезполосность земель,—говоритъ онъ,—и неуравнительность ихъ между казенными крестьянами, какъ главнѣйшее препятствіе къ ихъ благосостоянію и улучшенію хлѣбопашества въ государствѣ, всегда оставалась въ своей силѣ, несмотря на неоднократныя подтвержденія правительства объ уравненіи оныхъ. Ибо богатѣйшіе и великосемейные изъ поселянъ, а болѣе начальствующіе въ селеніяхъ, различными и нигдѣ неотвратимыми, при нынѣшнемъ ихъ распорядкѣ, сдѣлками и изворотами, всегда легко могутъ переводить земли неимущихъ и малосемейныхъ въ свои руки, заставляя послѣднихъ и обработывать оныя за самую малую цѣну, или даромъ. Умѣя, притомъ, найти благосклонность вышнихъ надъ собою, они, какъ бы умышленно, годъ отъ году, умножаютъ число бобылей и бѣдныхъ, или число дешевыхъ и вѣчныхъ своихъ работниковъ, съ количествомъ земли и всякой иной собственности, какую отъ нихъ, подъ предлогомъ заплаты за нихъ податей и прочихъ счетовъ, захватить могутъ“. (Статья Стремоухова—„Мысли о возможности улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи, основанныя на природѣ человѣческой и на древнихъ россійскихъ обычаяхъ“—въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ 1829 года, № XXV).

Ивашка Черноковъ былъ одинъ изъ членовъ большой и богатой родовой общины, населявшей цѣлую деревню Шиловскую. Въ этой деревнѣ были три двора,—дворъ Сеньки Чернокова да сына его Ивашки, дворъ Трепки Чернокова, дворъ Максимки Чернокова. Кромѣ тяглыхъ жеребьевъ, Черноковы владѣли сообща оброч-

ною пустошною пашнею при тойже деревнѣ. Въ сосѣдней деревнѣ Труфановѣ,—какъ сказано въ писцовой книгѣ,—„наѣздомъ пашутъ изъ тягла деревни шиловскіе крестьяне Тренко Черноковъ съ братьею“. Выраженіе „съ братьею“ указываетъ, что участокъ въ деревнѣ Труфановѣ принадлежалъ не одному Тренкѣ Чернову, по цѣлому союзу крестьянъ деревни Шиловской, и что это былъ, именно, союзъ родственный, а не вольное товарищество, потому-что, въ послѣднемъ случаѣ, въ писцовой книгѣ всегда употребляется выраженіе „съ товарищи“. Несомнѣнно, что и въ другой деревнѣ Бураковѣ участокъ земли принадлежалъ не одному Ивашкѣ Чернокову, но всей родной общинѣ Черноковыхъ, упоминаемые-же въ писцовой книгѣ Ивашка и Тренка совершенно случайно выдвинулись оффиціальными представителями своей общины по платежу тягла за жеребьи въ разныхъ деревняхъ.

Точно такая-же родовая община была въ Набережской волости. Здѣсь, въ деревнѣ Хавдинской, находился дворъ съ жеребьемъ Гришки, Ульянки и Ивашки Полуяновыхъ, да за ними-же въ тяглѣ дворъ и жеребій Тимошки Шилова. Въ сосѣдней деревнѣ Гашковской,—какъ сказано въ писцовой книгѣ,—„пашутъ изъ тягла деревни Хавдинской крестьяне Гришка Полуяновъ съ братьею“; да въ другой сосѣдней деревнѣ Коростелевской „дворъ пустъ Оптипки Семенова, а Оптипка сшелъ безвѣстно, а нынѣ имъ владѣетъ изъ тягла деревни Хавдинской Гришка Полуяновъ“.

Богатыя родовыя общины Черноковыхъ и Полуяновыхъ составляли какъ-бы переходъ отъ такихъ богачей, какъ Бажанко и Щербакъ, къ зажиточнымъ крестьянамъ, которые, въ настоящее время, называются въ Олонец-

кой губерніи „справными хозяевами“, для отличія отъ „дикихъ богачей“ и „голи перекатной“. Обладая хозяйственнымъ достаткомъ, они, подобно богачамъ, стремились къ расширенію своихъ земельныхъ владѣній. Но богачи, при помощи большихъ капиталовъ, нажитыхъ посредствомъ торговыхъ оборотовъ, легко и безъ всякихъ лишеній для себя, могли пріобрѣтать земли отъ обѣднѣвшихъ и разорившихся крестьянъ. Такихъ капиталовъ небыло у зажиточныхъ крестьянъ, и оттого они съ несравненно большими затрудненіями и лишеніями могли пріобрѣтать земли. Имъ часто не подъ силу было купить участокъ у обѣднѣвшаго крестьянина, завести новую пашню, расчистить въ лѣсу сѣнокосъ, построить мельницу, взять въ арендное содержаніе рыбныя ловли. Чтобы осилить подобное предпріятіе, они должны были соединяться въ товарищества. До настоящаго времени такія земледѣльческія и промышленныя товарищества въ большомъ ходу между крестьянами Олонецкой губерніи и называются здѣсь *себрами*.

Изъ писцовой книги 1622 года видно, что земледѣльческія товарищества составлялись преимущественно изъ зажиточныхъ крестьянъ и помогали обезземеленію крестьянской массы точно такъ-же, какъ богатые торговцы и родовыя общины. Напримѣръ, Ушачко Степановъ имѣлъ въ деревнѣ Сандровской свой дворъ и жеребій, да держалъ въ тяглѣ пустой дворъ и жеребій, владѣлецъ котораго переселился въ другую деревню. Кромѣ того, онъ составилъ изъ нѣсколькихъ лицъ товарищество, владѣвшее изъ тягла пустошью, что была деревня Кабановская. Другой зажиточный крестьянинъ Миронка Іевлевъ участвовалъ въ нѣсколькихъ земледѣльческихъ товариществахъ. Въ единственномъ владѣніи онъ имѣлъ дворъ

и жеребій въ деревнѣ Яковлевской, а въ деревнѣ Гоголевѣ былъ у него еще дворъ и жеребій, которые перешли отъ него къ Трофимкѣ Яковлеву. Такъ-какъ больше нехватало силы на пріобрѣтеніе земель въ единственное владѣніе, поэтому онъ былъ принужденъ, для этой цѣли, прибѣгнуть къ составленію товариществъ. Такъ, въ деревнѣ Варнавинѣ, сожженной Литвою, Миронка, въ товариществѣ съ Ларькою Слузовымъ, владѣлъ изъ тягла дворовымъ мѣстомъ и жеребьемъ Ермолки Васильева. Сотоварищъ его, Слузовъ, былъ тоже человѣкъ зажиточный, потому-что въ той-же деревнѣ Варнавинѣ владѣлъ изъ тягла жеребьемъ и пустымъ дворомъ, очевидно, имѣя жилой дворъ гдѣ-нибудь въ другой деревнѣ. Второе товарищество, въ которомъ участвовалъ Миронка Іевлевъ состояло изъ нѣсколькихъ лицъ и владѣло дворовымъ мѣстомъ въ деревнѣ Луковской.

Земледѣльческія товарищества были очень распространены въ XVII вѣкѣ, но, къ сожалѣнію, сохранилось мало подробностей объ организаціи и составѣ ихъ. Большею частію, писцовая книга ограничивается краткимъ упоминаніемъ, что извѣстнымъ участкомъ земли владѣетъ такой-то „съ товарищи“.

Распространившаяся въ крестьянскомъ населеніи, вмѣстѣ съ трехпольнымъ хозяйствомъ, система личнаго владѣнія постоянными пашнями и сѣнокосными землями, съ неограниченнымъ правомъ владѣльцевъ на наслѣдственную передачу и отчужденіе въ постороннія руки своихъ участковъ, какъ мы видѣли, привела, въ XVII вѣкѣ, къ обезземеленію громадной массы крестьянскаго населенія Олонецкаго края. Маломочные крестьяне, разорившіеся отъ разныхъ общественныхъ бѣдствій, закла-

дывали и продавали свои участки, которые этимъ путемъ стали сосредоточиваться въ рукахъ богатыхъ торговцевъ, родовыхъ общинъ и земледѣльческихъ товариществъ, или-же переходить во владѣніе монастырей, поповъ и другихъ лицъ, непринадлежащихъ къ крестьянскимъ волостямъ. Лишившись земли, прежніе домохозяева стали, по старинному выраженію, „скитатися межъ дворы“. Они обнищали и сдѣлались дешевыми батраками у тѣхъ-же богачей, которые завладѣли участками ихъ.

Но на этомъ злѣ далеко еще неостановились послѣдствія обезземеленія крестьянъ. Безземельные крестьяне стали въ громадномъ числѣ покидать родину, которая непозаботилась объ охранѣ правъ ихъ на родную почву. Эта родина была не мать имъ, а злая мачиха, которая обирала пасынковъ, чтобы наградить немногихъ, любимыхъ дѣтей. Пасынки, обобранные мачихою-родиною, захудавшіе и обнищавшіе, бѣжали изъ родной земли, „разбрелись врозь, сошли безвѣстно“. Это были лучшіе изъ числа лишившихся земли работниковъ, болѣе сильныя и здоровыя натуры, не хотѣвшія работать на роднаго брата, безжалостно разорившаго и выгнавшаго ихъ изъ роднаго дома, съ родной почвы, въ которую былъ вложенъ трудъ ихъ. Они бѣжали на чужую сторону, въ надеждѣ найти тамъ счастье, опять обзавестись своимъ домомъ и хозяйствомъ, на себя обработывать землю. Такихъ сошлыхъ крестьянъ было безчисленное множество. Напримѣръ, въ 1651—1654 годахъ, въ одной Новгородской области и нѣкоторыхъ псковскихъ уѣздахъ, отыскано 690 семействъ, бѣжавшихъ изъ заонежскихъ и лопскихъ погостовъ, т.-е. изъ небольшой части теперешней Олонецкой губерніи. Кромѣ пойманныхъ, множество сошлыхъ крестьянъ остались

не розысканными. Такимъ образомъ, послѣдствіемъ обезземеленія крестьянъ было обезлюденіе и запустеніе Олонецкаго края, и безъ того малолюднаго.

Такое бѣдственное положеніе края, наконецъ, обратило на себя вниманіе правительства и вызвало рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, которыя, хотя и неостались безъ вліянія на экономическій и соціальный бытъ крестьянъ, но, къ сожалѣнію, будучи примѣняемы къ жизни весьма непослѣдовательно и отрывочно, до настоящей поры немогли вырвать съ корнемъ все зло, внесенное въ народную жизнь захватомъ общинныхъ земель въ личное владѣніе. И теперь еще, во многихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, постоянныя пашни и сѣнокосы никогда неподвергаются общественному передѣлу, а находятся въ личномъ владѣніи крестьянъ, которые передаютъ ихъ по наслѣдству, закладываютъ, продаютъ,—словомъ, распоряжаются ими какъ-бы полные собственники. Въ иныхъ мѣстахъ часть пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель передѣляется по душамъ, а другая часть, именно запольныя пашни и отхожія пожни, непередѣляются, но состоятъ въ личномъ, наслѣдственномъ владѣніи. Такимъ образомъ, рядомъ съ сохранившимся до сего времени, древнимъ, общинно-волостнымъ владѣніемъ незанятыми землями и непостоянными угодьями, ужилась, кое-гдѣ въ Олонецкой губерніи, какъ-бы клочками, или островками, система личнаго владѣнія постоянными угодьями, составляющая здѣсь, въ исторической послѣдовательности, вторичную формацію крестьянскаго землевладѣнія.

Глава шестая.

ИСТОРІЯ ПЕРВАГО ПЕРЕДѢЛА.

Когда распространившаяся между крестьянами Олонецкаго края система личнаго поземельнаго владѣнія привела къ обезземеленію крестьянской массы и сосредоточенію крестьянскихъ участковъ въ немногихъ рукахъ, а затѣмъ къ бѣгству разорившихся работниковъ на чужую сторону, къ обезлюденію и запустенію края, тогда правительство стало придумывать разныя мѣры, чтобы возвратить на родину сошлыхъ крестьянъ и остановить дальнѣйшее бѣгство ихъ. Къ воеводамъ писались строгіе наказы о розыскахъ сошлыхъ крестьянъ и водвореніи ихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, посылались особыя команды ловить и забирать сходцевъ. Но эти, чисто полицейскія, мѣры, немогли привести къ желаемому результату, не въ силахъ были удержать крестьянъ на родинѣ, прикрѣпить ихъ къ землѣ. Можно было поймать сходцевъ, выслать въ ту волость, откуда они бѣжали, но затѣмъ неизбѣжно возникало новое затрудненіе, какъ водворить ихъ въ волости, когда тамъ не осталось у нихъ ни кола, ни двора, а земельные участки перешли къ новымъ владѣльцамъ.

Тогдашнее правительство неимѣло въ своемъ распоряженіи достаточно сильныхъ полицейскихъ средствъ, чтобы удержать безземельныхъ бобылей отъ новаго побѣга, и потому, волей - неволей, должно было прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ, чѣмъ одна полицейская регламентація. Оно понало, что главная при-

чина бѣгства крестьянъ изъ родной страны лежитъ въ обезземеленіи ихъ и что одно только поземельное владѣніе можетъ привязать земледѣльца къ родинѣ. Поэтому правительство нашло нужнымъ, законодательнымъ путемъ, воспрепятствовать дальнѣйшему обезземеленію крестьянъ и даже признало недѣйствительными всѣ ранѣе заключенныя сдѣлки объ отчужденіи крестьянами своихъ участковъ.

Въ 1649 году былъ изданъ для заонежскихъ погостовъ законъ, запрещающій здѣсь покупать и принимать въ залогъ крестьянскіе участки и угодья. Виновные въ неисполненіи этого закона подвергались наказанію и, сверхъ того, у нихъ безплатно отбирались земли, купленныя или взятыя въ залогъ ими. Всѣ сдѣлки по продажѣ и залогу крестьянскихъ земель, заключенныя до изданія этого закона, были объявлены недѣйствительными, и потому велѣно безплатно отбирать у новыхъ владѣльцевъ, купленные ими, крестьянскіе участки и возворять тѣхъ крестьянъ, которые ранѣе владѣли ими.

Законъ 1649 года былъ изданъ правительствомъ, какъ будто въ видѣ опыта, для однихъ заонежскихъ погостовъ, составляющихъ часть теперешней Олонецкой губерніи. Распространить этотъ опытъ на сосѣднія мѣстности правительсто нешашло нужнымъ, очевидно, считая слишкомъ радикальною мѣру, принятую имъ относительно заонежскихъ погостовъ. Поэтому, когда понадобилось принять мѣры противъ обезземеленія крестьянъ въ другой части теперешней Олонецкой губерніи, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, то правительство стало дѣйствовать здѣсь далеко не такъ рѣшительно, какъ въ Заонежьѣ.

Указомъ 1653 года велѣно безплатно возвращать владѣльцамъ только тѣ тяглые, деревенскіе участки въ Каргопольскомъ уѣздѣ, которые написаны за ними въ писцовыхъ книгахъ и были заложены послѣ писцовъ крестьянамъ-же. Притомъ-же, безплатный возвратъ прежнимъ владѣльцамъ распространялся только на тѣ заложенные участки, которые оставались въ пользованіи заимодавцевъ по случаю неуплаты процентовъ, слѣдующихъ, по договору, за ссуду капитальной суммы, сполна уплаченной имъ должниками. Что касается остальныхъ деревенскихъ участковъ, проданныхъ и заложенныхъ крестьянами, то прежнимъ владѣльцамъ, и притомъ однимъ лишь поименованнымъ въ писцовыхъ книгахъ, предоставлено право выкупать ихъ, уплативъ новымъ владѣльцамъ ту сумму, какая значится въ купчихъ и закладныхъ.

Очевидно, законъ 1653 года былъ направленъ преимущественно противъ ростовщичества и неставилъ серьезной преграды противъ обезземеленія крестьянъ, потому-что незапрещалъ продажу и залогъ деревенскихъ участковъ. Зло коренилось въ системѣ личнаго, поземельнаго владѣнія, а она оставалась неприкосновенною. При системѣ личнаго владѣнія, неотчуждаемость деревенскихъ участковъ, въ концѣ концовъ, должна была-бы неминуемо привести къ тому-же имущественному неравенству, къ образованію небольшаго числа многоземельныхъ крестьянъ, которые, тѣми или другими способами, забрали-бы въ кабалу малоземельныхъ крестьянъ, образовавшихся путемъ наслѣдственнаго дробленія мелкихъ участковъ.

Неизвѣстно, долго-ли сохранялъ силу указъ 1649 года, изданный для заонежскихъ погостовъ. Во всякомъ

случаѣ, онъ неимѣлъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій, и обезземеленіе крестьянъ продолжалось прежнимъ порядкомъ, такъ-что, въ половинѣ XVIII столѣтія, положеніе крестьянъ въ Заонежьѣ сдѣлалось еще хуже. Въ 1769—1771 годахъ, здѣсь произошелъ „крестьянскій бунтъ“. Правительство назначило слѣдственную коммиссію для усмиренія крестьянъ и для изслѣдованія причины безпорядковъ. Эта коммиссія, по выраженію Сиверса, „преслѣдовала огнемъ и мечемъ несчастныхъ, которыхъ можно было-бы образумить нѣсколькими словами“. Но, въ то-же время, она добросовѣстно изслѣдовала причину безпорядковъ и въ своихъ трудахъ сохранила для потомства поразительную картину разоренія края отъ алчности немногихъ лицъ, при отсутствіи правильной общественной организаціи, основанной на принципѣ равенства.

При Императорѣ Петрѣ I, все Заонежье, а также часть крестьянъ въ теперешнемъ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ и Пудожскомъ уѣздахъ, были приписаны къ казеннымъ Петровскимъ заводамъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, они были обязаны уплачивать подати, по 1 рублей 70 коп. съ души, не деньгами, но обязательными работами по требованію заводской администраціи, какъ-то: поставлять для завода уголь, поднимать изъ озеръ и возить руду и т. п. Несмотря на тяжесть этой натуральной повинности, она, сама по себѣ, не могла-бы довести крестьянъ до разоренія, если-бы искусственно небыла усилена вдвое богачами изъ тѣхъ-же крестьянъ.

Шайка богачей устроила цѣлую систему самой безсовѣстной эксплоатаціи крестьянъ, основаніе которой коренилось въ неравенствѣ земельныхъ участковъ. Бо-

гачи, завладѣвшіе большими земельными участками и державшіе почти всѣхъ крестьянъ въ неоплатныхъ долгахъ, захватили въ свои руки крестьянское управленіе, невстрѣчая себѣ на суймахъ никакого противорѣчія со стороны многочисленныхъ должниковъ и массы захудавшихъ крестьянъ. Кого они укажутъ выбрать въ старосты, тотъ и выбирался на суймѣ и, понятно, тянулъ руку богачей во всѣхъ случаяхъ, когда власть его была нужна для закрѣпощенія бѣдняковъ въ кабалу къ сильнымъ міроѣдамъ. Такъ-какъ раскладка заводскихъ работъ зависѣла отъ крестьянскихъ суймовъ, то богачи, заправлявшіе міромъ, сваливали съ себя всю тяжесть этой повинности на плечи бѣдняковъ. „Часто случалось, что старосты, или богатые крестьяне, имѣвъ при таковыхъ раскладкахъ большой голосъ, бѣдныхъ и маломощныхъ крестьянъ работами и податями отягощаютъ, а себя, или своихъ сродниковъ, или другихъ, по знакомству своему, облегчаютъ, а иногда, поставивъ неправильно ихъ негодными, и совсѣмъ отъ работъ освобождаютъ“. Притомъ и та небольшая часть заводскихъ работъ, которая, по раскладкѣ, доставалась на долю богачей, обыкновенно исполнялась должниками ихъ, даже не за долгъ, а за одни проценты, такъ-что, на самомъ дѣлѣ, богачи пользовались льготами отъ податей, а бѣдняки несли лишнюю податную тяжесть.

Даже самыя заводскія работы были обращены богачами въ средство для своей наживы. Часто крестьяне, прибывъ на мѣсто работъ, по винѣ заводской администраціи, непаходили здѣсь дешеваго хлѣба, заготовленнаго для нихъ на счетъ казны, и потому были вынуждены, по дорогой цѣнѣ, или въ долгъ, пріобрѣтать его у богачей, которые, „жадничая о прибыткахъ, умѣ-

ренности въ томъ неимѣютъ". Обыкновенно-же богачи, вступивъ въ сдѣлку съ заводскою администраціею, склоняли крестьянскій міръ къ сдачѣ работъ съ подряда и сами же брали эти подряды. Они получали отъ подрядовъ громадные барыши, такъ-какъ заставляли работать своихъ должниковъ, заранѣе неназначая имъ опредѣленной, заработной платы, а разсчитывая послѣ, почемъ вздумается. При такихъ условіяхъ, рубка кучи дровъ, выжигъ изъ нея угля и доставка на заводъ обходились подрядчикамъ не дороже 16—20 рублей, тогда-какъ сами они получали за это 36—40 рублей. Для полученія съ крестьянскаго міра договоренной платы за исполненный подрядъ, они должны были предъявить квитанцію заводскаго управленія объ окончательномъ исполненіи работъ, сданныхъ крестьянами съ подряда. Послѣ этого подрядчики, при помощи старостъ, взыскивали съ крестьянъ деньги, а въ случаѣ несостоятельности, отбирали у нихъ домашнее имущество, дома и земли.

Иной разъ у крестьянина неоставалось никакого имущества на уплату долга, и тогда онъ отдавался заимодавцу „въ заживъ головою". Эта отдача должниковъ въ заживъ головою производилась по судебному приговору, на болѣе или менѣе продолжительные сроки, смотря по величинѣ долга, такъ-что заживъ могъ-бы тянуться цѣлыя сотни лѣтъ, если-бы смерть невыручала должника изъ кабалы кредитору. Слѣдующій интересный случай изъ судебной практики XVIII вѣка можетъ служить наглядным примѣромъ тяжести зажива. Когда пудожскій мѣщанинъ Баканинъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ по векселямъ на сумму 10,300 рублей, то одинъ изъ кредиторовъ его, Ерофеевъ, заявилъ желаніе взять его въ заживъ головою съ платою

по 24 рубля въ годъ. По этому случаю, 24 февраля 1797 года, въ пудожскомъ городовомъ магистратѣ состоялось опредѣленіе: „отдать его, векселедавца Бакапина, на 24 рубля кредитору его, Ерофееву, за всѣ кредиторскіе вексельные иски, по расчисленію, на 430 лѣтъ 10½ мѣсяцевъ въ работу съ указомъ съ тѣмъ, чтобъ онъ выжилъ у него тѣ годы и съ работы его неотлучался и небѣжалъ, а если же убѣжитъ, то отданъ будетъ, безъ зачету, въ каторжную работу“,

Кто еще неуспѣлъ дойти до такой крайности, какъ Бакапинъ, но, лишившись земли, оставался лично свободнымъ, тотъ спѣшилъ покинуть родину. Впрочемъ, теперь, со введеніемъ паспортной системы, населенію было трудно, по-старинному, „брести врозь, сходить безвѣстно“. Старинное бѣгство теперь выродилось въ „отхожіе промыслы“. Масса разоренныхъ крестьянъ брала паспорты и уходила на сторону искать заработковъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія, изъ 18,600 душъ заводскихъ крестьянъ ежегодно увольнялись въ отлучки по паспортамъ болѣе 2,000 человѣкъ, да сверхъ того, многіе продолжали жить на сторонѣ безъ паспортовъ.

Выяснивъ правительству причины бѣдственнаго положенія заводскихъ крестьянъ, слѣдственная коммиссія, въ своихъ предположеніяхъ о мѣрахъ къ улучшенію быта ихъ, развиваетъ ту-же самую мысль о возвратѣ крестьянскихъ земель, отнятыхъ богачами, которая была положена въ основаніе указа 1649 года. Коммиссія признала необходимымъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ всѣ земли, которыя перешли къ подрядчикамъ за неуплату долговъ, или по другимъ случаямъ. Идя далѣе въ томъ-же направленіи, она полагала признать недѣйствительными и ничтожными всѣ долговыя обязательства

крестьянъ къ подрядчикамъ, и даже требовать исполненія взятыхъ подрядовъ безъ всякой платы отъ крестьянъ подрядчикамъ, которые, „угнетая ихъ, итакъ уже довольно обогатились"; а на будущее время, предположено окончательно запретить исполненіе обязательныхъ заводскихъ работъ при посредствѣ подрядчиковъ. Эти предположенія коммиссіи были одобрены сенатомъ и бергъ-коллегіею; однако, правительство несдѣлало никакого рѣшительнаго распоряженія о приведеніи ихъ въ исполненіе. Только въ 1778 году, наконецъ, бергъ-коллегія предложила сенату возвратить крестьянамъ земли, перешедшія отъ нихъ, по закладнымъ, во владѣніе купцовъ и посадскихъ людей, которые, „живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна, много время и въ малой цѣнѣ заложенными въ большомъ количествѣ участками пользуясь, свои деньги чрезъ продукты давно уже возвратили". Впрочемъ, и это предложеніе почему-то небыло исполнено и крестьянское землевладѣніе оставалось въ прежнемъ видѣ еще нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, вопросъ о возвратѣ крестьянамъ земель, захваченныхъ богачами, былъ рѣшенъ въ смыслѣ „уравненія" крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ общественнаго передѣла.

Въ нашемъ распоряженіи находится отрывокъ изъ оффиціальной исторіи перваго передѣла земель между крестьянами Олонецкой губерніи, составленной подъ вліяніемъ бывшаго олонецкаго губернатора Г. Р. Державина, для оправданія противодѣйствія его этой мѣрѣ. Отсюда мы узнаемъ, что, въ половинѣ XVIII столѣтія, въ разныхъ мѣстахъ имперіи, „многія селенія вѣдомства директора домоводства имѣли нужду въ земляхъ по числу обитающихъ въ оныхъ". Поэтому Императрица Екате-

рина II, въ 1778 году, приказала остановить продажу порожнихъ казенныхъ земель, чтобы предварительно надѣлить малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли, именно—не менѣе 15 десятинъ на душу. Затѣмъ, въ 1783 году, 3 мая, послѣдовалъ именной указъ императрицы къ генералъ-губернаторамъ о доставленіи въ сенатъ соображеній относительно надѣленія крестьянъ землею по числу душъ въ селеніяхъ. Между тѣмъ, сенаторы, кн. М. М. Щербатовъ и Н. П. Масловъ, окончивъ, порученную имъ императрицею, ревизію Ярославской губерніи, донесли сенату, „что крестьяне, частію государственные и экономическіе, неимѣютъ довольныхъ земель, а другіе, хотя и имѣютъ, но къ хлѣбопашеству неудобныя, и недостатки свои награждаютъ собственными рукодѣліями и разными промыслами, довольствуясь покупнымъ хлѣбомъ, котораго ежегодно неменѣе обращается, какъ до 60,000 четвертей и болѣе“. Это донесеніе напомнило сенату, что еще не всѣ генералъ-губернаторы исполнили указъ 3 мая 1783 года. Поэтому, 25 іюня 1785 года, было подтверждено, между прочимъ, олонецкому и архангельскому генералъ-губернатору Т. И. Тутолмину „о всѣхъ казенныхъ, землями скудныхъ селеніяхъ, въ разсужденіи ихъ удовольствія, сдѣлать общее положеніе и представить сенату для разсмотрѣнія“. Тутолминъ, въ свою очередь, поручилъ это дѣло олонецкой казенной палатѣ по экспедиціи директора домоводства.

Между тѣмъ, экспедиція, и безъ того, уже была завалена жалобами крестьянъ на недостатокъ земли, потому что, по словамъ ея, „иные въ маломъ количествѣ, другіе и вовсе, по двумъ ревизіямъ платя подати, земли неимѣютъ, по причинѣ присвоенія прочихъ крестьянъ,

которые, по купчимъ, закладнымъ, завѣщаніямъ, приданствомъ и насильствомъ завладѣвъ, во многихъ селеніяхъ пользовались землями, недопуская ихъ къ разработыванію удобныхъ мѣстъ, относя оное къ собственности". Кромѣ того, экспедиція нашла въ своихъ дѣлахъ указаніе, что въ 1784 году петербургская казенная палата, завѣдывавшая въ то время Олонецкимъ краемъ, сдѣлала распоряженіе о передѣлѣ крестьянскихъ земель, вызванное жалобами крестьянъ на недостатокъ угодій. Это распоряженіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже было исполнено, а въ другихъ мѣстахъ неприведено въ исполненіе, вѣроятно, по проискамъ богачей, воспользовавшихся для того остановкою дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, по случаю учрежденія новой, Олонецкой губерніи. Такъ, напримѣръ, въ Пудожскомъ погостѣ, еще въ 1784 году, крестьяне раздѣлили между собою поровну всю пашенную землю и сѣнные покосы. Значитъ, экспедиціи директора домоводства предстояло только продолжать дѣло, начатое ранѣе петербургскою казенною палатою. И дѣйствительно, получивъ, въ іюнѣ 1785 года, предложеніе генералъ-губернатора, экспедиція тотчасъ сдѣлала распоряженіе „о раздѣлѣ всѣхъ между крестьянами, по ровному числу, земель".

Въ приказахъ, посланныхъ изъ экспедиціи волостнымъ старостамъ, было сказано, что передѣлъ земли „предоставляется безпристрастному мірскому суду", почему долженъ быть составленъ особый мірской приговоръ о томъ, что „все общество раздѣломъ довольно". Прежде, чѣмъ преступить къ передѣлу, совершается актъ уничтоженія навѣки системы личнаго поземельнаго владѣнія и возстановляется, утраченное древнею

волостью, право исключительнаго владѣнія всѣми пахатными и сѣнокосными землями. Всѣ земли, состоящія въ личномъ владѣніи крестьянъ, отбираются у владѣльцевъ и обращаются въ волостное владѣніе. Въ приказахъ экспедиціи сказано: „Что касается до земель пашенныхъ и сѣнокосовъ, проданныхъ и заложенныхъ крестьянами другъ другу, то оныя отобрать въ волостныя земли, запретя навсегда дѣлать такое злоупотребленіе изъ государственной земли, данной на единое хлѣбопашество".

Впрочемъ, проданныя и заложенныя крестьянами земли отбираются у владѣльцевъ небезплатно, но за справедливое денежное вознагражденіе. За владѣльцами признается право на обратное полученіе капитальной суммы, израсходованной ими на пріобрѣтеніе земель, т.-е. сколько они, дѣйствительно, заплатили при покупкѣ земли, или дали въ долгъ подъ залогъ ея. Но при этомъ слѣдуетъ, во имя справедливости, требовать отъ владѣльцевъ, чтобы каждый, по совѣсти, „уменьшилъ платежъ, потому-что нѣсколько лѣтъ владѣлъ землею и пользовался ея произрастеніемъ". Затѣмъ владѣльцы входятъ въ соглашеніе съ міромъ относительно разсрочки платежа за выкупаемыя у нихъ земли, причемъ разсрочка должна быть сдѣлана по такому разсчету, „чтобы неразстроивалось состояніе каждаго и неостановила-бъ казенныхъ податей". Что-же касается бывшихъ волостныхъ земель, которые крестьянами были заложены и проданы купцамъ и мѣщанамъ, то они, попрежнему, остаются во владѣніи новыхъ пріобрѣтателей, если тѣ сами непожелаютъ возвратить волости свои земли на тѣхъ-же основаніяхъ, какія установлены для владѣльцевъ изъ крестьянъ.

Какъ скоро система личнаго поземельнаго владѣнія будетъ упразднена и всѣ пашни и сѣнокосы будутъ обращены въ волостныя земли, тогда крестьянскій міръ долженъ приступить къ равному раздѣлу ихъ между крестьянами. Передѣлъ земли производится неотдѣльно по каждому селенію, но по цѣлой волости, составляющей, болѣе или менѣе, обширную группу селеній. Экспедиція директора домоводства, въ приказахъ къ волостнымъ старостамъ, даже совѣтуетъ, при передѣлѣ, нестѣсняться существующимъ составомъ волостей, по разширять границы сельскихъ группъ, посредствомъ присоединенія къ нимъ селеній изъ сосѣднихъ волостей. „А какъ есть селенія,—сказано въ приказахъ,—кои имѣютъ малое число душъ, а большое количество земли, а другія—большое количество душъ, но малое—земли, то, не отдѣляя деревню отъ деревни, полагаютъ въ общій раздѣлъ не токмо подъ однимъ староствомъ находящіяся, но стараться между собою и съ прикосновенными селеніями держаться сего уравненія“.

Такимъ образомъ, экспедиція, держась на почвѣ древняго народнаго права, признававшаго поземельными владѣльцами цѣлыя группы селеній, по своему очень удачно обошла важное затрудненіе для „уровненія“ земель между крестьянами, заключавшееся въ неравномѣрномъ распредѣленіи угодій между отдѣльными селеніями. Послѣ этого уже легко было справиться съ другимъ обстоятельствомъ, повидимому, препятствовавшимъ уравненію,—съ клочковатостью воздѣланной почвы. Во многихъ мѣстахъ, земля, удобная для обработки, была разбросана клочками, или островками, среди болотъ и лѣсной почвы,—частію каменистой, частію песчаной,—которою нельзя было воспользоваться для земледѣльческихъ

цѣлей. Поэтому крестьянскія пашни и сѣнокосы находились не въ одномъ кругу, но представляли собою небольшіе лоскутки воздѣланной земли, раскинутые на далекомъ разстояніи другъ отъ друга среди дикаго лѣса. Экспедиція совѣтуетъ непремѣнно пустить въ общій передѣлъ и эти клочки, стараясь, по возможности, уровнять и ихъ между крестьянами. „Гдѣ положеніе мѣстъ каменисто,—сказано въ приказахъ,—такъ-что особыхъ полей сдѣлать нельзя, и крестьянская пашня состоитъ въ разныхъ мѣстахъ, то и тамъ стараться разровняться поровну, дабы всякій, имѣя безобидный по семейству своему участокъ земли, могъ быть доволенъ". Передѣлъ долженъ начаться съ полей, приготовленныхъ къ посѣву озимаго хлѣба, а потомъ дѣлятся остальныя два поля и сѣнокосы.

Въ приказахъ, посланныхъ къ волостнымъ старостамъ, экспедиція особенно заботилась о томъ, чтобы, при передѣлѣ, каждый крестьянинъ, по возможности, получилъ тѣ-же самыя земли, какими онъ ранѣе владѣлъ. „Для избѣжанія могущаго при раздѣленіи произойти негодованія", она совѣтуетъ соблюдать слѣдующее правило. „Буде у кого есть земли, обработанныя за полянами изъ лѣсовъ и болотъ, — чтобъ оставались за ними, ибо на сіе употребленъ ихъ собственный трудъ; но въ поляхъ уже участіе ихъ должно быть только въ случаѣ недостатка по душамъ, состоящимъ въ ихъ семействѣ. Буде-жъ захотятъ и оныя въ общій раздѣлъ пустить, то оставить на ихъ волю. Да и всѣхъ, при раздѣлѣ, стараться неудалять отъ прежнихъ полосъ, ими владѣемыхъ, а развѣ въ случаѣ излишества, то отрѣзывать".

Приказы о передѣлѣ земель были приняты крестьянами съ большою радостью, и тотчасъ началось обра-

щеніе земель въ волостное владѣніе съ усердіемъ, иной разъ выходившимъ изъ предѣловъ законности. Число многоземельныхъ богачей, недовольныхъ передѣломъ, было ничтожно, сравнительно съ массою малоземельныхъ крестьянъ, которые стояли горою за передѣлъ. Напримѣръ, въ большой волости Остречинскаго погоста нашлось только 20 человѣкъ недовольныхъ передѣломъ, которые, въ жалобѣ намѣстническому правленію, отстаивали свои права на земли, отходившія, при передѣлѣ, изъ владѣнія ихъ. Естественно, что богачи видѣли въ передѣлѣ нарушеніе права собственности, грубое насиліе, потворство лѣнтяямъ, которые, будто-бы, нехотѣли разработывать для себя новыя земли. Но въ то же время, ихъ жалоба проникнута грустнымъ чувствомъ безнадежности, такъ-какъ весь крестьянскій міръ, который они недавно держали въ своихъ рукахъ, теперь отшатнулся отъ нихъ, пересталъ слушаться ихъ.

Остречинскіе богачи писали въ жалобѣ, что „они имѣютъ земли, предками ихъ расчищенныя и во удобство трудами ихъ распашкою въ силу приведенныя, а нынѣ, въ раздѣленіи, земли ихъ достаются въ потомство таковымъ обывателямъ, которые, неимѣя раченія къ распашкѣ пахатныхъ земель и сѣнокосовъ вѣчно, но и предки ихъ таковы-жъ были и раченія-жъ неимѣли, а протчіе изъ нихъ таковые имѣются, что предки ихъ свои земли продали, а на тѣ деньги въ удобныхъ мѣстахъ земель себѣ пераспахивали, а нынѣ отъ нихъ требуютъ себѣ земли въ раздѣлъ; а онымъ просителямъ имѣются удобныя мѣста къ распашкѣ, сухія и при водахъ, точію распахивать, и трудовъ прилагать, и поселиться въ тѣ мѣста нехотятъ, а единственно желаютъ они корыстолюбіемъ чужаго имѣнія себѣ во владѣніе“.

Принявшій сторону обиженныхъ богачей, губернаторъ Державинъ, какъ ни старался изобразить ихъ несчастными жертвами несправедливости, но немогъ скрыть того факта, что эта несправедливость нашла себѣ горячихъ сторонниковъ между крестьянами, что передѣлъ земли былъ мѣрою, въ высшей степени популярною. „Трудившіеся съ проліяніемъ своего пота,—жалостливо пишетъ Державинъ,—и обработавшіе своимъ иждивеніемъ и трудами землю, хлѣбопашцы жаловались, что у нихъ отняли, или отнимаютъ нетокмо полевыя, но даже и запольныя ихъ распашки, никогда неприлежавшіе къ трудамъ, тунеядцы, или тѣ, которые, обращаясь въ другихъ промыслахъ, никогда нерадѣли удобрить своихъ земель, и велятъ, вмѣсто обработанныхъ ими загоновъ, распахивать заросшія, или совсѣмъ новыя нивы, единственно возжелая, по поводу приказовъ экспедиціи экономіи директора, непринадлежащимъ имъ трудомъ воспользоваться". О доводахъ громаднаго большинства крестьянъ, стоявшихъ горою за передѣлъ, Державинъ умалчиваетъ, ограничиваясь краткимъ, но весьма многознаменательнымъ для насъ упоминаніемъ, что они „приносили просьбы, якобы большесемейные и зажиточные крестьяне взяли въ свое владѣніе всѣ земли и ничего имъ на пропитаніе и на платежъ государственныхъ податей неоставили". О жалобахъ бѣдняковъ упоминаетъ и директоръ экономіи, полемизируя съ Державинымъ и посылая по его адресу слѣдующее замѣчаніе. „Устѣсненіе въ земляхъ отъ богатыхъ видно изъ сообщенія, что и г-мъ правителемъ (т.-е. Державинымъ) по жалобѣ бѣдныхъ встрѣтилось, коихъ вопль, можетъ быть, болѣе праведенъ, нежели тѣхъ, коимъ пресѣкаются пути неправо присвоеннаго владѣнія земель".

Къ счастію, скрыть истину невозможно,—она, помимо воли, выходитъ наружу и осѣщаетъ неправду. Защищая богачей, завладѣвшихъ крестьянскими землями, Державинъ, въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю, проговорился, какое зло они вносятъ въ народный бытъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указалъ на факты, несомнѣнно доказывающіе, что эти зажиточные крестьяне вовсе непринадлежатъ къ числу хлѣбопашцевъ, „трудившихся съ проліяніемъ своего пота". По откровенному признанію его, въ Олонецкой губерніи, зажиточные крестьяне составляютъ меньшинство, а большинство—бѣдняки. „Правда, — говоритъ онъ, — что есть даже въ самыхъ лопскихъ погостахъ такіе зажиточные крестьяне, что я мало таковыхъ видалъ внутри государства. Напримѣръ, нѣкоторые имѣютъ нѣсколько, чисто отстроенныхъ, комнатъ съ голландскими печами, содержатъ чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами ихъ жены чисто одѣты; напримѣръ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, въ Шунгскомъ погостѣ, хозяйка трактовала меня, вынося сама на большомъ краснаго дерева подносѣ, для меня и бывшихъ со мною, нѣсколько чашекъ кофе, вкусно сваренаго; одѣта была, хотя въ тѣлогрѣю, но имѣла на ногахъ чулки шелковые и бѣлые, глазетовые башмаки. Но, должно сказать, сіе-то малое количество зажиточныхъ крестьянъ и есть причиною, что болѣе бѣдныхъ. Они, нажившъ достатокъ подрядомъ, или какимъ другимъ образомъ, раздаютъ оный въ безбожный процентъ, кабалятъ долгами почти въ вѣчную себѣ работу бѣдныхъ заемщиковъ, а чрезъ то усиливаются и богатѣютъ болѣе, нежели гдѣ внутри Россіи, ибо, при недостаткѣ хлѣба и прочихъ къ пропитанію нужныхъ вещей, прибѣгнуть не къ кому, какъ къ богачу, въ ближайшемъ селеніи

живущему. Сіе злоупотребленіе нужно, кажется, пресѣчь".

Масса бѣдняковъ, разоренныхъ богачами и потерявшихъ земли, выразила свое удовольствіе по поводу приказовъ о передѣлѣ земли тѣмъ, что потребовала возвращенія въ волость даже такихъ земель, которыя грамотами прежнихъ государей были пожалованы въ собственность, такъ-называемыхъ, *обѣльныхъ* крестьянъ. Напримѣръ, обѣльные крестьяне Видинской волости, деревни Бячевской, жаловались, что пожалованную предку ихъ землю „той волости староста съ мірскими людьми отнимаютъ и кладутъ въ общій раздѣлъ между собою". Съ другой стороны, въ присутственныя мѣста посыпались отъ крестьянъ прошенія о возвратѣ въ волостное владѣніе земель, проданныхъ и заложенныхъ купцамъ и мѣщанамъ. Домогательство крестьянъ о возвратѣ такихъ земель имѣло весьма вѣское историческое основаніе. Въ старину, волостная земля переходила во владѣніе лицъ, непринадлежащихъ къ волости, неначе, какъ съ обязательствомъ новыхъ владѣльцевъ „всяки государевы подати платить съ волостными людьми вмѣстѣ". Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, купцы и мѣщане перестали помогать крестьянамъ въ платежѣ податей за земли, ссылаясь на то, что, по закону, они уплачиваютъ государственныя подати особо отъ крестьянъ. Но крестьяне, съ своей стороны, полагали, что неисполненіе обязательства платить подати за земли вмѣстѣ съ волостными людьми должно вести къ возврату самыхъ земель изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ въ волостное владѣніе.

Напримѣръ, крестьяне Павловской волости жаловались: „имѣются за ними земли и сѣнные покосы, пре-

данные имъ изъ давнихъ лѣтъ по писцовымъ книгамъ, да внутри оныхъ владѣніе земли имѣли города Каргополя купцы и мѣщане, доставшіяся имъ отъ предковъ тѣхъ крестьянъ, по купчимъ и крѣпостнымъ письмамъ и разнаго рода сдѣлкамъ, съ платежемъ со оныхъ земель въ подмогу казенныхъ податей; а нынѣ тѣ земли, въ сходственность указа сената 1782 года апрѣля 7-го дня *), отмежеваны къ ихъ селеніямъ и при межеваніи ни отъ кого спору небыло, а нынѣ, по насланнымъ указамъ, купцовъ и мѣщанъ отказывать невелѣно". Поэтому крестьяне просили, „чтобъ тѣхъ земель у нихъ неотнимать, почему оные оттого придутъ въ несостояніе къ платежу податей".

Точно такъ же крестьяне разныхъ деревень Шуйскаго погоста жаловались, что, „живущіе въ Шуйскомъ погостѣ, купцы и другіе разные люди владѣютъ ихъ собственными въ поляхъ и запольках пашенными землями и сѣнными покосами безъ всякаго по крестьянству платежа,—чего для и просили, чтобъ отъ купцовъ, состоящія у нихъ во владѣніи, писцовыя, крестьянскія земли, по недостатку оныхъ, приказать отъ нихъ отобрать и пустить въ общій между крестьянами раздѣлъ, дабы они, по малоимѣнію оной, не могли терпѣть недостатка. А что касается до отданныхъ

*) „Правительствующій сенатъ, 1783 года апрѣля 7-го дня, указомъ предписалъ, въ прекращеніе всѣхъ бывшихъ между купцами и крестьянами споровъ, земли, покосы и крестьянскіе участки, какіе-бъ нибыло — посадскихъ-ли, или государственныхъ крестьянъ, размежевать по числу ихъ тяглъ и причислить оные къ тѣмъ волостямъ, къ которымъ они прилегали, а крѣпости на тѣ земли, данныя отъ крестьянъ купцамъ, уничтожить, потому что они, живъ при тѣхъ селеніяхъ издавна многое время и пользуясь оными, чрезъ продукты свои деньги уже возвратили". (*Протоколъ намѣст. правленія 19-го сентября 1785 года*).

нѣкоторыми изъ нихъ тѣмъ купцамъ въ закладъ земель и покосовъ, то они обязываются отдать имъ деньги". Какъ ни справедливы были подобныя домогательства крестьянъ, но они немогли быть удовлетворены, потому что вопросъ о землевладѣніи купцовъ и мѣщанъ уже былъ разрѣшенъ въ иномъ смыслѣ именнымъ указомъ императрицы на имя генералъ-губернатора Тутолмина, 30-го мая 1785 года. Купцамъ было предоставлено право, по доброй волѣ, продать свои земли, въ двухгодичный срокъ, дворянамъ или казеннымъ крестьянамъ.

Передѣлъ земли былъ мѣрою въ высшей степени популярною у громаднаго большинства крестьянъ и потому производился по волостямъ съ полнымъ успѣхомъ. И вдругъ случилось ничтожное обстоятельство, которое, само по себѣ, говорило въ пользу передѣла, но, будучи представлено губернаторомъ въ превратномъ видѣ и разрисовано самыми ужасными красками, послужило поводомъ къ прекращенію дѣла, сталъ успѣшно начатаго. Это происшествіе случилось въ Пудожскомъ погостѣ, обращенномъ нынѣ въ городъ Пудожъ.

Какъ замѣчено выше, тамъ передѣлъ земли былъ произведенъ еще въ 1784 году, по приказу петербургской казенной палаты. Крестьяне были вполнѣ довольны передѣломъ и засѣяли хлѣбомъ, вновь доставшіяся имъ, земли. Недоволенъ былъ одинъ лишь крестьянинъ Костинъ, имѣвшій „великое множество" земли, которая, при передѣлѣ, была отобрана изъ его владѣнія и раздѣлена между малоземельными крестьянами. Онъ, хотя и считалъ себя обиженнымъ, но цѣлый годъ непринималъ никакихъ мѣръ къ возвращенію земли, вѣроятно, считая невозможнымъ бороться съ міромъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ его, что есть на Руси великая при-

казная сила, которая сильнѣе самого міра, умѣетъ всякій законъ обойти и можетъ черное сдѣлать бѣлымъ. Конечно, не безъ совѣта опытныхъ законовѣдцевъ, онъ обратился въ Вытегорскій нижній земскій судъ съ жалобою, будто крестьяне насильно завладѣли землею его, и просилъ возстановить свое нарушенное владѣніе. Полиція, податливая на просьбы богатыхъ людей, горячо приняла сторону Костина, и, лѣтомъ 1785 года, земскій судъ предписалъ указомъ возвратить ему землю вмѣстѣ съ хлѣбомъ, посѣяннымъ новыми владѣльцами.

Распоряженіе полиціи было до такой степени незаконно и произвольно, что, понятное дѣло, крестьяне незахотѣли исполнить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они, сознавая на своей сторонѣ право, рѣшились дѣйствовать строго легальнымъ путемъ. Мірской староста донесъ экспедиціи директора домоводства о распоряженіи земскаго суда, причемъ добавилъ отъ себя, что если земля будетъ возвращена Костину, то „совершенно крестьяне получатъ себѣ разореніе“; въ заключеніе, онъ просилъ у экспедиціи „во всемъ защищенія“. Независимо отъ этого, крестьянскій міръ отправилъ въ Петрозаводскъ двухъ „мірскихъ посыльщиковъ“, которые также просили экспедицію, „чтобъ отведенную имъ землю съ посѣяннымъ ими хлѣбомъ обратно имъ отдать во владѣніе“. Экспедиція, разобравъ дѣло, 26-го іюня, послала къ Пудожскому старостѣ приказъ, чтобы земля съ посѣяннымъ хлѣбомъ, неправильно отобранная у крестьянъ по указу земскаго суда, была снова возвращена тѣмъ, кому досталась по мірскому раздѣлу. Затѣмъ, 21-го іюля, экспедиція вновь предписала старостѣ, „чтобъ въ раздѣлѣ земель между крестьянами поступилъ на основаніи даннаго во всѣ волости отъ экспедиціи приказа, не-

смотря ни на какое усиліе". Такимъ образомъ, казалось, что дѣло окончательно выиграно крестьянами, тѣмъ болѣе, что полиціи было запрещено вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся внутренняго распорядка въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ.

Между тѣмъ, 26-го іюля 1785 года, прибылъ въ Шудожскій погостъ губернаторъ Державинъ, для осмотра, только что передъ его пріѣздомъ открытыхъ здѣсь, присутственныхъ мѣстъ. Въ погостѣ онъ нашелъ членовъ Вытегорскаго нижняго земскаго суда, которые поспѣшили представить спорное дѣло между Костинымъ и крестьянскимъ міромъ въ видѣ, благопріятномъ для Костина, обвиняя крестьянъ въ самоуправствѣ и ослушаніи полиціи, а экспедицію директора домоводства въ возбужденіи безпорядковъ между крестьянами. Державинъ горячо ухватился за это дѣло по особымъ, личнымъ причинамъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, онъ находился въ открытой враждѣ съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ, успѣлъ сдѣлать доносъ на него императрицѣ и, распространяя вражду на чиновниковъ, близкихъ къ генералъ-губернатору, при всякомъ случаѣ дѣлалъ непріятности имъ. Будучи ослѣпленъ враждою, лѣтомъ 1785 года, онъ надѣлалъ въ Петрозаводскѣ множество наблаговидныхъ поступковъ, которыми до такой степени вооружилъ противъ себя все приказное общество, что былъ вынужденъ отъ стыда уѣхать, подъ предлогомъ обзора губерніи. Но, при громадномъ самолюбіи, Державинъ нехотѣлъ сознаться въ ошибкахъ, а относилъ причину своего, дѣйствительно, невыносимаго положенія въ обществѣ къ казнямъ враговъ,—преимущественно-же Тутолмина и близкихъ къ нему чиновниковъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдѣлялся директоръ домоводства

Ушаковъ, который въ приказномъ обществѣ считался „фаворитомъ“ генералъ-губернатора. До сихъ поръ Державинъ ненаходилъ случая сдѣлать ему какую-нибудь служебную непріятность и потому съ радостью увидѣлъ въ дѣлѣ Пудожскихъ крестьянъ возможность предстатить распоряженіе экспедиціи директора домоводства о передѣлѣ земель въ видѣ, неблагопріятномъ для ненавистнаго Ушакова.

Члены Вытегорскаго нижняго земскаго суда, для оправданія своего произвольнаго распоряженія о возвратѣ Костину земли, отобранной у него при передѣлѣ, внушили Державину мысль, будто „между крестьянами начались раздоры и драки, близкіе къ смертоубійству и междоусобному возмущенію, причиненные приказами экспедиціи директора экономіи о раздѣлѣ земель“. Конечно, эта „близость къ смертоубійству и междоусобному возмущенію“ была не болѣе, какъ недобросовѣстное предположеніе; однако Державинъ не только принялъ такое предположеніе за совершившійся фактъ, но пошелъ далѣе, утверждая, что произошелъ „бунтъ“, „неповиновеніе черни установленнымъ властямъ“. Между тѣмъ, весь „бунтъ“, все „возмущеніе“ состояло въ слѣдующихъ, совершенно законныхъ, поступкахъ крестьянъ.

Въ началѣ іюля, когда члены земскаго суда объявили крестьянамъ указы этого суда о возвратѣ Костину земель, то крестьяне „осмѣлились противъ оныхъ предъявить отъ экспедиціи приказы къ своему оправданію, а экономическій староста Фадѣевъ и письменнымъ своимъ рапортомъ, іюля 15-го дня поданнымъ суду, утвердилъ единогласный отзывъ крестьянъ, что они имѣютъ къ присвоенію себѣ земель, присланные изъ экспедиціи къ старостамъ, приказы и пошли о томъ просить, гдѣ слѣ-

дуетъ, т.-е., какъ послѣ открылось, къ экономіи директору, и принесли отъ него помянутый приказъ, и затѣмъ, къ отдачѣ просителямъ земли онъ, староста, ихъ и принудить немогъ".

На какіе-либо другіе безпорядки, бывшіе между крестьянами, нѣтъ ни малѣйшаго указанія, а, между тѣмъ, Державинъ, основываясь на случаѣ, переданномъ выше собственными словами его, повелъ рѣчь объ „открывшихся по Пудожскому погосту отъ приказовъ экспедиціи—явномъ непослушаніи нижнему земскому суду, раздорахъ и дракахъ", сталъ обвинять экспедицію въ томъ, что распоряженіе ея „ни къ чему иному неслужитъ, какъ токмо возбудить въ черни неповиновеніе къ установленнымъ надъ ними судамъ, отчего происходятъ весьма дурныя слѣдствія и, необинуясь можно сказать, бунты, какъ уже почти и въ самомъ дѣлѣ случилось". Чтобы еще болѣе мусенировать это пустое дѣло и придать ему серьезный характеръ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ противъ бунтовщиковъ, приказалъ земскому суду подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію. „Нужно было,—разсказываетъ онъ,—пресѣчь зло сіе, какъ можно скорѣе, и недопустить онаго продолженіемъ времени до вящаго распространенія, ибо изъ многихъ опытовъ извѣстно, что въ таковыхъ случаяхъ медленіе и нерѣшимость были всегда главнѣйшею причиною большаго вреда и злоключенія, нежели скорое и расторопное пресѣченіе первоначальнаго непорядка".

Недовольствуясь наказаніемъ крестьянъ, Державинъ, 29-го іюля, предложилъ намѣстническому правленію сообщить казенной палатѣ, „дабы благоволила она приказать экспедиціи экономіи директора отобрать отъ старостъ всѣ данные ею приказы относительно раздѣленія

между государственными крестьянами земель, ежели оный раздѣлъ въ которомъ-либо селеніи полюбовно между крестьянами, безъ всякихъ споровъ, неконченъ". Затѣмъ, 31-го іюля, онъ вновь предложилъ намѣстническому правленію потребовать отъ казенной палаты, „чтобы приказы, относящіеся къ генеральному по губерніи раздѣленію земель и по спорамъ объ оныхъ, отъ старостъ отобраны были немедленно; ежели казенная палата того экспедиціи учинить неприкажетъ и не дастъ на то своего согласія, то, по первому, откуда-либо въ правленіе дошедшему, рапорту о подобномъ, по раздѣленію земель въ народѣ, неустройствѣ, послать указы во всѣ нижніе земскіе суды и велѣть отъ старостъ отобрать приказы. Въ означенныхъ-же въ нижніе земскіе суды указахъ неоставить изъяснить: ежели гдѣ земли по сіе время мірскими полюбовными приговорами нераздѣлены, то объявить поселянамъ, чтобъ они, до генеральнаго о земляхъ по всей губерніи разсмотрѣнія, были спокойны и оставались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ".

Въ это время, директоръ экономіи Ушаковъ путешествовалъ по деревнямъ, чтобы лично наблюдать за передѣломъ земель. Онъ немогъ нахвалиться образцовымъ порядкомъ, который соблюдали крестьяне при раздѣлѣ земли. Общественное спокойствіе нигдѣ небыло нарушено, несмотря на то, что были затронуты самые живые и жгучіе интересы всѣхъ и каждаго. По возвращеніи въ Петрозаводскъ, Ушаковъ донесъ казенной палатѣ, что, „гдѣ онъ былъ, то вездѣ раздѣлъ земли шелъ съ довольнымъ успѣхомъ, и хотя нельзя, чтобъ тѣ, кои заграбили разными наслѣдствами не въ одной, а въ двухъ, или въ трехъ деревняхъ землями, были сему

раздѣлу довольны, такъ-же и невоспользовавшіеся закладомъ и прочими присвоеніями, кои симъ раздѣломъ прекращались, однако-же и отъ тѣхъ сопротивленія было невидно". Вообще, по словамъ Ушакова, „гдѣ онъ успѣлъ быть, тамъ совершенная была тишина и ничего иного немогъ найти, какъ охотное повиновеніе; тѣмъ болѣе отягощенные податьми и нерѣшимостью ихъ о земляхъ тяжбъ изъ давнихъ лѣтъ—получали на мѣстѣ удовольствіе, коимъ они, изнурены будучи, совершенно оживотворялись".

Наконецъ, Ушаковъ пріѣхалъ въ Вытегорскій уѣздъ и остановился въ Оштинскомъ погостѣ, къ которому было причислено нѣсколько волостей съ населеніемъ около 4,000 душъ. Здѣсь, въ его присутствіи, начался передѣлъ земли, который и окончился въ теченіе трехъ дней. Крестьяне, по словамъ Ушакова, „раздѣлились спокойно и были совершенно довольны, тѣмъ болѣе, что и уравненіе податей наносныхъ душъ съ симъ раздѣломъ сопряжено было не по десяткамъ, коимъ прежде отягощались, а по всей волости". По окончаніи передѣла, крестьяне, въ присутствіи вытегорскаго капитанъ-исправника, единогласно заявили, что всѣ они раздѣломъ довольны. Ушаковъ радовался, видя, какъ легко и успѣшно окончилось трудное дѣло уничтоженія многовѣковой неправды. Но радоваться пришлось недолго. Выслушавъ заявленіе крестьянъ объ ихъ довольствѣ передѣломъ, капитанъ-исправникъ объявилъ, что, по распоряженію губернатора, велѣно оставаться всѣмъ, какъ владѣли до 1784 года. Тогда крестьяне уничтожили только что сдѣланный ими раздѣлъ, „ибо, —какъ замѣчаетъ Ушаковъ, — тѣ, кои имѣли предъ симъ въ превосходномъ числѣ за собою земли, недадутъ ихъ и

тутъ-же воспользовались симъ случаемъ, да и приказы отъ всѣхъ старостъ отобраны". Изъ Оштинскаго погоста Ушаковъ проѣхалъ дальше въ Вытегорскій погостъ, но и здѣсь узналъ отъ старосты, что раздѣлъ, который сначала производился добровольно и безъ всякаго ропота въ народѣ, теперь оставленъ, потому что всѣ приказы отобраны отъ него, такъ что не почему исполнять распоряженіе о передѣлѣ.

Видя, что передѣлъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ остановленъ, Ушаковъ возвратился въ Петрозаводскъ. Здѣсь его ожидали рапорты старостъ о томъ, что богачи, узнавъ объ остановкѣ передѣла въ Вытегорскомъ уѣздѣ, оказываютъ сопротивленіе раздѣлу. Такъ, напримѣръ, Петрозаводскаго уѣзда, Остречинскаго погоста, Юксовской волости староста писалъ, что, по полученіи приказа о раздѣлѣ земель, всѣ крестьяне, „на общемъ мірскомъ скопѣ", согласились раздѣлить земли по душамъ, и уже около половины крестьянъ раздѣлились, „безъ всякаго между ими препятствія и роптанія. А какъ нынѣ,—продолжалъ староста,—больше имѣющіе за собою земель, крестьяне, изнавѣдовъ, что въ Вытегорскомъ уѣздѣ таковое раздѣленіе земель оставлено впредь до будущаго онымъ разсмотрѣнія, то, испровергнувъ они всѣ свои добровольныя обязательства, внушили въ себя, что-де таковое запрещеніе послѣдуетъ имъ, а тѣмъ и сдѣлали въ порядочномъ теченіи раздѣла земель помѣшательство и въ народѣ развращеніе, ссоры и несогласіе, желая сами остаться на большомъ количествѣ земель, а бѣдныхъ, неимущихъ оставляя въ трудномъ состояніи, заставляя ихъ чрезъ то удаляться, для доставленія пропитанія, въ разныя мѣста".

Казенная палата поспѣшила подробно донести гене-

ралъ-губернатору о томъ, какъ Державинъ распорядился пріостановить раздѣлъ земель между крестьянами. Въ концѣ своего донесенія палата высказала мнѣніе, что „она весьма нужнымъ поставляетъ сдѣлать одинъ разъ раздѣлъ земель между крестьянами и разсмотрѣніе о возвращеніи въ пользу казенныхъ крестьянъ земель, ниаго званія людьми присвоенныхъ, ибо съ симъ какъ исправность въ платежѣ государственныхъ податей, такъ и спокойное всякаго поселянина въ селеніи своемъ пребываніе сопряжено". Тутолминъ принялъ сторону директора экономіи Ушакова въ распрѣ съ Державинымъ по поводу передѣла земель. Получивъ донесеніе казенной палаты, онъ немедленно распорядился предписать Вытегорскому нижнему земскому суду, „дабы, имѣющихся въ волостяхъ казеннаго вѣдомства о уравненіи земель, приказовъ С.-Петербургской и Олонецкой казенныхъ палатъ экспедиціи директора домоводства отъ вотчинныхъ старостъ неотбиралъ и въ уравненіи земель, *по собственному крестьянъ согласію*, никакого воспрещенія отнюдь недѣлалъ, такъ какъ и въ дѣла, до внутренняго сельскаго устройства касающіяся, не вмѣшивался".

Такимъ образомъ, по поводу сдѣланнаго Державинымъ распоряженія о пріостановкѣ передѣла земли, началось новое дѣло, которое перешло на разсмотрѣніе сената. Но сенатъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе щекотливаго вопроса о передѣлѣ, предоставивъ генералъ-губернатору „неустройства привести въ должный и желаемый порядокъ, учинить должное разсмотрѣніе, сдѣлать сходственное съ высочайшимъ повелѣніемъ постановленіе". Словомъ, — сенатъ отдѣлался общими фразами, неимѣющими опредѣленнаго смысла, и этимъ поставилъ генералъ-губернатора въ весьма затруднительное

положеніе. Впрочемъ, даровитый и изворотливый Тутолминъ очень ловко выпутался изъ затрудненія. Онъ съумѣлъ угодить и нашимъ, и вашимъ, приказавъ казенной палатѣ продолжать передѣлъ земли между крестьянами, но неутверждать передѣловъ, если противъ нихъ будетъ предъявленъ кѣмъ-нибудь споръ. Послѣдствіемъ этого было то, что часть земель была поровну раздѣлена между крестьянами и съ того времени при каждой ревизіи вновь передѣляется, а другая часть земель до настоящей поры еще ни разу неподвергалась передѣлу, хотя и здѣсь крестьяне признаютъ въ принципѣ обязательность передѣловъ.

Въ исторіи перваго передѣла крестьянскихъ земель въ Олонецкой губерніи останавливаетъ на себѣ серьезное вниманіе то обстоятельство, что инициатива передѣла исходила не отъ крестьянъ, но изъ правительственной сферы. Предложенная правительствомъ, мѣра разрушала, укоренившуюся вѣками, систему землевладѣнія, совершала соціально-экономическій переворотъ громадной важности, —и, тѣмъ не менѣе, она невызвала почти никакихъ замѣшательствъ, приведена въ исполненіе такъ быстро, тихо и спокойно, что, чрезъ сто лѣтъ, въ потомствѣ неосталось даже воспоминанія о бывшемъ переворотѣ, какъ будто, введенные правительствомъ, передѣлы общинныхъ земель существовали у крестьянъ вѣчно. Чему приписать этотъ безпримѣрный въ исторіи фактъ? Неужели можно объяснить его одною безотвѣтною покорностью крестьянъ, слѣпымъ послушаніемъ ихъ волѣ правительства?

Такое объясненіе едва-ли можетъ имѣть мѣсто, когда правительственные-же агенты жаловались на непокорность указамъ, оказываемую крестьянскими суйманами,

„какъ будто всякое староство было учрежденнымъ какимъ правительствомъ". При томъ-же, въ исторіи перваго передѣла слишкомъ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что единственное серьезное сопротивленіе передѣлу было оказано богачомъ Костинымъ, благодаря содѣйствію правительственныхъ агентовъ. Не будь поддержки со стороны полиціи и губернатора, тогда, безъ сомнѣнія, молчалъ-бы и Костинъ, и онъ безмолвно покорился-бы той силѣ, предъ которою преклонились многіе богачи, обиженные передѣломъ неменѣе Костина.

Хотя инициатива передѣла исходила изъ правительственной сферы, но крестьянская масса была ранѣе подготовлена ко введенію новой системы землевладѣнія. Въ то время у крестьянъ оставалась еще древняя волостная организація, при которой волость считалась единственнымъ хозяиномъ земель, не только незанятыхъ никѣмъ, но и обработываемыхъ по системѣ подсѣчнаго хозяйства. Передѣлъ постоянныхъ угодій былъ вполнѣ приспособленъ къ этой организаціи и является только дальнѣйшимъ развитіемъ существующей системы волостнаго владѣнія, такъ что вся задача передѣла состояла въ томъ, чтобы, по тогдашнему выраженію, „обратить въ волостныя земли", или, вѣрнѣе, присоединить къ волостнымъ землямъ участки, отторгнутые изъ волостнаго владѣнія лицами, которыя оставались членами тѣхъ же волостей, волостными крестьянами.

Волость издавна привыкла хозяйничать землею, и теперь для нея было новостью только то, что земли, поступающія во владѣніе ея, составляютъ постоянныя угодья, а не пустопорожнія земли, какъ было прежде. Но и къ этой новости крестьяне уже были подготовлены гораздо ранѣе, такъ что въ актахъ XVII столѣтія

мы находимъ очень много указаній на опыты общиннаго владѣнія постоянными угодьями. Изъ писцовой книги 1622 года видно, что крестьяне нѣкоторыхъ небольшихъ волостей имѣли въ общинномъ владѣніи, какъ непостоянныя, такъ и постоянныя угодья на одинаковомъ основаніи. Напримѣръ, волостка „близъ Моширѣки", состоявшая изъ двухъ деревень Большой и Малой Шалекушки, владѣла непашеннымъ лѣсомъ, вдоль на 20 верстъ и поперегъ на 5 верстъ, „да они-жъ всѣ крестьяне обѣихъ деревень Большія и Малыя Шалекушки ловятъ половину въ Сергѣ-озерѣ и въ рѣкѣ Мошѣ рыбу, а другую-жъ половину того озера ловятъ деревни Павловской и Лавровской крестьяне". Какъ разъ такое же общинное владѣніе, но уже постоянными сѣнокосами, мы находимъ въ волосткѣ Данславль, состоявшей изъ 8-ми деревень. При описаніи угодій въ этой волосткѣ, весьма скудной сѣнокосами, писцовая книга упоминаетъ сѣнокосную пустошь, что была деревня Голеневская,—„а косятъ то сѣно всею волостью". О другой сѣнокосной пустоши „что была деревня Спиринская" точно такъ же сказано, что и здѣсь „косятъ всею волостью".

При объясненіи пользованія волостными лѣсами и волостными покосами, мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе и передадимъ относящіеся сюда факты, которые подмѣчены нами въ древней Глумовской волости, далеко за предѣлами Олонецкой губерніи. Эти факты интересны, какъ доказательство, что древнія волости существовали не въ одной новгородской области и что волостное устройство отличалось необыкновенною живучестью, которая устояла даже подъ гнетомъ крѣпостнаго права. Поземельныя владѣнія, принадлежавшія въ

старину Глумовской волости, находятся въ теперешнемъ Юрьевскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Въ XVII вѣкѣ эта волость была крѣпостною и принадлежала роду Лопухиныхъ, изъ котораго происходила первая жена Петра I. У Лопухиныхъ Глумовская волость была конфискована и пожалована извѣстному начальнику застѣнковъ Толстому. Съ теченіемъ времени, крѣпостные крестьяне, населявшіе волость, посредствомъ семейныхъ раздѣловъ и приданыхъ выдѣловъ въ родѣ Толстыхъ, перешли во владѣніе нѣсколькихъ помѣщиковъ. Но земля, получившая при генеральномъ межеваніи названіе „дачи Глумовской волости“, осталась въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ помѣщиковъ, пока небыла спеціально размежевана между ними, около 20-ти лѣтъ тому назадъ.

Крестьяне, объясняя, кто изъ владѣльцевъ пользовался землею въ отдѣльныхъ частяхъ Глумовской волости до размежеванія ея, о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ опредѣленно, что здѣсь былъ лѣсъ помѣщика Хилкова, въ другомъ мѣстѣ лѣсъ Толстова, въ третьемъ пашня такой-то деревни и т. д. Но о другихъ мѣстностяхъ они даютъ такіе, на первый разъ маловразумительные, отвѣты: „тутъ былъ лѣсъ волостной, а здѣсь волостные покосы; или, — „рубили лѣсъ волостью“: или, — „косили всею волостью, гдѣ коса ходила“. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ крестьянъ оказывается, что подъ словомъ волостной лѣсъ или покосъ, они разумѣютъ такой лѣсъ и такіе покосы, гдѣ рубили лѣсъ и косили сѣно крестьяне всѣхъ деревень, поселенныхъ на землѣ Глумовской волости, словомъ, — лѣсъ и покосы общинные, состоящіе въ общинномъ пользованіи всѣхъ волостныхъ крестьянъ. Эта большая

крѣпостная волость центральной Россіи распалась послѣ спеціальнаго размежеванія дачи между помѣщиками.

Замѣчательно, что, въ XVII вѣкѣ, въ Олонецкомъ краѣ, волостное владѣніе постоянными угодьями встрѣчается только въ небольшихъ волостяхъ, а въ большихъ крестьяне производятъ опыты общиннаго владѣнія не иначе, какъ отдѣльными деревнями. Какъ видно изъ писцовой книги 1622 года, эти опыты производились не на тяглыхъ крестьянскихъ участкахъ, но на оброчныхъ земляхъ. При описаніи отдѣльныхъ деревень, писецъ то и дѣло повторяетъ одно и то же: „да тое-жъ деревни крестьяне платятъ за пустошную пашню» столько-то оброку. Этимъ выраженіемъ писцы отличали общинное владѣніе отъ артельнаго владѣнія земледѣльческихъ товариществъ, для обозначенія котораго постоянно употреблялось выраженіе: платитъ такой-то „съ товарищи“. Впрочемъ, и самыя земледѣльческія товарищества, вмѣстѣ съ родовыми общинами, подготовляли крестьянъ къ усвоенію новой формы владѣнія постоянными угодьями, окончательное введеніе которой завершилось передѣломъ земель. А такъ-какъ подготовительные опыты производились или малыми волостками, или, еще чаще, отдѣльными селеніями, поэтому правительственный совѣтъ дѣлить земли, „неотдѣляя деревни отъ деревни“, неимѣлъ успѣха. Крестьяне непослушались его, но дѣлятъ пашню ранѣе испытаннымъ ими порядкомъ — по каждой деревнѣ отдѣльно, какъ принято и въ средней Россіи.

Глава седьмая.

НЕУРЯДИЦА ВЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ.

Въ настоящее время, крестьянское землевладѣніе въ Олонецкой губерніи представляетъ замѣчательное разнообразіе формъ, которыя, въ видѣ, совершенно изолированномъ одна отъ другой, поддаются изученію только при помощи историческаго метода. Въ исторической послѣдовательности древнѣйшею формою является волостное владѣніе, при которомъ земля принадлежитъ нераздѣльно цѣлой группѣ селеній и можетъ быть захватываема въ пользованіе отдѣльными крестьянами, безъ всякаго вмѣшательства и ограниченія со стороны волости. Эта форма землевладѣнія была приспособлена къ системѣ бродячаго, подсѣчнаго хозяйства и держалась прочно, пока господствовало подсѣчное земледѣліе, возможное только на обширныхъ пространствахъ лѣсной земли и непредставляющее земледѣльцу никакого интереса захватывать, навѣки, въ личное владѣніе, мелкіе клочки подсѣкъ. Но когда на смѣну подсѣчнаго хозяйства явилась трехпольная система, привязывающая земледѣльца къ небольшимъ пахатнымъ и сѣнокоснымъ участкамъ, постоянно изъ года въ годъ эксплоатируемымъ, тогда крестьянское землевладѣніе приняло новую форму личнаго владѣнія постоянными угодьями. По мѣрѣ увеличенія количества постоянныхъ угодій, лучшія земли стали переходить изъ волостнаго въ личное владѣніе, которое, при неограниченной свободѣ отчужденія деревенскихъ участковъ, привело, наконецъ, къ обезземеле-

нію громадной массы крестьянъ. Дальнѣйшее распространеніе зла, внесеннаго въ народный бытъ системою личнаго владѣнія, было остановлено введеніемъ новой формы—общиннаго землевладѣнія въ собственномъ смыслѣ, характеризуемаго періодическими передѣлами постоянныхъ угодій между всѣми крестьянами каждаго отдѣльнаго селенія, но не цѣлой волости.

Всѣ три формы землевладѣнія — волостная, личная и общинная въ собственномъ смыслѣ,—продолжаютъ существовать у крестьянъ Олонецкой губерніи совмѣстно, въ смѣшанномъ видѣ, такъ что, незная исторической послѣдовательности наслоенія ихъ, трудно оріентироваться въ этомъ разнообразіи и понять общій, преобладающій у крестьянъ, характеръ землевладѣнія. Здѣсь очень часто случается, что лѣсная земля состоитъ во владѣніи цѣлой группы селеній, нераздѣльно пользующихся ею для разработки подсѣкъ. Въ то-же время, часть постоянныхъ угодій періодически передѣляется между крестьянами каждаго отдѣльнаго селенія этой группы, а другая часть угодій никогда неподвергалась передѣлу и остается въ личномъ владѣніи крестьянъ. Есть и такія мѣстности, гдѣ еще ни разу небывало общественнаго передѣла постоянныхъ угодій. Но, несмотря на такое видимое разнообразіе формъ землевладѣнія, общинное владѣніе въ собственномъ смыслѣ можно назвать преобладающимъ типомъ, подъ который, болѣе или менѣе удачно и близко, подогнаны остальныя формы, уцѣлѣвшія изъ древности.

Хотя волостное владѣніе и существуетъ повсемѣстно, но теперь оно выродилось, перестало быть самостоятельною формою землевладѣнія и болѣе или менѣе приближается къ формамъ то личнаго, то общиннаго

владѣнія. Мы видѣли, что, въ старину, при обиліи земли, волостное владѣніе обезпечивало всѣмъ и каждому изъ волостныхъ крестьянъ возможность занимать подсѣками столько земли, сколько кто въ силахъ разработать. При этомъ, занятая подсѣками, волостная земля неотчуждалась въ личное владѣніе, но, по истощеніи почвы посѣвами, поступала въ число никѣмъ незанятыхъ, свободныхъ волостныхъ земель, и тогда ею могъ воспользоваться для вторичной обработки всякій другой крестьянинъ. Но съ теченіемъ времени, когда сталъ чувствоваться недостатокъ въ хорошей землѣ для подсѣкъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явились попытки къ захвату подсѣкъ въ личное владѣніе, и, такимъ образомъ, волостное владѣніе лѣсными землями стало приближаться къ формѣ личнаго владѣнія.

Обращеніе подсѣкъ въ личное владѣніе совершается путемъ подчистки кустарника, продолжающейся непрерывно въ періодъ времени между хлѣбными посѣвами на этой подсѣкѣ. Крестьянинъ заботится неупустить изъ своихъ рукъ, разъ занятую имъ, хорошую подсѣку и потому старается приспособить ее для новой обработки. Съ этою цѣлью, онъ, время отъ времени, подчищаетъ выросшій на подсѣкѣ кустарникъ древесныхъ породъ, содержащихъ въ золѣ меньшее количество минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для питанія хлѣбныхъ растеній, чтобы, уничтоженіемъ лишней растительности, дать больше простору для роста лучшихъ древесныхъ породъ. Такая подчистка подсѣкъ сообщаетъ имъ характеръ постоянныхъ угодій и ведетъ къ возникновенію права работника на продолжительное, почти вѣчное владѣніе культивируемыми имъ подсѣками. Впрочемъ, подчистка и обусловленный ею переходъ под-

сѣкъ изъ волостнаго въ личное владѣніе встрѣчаются не повсемѣстно и представляютъ какъ-бы исключеніе изъ общаго правила.

Чаще всего волостное владѣніе уживается рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ и такъ приспособляется къ нему, что оба сливаются между собою почти до безразличія. Въ этомъ случаѣ постоянныя угодья принадлежатъ каждому селенію отдѣльно, а лѣсъ остается въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлой группы селеній. Иной разъ случается, что не только лѣсъ, но и покосы остаются въ волостномъ владѣніи, а кое-гдѣ, какъ напримѣръ, въ Туксинскомъ обществѣ (см. гл. 2), выработана даже волостная организація труда для эксплоатаціи сѣнокосовъ. Все это показываетъ, что волостное владѣніе отличается чрезвычайною способностью приспособляться къ разнообразнымъ условіямъ, развиваться и совершенствоваться.

Несмотря на свою живучесть, волостное владѣніе, слившись съ общиннымъ, перестало быть самостоятельною формою землевладѣнія и, въ настоящее время, представляетъ собою какъ бы видоизмѣненіе и, пожалуй, дальнѣйшее развитіе того типа крестьянскаго землевладѣнія, который преобладаетъ въ средней Россіи. Извѣстно, что и здѣсь иногда попадаются цѣлыя группы селеній, сообща владѣющихъ землею, но, тѣмъ неменѣе, принятая ими, система землевладѣнія непредставляетъ характеристическихъ признаковъ волостнаго землевладѣнія въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь искусственный раздѣлъ угодій частію между жителями каждаго селенія отдѣльно, частію же между жителями всѣхъ селеній вмѣстѣ — сообщаетъ землевладѣнію характеръ чистообщиннаго владѣнія. Напримѣръ, невдалекѣ отъ Москвы,

въ Дурыкинской волости, есть поземельная община, состоящая изъ двухъ селеній — Ржавокъ и Савелокъ, находящихся на разстояніи двухъ верстъ. Каждая изъ этихъ деревень составляетъ особый міръ, имѣетъ особую сходку и особаго старосту. Пахатная земля принадлежитъ каждой деревнѣ отдѣльно и передѣляется деревенскимъ міромъ между жителями этой деревни. Въ каждой деревнѣ есть особое стадо и особый пастухъ, который содержится на счетъ одной этой деревни. Но лѣсъ и сѣнокосы состоятъ въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи обѣихъ деревень, которыя, въ силу этого, образуютъ одинъ міръ, собираясь на общую сходку для рѣшенія вопросовъ о пользованіи общими землями, причемъ, само собою разумѣется, жители обѣихъ деревень получаютъ равную долю въ выгодахъ общаго владѣнія, какъ будто они составляютъ не два, но одно нераздѣльное селеніе. Въ подобную форму общиннаго владѣнія отчасти выродилось, отчасти вырождается, въ настоящее время, и древнее волостное владѣніе въ Олонецкой губерніи.

Способность волостнаго владѣнія къ приспособленію и видоизмѣненію побуждаетъ сильно желать сохраненія поземельной волостной организаціи, которая находится наканунѣ искусственнаго разрушенія, посредствомъ выдачи владѣнныхъ записей на отдѣльныя селенія. Между прочимъ, можно было бы сохраненіемъ волостнаго владѣнія избѣгнуть вредныхъ послѣдствій неравномѣрнаго раздѣленія земли между отдѣльными селеніями. Если поземельная община будетъ состоять изъ цѣлой группы селеній, то неможетъ быть никакихъ серьезныхъ затрудненій для переселенія крестьянъ изъ малоземельныхъ деревень въ многоземельныя для уравненія вели-

чины душевыхъ участковъ. Кромѣ того, волостное владѣніе очень важно въ видахъ заселенія пустыннаго Олонецкаго края. Въ настоящее время, малое число населенныхъ мѣстностей на сѣверѣ представляетъ большое затрудненіе какъ для культурнаго развитія края, такъ, въ частности, для удовлетворенія неотложныхъ правительственныхъ надобностей. Напримѣръ, однимъ изъ главныхъ препятствій къ устройству Повѣнецко-Сумской почтовой дороги, открытой въ 1879 году, служила пустынность края, причемъ, въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи 39 верстъ, небыло ни одного поселенія. На почтовыхъ дорогахъ нерѣдко бываютъ перегоны въ 30—35 верстъ, и сократить ихъ нѣтъ никакой возможности, такъ-какъ на всемъ этомъ разстояніи нѣтъ жилья. На проселочныхъ дорогахъ, иной разъ, невстрѣчается жилья на протяженіи 50, 60 и болѣе верстъ. При такомъ малолюдьи, нельзя и требовать отъ населенія устройства мало-мальски удобныхъ путей сообщенія. Между тѣмъ, удобство сообщенія никому такъ ненужно и недорого, какъ правительству, и потому оно, для своей же пользы, должно позаботиться о заселеніи края, поощряя образованіе выселковъ и починковъ въ пустыхъ мѣстахъ.

Ранѣе (гл. IV) уже указано, что образованіе починковъ возможно только при волостной организаціи поземельнаго владѣнія, а гдѣ существуетъ поземельное владѣніе отдѣльныхъ деревень, тамъ, наоборотъ, мелкія селенія уничтожаются и обращаются въ пустоши. Поэтому можно опасаться, что, съ уничтоженіемъ волостнаго владѣнія, прекратится, полезное и въ высшей степени необходимое на сѣверѣ, образованіе новыхъ выселковъ и починковъ. Здѣсь, кстати, нужно бу-

детъ замѣтить, что въ сосѣдней, Архангельской губерніи, правительство поощряетъ образованіе новыхъ поселковъ и, въ этихъ видахъ, отложило здѣсь на неопредѣленное время выдачу государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей, предоставивъ имъ, взамѣнъ того, свободу переселеній на пустыя мѣста и право дѣлать лѣсныя расчистки. Такъ-какъ Олонецкая губернія, по своему малолюдью, близко подходитъ къ Архангельской, то и въ ней предполагалось пріостановить выдачу владѣнныхъ записей. Но мѣстныя власти, желая чѣмъ-нибудь заявить въ Петербургѣ о своемъ существованіи, принялись горячо ходатайствовать о надѣленіи крестьянъ землею, какъ можно скорѣе. Ходатайство это было уважено, и теперь работы по выдачѣ крестьянамъ владѣнныхъ записей должны скоро кончиться. Между тѣмъ потребность въ заселеніи пустынныхъ пространствъ не только остается неудовлетворенною, но ей ставится новое, весьма важное препятствіе въ выдачѣ владѣнныхъ записей на отдѣльныя селенія. Поэтому было бы очень желательно, чтобы правительство, въ видахъ поощренія переселеній въ пустыя мѣста, позаботилось объ измѣненіи порядка выдачи владѣнныхъ записей, пока еще неподздно сдѣлать это, предоставивъ на волю крестьянъ получать записи на каждое селеніе отдѣльно, или на цѣлыя группы селеній.

Выше не разъ было упомянуто, что, во многихъ мѣстахъ, постоянныя угодья никогда неподвергались общественному передѣлу и остаются въ личномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ. Повидимому, здѣсь господствуетъ система личнаго поземельнаго владѣнія въ строгомъ смыслѣ, составляющая прямую противоположность общинному землевладѣнію. Такъ, по крайней мѣрѣ,

казалось намъ сначала, когда съ изумленіемъ приходилось видѣть, что изъ двухъ сосѣднихъ селеній въ одномъ земля передѣляется, а въ другомъ нѣтъ. Мы были поражены видимою противоположностью системъ землевладѣнія и терялись въ догадкахъ, какъ объяснить причину страннаго уживанія рядомъ такихъ контрастовъ. Но потомъ изъ разговоровъ съ крестьянами оказалось, что въ принятыхъ ими системахъ землевладѣнія нѣтъ никакой принципіальной разницы и что личное владѣніе у нихъ подчинено принципу общиннаго владѣнія, составляя какъ бы видоизмѣненіе послѣдняго. На вопросъ: „почему земля непередѣляется“?—крестьяне отвѣчали: „незачѣмъ дѣлиться,—у насъ, у всякаго земли по силамъ“.—„А если будетъ не по силамъ,—у одного много, у другаго мало“?—„Тогда и подѣлимся. Земля у всѣхъ общая, да пока никто непроситъ дѣлиться; а станутъ просить, тогда нельзя недѣлиться“.

Для уясненія крестьянскаго взгляда на землевладѣніе въ мѣстностяхъ, гдѣ не приняты передѣлы, приведемъ весьма характерный фактъ, который разсказываетъ г. Лалошъ изъ своей служебной практики, въ качествѣ производителя работъ, по составленію владѣнныхъ записей. „При предъявленіяхъ крестьянамъ ихъ новаго надѣла, постоянно ставится богачами вопросъ о томъ, скоро-ли можно будетъ выдѣлиться изъ общины и притомъ выдѣлиться такъ, чтобы всѣ тѣ общинныя земли, которыми они владѣютъ нынѣ, достались имъ въ собственность личную. Тогда на сходѣ поднимается цѣлая буря. „Помилуй, братъ, ты позабралъ отъ насъ лучшія земли, ты кромѣ того и деньги имѣешь! Что же это, — кричатъ крестьяне, сходъ, — ты, значитъ, совсѣмъ хочешь уже записать насъ въ свои батраки?... Нѣтъ, братъ, мы этого не

желаемъ... Мы не допустимъ! Пусть все будетъ по старому". Буря стихаетъ, однако, сразу, когда крестьянамъ объявили, что мѣшаться во внутреннія ихъ распорядки по землѣ, по волѣ царя, никому, кромѣ ихъ, недозволяется и что, если такой-то хочетъ выдѣлиться, то, по взносѣ имъ денегъ въ казначейство, надѣлъ сдѣлается ему общиною". (Отеч. Зап. 1874 г., № 2).

Такимъ образомъ, принципъ общиннаго землевладѣнія признается господствующимъ даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ небываетъ передѣловъ, и гдѣ богачи захватили въ свои руки лучшія крестьянскія земли. Самый захватъ земель богачами отнюдь неможетъ служить указаніемъ на самостоятельное существованіе здѣсь системы личнаго владѣнія. Мы находимъ такой же захватъ и въ общинахъ средней Россіи, даже тамъ, гдѣ принятъ ежегодный передѣлъ общинныхъ земель. Вся разница въ томъ, что въ общинахъ средней Россіи захватъ совершается въ формѣ найма земель богачами у бѣдняковъ, а въ Олонецкой губерніи практикуется форма продажи и залога. Но когда мы говоримъ о крестьянской продажѣ и крестьянскомъ залогѣ, то должны отрѣшиться отъ юридическихъ представленій, воспитанныхъ сводомъ законовъ. У крестьянъ залогъ и продажа весьма близко подходятъ другъ къ другу, такъ что трудно даже провести между ними разграничивающую черту. При залогѣ имущество переходитъ во владѣніе заимодавца впредь до уплаты долга, а при продажѣ, оно также поступаетъ во владѣніе покупателя впредь до выкупа.

Признаваемое крестьянами, право выкупа проданныхъ земель до извѣстной степени препятствуетъ скопленію ихъ въ рукахъ богачей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшаетъ нужду въ общественныхъ передѣлахъ. Здѣсь, какъ вы-

ражаются крестьяне, „у всякаго земли по силамъ“, т.-е. у маломочнаго бѣдняка мало земли, а у богача много. Случается, что богачъ разорится и становится не въ силахъ обработывать, принадлежащую ему, землю. Тогда онъ по частямъ распродаетъ ее другимъ крестьянамъ и иногда доходитъ до того, что становится безземельнымъ бобылемъ и умираетъ почти нищимъ. Затѣмъ подростаетъ сынъ его, сколачиваетъ деньжонки какимъ-нибудь промысломъ и постепенно, по частямъ, выкупаетъ всѣ земли, проданныя отцомъ его. Но крестьянскій выкупъ не есть свободный договоръ купли,—хочу—продамъ свою землю, а не хочу—тогда никто не можетъ принудить меня. Нѣтъ,—какъ скоро предъявлено требованіе выкупа, то уже нельзя отказаться отъ возвращенія купленнаго имущества, волей - неволею приходится получить деньги и возвратить землю. При этомъ денежная стоимость земли неподлежитъ никакимъ измѣненіямъ, неможетъ ни увеличиться, ни уменьшиться; владѣлецъ долженъ получить за землю столько, сколько самъ заплатилъ. Крестьяне до такой степени сжились и сроднились съ правомъ выкупа, что бываютъ курьезные случаи, когда предъявляется требованіе выкупа движимаго имущества. Напримѣръ, къ „начальству“ является крестьянинъ и жалуется на другаго крестьянина, что тотъ невозвращаетъ ему лошадь. Отвѣтчикъ объясняетъ, что онъ купилъ лошадь у истца. „Я хочу выкупить ее,—возражаетъ истецъ;—возьми свои деньги, подай мою лошадь“.—„Да я продалъ ее“,—говоритъ отвѣтчикъ.—„А какъ ты смѣлъ продать мою лошадь„?—продолжаетъ истецъ.—„Ты купилъ у меня за 20 рублей, а продалъ за 35 рублей; такъ возьми свои 20 рублей, а подай 35 рублей, не то выкупи мнѣ лошадь“...

Въ иныхъ мѣстахъ, такъ называемыя, полевыя, ближайшія къ селеніямъ, пашни и часть сѣнокосовъ передѣляются крестьянами по душамъ, а „запольки“ и пожни, находящіяся вдали отъ селеній, остаются въ личномъ владѣніи. Первыя, обыкновенно, называются „платежными“, „душевыми“ землями, а вторыя—„неплатежными“, „недушевыми“ землями. Названіе душевыхъ и недушевыхъ земель произошло оттого, что однѣ земли, время отъ времени, передѣляются по душамъ, а другія никогда неподвергались душевому передѣлу. Душевые, передѣляемые по душамъ, участки называются платежными, потому что съ величиною ихъ соразмѣряется количество государственныхъ податей, уплачиваемыхъ крестьянами. Напротивъ, недушевые, нераздѣленные по душамъ, участки непринимаются въ разсчетъ при раскладкѣ между крестьянами податей, они свободны отъ податной тяжести и потому называются неплатежными. Въ этомъ отношеніи запольныя пашни и пожни, образовавшіяся, въ сравнительно новое время, изъ бывшихъ подсѣкъ (гл. V), вполнѣ приравниваются къ подсѣкамъ, за пользованіе которыми крестьяне тоже неплатятъ податей. Уравненіе запольныхъ земель съ подсѣками по неплатежу за нихъ податей показываетъ, что тѣ и другія составляютъ волостныя земли, а не личную собственность владѣльцевъ.

Самое освобожденіе крестьянъ отъ платежа податей за разработанныя ими, запольныя земли имѣетъ весьма вѣское основаніе. Дѣло въ томъ, что, рано или поздно эти земли должны поступить въ общественный передѣлъ, перейти въ разрядъ платежныхъ, душевыхъ земель, сдѣлаться достояніемъ цѣлаго крестьянскаго міра. Но міръ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ праву трудяща-

гося; онъ считаетъ несправедливостью отнять у работника, безъ всякаго вознагражденія, землю, въ которую вложенъ трудъ его. Поэтому, въ видѣ вознагражденія за трудъ, вложенный работникомъ въ культивированную имъ дикую, волостную землю, крестьянскій міръ освобождаетъ его, на болѣе или менѣе продолжительное время, отъ платежа податей за эту землю.

Крестьянскимъ обычаемъ не установлено никакого опредѣленнаго срока для льготнаго владѣнія запольными землями. Г. Лалошъ, въ указанной выше статьѣ, приводитъ интересный приговоръ, въ которомъ крестьяне даютъ слѣдующія неопредѣленныя показанія относительно срока пользованія неплатежными землями. „Мы, крестьяне Лодейнопольскаго уѣзда, 22-хъ деревень Юксовскаго сельскаго общества, передѣляемъ наши трехпольныя пашни поровну при всякой ревизіи, хотя и по приговору всего сельскаго схода, но лишь между однодеревенцами, а равно и тѣ изъ сѣнокосовъ, которые считаются платежными; что же касается сѣнокосовъ, расчищенныхъ отдѣльными домохозяевами, несчитающихся платежными, то они или вовсе непередѣляются, находятся въ пользованіи того, кто ихъ обработалъ, или, если и поступаютъ въ передѣлъ, то неранѣе — нето ревизіи, нето 40 лѣтъ пользованія, или, наконецъ, по усмотрѣнію сельскаго схода, могутъ быть передѣлены и раньше, недожидаясь ни ревизіи, ни сорокалѣтняго срока пользованія, хотя сходъ, обыкновенно, оставляетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, на 40 лѣтъ во владѣніи того, кто ихъ обработалъ“.

Для объясненія такого запутаннаго показанія крестьянъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, вслѣдствіе разнообразія почвенныхъ условій, при культивированіи равныхъ

по величинѣ участковъ, работникъ употребляетъ неодинаковое количество мускульнаго труда, но на одномъ участкѣ расходуется больше труда, на другомъ меньше. Къ тому же, и продуктивность воздѣланныхъ участковъ неодинакова, — одинъ участокъ лучше, другой хуже, одинъ даетъ больше дохода, другой меньше. Крестьяне очень хорошо понимаютъ все это и потому считаютъ несправедливымъ назначить одинъ опредѣленный срокъ для пользованія всѣми неплатежными землями. Они, не стѣсняясь никакими сроками, предпочитаютъ, относительно каждаго неплатежнаго участка отдѣльно, рѣшать вопросъ: не пора-ли обратить его въ число платежныхъ земель? Чаще всего этотъ вопросъ возбуждался, до 1874 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда, причисленные къ сельскому обществу, отставные солдаты требовали себѣ землю въ душевой надѣлъ. Чтобы неотнимать ни у кого платежныхъ земель, доставшихся по общественному передѣлу, міръ дѣлалъ приговоръ, чтобы нѣкоторые неплатежные участки обратить въ число платежныхъ земель и надѣлить ими солдата. Владѣльцы этихъ участковъ обыкновенно протестовали и спорили съ міромъ, который былъ вынужденъ самымъ обстоятельнымъ образомъ разобрать вопросъ: достаточно-ли трудъ, употребленный на разработку участка, вознагражденъ пользованіемъ? Послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса, міръ принималъ окончательное рѣшеніе и объявлялъ владѣльцу неплатежнаго участка: „ты довольно владѣлъ землею,— по Божьему, слѣдуетъ отобрать ее у тебя“.

Говоря вообще, хотя система крестьянскаго землевладѣнія въ Олонецкой губерніи неуспѣла еще принять вполнѣ законченной и отвердѣвшей формы, тѣмъ не менѣе, принципъ общиннаго землевладѣнія преобладаетъ,

подчиняя себѣ старыя формы волостнаго и личнаго землевладѣнія. Впрочемъ, замѣтное преобладаніе этого принципа нельзя считать вполнѣ упрочившимся господствомъ его. Здѣсь далеко еще неокончилась борьба за существованіе между тремя формами землевладѣнія, или вѣрнѣе, между двумя изъ нихъ — общиннымъ и личнымъ владѣніемъ, такъ-какъ волостное владѣніе обладаетъ способностью уживаться при общинномъ владѣніи и легко переходитъ въ личное владѣніе. Въ средѣ крестьянскихъ обществъ непрерывно идетъ глухая борьба, непрекращаются горячіе споры, распри и неудовольствія изъ-за преобладанія системы общиннаго, или личнаго владѣнія. Большинство, состоящее изъ малоземельныхъ крестьянъ, требуетъ равнаго передѣла всѣхъ культурныхъ земель, но этому противится многоземельное меньшинство. Съ другой стороны, сельскіе богачи добиваются, какъ особой для себя благодати, уничтоженія общиннаго землевладѣнія, съ тѣмъ, чтобы всѣ земли, нынѣ состоящія во владѣніи ихъ, перешли къ нимъ въ личную собственность навѣки. На сторонѣ защитниковъ общиннаго владѣнія находится сила большинства, а на сторонѣ противниковъ его—сила капитала. Та и другая сила настолько уравновѣшиваютъ другъ друга, что побѣда одной изъ партій, выдѣлившихся въ крестьянской массѣ, представляетъ самый жгучій вопросъ будущаго.

Весною 1872 года, мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ въ одномъ глухомъ селеніи Повѣнецкаго уѣзда. Бывало, какъ ни увидишь на улицѣ трехъ, четырехъ, разговаривающихъ между собою, крестьянъ, непремѣнно между ними трётся рыженькій мужикъ и всякій разъ о чемъ-то горячо толкуетъ. Какъ теперь предъ глазами у меня этотъ рыжій. Небольшаго роста, кругленькій,

съ порядочнымъ брюшкомъ,—онъ щеголевато одѣтъ въ розовую, ситцевую рубаху и, сверхъ нея, въ малиновую рубашку, вязаную изъ шерсти. Золотистые, рыжіе волосы завились въ кольца и кудрями повисли надъ лбомъ. Небольшая красная бородка такъ и искрится на солнцѣ. Все лицо горитъ румянцемъ. Голубые, такіе добрые, славные глазёнки поминутно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой. То рыжій вскинетъ глаза на собесѣдниковъ, то остановитъ ихъ на малюткѣ, сынишкѣ, который сидитъ у него на рукахъ,—такой-же красный и румяный, какъ и отецъ. И когда рыжій взглянетъ на малютку, глаза его заблестятъ такою глубокою любовью, такою безпредѣльною, отеческою радостью и нѣжностью, что мнѣ казалось, онъ ни о чемъ немогъ толковать съ собесѣдниками, какъ объ этомъ дорогомъ сынишкѣ, о своемъ счастьѣ и довольствѣ. Но, къ моему великому изумленію, по повѣркѣ, оказалось, что рыжій принадлежитъ къ числу недовольныхъ существующимъ порядкомъ, что это—мѣстный богачъ и пропагандистъ „здравыхъ экономическихъ началъ“, что съ такою довольною и счастливою улыбкою онъ толкуетъ собесѣдникамъ о необходимости уничтожить общинное владѣніе землею.

Правда, крестьянскіе толки о раздѣлѣ общинныхъ земель въ частную собственность небыли новостью для меня. Я наслушался ихъ гораздо раньше и далеко за предѣлами Олонецкой губерніи. Бывало, крестьяне, изрядно подвыпивши, любили разсуждать о томъ, что, когда подѣлятъ между собою землю, тогда всякому будетъ своя воля,—продадутъ они дома и земли, да и уйдутъ въ городъ, торговлю тамъ откроютъ, или въ своемъ-же селѣ кабакъ заведутъ. Но эти будущіе купцы

и кабатчики, протрезвившись, нелюбили вспоминать о раздѣлѣ и, когда я напоминалъ объ ихъ разговорахъ, они коротко и угрюмо замѣчали, что тогда разоренье будетъ. А теперь предъ моими глазами совсѣмъ другая обстановка. Толкуютъ о раздѣлѣ люди совершенно трезвые,—одни горячо возстаютъ противъ раздѣла, другіе колеблются и отчасти склоняются на сторону рыжаго.

— „Я свои поля пашу,—говорилъ рыжій, и глаза его бѣгали по собесѣдникамъ,—да покойныхъ братьевъ, да племянниковъ поля пашу. Во́ колько земли у меня,—на пять душъ! Земля-то нашимъ потомъ поливана. А придетъ часъ воли Божьей—помру, тогда, при ревизіи, вы дадите сыну земли на одну душу, да и то, можетъ, въ другомъ мѣстѣ отведете, въ неродимомъ полѣ... Такъ за что-же я по́томъ обливался?!...“

Говоря это, рыжій съ любовью глядѣлъ на сынишку и приглаживалъ рукою рыжіе локоны его. Нужно было видѣть взглядъ голубыхъ глазъ, когда рыжій смотрѣлъ на малютку, и тогда становилось понятнымъ, что онъ способенъ убѣждать, можетъ быть, нестолько словами, сколько мягкимъ, задушевнымъ взглядомъ на сына. Да и безъ того,—если рыжій правду говоритъ, будто онъ своимъ по́томъ облилъ поле и сдѣлалъ его урожайнымъ, то справедливо-ли допустить, чтобы, при передѣлѣ, онъ лишился этого поля, а, взамѣнъ его, получилъ другую, истощенную, неродимую землю?

Однако изъ дальнѣйшихъ разговоровъ оказалось, что рыжій, какъ всѣ ораторы, сильно прихвастнулъ, говоря, будто облилъ поля *своимъ* потомъ. Въ его поля больше всѣхъ вложилъ поту черномазый, нечесаный, мрачный геркулесъ, который равнодушно стоялъ поодаль отъ кружка собесѣдниковъ. Онъ съ малолѣтства остался си-

ротою и, не имѣя за душою ни кола, ни двора, ничего, кромѣ рабочей силы, заложилъ свой земельный участокъ, котораго не въ силахъ обработать, а самъ нанялся въ работники къ рыжему. Этотъ нечесаный сиячъ, по своему положенію въ общинѣ, составляетъ совершенную противоположность рыжему богачу. Напримѣръ, рыжій говоритъ, что онъ владѣетъ землею на 5 душъ, потому-что платитъ подати за 5 душъ, но и нечесаный работникъ его тоже платитъ подати за свою душу, а, между тѣмъ, совсѣмъ непользуется землею. Гдѣ-же тутъ справедливость?

Неуспѣли рѣшить и этого вопроса, какъ подошелъ къ кружку долговязый мужикъ съ прямыми прядями бѣлыхъ и рѣдкихъ волосъ, съ лицомъ, изрытымъ оспою. Онъ громко сталъ жаловаться, что у него земли всего на двѣ души, а семья большая,—урожаемъ никакъ непрокормишься; и лишняя рабочая сила есть, да полей нѣтъ, а нѣтъ полей оттого, что богачи, въ родѣ рыжаго, позабрали лишнюю землю. Справедливо-ли, что міръ неможетъ надѣлить землею долговязаго, взявши излишекъ у рыжаго? Можетъ-ли служить достаточнымъ оправданіемъ такой несправедливости старинный обычай, въ силу котораго поля умершихъ остаются въ пользованіи семейства покойниковъ, пока оно уплачиваетъ подати за умершихъ? Долговязый протестуетъ противъ такого обычая, и въ его доводахъ тоже слышится глубокая правда.

Эти толки о землѣ, споры и перебранки слышатся постоянно, какъ только соберется кучка крестьянъ въ свободную минуту. Вопросъ о сельской общинѣ неменѣе волнуетъ олонецкихъ крестьянъ, чѣмъ занимаетъ онъ и наше интеллигентное общество. Но тамъ и здѣсь

постановка вопроса нѣсколько иная. Въ литературѣ, за небольшими исключеніями, вопросъ объ общинѣ поставленъ такъ: слѣдуетъ-ли уничтожить общину, или сохранить существующіе общинные порядки? Защитники общины, въ большинствѣ случаевъ, неидутъ далѣе восхваленія теперешнихъ общинныхъ порядковъ. Они вполнѣ довольны ими и невидятъ никакой надобности въ измѣненіи ихъ. Наоборотъ, крестьяне въ Олонецкой губерніи недовольны существующимъ порядкомъ и ставятъ вопросъ объ общинѣ въ такомъ видѣ: слѣдуетъ-ли уничтожить общинное землевладѣніе, или-же измѣнить общинные порядки въ такомъ направленіи, чтобы они болѣе согласовались съ принципомъ справедливости и равенства?

Пока, поставленный такимъ образомъ, вопросъ рѣшается, такъ сказать, теоретическимъ путемъ въ частныхъ бесѣдахъ и спорахъ, до тѣхъ поръ всѣ недовольны существующимъ порядкомъ, всѣ требуютъ измѣненія его въ томъ или другомъ направленіи. Но какъ скоро вопросъ переносится на сходъ, гдѣ предстоитъ практически разрѣшить его, тогда одна изъ враждебныхъ партій требуетъ сохраненія существующаго порядка и тѣмъ парализуетъ усилія противной партіи, направленныя къ измѣненію этого порядка. Напримѣръ, если одна партія заявляетъ на сходѣ о необходимости уничтожить общинное землевладѣніе, то другая партія большинствомъ голосовъ постановляетъ оставить землевладѣніе въ томъ-же видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ. Но вслѣдъ затѣмъ партія, требовавшая сохраненія существующаго порядка землевладѣнія, вноситъ на сходъ предложеніе въ смыслѣ болѣе справедливаго уравненія земель между всѣми членами общины. Тогда другая партія, недавно требовавшая уничтоженія общиннаго землевладѣнія, ста-

новится защитницею существующаго порядка и добивается сохраненія его на будущее время, такъ-какъ имѣетъ на своей сторонѣ болѣе $^1/_3$ голосовъ. Такимъ образомъ, жгучій вопросъ объ общинѣ откладывается въ дальній ящикъ, остается нерѣшеннымъ и продолжаетъ попрежнему волновать крестьянскія общества.

Въ настоящее время, бывшихъ государственныхъ крестьянъ всего болѣе занимаетъ вопросъ о передѣлѣ общинныхъ земель. Дѣло въ томъ, что у нихъ, по изстари заведенному порядку, земли передѣляются по душамъ послѣ каждой ревизіи. Они увѣрены, что этотъ порядокъ основанъ на какомъ-то законѣ. „Есть законъ, — говорятъ, — чтобы отъ ревизіи до ревизіи дѣлиться“. Но, несмотря на непоколебимую вѣру въ существованіе такого закона, большинство крестьянъ не то, чтобы нехотѣло подчиниться ему, но желаетъ обойти его, теперь-же передѣлить общественную землю, не дожидаясь новой ревизіи. Самая настоятельная нужда побуждаетъ крестьянъ желать скорѣйшаго передѣла, потому-что величина теперешнихъ душевыхъ участковъ совсѣмъ несоотвѣтствуетъ количеству рабочей силы въ семействахъ. Семьи, которыя, во время послѣдней ревизіи, получили малые участки, соразмѣрно небольшому числу душъ, теперь разрослись и состоятъ изъ большаго числа здоровыхъ работниковъ. Это, вновь подросшее, рабочее поколѣніе было-бы радо приложить свой трудъ къ землѣ, но общество недаетъ имъ новыхъ надѣловъ, а велитъ довольствоваться тѣми ничтожными клочками, какіе достались на долю семействъ ихъ при послѣдней ревизіи. Съ другой стороны, тѣ семейства, которыя при ревизіи состояли изъ большаго числа душъ и потому получили большіе участки земли, теперь вы-

мерли и сократились до такой степени, что состоятъ изъ одного или двухъ работниковъ, а владѣютъ землею на 5, на 8 душъ. По недостатку рабочей силы, они немогутъ сами обработывать своихъ участковъ, но нанимаютъ для этого батраковъ изъ малоземельныхъ крестьянъ своего-же общества. Земля приноситъ имъ хорошій доходъ и потому они ни за что несоглашаются выпустить ее изъ своихъ рукъ. Но малоземельные крестьяне находятъ такой порядокъ совершенно несправедливымъ, говорятъ, что земля у нихъ общая, и потому многоземельные крестьяне должны уступить излишекъ земли въ пользу малоземельныхъ крестьянъ, словомъ, — требуютъ общественнаго передѣла земель.

Ко всему этому присоединяется еще вопросъ о запольныхъ, неплатежныхъ земляхъ. Малоземельные крестьяне говорятъ, будто богачи такъ долго пользуются земельными участками, что давнымъ-давно вознаграждены за трудъ, употребленный на разработку ихъ. Поэтому личное и безпошлинное владѣніе запольками теперь сдѣлалось явною несправедливостью. Богачи нетолько завладѣли общественными землями, но и неплатятъ казеннаго налога за нихъ, такъ-что малоземельнымъ бѣднякамъ приходится нести лишнюю податную тяжесть несоразмѣрную съ количествомъ земли,—словомъ, платить подати и за свои земли, и за земли богачей, которые несправедливо пользуются льготою. На этомъ основаніи, малоземельные крестьяне требуютъ, чтобы неплатежныя земли богачей были обращены въ разрядъ платежныхъ земель и теперь-же были-бы пущены въ общественный передѣлъ. Противъ этого многоземельные крестьяне возражаютъ, что запольныя земли обработаны ихъ трудомъ и потому составляютъ личную собствен-

ность ихъ. Иные говорятъ, что пользованіе запольками неуспѣло вознаградить трудъ, затраченный ими на разработку. Другіе ссылаются на старинный законъ, по которому порожнія казенныя земли отдавались крестьянамъ подъ обработку съ правомъ сорокалѣтняго пользованія. На передѣлъ богачи несогласны вообще, и въ особенности по той причинѣ, будто-бы и по закону нельзя дѣлить землю до новой ревизіи.

Сохраняя полную вѣру въ существованіе закона, запрещающаго дѣлить землю до новой ревизіи, малоземельные, бывшіе казенные крестьяне знаютъ, однако, отъ законниковъ, что на нихъ распространено Общее Положеніе 19 февраля 1861 года, по которому передѣлъ земли можетъ быть произведенъ во всякое время по приговору сельскаго схода, если только за передѣлъ будетъ большинство не менѣе $^2/_3$ голосовъ. Въ виду такого закона, на сельскихъ сходахъ то и дѣло вносятся предложенія о новомъ передѣлѣ платежныхъ и неплатежныхъ земель, поднимаются горячіе споры, никого не убѣждающіе и ни къ чему неведущіе, и, наконецъ, дѣло доходитъ до баллотировки. Но каждый разъ баллотировка даетъ неизмѣнно одинъ и тотъ-же результатъ, — за передѣлъ подается абсолютное большинство голосовъ, но менѣе законныхъ двухъ третей, а противъ передѣла—немного болѣе одной трети. Впрочемъ, партія бѣдняковъ, требующая передѣла, непадаетъ духомъ отъ неудачи, нетеряетъ вѣру въ возможность легальнымъ путемъ добиться передѣла. Выждавъ немного времени, она снова поднимаетъ на сходѣ старый вопросъ и, потерпѣвъ новую неудачу, возлагаетъ всю надежду на будущую ревизію.

Теперь у всѣхъ на языкѣ ревизія, всѣ ждутъ ея,—

ные съ розовыми надеждами, другіе со страхомъ. Крестьяне осаждаютъ каждаго грамотнаго человѣка однимъ и тѣмъ-же вопросомъ: что пишутъ въ газетахъ о ревизіи? скоро-ли она будетъ? „Виданое-ли дѣло,— говорятъ они, — чтобы столько времени ревизіи небывало. Тяготы-то отъ этого сколько, — вѣдь чистое разоренье пришло!“ Новая ревизія есть послѣдній исходъ для легальнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса у бывшихъ государственныхъ крестьянъ путемъ общественнаго передѣла. Но что будетъ дальше, если требованіе большинства неполучитъ удовлетворенія легальнымъ путемъ, при новой ревизіи?

Глава восьмая.

ПАЛЛИАТИВЫ.

Не жадная корысть, а нужда въ кускѣ хлѣба побуждаетъ олонецкихъ крестьянъ требовать передѣла общественныхъ земель. Пахатной земли такъ мало, что, даже при самомъ добросовѣстномъ и равномъ раздѣлѣ ея между крестьянами, душевые участки должны отличаться поразительною мелкотою. Поэтому, какъ-бы ни былъ хорошъ урожай, но семья земледѣльца неможетъ прокормиться сборомъ хлѣба съ своего участка. Между тѣмъ, неправильное распредѣленіе земли, несоразмѣрное съ количествомъ рабочей силы въ семействахъ, ведетъ къ еще большему измельчанію деревенскихъ участковъ. Немногіе богатые крестьяне владѣютъ обширными участками, оставивъ большинству своихъ односельчанъ ничтожные клочки пашни, на которыхъ можно вести только самое нищенское хозяйство. Отсюда происходитъ, между прочимъ, и тотъ упадокъ земледѣлія, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ изслѣдователи крестьянскаго быта. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, говоря о состояніи хлѣбопашества въ Заонежьѣ, дѣлаетъ слѣдующія весьма серьезныя замѣчанія.

„Количество обработанной земли, по словамъ землепашцевъ, мало, сравнительно съ народонаселеніемъ. Но, на самомъ дѣлѣ, причиною недостаточности хлѣба для продовольствія мѣстныхъ жителей служитъ частію нестолько малое количество земли, сколько настоящій раздѣлъ ея между владѣльцами. Правильнаго, равнаго раздѣла зем-

ли нѣтъ. Одинъ и малосемейный, но имѣетъ много земли; другой и съ огромнымъ семействомъ, но имѣетъ мало. Отсюда происходитъ ненадлежащій уходъ за землею, неправильное раздѣленіе рабочихъ силъ и упущеніе въ работѣ. Напримѣръ, малосемейный имѣетъ и значительное количество земли, но у него нѣтъ работниковъ, и потому земля обработывается кое-какъ, слѣдовательно, и выгодъ съ нея получается меньше, чѣмъ-бы можно было получить при настоящей обработкѣ. А для того, кто имѣетъ много работниковъ, а мало земли, невыгода заключается, между прочимъ, и въ томъ, что у него употребляется гораздо больше силъ, чѣмъ-бы слѣдовало на то количество земли, которымъ онъ владѣетъ; а потому земля, какъ-бы хорошо ни обработывалась, все-таки, неможетъ-же приносить ему выгодъ больше обыкновеннаго; т.-е. излишнихъ трудовъ его земля, по своей малости, не можетъ вознаградить". (Памятная книжка Олонецкой губерніи 1866 г.). Другой мѣстный изслѣдователь, описывая состояніе сельскаго хозяйства въ Олонецкомъ уѣздѣ, замѣчаетъ, что малоземельные крестьяне не въ состояніи вести, какъ слѣдуетъ, свое хозяйство, потому-что они, „по причинѣ крайней бѣдности, вынуждены хорошее время работать на своихъ болѣе зажиточныхъ сосѣдей, у которыхъ еще съ весны забрали подъ работы хлѣбомъ или деньгами, а во время ненастное работаютъ на себя".

Малоземелье ставитъ бѣдныхъ крестьянъ въ тяжелую экономическую зависимость отъ богачей и медленными, но вѣрными шагами ведетъ ихъ къ обнищанію и обезземеленію. Процессъ обезземеленія обыкновенно начинается съ того, что у малоземельныхъ крестьянъ никогда недостаетъ хлѣба на прокормленіе семействъ, тогда-

какъ у многоземельныхъ богачей всегда есть лишній запасъ хлѣба. Чтобы пополнить недостатокъ въ хлѣбѣ, бѣдняки вынуждены искать заработка на промыслахъ, т.-е., при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, работать на тѣхъ-же богачей, а въ крайнемъ случаѣ, идти въ отхожіе промыслы. Между тѣмъ, промысловые заработки весьма ненадежны, и, при малѣйшей неудачѣ въ нихъ, крестьянинъ бываетъ вынужденъ съѣсть ту часть урожая, которая оставлена на сѣмена.

Недостатокъ сѣмянъ есть постоянное и общее явленіе въ Олонецкой губерніи. По несомнѣннымъ оффиціальнымъ даннымъ, лѣтомъ 1878 года, повсемѣстно, бѣдные крестьяне неимѣли яровыхъ сѣмянъ и были вынуждены покупать ихъ по дорогой цѣнѣ, или брать въ долгъ у зажиточныхъ сосѣдей до первой жатвы. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ платили за сѣменной овесъ по 80 — 90 копѣекъ за четверикъ. Петрозаводскій и олонецкій исправники, въ напечатанныхъ извлеченіяхъ изъ отчетовъ ихъ за 1871 годъ, объясняютъ малый посѣвъ картофеля тѣмъ, что богатые крестьяне ненуждаются въ немъ, имѣя достаточно хлѣба, а бѣдные употребляютъ въ пищу весь урожай и часто неимѣютъ средствъ на покупку сѣмянъ, которыя весною чрезмѣрно дорожаютъ. По отзыву повѣнецкаго исправника, въ 1872 году, нужда въ сѣменахъ была такъ велика, что многіе немогли купить ихъ ни закакія деньги и потому сильно запоздали посѣвомъ, по случаю несвоевременнаго подвоза сѣмянъ земской заготовки. Въ томъ-же году, въ Олонецкомъ уѣздѣ, яровыя сѣмена дошли до 65 — 75 копѣекъ за четверикъ; но иные крестьяне неимѣли средствъ на покупку и брали сѣмена въ долгъ у богачей, съ обязательствомъ уплатить личнымъ трудомъ. Въ

1873 году, лодейнопольскій исправникъ жаловался, что озимый посѣвъ остановился за недостаткомъ сѣмянъ.

Напечатанныя въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, донесенія пудожскаго исправника, съ поразительною рельефностью, обрисовываютъ бѣдственное положеніе земледѣльческаго населенія, поставленнаго въ невозможность обсѣяться по недостатку сѣмянъ. „Озимаго хлѣба,—доносилъ онъ въ іюнѣ 1876 года,—было посѣяно крестьянами Кузминской волости 313 четвертей, но такъ-какъ всходы оказались очень худые, а во многихъ мѣстахъ и совсѣмъ небыло таковыхъ, то крестьянамъ необходимо было пересѣять весною яровымъ хлѣбомъ въ количествѣ 276 четвертей; за неимѣніемъ-же у крестьянъ сѣмянъ, пересѣяно только 21 четверть, а остальная земля осталась незасѣянною“. Въ Колодозерской волости весенними холодами была повреждена половина озимыхъ посѣвовъ—до 225 четвертей; только $^1/_4$ часть поврежденныхъ полей была пересѣяна ярью, а $^3/_4$ остались необсѣянными, по неимѣнію сѣмянъ. Въ Кугоноволоцкой волости слѣдовало пересѣять ярью $^1/_3$ озимыхъ полей, но крестьяне могли добыть яровыхъ сѣмянъ только 50 четвертей,—остальныя запашки остались непересѣянными. Въ Вершининской волости невзошло озимаго посѣва 228 четвертей, а пересѣяно ярью только 101 четверть, на остальную-же запашку недостало сѣмянъ. Въ концѣ іюля 1876 года, оказался недостатокъ сѣмянъ для озимыхъ полей, такъ-что цѣна сѣменной ржи дошла до 10-ти рублей за четверть. Въ 1878 году, опять оказался недостатокъ яровыхъ сѣмянъ. Крестьяне были вынуждены покупать сѣмена у мѣстныхъ богачей и даже ѣздить за ними въ Коргопольскій уѣздъ. Сѣменной овесъ мѣстнаго урожая про-

давался по 4—5 рублей, а ячмень по 7—8 рублей за четверть. Въ 1879 году, обнаружился новый недостатокъ яровыхъ сѣмянъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣна на нихъ поднялась еще выше. Сѣменной овесъ продавался отъ 5-ти рублей до 8-ми рублей 40 копѣекъ за четверть, а ячмень отъ 7-ми рублей 20 копѣекъ до 10-ти рублей за четверть. Въ Колодозерской волости крестьяне, до конца апрѣля, неполучали разсчета отъ лѣсопромышленниковъ за зимнія лѣсныя работы. Поэтому, неимѣя денегъ, они немогли во время закупить сѣмена, а послѣ, при покупкѣ, переплачивали до 40 копѣекъ на рубль. Иные бѣдняки были вынуждены пріобрѣтать сѣмена въ долгъ, съ обязательствомъ уплатить осенью. Имъ приходилось переплачивать громадные проценты. Напримѣръ, въ Нигижемской волости сѣменной овесъ продавался на деньги отъ 6-ти рублей 40 копѣекъ до 8-ми рублей, а въ долгъ отъ 9-ти до 10-ти рублей; ячмень на деньги отъ 7-ми рублей 20 копѣекъ до 8-ми рублей 80-ти копѣекъ, а въ долгъ по 11-ти рублей 20-ти копѣекъ за четверть.

Недостатокъ сѣмянъ обнаруживается у бѣдныхъ, малоземельныхъ крестьянъ повсемѣстно,—все равно, какъ въ мѣстностяхъ, неотличающихся плодородіемъ почвы, такъ одинаково и въ хлѣбородныхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ Каргопольскій уѣздъ, который считается житницею Олонецкой губерніи. Онъ занимаетъ пространство 19,207 квадратныхъ верстъ, невключая сюда внутреннихъ водъ. Наличное населеніе уѣзда простиралось въ 1870 году до 28,942 мужчинъ и 33,669 женщинъ, всего 62,611 душъ; слѣдовательно, на каждую квадратную версту приходится 3,1 жителя. Крестьянъ считается 27,226 мужчинъ и

31,916 женщинъ, всего 59,142 наличныхъ души. Они проживаютъ въ 797 селеніяхъ, въ которыхъ находится 9,891 дворъ; значитъ, на каждое селеніе приходится 12 дворовъ, а жителей на каждый дворъ около 6 душъ. Все сельское населеніе состоитъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые владѣютъ землею нераздѣльно съ казною. За казною считается 1.562,890 десятинъ земли, въ томъ числѣ неудобной 335,000 десятинъ. За исключеніемъ крестьянскихъ угодій, остальное пространство удобной земли покрыто лѣсомъ.

Хлѣбное богатство Каргопольскаго уѣзда вошло въ пословицу у жителей Олонецкой губерніи, которые прозвали каргополозъ „толоконниками“ за то, что они заурядъ ѣдятъ толокно, пищу слишкомъ лакомую для остальныхъ олончанъ, привыкшихъ питаться прѣлымъ, низовымъ хлѣбомъ пополамъ съ овсомъ, а въ случаѣ нужды, даже сосновымъ и соломеннымъ хлѣбомъ. Завистливый народъ сложилъ слѣдующую притчу о каргополахъ.

Разъ зимою, по льду озера ѣхалъ изъ Каргопольщины обозъ съ толокномъ. Каргополы проголодались и говорятъ другъ другу:

— А что, незамѣсить-ли толокна?

— Такъ что-же,—замѣсимъ...

Остановили обозъ, вырубили прорубь, высыпали въ озеро цѣлый возъ толокна, и ну мѣшать его.

— Эко диво! — говоритъ одинъ, — что-то нехрястнетъ!!!

— И впрямь нехрястнетъ,—подтвердилъ другой.—Не всыпать-ли еще?

— Отчего невсыпать,—всыпемъ.

Такимъ порядкомъ высыпали въ озеро пять возовъ толокна, а все толокно нехряснетъ. Тогда одинъ и говоритъ:

— Семъ-ка полѣзу взглянуть,—чего тамъ не хряснетъ.

— Полѣзай,—отозвались товарищи.

Смѣльчакъ бултыхнулся въ воду и пропалъ подъ льдомъ. Товарищи подождали его и, наконецъ, соскучились ждать.

— Чего-же — говорятъ — онъ назадъ нелѣзетъ?! Какъ-бы, завидущіе глаза, всего толокна не поѣлъ.

— Семъ-ка потурю его назадъ, — выпскался другой смѣльчакъ и бултыхнулся въ озеро.

Такимъ порядкомъ, всѣ каргополы, одинъ за другимъ, потопули въ озерѣ, а обозъ съ толокномъ достался проѣзжимъ.

О хлѣбородности Каргопольскаго уѣзда можно получить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующей таблицы, показывающей въ четвертяхъ количество посѣва и урожая хлѣбовъ за 7 лѣтъ.

	1869 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
Картофель:							
Посѣяно.	2,105	1,797	1,830	1,297	1,349	2,353	1,986
Собрано.	6,313	8,985	8,950	6,933	5,762	7,032	9,446
Озимый хлѣбъ.							
Посѣяно.	18,225	13,498	14,342	14,225	14,866	14,728	13,129½
Собрано.	91,959	52,595	43,339	93,062	77,075	78,925	34,213
Яровой хлѣбъ:							
Посѣяно.	37,308	29,925	32,449	31,334	32,590	32,916	34,633½
Собрано.	150,476	149,219	118,738	158,738	150,118	163,720	155,283
Итого озимаго и яроваго хлѣба:							
Посѣяно.	55,533	42,523	46,791	45,559	47,456	47,644	47,763
Собрано.	242,435	201,814	162,077	251,800	227,193	242,645	189,526
Степ. урож.	4,3	4,7	3,4	5,5	4,7	5	3,9

Въ среднемъ выводѣ, ежегодный посѣвъ озимаго и яроваго хлѣбовъ составляетъ 47,609 четвертей, а урожай 216,784 четверти. Принимая наличное крестьян-

ское населеніе въ 59,142 души, приходится на каждую душу озимаго и яроваго посѣва 6 четвериковъ и 3 гарица, а урожая, за вычетомъ сѣмянъ,—по 2 четверти, 6 четвериковъ и 7 гарнцевъ. Если сравнимъ эти данныя съ приведенными во второй главѣ, свѣдѣніями о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ въ Олонецкомъ уѣздѣ, то оказывается громадная разница въ пользу Каргопольскаго уѣзда. Въ Олонецкомъ уѣздѣ средній посѣвъ составляетъ 19,583 четверти, а урожай 67,789 четвертей. При наличномъ крестьянскомъ населеніи въ 31,441 душу, приходится озимаго и яроваго посѣва по 4 четверика и 7 гарнцевъ на душу, а урожая, за вычетомъ сѣмянъ, по 1 четверти, 4 четверика и 2 гарица. Полагая для мѣстнаго продовольствія по 2 четверти на душу въ годъ, въ Олонецкомъ уѣздѣ оказывается недостатокъ мѣстнаго урожая въ 14,676 четвертей, а въ Каргопольскомъ уѣздѣ избытокъ въ 50,891 четверть. Крестьяне Каргопольскаго уѣзда сбываютъ избытокъ урожая частію въ гор. Онегу, Архангельской губерніи (отъ 35 до 65 тысячъ пудовъ ежегодно), частію на мѣстные винокуренные заводы, на которыхъ ежегодно расходуется около 30,000 пудовъ хлѣба, частію-же въ сосѣдніе уѣзды Олонецкой губерніи. Хлѣбъ продается на многочисленныхъ торжкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда и въ особенности на еженедѣльныхъ торжкахъ въ г. Каргополѣ, гдѣ каждый разъ распродается отъ 1,000 до 1,200 пудовъ хлѣба.

Какъ ни вѣрны всѣ, приведенныя выше, свѣдѣнія, однако земледѣльческое благосостояніе и хлѣбный избытокъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда существуютъ только на бумагѣ, которая, по народному выраженію, *все терпитъ*. На самомъ дѣлѣ, крестьяне, хотя и сбы-

ваютъ хлѣбъ на сторону, тѣмъ неменѣе, у нихъ никогда небываетъ избытка, а напротивъ, постоянно чувствуется недостатокъ сѣмянъ. Объ этомъ недостаткѣ очень часто упоминается въ интересныхъ сельско-хозяйственныхъ замѣткахъ одного изъ образованныхъ каргопольскихъ старожиловъ Ф. Ф. Селицкаго, которыми мы воспользуемся для характеристики народной нужды въ самомъ благословенномъ уголкѣ Олонецкой губерніи.

Урожай 1871 года въ Каргопольскомъ уѣздѣ былъ настолько хорошъ, что не только покрывалъ нужду въ продовольствіи и обсѣмененіи полей, но еще далъ избытокъ въ 35,921 четверть хлѣба. Между тѣмъ, въ маѣ 1872 года, когда, во многихъ мѣстахъ, невзошли озими, то одни богатые крестьяне могли пересѣять свои поля ярью, а масса бѣдняковъ оставила свои поля непересѣянными, по неимѣнію сѣмянъ. Если небыло сѣмянъ, то, само собою разумѣется, небыло и хлѣба для прокормленія семействъ у бѣдняковъ, такъ-что нужно было покупать его у деревенскихъ богачей и торговцевъ. Между тѣмъ, ржаная мука, которая осенью всегда продается по 65—70 копѣекъ за пудъ, весною и лѣтомъ 1872 года стоила въ цѣнѣ отъ 1 рубля 5 копѣекъ до 1 рубля 10 копѣекъ за пудъ. Когда пришло время сѣять рожь, то богатые крестьяне обсѣяли поля старыми сѣменами, а у бѣдняковъ неоказалось въ запасѣ сѣмянъ, и они упустили благопріятное для посѣва время, въ ожиданіи пока созрѣетъ новый хлѣбъ. „Озимь ранняго посѣва, — замѣчаетъ г. Селицкій въ августѣ 1872 года,—взошла и имѣетъ весьма хорошій видъ, позднягоже посѣва, хотя и взошла, но еще весьма мала. Причиною позднаго посѣва былъ недостатокъ старыхъ сѣмянъ и денежныхъ средствъ на ихъ покупку“.

Урожай 1872 года былъ скудный, непокрывшій потребность населенія въ продовольствіи и обсѣменіи полей. Впрочемъ, недостатокъ хлѣба въ 3,816 четвертей былъ ничтоженъ въ сравненіи съ ежегоднымъ недостаткомъ въ Олонецкомъ уѣздѣ. Между тѣмъ, пониженіе урожая привело къ тому, что, напримѣръ, въ Архангельской волости, заключающей въ себѣ 316 крестьянскихъ хозяйствъ, урожаемъ было обезпечено продовольствіе въ 109 хозяйствахъ до апрѣля, а въ 46 только до января. Вслѣдствіе повсемѣстнаго недостатка хлѣба въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ, богачи, имѣющіе хлѣбные избытки, подняли цѣны до такой степени, что уже въ мартѣ 1873 года крестьяне покупали ржаную муку по 1 рублю 29 копѣекъ за пудъ, сѣменной овесъ—на деньги по 78 копѣекъ, а въ долгъ до осени по 1 рублю 15 копѣекъ за пудъ. Въ апрѣлѣ, ржаная мука продавалась на деньги по 1 рублю 50 копѣекъ, а въ долгъ по 1 рублю 90 копѣекъ, сѣменной овесъ—на деньги по 1 рублю 30 копѣекъ, а въ долгъ по 1 рублю 65 копѣекъ, да и по этой безумной цѣнѣ трудно было достать яровыя сѣмена. Четвертая часть крестьянъ была не въ силахъ обсѣяться и сдала поля богачамъ, выговоривъ себѣ $^1/_3$ урожая. Это фактъ, столь рѣзко бьющій въ глаза, что нѣтъ надобности объяснять его.

Урожай 1873 года вышелъ прекрасный—самъ $5^1/_2$, и бѣдняки, уступившіе земли богачамъ, лишились большихъ выгодъ. Другіе недостаточные крестьяне, которымъ посчастливилось удержать за собою земли, не успѣли во время убрать хлѣба, „за недостаткомъ рабочихъ рукъ, послѣдовавшимъ оттого, что весьма много народа изъ разныхъ семействъ, по случаю недостатка хлѣба, весною ушли въ разныя мѣста Россіи и еще

невозвратились домой". Естественно, что, и при обильномъ урожаѣ, на долю бѣдныхъ крестьянъ досталось мало хлѣба, и если нужда заставляла ихъ продавать часть урожая, то отнюдь не по тѣмъ цѣнамъ, какія весною они-же платили богачамъ. Въ августѣ рожь упала на 80 копѣекъ, а въ ноябрѣ на 68 копѣекъ за пудъ; ржаная мука продавалась по 72 копѣйки, а овесъ по 60 копѣекъ за пудъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, бѣдняки, несмотря на прекрасный урожай, опять немогли запастись сѣменами и потому, въ іюлѣ 1874 года, когда пришло время сѣять рожь, у нихъ неоказалось сѣмянъ, такъ-что пришлось жать недозрѣвшую рожь, чтобы добыть сѣмянъ. Въ то же время, богатые сѣялись старыми, хорошими сѣменами, а новой ржи дали время выстояться и хорошенько дозрѣть.

Урожаи 1874 и въ особенности 1875 годовъ были очень хороши, нужда у бѣдныхъ крестьянъ была не особенно сильная, а потому и хлѣбныя цѣны стояли низкія. Все время, вплоть до весны 1876 года, рожь продавалась по 60—65 и недороже 70 копѣекъ, ржаная мука 65—70 и недороже 80 копѣекъ, овесъ 50—60 и недороже 70 копѣекъ, ячмень 75—85 копѣекъ за пудъ. Но въ маѣ 1876 года, холода попортили озими, и притомъ несчастіе обрушилось на бѣдныхъ крестьянъ, миновавъ богатыхъ. Это произошло оттого, что богатые сдѣлали озимый посѣвъ раннею осенью 1875 года и притомъ посѣяли старыя сѣмена прошлогодняго урожая, а бѣдные, немѣя старыхъ сѣмянъ, опоздали посѣвомъ въ ожиданіи сѣмянъ отъ новаго урожая. Ранніе посѣвы богачей выдержали холода и постепенно поправились, а поздніе посѣвы бѣдняковъ пострадали до такой степени, что нельзя было ожидать

даже возврата сѣмянъ. Поэтому почти $^2/_3$ крестьянъ должны были перепахать озимые посѣвы и пересѣять ихъ ярью. По обыкновенію, у бѣдняковъ небыло сѣмянъ, пришлось, во что-бы то ни стало, покупать ихъ, и теперь, прославленный старыми экономистами, законъ спроса и предложенія сослужилъ большую службу богачамъ: рожь сразу повысилась до 1 рубля, ячмень до 1 рубля 25 копѣекъ и 1 рубля 35 копѣекъ, овесъ до 90 копѣекъ за пудъ. Уже въ іюнѣ г. Селицкій отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, „въ ожиданіи недостаточнаго урожая хлѣба, значительная часть крестьянъ принуждена была отправиться для заработковъ за предѣлы уѣзда“. Въ іюлѣ онъ опять дѣлаетъ отмѣтку о недостаткѣ озимыхъ сѣмянъ: „посѣвъ ржи на будущій годъ начался съ 18 числа, но только тѣми хозяевами, у которыхъ были въ запасѣ старыя, хорошія сѣмена“. Недобрыя ожиданія крестьянъ оправдались,—урожай 1876 года вышелъ скудный. Онъ, хотя и далъ избытокъ хлѣба въ 23,633 четверти, но этотъ избытокъ достался преимущественно на долю богачей, у которыхъ посѣвы непострадали отъ холодовъ. Продажа лишняго хлѣба дала богачамъ громадный барышъ. Цѣны на хлѣбъ стали быстро расти. Въ августѣ рожь продавалась по 1 рублю, ячмень—95 копѣекъ, овесъ—70 копѣекъ за пудъ. Въ октябрѣ ржаная мука дошла до 1 рубля 10 копѣекъ, а ячмень до 1 рубля 35 копѣекъ за пудъ.

Къ чему-же сводится вся эта масса фактовъ, извлеченныхъ нами изъ записокъ г. Селицкаго,—фактовъ мелочныхъ и, въ то-же время, такъ краснорѣчиво говорящихъ о безъисходной нуждѣ населенія въ мѣстности, едва-ли несамой богатой въ Олонецкой губерніи?

Какой смыслъ имѣютъ запаздываніе и своевременное производство земледѣльческихъ работъ, недостатокъ и избытокъ сѣмянъ, рѣзкое повышеніе и пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, необсѣмененіе и сдача въ аренду полей, движеніе работниковъ на отхожіе промыслы и недостатокъ рабочихъ рукъ на мѣстѣ, неимѣніе ни сѣмянъ, ни куска хлѣба — и продажа хлѣба на сторону? Вся совокупность этихъ фактовъ убѣждаетъ въ одномъ, что земледѣльческимъ богатствомъ Каргопольскаго уѣзда завладѣли немногіе крестьяне, которые обратили большинство населенія въ своихъ работниковъ. Это большинство бѣдныхъ малоземельныхъ крестьянъ только повидимому ведетъ самостоятельное хозяйство, а въ сущности работаетъ на своихъ богатыхъ и многоземельныхъ сосѣдей. Изъ года въ годъ неизмѣнно повторяется, при неурожаяхъ, одна и та-же исторія, — осенью бѣднякъ продаетъ богатому сосѣду хлѣбъ по 60 копѣекъ, а весною покупаетъ у него тотъ-же хлѣбъ по 1 рублю 20 копѣекъ, или, иначе говоря, онъ, на своей землѣ и принимая на себя всѣ издержки производства, постоянно работаетъ изполу на богатаго сосѣда. Конечно, такой порядокъ очень пріятенъ для сосѣда и невыгоденъ для бѣдняка; но какъ-же должны отнестись къ нему общество, весь народъ, правительство? Относительно этого вопроса едва-ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Установившійся порядокъ бьетъ по карману всѣхъ насъ, невыгоденъ ни для кого, кромѣ богатаго сосѣда, потому-что онъ служитъ причиною упадка хлѣбной производительности. Нищій крестьянинъ — плохой земледѣлецъ, поля его то и дѣло остаются необсѣянными, а если и обсѣиваются, то не во время и плохими сѣменами, отчего и урожай на нихъ бываетъ самый пло-

хой. Бѣдняки доведены до того, что въ 1873 году четвертая часть крестьянъ передала свои поля богачамъ. Но скопленіе земли въ рукахъ богачей неприводитъ къ усиленію земледѣльческой производительности; напротивъ, земледѣліе все падаетъ и падаетъ. Изъ приведенной выше таблицы видно, что въ 1869 году было засѣяно 55½ тысячъ четвертей, а въ послѣдующіе годы посѣвъ колеблется между 42½ и 47¾ тысячами четвертей; значитъ, богачи богатѣютъ, а въ то-же время хлѣбная производительность падаетъ, народное богатство оскудѣваетъ.

По мѣрѣ того, какъ земля, бывшая нѣкогда общею „матерью“ и „кормилицею“ въ Олонецкой губерніи, стала обогащать однихъ богачей и отказывать бѣдняку въ кускѣ хлѣба,—связь между землею и обѣднѣвшими, захудавшими крестьянами порвалась. Бѣдняки начали бросать землю, уходить изъ родной страны, отыскивая пропитанія на чужбинѣ. Отхожіе промыслы годъ отъ году отрываютъ отъ земледѣлія все большее и большее число рабочихъ рукъ. Въ усиленномъ развитіи отхожихъ промысловъ можно наглядно убѣдиться изъ слѣдующей таблицы, показывающей число паспортовъ, выданныхъ по всей Олонецкой губерніи и отдѣльно по Петрозаводскому и Каргопольскому уѣздамъ, изъ которыхъ всего болѣе бываетъ отлучекъ по паспортамъ.

ЧИСЛО ПАСПОРТОВЪ.

Годы.	По губерніи.	По Петрозавод. у.	По Каргопольск. у.
1866	10,576	—	—
1867	11,883	—	—
1868	12,766	4,739	2,981
1869	12,065	4,022	3,048

Годы.	По губерніи.	По Петрозавод. у.	По Каргопольск. у.
1872	24,608	7,980	4,181
1873	23,860	8,047	4,250
1874	23,591	7,515	4,412
1875	23,774	7,043	4,477
1876	26,840	8,974	4,647
1877	23,521	7,487	4,279
1878	25,067	7,738	5,203
1879	31,291	—	—
1880	32,867	—	—

Отхожіе промыслы издавна были извѣстны крестьянамъ Петрозаводскаго и другихъ уѣздовъ, всегда отличавшихся слабымъ развитіемъ земледѣлія. Одинъ Каргопольскій уѣздъ долгое время представлялъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе, прокармливая урожаемъ все мѣстное населеніе. Но лѣтъ 20—30 тому назадъ, нужда познакомила каргополовъ съ отхожими промыслами, и съ того времени, годъ отъ году, уходитъ все большее и большее число „бурлаковъ“, какъ принято у крестьянъ называть уходящихъ на сторону работниковъ. Въ настоящее время, четвертая часть всего взрослаго, рабочаго населенія уѣзда ежегодно покидаетъ родную землю и на сторонѣ отыскиваетъ пропитаніе.

Нужда и голодъ выгоняютъ работниковъ съ родины, а корень нужды лежитъ въ малоземельѣ, въ захватѣ культурныхъ земель немногими богачами. На сторону уходятъ тѣ работники, на долю которыхъ недостаетъ земли, т.-е. или слишкомъ мало земли, или совсѣмъ нѣтъ ея. Но, покидая родину для отхожихъ промысловъ, крестьяне ни мало необлегчаютъ этимъ участь оставшихся на родинѣ работниковъ, неостанавливаютъ про-

цессъ обезземеленія, невозстанавливаютъ соразмѣрность землевладѣнія съ рабочею силою. Напротивъ, оторвавшись отъ земли, они увлекаютъ за собою и другихъ работниковъ въ ту-же пропасть, въ какую сами низринулись.

Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, когда земля остается за работникомъ, — и тогда земледѣльческое хозяйство неминуемо должно падать, во время отлучки для заработковъ. Въ Олонецкой губерніи, крестьяне уходятъ на сторону преимущественно лѣтомъ, въ горячее время полевыхъ работъ. Семья отпускаетъ для заработковъ самыхъ лучшихъ, здоровыхъ работниковъ, а дома, для полевыхъ работъ, остаются слабосильные, больные, старики и женщины. Понятное дѣло, что, при плохихъ работникахъ, хозяйство ведется кое-какъ, плохо и убыточно. Тогда земля воздѣлывается дурно и даетъ скудный урожай. Своего хлѣба хватаетъ неболѣе, какъ на полгода, считая съ осени, когда стоитъ дешевая цѣна на хлѣбъ. Затѣмъ весною приходится покупать хлѣбъ по высокой цѣнѣ у богатыхъ сосѣдей, переплачивая имъ весь барышъ, полученный отъ промысла. Такимъ образомъ, многоземельные богачи остаются въ барышѣ отъ чужаго промысла, богатѣютъ еще болѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаютъ больше средствъ и силы для эксплоатаціи бѣдняковъ. Разоренье, нищета и деморализація населенія постоянно, съ большею и большею силою, распространяются по мѣрѣ развитія отхожихъ промысловъ.

Возьмемъ, для примѣра, Бадожскую волость въ Вытегорскомъ уѣздѣ, гдѣ, при правильной общественной организаціи, для всѣхъ жителей было-бы достаточно и пашень, и луговъ, и рыбныхъ водъ, и лѣса. Лѣтъ 20—25 тому назадъ, бадожане жили исправно, но,

мало-по-малу, крестьянскія нужды заставили ихъ искать заработка отъ тяги судовъ по Маріинской системѣ, которая проходитъ чрезъ волость, на протяженіи 30-ти верстъ. Казалось, чего-бы лучше желать, когда подъ рукою находится заработокъ! Бадожанамъ слѣдовало-бы жить, припѣваючи, да богатѣть съ году на годъ. Но на самомъ дѣлѣ вышло наоборотъ,—Бадожская волость разорилась отъ судоваго промысла. Полевыя работы, оставленныя на долю плохихъ работниковъ, велись кое-какъ и урожаи сдѣлались плохи. Крестьяне стали больше и больше запутываться въ кабалѣ у немногихъ богачей, которые завели торговлю и открыли кабаки. Вслѣдъ за разорившимися бѣдняками, и достаточные хозяева, исконные хлѣбопашцы, потянулись на промыселъ, въ надеждѣ нажить лишнюю копѣйку, нужную въ хозяйствѣ при дороговизнѣ, поднятой богачами. Чуть обнаружится въ достаточномъ хозяйствѣ временная убыль средствъ отъ неудачнаго урожая, или падежа скотины, — тогда лучшіе работники идутъ на лѣтній промыселъ, а земледѣльческое хозяйство падаетъ во время отлучки ихъ. Черезъ годъ оказывается, что, вслѣдствіе убытка въ хозяйствѣ, средства семьи непоправились, а сдѣлались еще скуднѣе, такъ-что работникамъ приходится опять покидать земледѣліе для промысла. Результатомъ промысла является новое увеличеніе дефицита въ семейномъ бюджетѣ и, такимъ образомъ, постепенно достаточные земледѣльцы превращаются въ бѣдняковъ, которые за хлѣбъ и водку отдаютъ богатымъ сосѣдямъ весь промысловой заработокъ. Въ настоящее время, обѣднѣніе Бадожской волости дошло до крайней степени, и сами крестьяне сознали, что они ходятъ на промыселъ „не деньги наживать, а время провожать."

Такую-же судьбу отчасти готовитъ себѣ и отчасти уже испытываетъ Устьмоша,—самая хлѣбородная и, повидимому, богатая мѣстность Каргопольскаго уѣзда. Болѣе половины работниковъ вынуждены ежегодно уходить на лѣтніе, лѣсные промыслы, или въ Петербургъ, гдѣ нанимаются въ лакеи, дворники и кучера. Богатая земля плохо обработывается и постепенно переходитъ въ руки богачей. Между тѣмъ, крестьяне, вынужденные промѣнять землю на промыслы, все болѣе и болѣе разоряются, прежній достатокъ исчезаетъ, въ хозяйствахъ нѣтъ ни соли, ни муки, промышленники стали щеголять въ сапогахъ безъ подошвъ, а промысловой заработокъ, по обыкновенію, идетъ на обогащеніе, пользующихся народною нуждою, богачей. Окрестное земледѣльческое населеніе уже успѣло сложить про устьмошанъ такую характерную поговорку. „Устьмошане — не крестьяне, безподошевники; устьмошанки — залокотницы, не работницы. Нѣтъ ни соли, ни муки,—былъ-бы перстень на рукѣ; не хватило табаку,—промѣняли на муку".

Между тѣмъ какъ бѣдняки покидаютъ землю и уходятъ на сторону, богачи хорошо знаютъ цѣну землѣ, понимаютъ, что она кормилица и источникъ богатства, поэтому стараются пріобрѣтать ее у разорившихся крестьянъ. Имъ, какъ нельзя болѣе, на руку отхожіе промыслы, потому-что, отлучающіеся на сторону, крестьяне запускаютъ хозяйство и постепенно бываютъ вынуждены сбывать земли богачамъ. Бѣдняки, уходящіе на промыслы, вынуждены отказываться отъ земли, отчасти потому, что отвыкаютъ отъ земледѣлія, отчасти оттого, что еще болѣе бѣднѣютъ и становятся не въ состояніи обработывать своихъ мелкихъ и потому малодоходныхъ участковъ. Тяжесть казенныхъ и земскихъ налоговъ также

побуждаетъ бѣдныхъ крестьянъ уступать земли богачамъ. Иной крестьянинъ радехонекъ отдать землю, лишь-бы избавиться отъ податной тяжести, и потому бо́льшая часть земельныхъ уступокъ дѣлается подъ условіемъ одного платежа податей за разорившихся крестьянъ.

Богачи дошли въ эксплоатаціи бѣдняковъ до такой наглости, что нѣкоторые спеціально занялись покупкою и продажею работниковъ, у которыхъ, кстати, обираютъ и землю. Люди, занимающіеся возмутительною торговлею живымъ товаромъ, называются *десятниками*. Зимою, когда бѣдняку угрожаетъ экзекуція за неплатежъ податей, или весною, когда ему нечего ѣсть, десятники за безцѣнокъ скупаютъ лѣтній трудъ бѣдняковъ, выдавая имъ впередъ задатки по 15—30 рублей на человѣка, причемъ у сосѣднихъ крестьянъ выговариваютъ въ свою пользу уступку земель ихъ на лѣтнее время. Весною десятники гонятъ цѣлыя партіи рабочихъ на лѣсныя выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродавъ ихъ за двойную цѣну крупнымъ промышленникамъ.

Другіе торговцы людьми разъѣзжаютъ по деревнямъ спеціально для покупки дѣтей. Многіе бѣдные родители за дешевую цѣну продаютъ своихъ дѣтей скупщикамъ на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣти должны находиться у ремесленниковъ или торговцевъ, въ качествѣ учениковъ. Накупивъ, такимъ образомъ, десятка два дѣтей, скупщикъ отправляетъ ихъ на подводахъ въ Петербургъ, подобно тому, какъ возятъ въ городъ телятъ промышленники по этой части. Въ Петербургѣ дѣти распродаются, по двойной и тройной цѣнѣ, въ ремесленныя заведенія и торговыя лавки.

Если, и въ настоящее время, сельская община неспа-

саетъ крестьянъ Олонецкой губерніи отъ малоземелья и земледѣльческой нищеты, если и теперь богачи успѣваютъ, подъ разными предлогами, обирать земли у маломочныхъ крестьянъ, то процессъ обезземеленія крестьянской массы пойдетъ еще быстрѣе и успѣшнѣе, если-бы удалось законодательнымъ порядкомъ уничтожить общинное землевладѣніе. Всѣ благопріятныя условія для обезземеленія здѣсь существуютъ издавна, и теперь стоитъ только подложить огня, чтобы взорвать ту мину, которую десятки лѣтъ подводили богачи подъ народное благосостояніе. Эти богачи—выходцы изъ мѣстныхъ-же крестьянъ. Самые крупные изъ нихъ, нажившіе торговлею — лѣсною, хлѣбною и т. д.—многія тысячи капитала, сдѣлавшись *дикими богачами*, какъ называютъ ихъ крестьяне, все-таки, не записываются въ купеческія гильдіи, не мѣняютъ родной деревни на городъ, а остаются, торгующими по купеческимъ свидѣтельствамъ, крестьянами и продолжаютъ жить въ своихъ деревняхъ. Изъ числа ихъ, напримѣръ, лѣсопромышленники постоянно производятъ лѣсныя заготовки въ одной и той-же мѣстности. Они до такой степени завладѣваютъ этою мѣстностью, что, помимо ихъ, уже ни одинъ лѣсопромышленникъ не въ состояніи производить здѣсь лѣсныхъ заготовокъ. Всѣ мѣстные крестьяне поголовно находятся у нихъ въ неоплатныхъ долгахъ, которые сдѣланы подъ условіемъ уплатить долгъ работою. Поэтому, если-бы явился новый лѣсопромышленникъ и предложилъ крестьянамъ болѣе выгодныя условія работы, все-таки, они не могутъ работать на него. Задолжавшіе крестьяне остаются вѣчными работниками своихъ заимодавцевъ, которыхъ зовутъ „хозяевами“. Они знаютъ, что имъ никогда не заработать денегъ, забранныхъ въ долгъ у хозяина, что если хо-

зяинъ станетъ взыскивать долгъ, то разорить въ конецъ, и что, по этой причинѣ, имъ негдѣ найти работу, кромѣ того-же хозяина. Оттого крестьяне безропотно подчиняются произволу хозяевъ относительно условій работи.

Обыкновенно хозяева не объявляютъ крестьянамъ впередъ заработной платы, а говорятъ, что, по окончаніи работъ, разочтутъ ихъ наравнѣ съ прочими. Между тѣмъ, пока неокончатся работы, хозяева почти невыдаютъ рабочимъ денегъ, развѣ только на уплату податей. Зато открывается имъ полный кредитъ въ хозяйскихъ лавкахъ, гдѣ можно пріобрѣсти всѣ необходимыя въ крестьянскомъ быту вещи, конечно, самаго дурнаго качества. Поневолѣ крестьянамъ приходится забирать все въ долгъ въ хозяйскихъ лавкахъ. Здѣсь охотно даютъ крестьянину все, что нужно ему, и притомъ необъявляютъ стоимости вещей, а говорятъ, что разсчетъ будетъ произведенъ по окончаніи работъ. Но когда работы окончатся и придетъ время разсчета, то оказывается, что крестьянинъ уже забралъ у хозяина весь свой заработокъ, и затѣмъ остается за нимъ старый долгъ. Крестьянинъ хорошо понимаетъ, что онъ безсовѣстно обобранъ хозяиномъ, но ничего неможетъ подѣлать съ нимъ. Чтобы, хоть что-нибудь, сорвать съ хозяина, онъ, при разсчетѣ, проситъ денегъ въ задатокъ подъ работу будущаго года. Задатокъ тутъ-же выдается, и, такимъ образомъ, крестьянинъ, годъ отъ году, закабаляетъ себя въ работу мѣстному богачу и запутывается въ долгахъ.

При полной экономической зависимости крестьянъ отъ хозяевъ, совершенно естественно, что если хозяину придетъ охота заняться земледѣліемъ, то онъ неможетъ встрѣтить недостатка въ землѣ. И въ настоящее время, можно указать, для примѣра, на одного лѣсопромыш-

ленника, который имѣетъ нѣсколько дворовъ въ разныхъ селеніяхъ на крестьянской землѣ. У другаго богатаго крестьянина-лѣсопромышленника находится во владѣніи свыше 60-ти десятинъ лучшей пахатной и сѣнокосной земли, которую онъ обобралъ у бѣдныхъ крестьянъ. Но если-бы еще общинное землевладѣніе было уничтожено и законъ дозволилъ-бы крестьянамъ свободное отчужденіе земель, тогда непрошло-бы десятка лѣтъ, какъ бо́льшая часть крестьянскихъ земель перейдетъ за долги владѣльцевъ въ собственность нѣсколькихъ богатыхъ крестьянъ, цѣлый край подвергнется окончательному разоренію и запустѣнію.

Въ требованіи новаго передѣла общинныхъ земель сказалась насущная потребность нашего крестьянства остановить, съ чрезвычайною быстротою совершающееся, обезземеленіе земледѣльческихъ работниковъ. Но, при существующихъ условіяхъ, этого нельзя достигнуть однимъ только передѣломъ общинной земли между наличными работниками. При теперешнемъ малоземельѣ, во многихъ случаяхъ, равномѣрный раздѣлъ земли приведетъ только къ тому, что у всѣхъ работниковъ будетъ мало земли, что всѣ они будутъ не въ состояніи прокормиться доходомъ отъ обработки ничтожныхъ по величинѣ участковъ. Слѣдовательно, и послѣ передѣла каждый крестьянинъ будетъ поставленъ въ необходимость, для пріобрѣтенія средствъ къ существованію, или увеличить обрабатываемый имъ участокъ, или-же совсѣмъ бросить его и искать заработка въ другихъ промыслахъ. Такимъ образомъ, все равно и послѣ передѣла должна начаться старая исторія: слабые, неимущіе крестьяне будутъ продавать, сдавать въ аренду и иными способами сбывать свои участки, а сами займутся другими про-

мыслами. Съ другой стороны, сильные, имущіе крестьяне, попрежнему, будутъ пріобрѣтать у неимущихъ участки ихъ и даже самый рабочій трудъ для обработки этихъ участковъ. Такимъ образомъ, при теперешнемъ малоземельѣ, несмотря на передѣлъ, обезземеленіе крестьянъ неостановится, но пойдетъ впередъ своимъ порядкомъ.

Впрочемъ, хотя передѣлъ общинныхъ земель не въ силахъ совершенно остановить разореніе крестьянъ, однако, онъ въ значительной степени задержитъ разореніе, облегчая для массы доступъ къ самостоятельному веденію земледѣльческаго хозяйства. Мы убѣждены, что олонецкихъ крестьянъ невозможно вывести изъ бѣдственнаго экономическаго положенія однимъ передѣломъ общинныхъ земель, но въ то-же время передѣлъ является мѣрою настоятельно необходимою, чтобы поддержать здѣсь упавшее земледѣліе и помочь тѣмъ крестьянамъ, которые еще неуспѣли разориться. Передѣлъ,—во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе,—будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для многихъ обѣднѣвшихъ крестьянъ,—онъ подниметъ хлѣбную производительность края, возстановитъ нарушенное право, возродитъ достатокъ во многихъ земледѣльческихъ семействахъ и прекратитъ споры и неудовольствія, волнующіе нынѣ крестьянскія общины.

Вмѣстѣ съ передѣломъ необходима другая, тоже частная и палліативная, но, въ то-же время, общеполезная мѣра. Нужно открыть крестьянскимъ обществамъ широкую правительственную и земскую помощь для разработки изъ-подъ болотъ и лѣса новыхъ пашенъ и сѣнокосовъ, такъ-какъ теперь, даже при самомъ ровномъ и безобидномъ раздѣлѣ, все-таки, у крестьянъ слишкомъ

мало земли. Эта необходимость не разъ высказывалась мѣстнымъ земствомъ и даже сдѣланы нѣкоторыя, впрочемъ слабыя и пустыя, попытки къ увеличенію числа культурныхъ земель. Но развѣ можно ожидать чего-нибудь путнаго даже отъ самыхъ добрыхъ начинаній теперешняго олонецкаго земства?!...

Тяжелую, малоотрадную картину представляетъ дѣятельность земства въ Олонецкой губерніи. Чѣмъ болѣе присматриваешься къ дѣяніямъ здѣшнихъ земцовъ, тѣмъ болѣе становишься въ тупикъ, неразберешь и непойметь — что за путаница и безтолочь творится предъ глазами. То тамъ, то здѣсь, на земскихъ собраніяхъ, предъ изумленнымъ зрителемъ заваривается каша. Работа начинается ретиво, горячо, повидимому, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ яснымъ сознаніемъ задачъ и результатовъ труда. Вы съ нетерпѣніемъ ждете—скоро ли удастся и вамъ, и другому, и третьему, и всѣмъ вкусить изъ котла съ земскою кашею. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, земская каша превращается въ какое-то невзрачное, ни вамъ и никому ненужное мѣсиво. Около котла уже невидно земцевъ. Они бросили работу и, не то сонливо и апатично, не то съ какимъ-то, написаннымъ на лицѣ, испугомъ, приглашаютъ хозяйничать у себя невѣдомыхъ личностей. Земцы сладко дремлютъ, лишь по временамъ, какъ-бы съ просонокъ, воздавая благодарность чужимъ людямъ и наскоро утверждая, по ихъ требованію, кредиты. А мужикъ охаетъ съ горя, внося земскій налогъ и невидя толка отъ своего земства.

Какимъ многообѣщающимъ, плодотворнымъ предпріятіемъ казалась, задуманная земствомъ, осушка болотъ! Начиная съ 1874 года, земство, чуть не ежегодно, воз-

буждало въ министерствѣ государственныхъ имуществъ ходатайства о назначеніи ученой экспедиціи для изслѣдованія и осушки болотъ. Вопросъ былъ такъ солидно разработанъ, необходимость и польза осушки болотъ была такъ прекрасно выяснена въ земскихъ докладахъ, самыя постановленія земскихъ собраній о возбужденіи ходатайствъ были написаны такъ горячо, убѣдительно и энергично, что, казалось, это было, именно, то дорогое, родное, народное дѣло, въ которое земцы вкладываютъ всю душу и, во что-бы то ни стало, съ честью и славою доведутъ его до конца.

Въ земскихъ докладахъ писалось, что въ Олонецкой губерніи болотистая почва занимаетъ громадныя пространства, доходя въ одномъ Повѣнецкомъ уѣздѣ до 1.000,000 десятинъ. Обширныя болота, наполняющія воздухъ вредными испареніями, служатъ источникомъ развитія народныхъ болѣзней и сибирской язвы, вліяютъ на плотность населеній и на преобладаніе смертности надъ рождаемостью, уменьшая процентъ естественной прибыли населенія въ сравненіи съ мѣстностями, неимѣющими болотистыхъ пространствъ. Никогда нетронутыя еще искусственнымъ осушеніемъ, они, безъ энергическихъ мѣропріятій правительства и земства, надолго останутся мертвымъ капиталомъ въ экономіи сельскихъ обществъ. Между тѣмъ, земледѣльческое хозяйство находится на самой низкой степени развитія, вслѣдствіе недостатка культурныхъ земель. Недостатокъ пастбищъ и сѣнокосныхъ луговъ ограничиваетъ успѣхи земледѣлія, недавая возможности увеличить количество скота, столь необходимаго для воздѣлыванія и улучшенія скудной и тощей почвы. Тотъ-же недостатокъ удобной для земледѣлія почвы заставляетъ обитателя сѣверныхъ лѣ-

совъ прибѣгать къ огневому, или подсѣчному, бродячему хозяйству, стоющему громадныхъ трудовъ. Словомъ, здѣсь земледѣлецъ бѣдствуетъ отъ малоземелья, въ то самое время, когда подъ бокомъ у него котловины болотъ содержатъ драгоцѣнную для земледѣлія почву. Плодородіе осушенныхъ болотныхъ почвъ, — съ увѣренностью говорятся въ земскихъ докладахъ,—доходитъ до невѣроятности. Въ воображеніи земцевъ рисуются заманчивыя картины будущаго благополучія земледѣльца, работающаго на осушенныхъ болотахъ: по осушеннымъ топямъ прокладываютъ дороги, проводятъ каналы, съ пространствъ, на которыя прежде незаходилъ человѣкъ, начинаютъ собирать массы луговаго сѣна, на нихъ раздѣлываютъ обширныя поля... Казалось, что и самыя работы по осушенію болотъ недолжны представлять особенно важныхъ трудностей и требовать такихъ затратъ, которыя-бы немогли быть вознаграждены успѣхами развитія земледѣлія.

Такъ буквально писалось въ земскихъ докладахъ, — и все это писалось такъ умно и убѣдительно, что населенію оставалось только благодарить земство за его заботы и съ нетерпѣніемъ ждать—скоро-ли изъ болотъ, какъ изъ рога изобилія, посыплется на него обѣщанная благодать. Отказъ министерства въ удовлетвореніи земскаго ходатайства казался немыслимымъ. Между тѣмъ, министерство государственныхъ имуществъ, чуть не каждый годъ, отвѣчало земству одно и то-же, что ходатайство земства неможетъ быть исполнено по недостатку средствъ. Тогда земство рѣшило произвести изслѣдованіе болотъ на свой счетъ, ассигновавъ для этого, въ 1878 году, 5,000 рублей. Разсказывали, что извѣстный ученый, спеціалистъ по изслѣдованію почвъ, г.

Докучаевъ, стороною предлагалъ земству свои услуги для этого дѣла на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Но, вѣроятно, сношенія съ ученымъ далеко непредставляли заманчивой прелести для земства. Ассигновавъ 5,000 рублей, оно просило министерство, насчетъ этого кредита, прислать техниковъ для изслѣдованія и осушки болотъ.

Теперь земское ходатайство невстрѣтило отказа, и министерство живо распорядилось назначеніемъ экспедиціи въ Олонецкую губернію. Верховный присмотръ за работами былъ порученъ г. Августиновичу, который получилъ изъ земскихъ суммъ 500 руб., и завѣдуя, въ одно и то-же время, осушкою болотъ въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ, немогъ принести ровно никакой дѣйствительной пользы для Олонецкой губерніи. Въ дѣйствительности начальникомъ Олонецкой экспедиціи назначенъ г. Аѳанасовичъ; ему выдано 700 рублей. Затѣмъ на каждаго изъ четырехъ нивеллировщиковъ назначено по 350 рублей. Такимъ образомъ, изъ земскаго кредита въ 5,000 рублей осталось всего 2,400 рублей на работы собственно по изслѣдованію и нивеллировкѣ болотъ, причемъ министерство неупустило изъ вида замѣтить земству, что изъ этой суммы придется производить расходъ на канцелярскія потребности.

Наконецъ, въ половинѣ лѣта 1879 года, казенная экспедиція, пріѣхала въ Петрозаводскъ и потребовала отъ земства указанія, гдѣ находятся тѣ болота, которыя нужно изслѣдовать и осушать. „Ступайте во всѣ стороны изъ Петрозаводска по земскимъ дорогамъ и сами ищите болота; а мы ничего незнаемъ“, — отвѣчала губернская земская управа. Изумились пріѣзжіе люди такому отвѣту и попросили разъясненія, зачѣмъ-же нуж-

но искать болота по дорогамъ, какъ грибы въ лѣсу, когда назначеніе экспедиціи испрашивалось въ видахъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ осушки болотъ, и, слѣдовательно, земству должно быть извѣстно, въ какихъ именно мѣстахъ крестьяне болѣе нуждаются въ осушкѣ. „Ничего этого мы незнаемъ,— опять отвѣчала управа,—а посылаемъ мы васъ на дороги, изволите видѣть, по какому случаю: если осушить болота близъ дорогъ, то, надо думать, ремонтъ дорогъ будетъ стоить дешевле". Услышавъ такой отвѣтъ, пріѣзжіе люди нестали болѣе ничему изумляться, ибо они поняли, что пріѣхали, если не въ самый городъ Глуповъ, то, во всякомъ случаѣ, въ мѣсто, мало тронутое цивилизаціею, въ такое благодатное мѣстечко, гдѣ въ полномъ благополучіи можно провести и кончить жизнь, памятуя мудрую пословицу: на нашъ вѣкъ хватитъ...

Изслѣдованіе болотъ въ видахъ достиженія цѣли, указанной губернскою земскою управою, т.-е. удешевленія ремонта земскихъ дорогъ, дало небезъинтересные результаты. Осушка только 6 болотъ по направленію проектированной земствомъ дороги изъ Петрозаводска въ Лодейное поле должна обойтись, по меньшей мѣрѣ, въ 47.153,306 рублей, тогда-какъ всѣ расходы на устройство этой дороги, съ проложеніемъ мостовъ и гатей въ болотистыхъ мѣстахъ, исчислены въ 47,000 рублей. Конечно, и то уже большая заслуга со стороны г. Августиновича, что ему удалось убѣдить земство въ невыгодности осушки болотъ для сокращенія расходовъ по ремонту земскихъ дорогъ.

Вообще, произведенныя лѣтомъ 1879 года работы по изслѣдованію болотъ дали слѣдующіе результаты.

Изслѣдованы 17 болотъ, составляющія площадь въ 18,507 десятинъ. Изъ нихъ только 7 болотъ, въ 7,706 десятинъ, отчасти удобны для осушки. Остальныя 10 болотъ, болѣе глубокія, преимущественно представляютъ такъ называемыя *оги*, узкія, извилистыя полосы, поросшія лѣсомъ, съ крутыми склонами и каменистымъ дномъ. Только небольшія части ихъ пригодны къ осушкѣ, которая требуетъ непомѣрныхъ денежныхъ затратъ.

Изслѣдованіе семи болотъ, признанныхъ удобными для осушки, выяснило, главнымъ образомъ, тотъ весьма важный фактъ, что ненашлось ни одного удобнаго для осушки болота, гдѣ-бы, ранѣе экспедиціи, некопалась заскорузлая отъ работы рука крестьянина, преслѣдуя культурныя цѣли. Въ отчетѣ г. Августиновича о пяти болотахъ кратко говорится, что они составляютъ крестьянскіе покосы, но объ остальныхъ двухъ болотахъ сообщаются, нелишенныя интереса, подробности. Въ Гагаръ-болотѣ найдены крестьянскіе покосы, которые „разработаны изъ-подъ лѣса и улучшены, проведенными въ разное время, канавами". О Виданскомъ болотѣ сказано: „уже сами крестьяне, въ разное время, принимались за осушительныя работы въ отдѣльныхъ частяхъ болота, и осушенныя ими площади давали не только покосы, но и пахатныя угодья. Но неумѣло проведенныя канавы, будучи неремонтированы, заплывали, и осушенныя площади заболачивались вторично".

Эти интересные факты показываютъ, что экспедиціи г. Августиновича неудалось въ Олонецкой губерніи открыть новую Америку. Оказалось, что крестьяне нехуже г. Августиновича знаютъ, какія болота пригодны для культурныхъ цѣлей. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы

отыскивать болота по земскимъ дорогамъ, нужно было-бы, попросту, просить у крестьянъ указанія, гдѣ находятся болота, осушка которыхъ удобна и желательна для нихъ. Крестьяне давнымъ давно сами производятъ осушительныя работы, но, по недостатку техническихъ знаній и денежныхъ средствъ, ведутъ дѣло неумѣло и неуспѣшно. Значитъ, задача земства и г. Августиновича должна состоять исключительно въ помощи крестьянамъ какъ техническими знаніями, такъ и денежными средствами. Понятное дѣло, что не всѣ крестьяне въ одинаковой степени нуждаются въ этой помощи, но одни болѣе, а другіе менѣе. Напримѣръ, у однихъ много сѣнокосовъ, но, по причинѣ болотистой почвы, они даютъ сѣно дурнаго качества, у другихъ-же чувствуется крайній недостатокъ даже въ такихъ сѣнокосахъ. Поэтому задача земства состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить степень нужды разныхъ сельскихъ обществъ въ осушкѣ болотъ и оказывать помощь, преимущественно, тѣмъ изъ нихъ, которыя наиболѣе нуждаются въ ней.

Таковы выводы, которые сами собою вытекаютъ изъ отчета г. Августиновича о результатахъ изслѣдованія болотъ лѣтомъ 1879 года. Но иначе посмотрѣло на дѣло губернское земское собраніе, которое разсматривало этотъ отчетъ.

Собственно говоря, губернское земское собраніе ничего неразсматривало; по крайней мѣрѣ, изъ постановленія его невидно даже тѣни сознательнаго отношенія къ фактамъ, добытымъ экспедиціею по изслѣдованію болотъ. Земство только и знаетъ, что щедрою рукою отвѣшиваетъ направо и налѣво низкіе поклоны. Министру государственныхъ имуществъ оно посылаетъ „глубочайшую благодарность за просвѣщен-

ное сочувствіе къ мѣропріятіямъ земства". Г. Августиновичу воздается просто „благодарность какъ за его полезные труды по изслѣдованію болотъ, такъ и за разъясненіе въ земскомъ собраніи этого вопроса". Дальше этихъ благодарностей земство пейдетъ, больше оно ни до чего недодумалось. Оно радехонько, что нашло въ г. Августиновичѣ дорогаго человѣка, который избавляетъ его отъ труда думать и заботиться объ успѣхѣ начатаго дѣла. Чтобы неразставаться съ дорогимъ человѣкомъ, земство проситъ министерство государственныхъ имуществъ, прислать и на будущій годъ экспедицію опять-таки непремѣнно подъ начальствомъ г. Августиновича. Кредитъ на расходы по этому предмету увеличивается до 6,500 рублей съ тѣмъ, чтобы вся эта сумма была отпущена въ распоряженіе г. Августиновича. Но чѣмъ вызывается необходимость такого увеличенія кредита, — этого земство незнаетъ и знать не хочетъ. Относительно направленія работъ экспедиціи въ 1880 году несдѣлано никакихъ распоряженій, но все предоставлено на волю г. Августиновича. Земское собраніе буквально постановило: „продолжать изслѣдованіе болотъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ г. Августиновичъ признаетъ производство таковыхъ изслѣдованій въ интересахъ земства болѣе нужнымъ". Это наивное признаніе, что работающій по найму чиновникъ, г. Августиновичъ, лучше земскаго собранія можетъ знать и понимать интересы земства, живо напоминаетъ того городничаго, который подалъ начальству прошеніе объ увольненіи его въ отставку „по скудости ума и совершенной неспособности къ продолженію службы"...

Что касается работъ собственно по осушкѣ, то и здѣсь земское собраніе все предоставило на волю г.

Августиновича,—какъ онъ знаетъ, такъ пусть и дѣлаетъ, что хочетъ, то и осушаетъ, а земству ни до чего нѣтъ дѣла. Въ постановленіи земскаго собранія сказано: „назначить въ 1880 году къ осушкѣ, въ видѣ опыта, одно изъ изслѣдованныхъ экспедиціею болотъ, именно, предложенное г. Августиновичемъ, болото Шуйское, и если изъ ассигнованныхъ суммъ окажется возможнымъ, то какое-либо другое болото, по его выбору". Но почему-же г. Августиновичъ выбралъ для осушки Шуйское, а не другое болото? Въ Петрозаводскѣ всякому извѣстно, что здѣсь крестьяне пользуются сравнительнымъ изобиліемъ сѣнокосныхъ угодій и потому менѣе другихъ нуждаются въ осушкѣ болота, которое и безъ того ежегодно выкашивается, а собранное сѣно идетъ на продажу въ Петрозаводскъ. И вотъ у этихъ-то крестьянъ будутъ увеличивать и улучшать сѣнокосныя угодья насчетъ суммъ, собранныхъ съ крестьянъ, у которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ сѣнокосовъ и нечѣмъ кормить скотъ. Для чего-же такъ дѣлается?

Злые языки рисуютъ такого рода картину. Удобно, а главное — дешево, ѣдетъ г. Августиновичъ изъ Петербурга въ Петрозаводскъ на пароходѣ. Въ Петрозаводскѣ онъ дѣлаетъ, кому слѣдуетъ, визиты и потомъ въ покойномъ экипажѣ ѣдетъ осматривать осушительныя работы. До Шуйскаго болота отъ Петрозаводска всего 12 верстъ и самое болото перерѣзано дорогами, такъ-что г. Августиновичъ, невыходя изъ экипажа, можетъ полюбоваться работами и черезъ часъ возвратиться восвояси со спокойною совѣстью и съ надеждою опять получить благодарность земскаго собранія за свои неусыпные труды....

Рисуется и другая картина. Петрозаводское начальство

принимаетъ чиновнаго, высокопоставленнаго гостя и, по обычаю, устраиваетъ для него увеселительную прогулку къ водопаду „Кивачъ“. По дорогѣ гостю показывается Шуйское болото и вкрадчиво внушается: вотъ плоды нашихъ денныхъ и ночныхъ заботъ о благѣ ввѣреннаго населенія! Гость мягко и ласково улыбается....

Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ вести это важное дѣло. Осушка болотъ и расчистка лѣсовъ должны идти рядомъ, какъ два одинаково необходимыя средства къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія. Въ достиженіи указанной задачи одинаково заинтересованы какъ земство, такъ и правительство. Само собою разумѣется, что роль земства въ этомъ дѣлѣ заключается совсѣмъ не въ канцелярскихъ сношеніяхъ, и тѣмъ болѣе не въ безпутной тратѣ денегъ, но, главнымъ образомъ, въ живомъ посредничествѣ между правительствомъ и крестьянами. Члены земства должны лично, на мѣстахъ, растолковать крестьянскимъ обществамъ выгоду соединеннаго труда для осушки болотъ, склонить ихъ къ этому труду и доставить къ нимъ правительственныхъ техниковъ. Кромѣ того, необходимо, чтобы земство выдавало сельскимъ обществамъ денежныя пособія на производство дорогихъ и тяжелыхъ работъ,—пособія, которыя потомъ съ изубыткомъ вознаградятся увеличеніемъ земскихъ сборовъ съ новыхъ, доходныхъ земель. Но, — увы, — было-бы слишкомъ смѣлою мечтою ожидать этого отъ теперешняго земства, насквозь пропитаннаго сухимъ и мертвымъ, бюрократическимъ формализмомъ. Остается одно,—сидѣть у моря и ждать погоды,—ждать скоро-ли кончится теперешнее отчужденіе земства отъ земскихъ дѣлъ.

Отчужденіе земства отъ крестьянской массы, полное

невниманіе его къ земледѣльческимъ нуждамъ, бездѣятельность и чисто формальное отношеніе къ тѣмъ высокимъ задачамъ и обязанностямъ, какія возложены на него, — весьма характерно проявляются въ дѣлѣ обезпеченія крестьянъ сѣменами, — въ дѣлѣ весьма простомъ, нетрудномъ и, однако, чрезвычайно важномъ для Олонецкой губерніи. Здѣсь земскія учрежденія были введены въ 1867 году, въ разгаръ давно небывалой голодовки. На первыхъ-же порахъ молодое земство было поставлено лицомъ къ лицу съ ужаснымъ народнымъ бѣдствіемъ, должно было кормить голодныхъ, раздавать крестьянамъ зерно для обсѣмененія полей. Съ окончаніемъ голода непрекратился недостатокъ сѣмянъ. Постоянно, то тамъ, то здѣсь, крестьяне неимѣютъ зерна для посѣва, вынуждены покупать его у кулаковъ по безумнымъ цѣнамъ, а иной разъ ни за какія деньги немогутъ пріобрѣсти сѣмянъ, и поля остаются незасѣянными. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ вопросъ о снабженіи крестьянъ дешевыми и хорошими сѣменами долженъ сдѣлаться одною изъ главныхъ заботъ земства, что земство со всѣхъ сторонъ разработаетъ и обсудитъ его, соберетъ массу практическихъ наблюденій и выработаетъ образцовую по безукоризненности систему обезпеченія крестьянскихъ посѣвовъ. Но на самомъ дѣлѣ земство почти необратило никакого вниманія на вопросъ объ обсѣмененіи и продолжаетъ въ этомъ дѣлѣ идти по избитому пути, который проторенъ блаженной памяти коммиссіею народнаго продовольствія.

Обыкновенно предсѣдатель губернской земской управы въ Рыбинскѣ закупаетъ зерно, доставленное водою изъ низовыхъ губерній, и потомъ этотъ запасъ распредѣляется управою кое-какъ по земскимъ, хлѣбнымъ ма-

газинамъ, откуда крестьяне могутъ получать сѣмена съ соблюденіемъ разныхъ затруднительныхъ формальностей; этимъ и ограничиваются заботы земства объ обсѣменении. Между тѣмъ, крестьяне находятъ земскія сѣмена никуда негодными, предпочитаютъ платить богачамъ въ тридорога за хорошія сѣмена и обращаются къ земскимъ запасамъ только въ крайней нуждѣ, когда ни за какія деньги нельзя найти хорошихъ сѣмянъ. Дѣло въ томъ, что земскія сѣмена изъ низовыхъ губерній неудаются при посѣвахъ на сѣверѣ, запаздываютъ созрѣваніемъ и даютъ много сорныхъ травъ. Напримѣръ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по отзыву крестьянъ, сорныя травы появились съ того времени, когда было завезено низовое зерно, которое, по случаю неурожаевъ, продавалось и раздавалось въ ссуду земствомъ. Точно такъ-же нельзя сѣяться новью, хотя очень часто нужда заставляетъ крестьянъ сѣять зерно, только-что передъ тѣмъ снятое съ поля. Новое зерно невсхоже, неурожайно и даетъ много сорныхъ травъ. Самыми лучшими сѣменами считается двухгодовалая старь мѣстнаго, олонецкаго произрастенія. Крестьяне повсемѣстно жалуются на недостатокъ этой дорогой для нихъ стари и высказываютъ необходимость постоянно имѣть ее въ запасѣ.

Безъ сомнѣнія, кому-же, какъ не земству, должна принадлежать инициатива устройства сѣменныхъ запасовъ посредствомъ введенія частію зернового сбора, частію общественныхъ запашекъ. Но и этими испытанными во всей Россіи способами обезпеченія посѣвовъ Олонецкое земство неможетъ ограничиваться, въ виду почти повсемѣстной здѣсь недостаточности урожая. Поэтому оно всегда должно имѣть значительные запасы

старп, закупая ее на каргопольскомъ рынкѣ, откуда хлѣбъ ежегодно вывозится въ Архангельскую губернію. Земство могло-бы принести громадную пользу населенію, если-бы стало закупать зерно въ Каргопольскомъ уѣздѣ изъ первыхъ рукъ, въ періодъ низкихъ цѣнъ, дѣлая крестьянамъ постоянныя надбавки противъ рыночной цѣны, устанавливаемой шайкою хлѣбныхъ скупщиковъ. Въ числѣ членовъ земской управы всегда находятся люди, способные къ веденію подобнаго рода операціи, такъ-какъ почти всѣ члены состоятъ изъ крестьянъ, привыкшихъ заниматься мелкою торговлею. Напримѣръ, даже въ губернской земской управѣ, въ 1873 году, былъ членомъ крестьянинъ Пахомовъ, который, пользуясь близостью управы къ торговой площади, весь день занимался мелочною рыбною торговлею на базарѣ, посѣщая управу на самое короткое время, когда позовутъ его, чтобы, по безграмотству, приложить печать къ какой-нибудь нужной бумагѣ. Что люди, подобные Пахомову, способны вести намѣченную нами операцію, — это не подлежитъ сомнѣнію. Но способны-ли они вести ее честно и выгодно для крестьянъ, — это вопросъ, для рѣшенія котораго въ утвердительномъ смыслѣ исторія Олонецкаго земства непредставляетъ надежнаго ручательства.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы обезпечить обсѣмененіе крестьянскихъ полей, можетъ служить установленіе обязательнаго храненія сѣмянъ для посѣва. Потребность такого рода мѣры непредставляетъ собою измышленія людей, чуждыхъ крестьянскому быту, но придумана крестьянскимъ-же умомъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, практикуется на основаніи обычнаго права. Мы нашли указаніе на такой обычай въ статьѣ

„Мірской хлѣбный и денежный кредитъ“ г. Флоровскаго, приложенной къ № 49 *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей* 1881 года.

Г. Флоровскій описываетъ организацію сѣменныхъ запасныхъ магазиновъ въ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему, русскихъ селеніяхъ Финляндіи и преимущественно останавливается на сѣменномъ магазинѣ въ селѣ Красномъ. По словамъ его, основаніе сѣменныхъ магазиновъ восходитъ къ концу прошлаго столѣтія. Еще въ 1799 году, вслѣдствіе постановленія правительствующаго сената, жители Красносельской вотчины были обязаны дѣлать ежегодно вклады рожью по четыре каппы (въ 1 четверикѣ 5 каппъ) съ души для составленія основнаго фонда магазина. Но, главнымъ образомъ, этотъ фондъ составился изъ сдѣланнаго, въ 1803 году, помѣщикомъ Богаевскимъ пожертвованія въ 250 четвертей ржи. Уставъ для магазина былъ выработанъ крестьянами на мірской сходкѣ и утвержденъ въ 1827 году финляндскимъ сенатомъ. По крестьяне, въ настоящее время, болѣе не руководствуются этимъ уставомъ, но организовали сѣменной запасъ по своему, согласно указаніямъ опыта, такъ-что теперь у нихъ дѣйствуетъ не писанный уставъ, но крѣпкій и живучій, мірской обычай. Главное и самое существенное отступленіе отъ устава состоитъ въ томъ, что крестьяне прекратили засыпку въ магазинъ озимыхъ сѣмянъ, замѣнивъ ихъ овсомъ, такъ-какъ нужда въ яровыхъ сѣменахъ бываетъ всегда гораздо сильнѣе.

Участниками магазина обязательно должны быть всѣ жители Красносельской вотчины, имѣющіе душевой надѣлъ земли. Каждый участникъ магазина имѣетъ право получить изъ него весною такое количество сѣмянъ, какое ему потребуется для посѣва своихъ полей, при-

чемъ взятый въ ссуду овесъ неможетъ быть употребленъ ни на какія другія надобности. Осенью полученная ссуда должна быть обязательно возвращена въ магазинъ съ нѣкоторою надбавкою. Такъ, взявшій весною одну бочку (6 четвериковъ, или 30 капиъ) обязанъ возвратить осенью ту-же самую бочку съ надбавкою 4 капиъ. Этотъ приростъ ежегодно продается, причемъ вырученныя деньги идутъ на содержаніе администраціи магазина и ремонтъ зданія, а остатокъ обращается въ мірской капиталъ. Съ лицъ, невнесшихъ своевременно ссуду, администрація магазина, съ разрѣшенія мірской сходки, производитъ взысканіе судебнымъ порядкомъ. Всѣ крестьяне обязательно должны участвовать въ магазинѣ, такъ-что даже и тѣ, которые неимѣютъ надобности въ сѣменной ссудѣ, въ силу обычая, введеннаго рѣшеніемъ мірскаго схода, обязаны платить ежегодно въ магазинъ приростъ на нормальную ссуду въ 3 бочки, т.-е. 12 капиъ.

„Такіе крестьяне, — разсказываетъ г. Флоровскій,— которые неимѣютъ большой нужды для себя въ магазинѣ, разъ навсегда берутъ изъ магазина 3 бочки въ ссуду и затѣмъ уплачиваютъ ежегодно магазину приростъ—12 капиъ. Но такихъ невольныхъ заемщиковъ относительно немного, и они всѣ принадлежатъ къ зажиточнымъ. На первый разъ, въ такомъ постановленіи мірской сходки можно, пожалуй, усмотрѣть принудительное начало большинства въ ущербъ интересовъ меньшинства. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Дѣло въ томъ, что изъ мірскаго капитала бывали расходы немалые. Теперь тотъ, кто неучаствовалъ въ составленіи мірскаго капитала, во время экстренныхъ расходовъ, когда деньги берутся изъ мірскаго капитала, конечно,

долженъ-бы былъ подвергнуться подворной, тягольной, денежной раскладкѣ. А такая раскладка для многотягольныхъ, болѣе зажиточныхъ, оказалась-бы очень чувствительною. Въ настоящее-же время, при экстренныхъ, или непредвидѣнныхъ, общественныхъ расходахъ, многотягольные крестьяне, наравнѣ съ прочими, освобождаются отъ довольно чувствительной для нихъ подворной раскладки".

Отпускъ изъ магазина сѣмянъ бываетъ одинъ разъ въ году, передъ посѣвомъ яровыхъ, а возвратъ ссудъ также одинъ разъ, послѣ уборки хлѣба. О днѣ отпуска и возвращенія ссудъ администрація магазина извѣщаетъ участниковъ заблаговременно. Отпускъ и получка ссудъ занимаетъ немного времени, оканчиваясь въ пять—шесть дней. „Наши крестьяне,—говоритъ г. Флоровскій, — смотрятъ на свой магазинъ, какъ на свою общественную собственность, и потому ревниво оберегаютъ его интересы. Выдача ссудъ, хотя и производится администраціею магазина, но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его участниковъ. Крестьяне-же прекрасно другъ друга знаютъ и потому выдачу непроизводятъ зря".

Въ прежнее время, весь возвращаемый въ магазинъ овесъ ссыпался въ общіе закромы, такъ-что хорошія сѣмена смѣшивались съ дурными. Но, въ настоящее время, въ магазинѣ устроены три закрома. Лучшій овесъ засыпается въ закромъ № 1, а въ остальные два закрома—который поплоше. Кто недоволенъ такимъ порядкомъ, тотъ можетъ хранить въ магазинѣ возвращенныя имъ сѣмена въ своихъ куляхъ или мѣшкахъ, а весною, при полученіи ссуды, брать свой овесъ. Смотритель магазина, при выдачѣ весенней ссуды, отмѣчаетъ въ спи-

скахъ, какія сѣмена взяты каждымъ крестьяниномъ. Если кто взялъ лучшія сѣмена изъ закрома № 1, то и обязанъ осенью возвратить сѣмена такого-же качества, а иначе его заставляютъ принесенныя сѣмена хранить въ своихъ кулях и весною получать ихъ обратно. Когда и лучшія сѣмена въ закромѣ № 1 отъ вырожденія мельчаютъ, то отдѣльные домохозяева пріобрѣтаютъ хорошія сѣмена на сторонѣ и хранятъ ихъ въ общественномъ магазинѣ, въ особыхъ мѣшкахъ.

Въ магазинѣ всегда хранится такое количество овса, какое необходимо для обсѣмененія полей у всѣхъ крестьянъ. Излишекъ, образующійся отъ прироста на ссуду, ежегодно продается порядкомъ, опредѣленнымъ на мірскомъ сходѣ и пріобрѣтшимъ силу неизмѣннаго обычая. Обыкновенно, зимою назначается продажа части излишняго овса, причемъ другая часть хранится до весны, на случай, если-бы оказался, почему либо, непредвидѣнный недостатокъ сѣмянъ. Если такого недостатка весною не окажется, то образовавшійся излишекъ опять продается весь сполна, такъ-что лѣтомъ, съ мая до сентября, магазинъ стоитъ пустой. На сходѣ опредѣляется продажная цѣна овса, которая всегда бываетъ ниже рыночной. Правомъ на покупку такого дешеваго овса пользуются исключительно одни участники магазина и притомъ всѣ безъ изъятія. Для этого они оповѣщаются о днѣ, назначенномъ для распродажи овса, причемъ должны заявить— желаютъ-ли купить овесъ. Когда, такимъ образомъ, опредѣлится число лицъ, изъявившихъ желаніе купить общественный овесъ, то все продажное количество его дѣлится между ними поровну.

Храненіе въ магазинѣ сѣмянъ, хотя для крестьянъ обязательно и притомъ сопряжено съ расходомъ, тѣмъ

не менѣе, крестьяне остаются весьма довольны и дорожатъ сохраненіемъ, ими-же установленнаго, обязательнаго порядка, находя выгоднымъ для себя хранить сѣмена въ общественномъ магазинѣ. „По словамъ крестьянъ, выгоднѣе для нихъ хранить овесъ въ магазинѣ на томъ основаніи, что тамъ сѣмена оказываются сохраннѣе, цѣлѣе. Если оставить сѣмена дома, то, за время зимы, можетъ быть много случаевъ, когда часть сѣмянъ, а не то и всѣ сѣмена израсходуются. Между тѣмъ, весною, когда наступитъ сѣвъ, тѣ, у кого нѣтъ своихъ сѣмянъ, принуждены будутъ искать ихъ на сторонѣ, покупать за деньги по дорогой цѣнѣ, если-же денегъ не окажется при себѣ, то покупать въ долгъ на условіяхъ далеко для себя невыгодныхъ. Когда-же сѣмена сохраняются въ общественномъ магазинѣ, то каждый спокоенъ относительно того, что весною онъ будетъ при сѣменахъ. Съ другой стороны, хотя каждый участникъ магазина считаетъ тотъ овесъ, который имъ привезенъ въ магазинъ, своимъ овсомъ, на самомъ-же дѣлѣ, этотъ овесъ, составляя собственность магазина, принадлежитъ всему обществу“.

—Администрація магазина состоитъ изъ смотрителя и 5 помощниковъ, которые исполняютъ свои обязанности, состоящія въ отпускѣ и пріемкѣ ссудъ, по очереди, въ видѣ повинности. Всѣ они избираются на мірскомъ сходѣ и получаютъ вознагражденіе за труды— смотритель 35 рублей, а помощники по 2 рубля 50 коп. въ годъ. Такое ничтожное вознагражденіе назначено потому, что, какъ мы видѣли, администрація магазина, благодаря разумной организаціи дѣла, имѣетъ мало труда. Смотрителю выдается болѣе значительное вознагражденіе потому, что на его обязанности

лежатъ отчетность и письмоводство. Онъ ежегодно даетъ мірской сходкѣ отчетъ по веденію дѣлъ въ магазинѣ, составляя, въ началѣ каждаго года, двѣ вѣдомости о количествѣ хлѣбнаго запаса, выданныхъ ссудъ и полученнаго прироста. Губернская администрація не вмѣшивается во внутреннія дѣла магазина. Выборъ смотрителя и помощниковъ, назначеніе имъ вознагражденія, опредѣленіе нормы прироста, продажа послѣдняго, а также выдача и полученіе ссудъ, находятся въ рукахъ сельскаго общества или, иначе, всѣхъ участниковъ магазина. За послѣднія 40 лѣтъ дѣла въ магазинѣ шли очень успѣшно, благодаря тому, что крестьяне, живо заинтересованные въ поддержкѣ этого общественнаго учрежденія, зорко слѣдятъ за всѣми операціями и въ составъ администраціи выбираютъ самыхъ надежныхъ лицъ. Замѣчательно, что въ сорокалѣтній періодъ было только два случая неисправности въ возвратѣ выданныхъ изъ магазина ссудъ. Въ одномъ случаѣ, крестьянинъ обязался постепенно возвращать ссуду, что и исполняетъ, а въ другомъ — заемщикъ оказался совершенно несостоятельнымъ, и мірской сходъ простилъ ему долгъ.

Заканчивая описаніе организаціи сѣменныхъ запасовъ у русскихъ крестьянъ въ Финляндіи, г. Флоровскій задается вопросомъ: какое экономическое значеніе для крестьянъ имѣютъ сѣменные магазины? „Можно смѣло сказать,—говоритъ онъ,—что значеніе подобнаго кредитнаго учрежденія, какъ для крестьянъ-заемщиковъ, такъ и для всего общества, громадно. Прежде всего, у насъ никогда небыло того случая, чтобы земля у крестьянъ оставалась несѣянною по недостатку сѣмянъ. Каждый участникъ магазина смѣло можетъ на-

дѣяться, что земля его небудетъ пустовать по недостатку сѣмянъ, такъ-какъ онъ имѣетъ возможность получить свои сѣмена весною изъ магазина. Затѣмъ, нашимъ крестьянамъ, благодаря тому-же магазину, неприходится изъ года въ годъ платить проценты за хлопоты торговцамъ овсомъ и лицамъ, дающимъ въ ссуду деньги для покупки овса, — а это также немалое облегченіе. Наконецъ, отъ магазина поступаетъ ежегодный доходъ, вслѣдствіе ежегодной продажи, который, поступая въ мірской капиталъ, приноситъ обществу новую доходную статью, составляющую въ мірскихъ доходахъ довольно значительную часть. Чтобы подтвердить только-что сказанное, приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Въ нашей мѣстности цѣны на овесъ весною и осенью бываютъ неодинаковы. Разность въ цѣнахъ на одну бочку можно считать, среднимъ числомъ, въ 1 р. Бочка овса, которая осенью стоитъ 3 рубля, весною доходитъ до 4 рублей. Цѣны эти, за послѣдніе годы, въ нашей мѣстности постоянныя. Заемщикъ, получая изъ магазина весною овесъ для посѣва, напримѣръ, одну бочку, возвращаетъ ее осенью съ приростомъ, т.-е. одну бочку и 4 каппы (въ бочкѣ 30 каппъ). Но если мы переложимъ эту ссуду на деньги, то окажется, что весною онъ беретъ овса изъ магазина на 4 рубля, а возвращаетъ его осенью на 3 рубля 40 копѣекъ. Кредитъ, дешевле этого, врядъ-ли гдѣ можно найти. Замѣтятъ, быть можетъ, что и въ томъ случаѣ, еслибы крестьянинъ взялъ ссуду у торговца, ему пришлось бы осенью уплатить неболѣе одной бочки и 4 каппъ. Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Торговецъ, осенью, получая отъ крестьянина ссуду, приметъ въ разсчетъ не ту цѣну, которая стоитъ въ осеннее время на рынкѣ, а

ту, которая была весною, и потребуетъ съ заемщика не 3 рубля 40 копѣекъ, а, по меньшей мѣрѣ, 4 рубля 30 копѣекъ, или $1^1/_2$ бочки. Изъ этого можно видѣть, насколько выгоднѣе крестьянину обсѣевать свои поля своимъ овсомъ. Главнымъ-же аргументомъ за практичность хлѣбнаго кредита для нашихъ крестьянъ я признаю тотъ фактъ, что у насъ крестьяне, особливо-же тѣ, которые побѣднѣе, относятся къ своему хлѣбному магазину, существующему у насъ вотъ уже болѣе 70 лѣтъ, крайне симпатично. Это и понятно. Пользуясь подобнымъ кредитнымъ учрежденіемъ, крестьянамъ неприходится, въ весеннее, безденежное время, унижаться и кланяться лишній разъ предъ кулаками. Другими словами, то же кредитное учрежденіе избавляетъ крестьянъ, хотя до нѣкоторой степени отъ излишней эксплоатаціи кулака,— а это фактъ немаловажный".

Присматриваясь къ замѣчательной организаціи сѣменныхъ запасовъ, придуманной русскою сельскою общиною въ Финляндіи, мы наталкиваемся на множество разнородныхъ и самыхъ живыхъ, насущныхъ вопросовъ. Всего болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе своеобразное рѣшеніе мужицкимъ умомъ вопроса о личной свободѣ въ сферѣ экономической дѣятельности. Въ крестьянскомъ, общинномъ мірѣ свобода личности въ устройствѣ хозяйственныхъ дѣлъ ограждена съ замѣчательною заботливостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, регулирована такимъ образомъ, что подлежитъ ограниченію въ томъ случаѣ, когда предвидится возможность ненормальнаго проявленія ея во вредъ той-же самой личной свободѣ. Община, повидимому, связываетъ личную свободу, обязывая каждаго своего члена, по уборкѣ хлѣба съ полей, отнести въ общественный магазинъ, для хра-

нія, сѣмена въ количествѣ, необходимомъ ему для посѣва. Но, всматриваясь въ дѣло глубже, мы замѣчаемъ, что такое ограниченіе, въ сущности, представляетъ изъ себя гарантію свободы, необходимую въ окружающемъ насъ мірѣ эксплоатаціи.

Сѣмена составляютъ одно изъ необходимыхъ условій земледѣльческаго производства, которыя немогутъ, ни въ какомъ случаѣ, быть экспропріированы у работника, ибо, иначе, исчезнетъ свобода труда и самая свобода личности обратится въ фикцію. Поэтому личная свобода ненарушается, но гарантируется, когда земледѣльческая община принудительною силою требуетъ отъ своихъ членовъ неприкосновенности сѣмянъ, необходимыхъ для посѣва. Но достигнуть этого общинѣ нелегко, при дѣйствующихъ въ государствѣ общихъ законахъ. Затрудненіе возникаетъ, прежде всего, изъ того, что въ общинной жизни установился взглядъ на общественный магазинъ, какъ на мѣсто для обязательнаго храненія сѣмянъ, составляющихъ личную собственность каждаго общинника,—и вотъ эту-то личную собственность каждаго общинѣ приходится оберегать отъ экспропріаціи, допускаемой въ силу закона. Будь зерно въ закромахъ у каждаго хозяина, тогда любой ростовщикъ, вооружившись исполнительнымъ листомъ мироваго судьи, оберетъ сѣмена и оставитъ крестьянина безъ посѣва. Неумолимый кредиторъ проникнетъ и въ общественный магазинъ и оттуда заберетъ сѣменной хлѣбъ, если только это имущество будетъ признано личною собственностью должника въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ собственность дѣйствующее въ государствѣ право. И вотъ, чтобы охранить отъ законной экспропріаціи сѣменной хлѣбъ, мужикъ ухитрился

отыскать въ законѣ такую лазейку, какую въ пору придумать только Плевако, или Лохвицкому. Община, являясь предъ лицомъ закона, принимаетъ на себя личину того самаго ростовщика, отъ когтей котораго она охраняетъ своихъ членовъ. Въ этихъ-то видахъ, она личную собственность ихъ выдаетъ за свою общественную собственность, которая, изъ процентовъ, раздается въ долгъ общинникамъ.

Глава девятая.

СЕЛЬСКІЕ БОГАЧИ.

Не въ одной Олонецкой губерніи, но повсемѣстно въ Россіи, изъ народной массы выдѣлились сельскіе богачи, которые прибираютъ къ рукамъ всѣ выгоды какъ отъ земледѣлія, такъ и отъ остальныхъ отраслей народнаго труда. Впрочемъ, между сѣвернымъ сельскимъ богачемъ и богатымъ крестьяниномъ средней Россіи есть нѣкоторая разница.

Въ губерніяхъ средней полосы, гдѣ существовало крѣпостное право, сельскій богачъ есть явленіе новое, недавно только народившееся, неуспѣвшее вполнѣ опредѣлиться и оформиться. Здѣсь до 1861 года все крестьянство представляло однородную массу, изъ которой никто невыдѣлялся своимъ богатствомъ, неэксплоатировалъ трудъ другаго. Помѣщикъ — человѣкъ чуждый крестьянской массѣ былъ единственнымъ, законнымъ эксплоататоромъ крестьянскаго труда, въ какой-бы формѣ онъ проявлялся трудъ. Для помѣщика было невыгодно дозволять кому-нибудь другому, тѣмъ болѣе своему-же крѣпостному крестьянину, извлекать выгоды изъ труда людей, закрѣпощенныхъ ему закономъ. Поэтому, при крѣпостномъ правѣ, сельскаго богача небыло. Онъ народился на развалинахъ крѣпостничества, явился на смѣну дворянина-помѣщика.

Если считать 19 февраля 1861 года днемъ рожденія сельскаго богача въ средней Россіи, то теперь ему только 22 года отъ роду. Положимъ, онъ и теперь

уже сильный и многообѣщающій молодой человѣкъ, но, все-таки, еще юноша. У него и деньжонокъ, и опытности мало, и въ хорошемъ обществѣ онъ небывалъ, и жить полюдски неумѣетъ, и твердо опредѣлить задачи жизни онъ неуспѣлъ еще. Къ тому же, и старикъ-помѣщикъ служитъ помѣхою сельскому богачу, сохраняя землевладѣніе.

Въ Олонецкой губерніи крѣпостное право несуществовало, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстностей. Крестьяне незнали надъ собою власти помѣщика, но за то давнымъ-давно испытали тяжесть экономической зависимости отъ сельскихъ богачей. Здѣсь сельскій богачъ совсѣмъ неначинающій юноша, но пожилой мужчина, у котораго есть обильный запасъ интересныхъ разсказовъ изъ своей жизни. Это—мужчина многоопытный, который хорошо знаетъ, что эксплоатируемая крестьянская масса есть великая сила, которая можетъ помѣряться съ силою капитала, если небудетъ парализована нравственнымъ превосходствомъ и добровольно неподчинится ему.

Такое убѣжденіе сельскій богачъ на сѣверѣ пріобрѣлъ путемъ жизненнаго опыта. На своемъ вѣку онъ тоже принималъ участіе въ общественныхъ движеніяхъ, стоялъ во главѣ народной массы, отстаивалъ жизненные интересы ея. Стоя за одно съ народною массою и впереди ея, онъ нравственно подчинялъ ее себѣ до такой степени, что та добровольно позволяла эксплоатировать свой трудъ. Самая безсовѣстная эксплоатація прикрывалась возвышенными цѣлями, симпатичными для массы. Народъ зналъ, что богачъ жертвуетъ и трудомъ, и частію капитала на народное дѣло,—видѣлъ это и выносилъ вредное для себя убѣжденіе, что и самая

эксплоатація есть дѣло хорошее, полезное и необходимое.

Народная масса на сѣверѣ 200 лѣтъ отстаивала старовѣріе, а во главѣ сторовѣровъ стояли сельскіе богачи. Поэтому народъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ вождей и руководителей. Онъ добровольно обогащалъ ихъ своимъ трудомъ, работалъ на нихъ за самое ничтожное вознагражденіе и утѣшался мыслью, что приноситъ жертву великому дѣлу.

А въ средней Россіи, недавно народившійся, сельскій богачъ можетъ-ли указать на какое-нибудь народное дѣло, къ которому-бы онъ присталъ? Имѣетъ-ли онъ какія-либо историческія заслуги предъ массою? Можетъ-ли онъ какимъ-бы то ни было добрымъ, симпатичнымъ народу дѣломъ прикрыть свою эксплоатацію? Нѣтъ, — онъ непмѣетъ никакой почвы въ крестьянской массѣ, никакой связи съ народомъ. Онъ самъ сознаетъ свою отчужденность отъ народа и потому стремится покинуть деревню, перебраться въ городъ, записаться въ купеческую гильдію.

Сельскій богачъ средней Россіи, пока живетъ въ деревнѣ, почти нечувствуетъ потребности въ жизненномъ комфортѣ. Домъ его мало чѣмъ отличается отъ крестьянской избы,—всегда тѣсенъ и неудобенъ, плохо меблированъ и грязенъ. Одѣвается богачъ грязно, питается плохо, словомъ, по выраженію помѣщиковъ и становыхъ, „живетъ свинья свиньею“. Чувствуя себя какимъ-то временнымъ жильцомъ въ деревнѣ, онъ утверждаетъ, что здѣсь не для чего обзаводиться комфортомъ. Если-же, по торгово-промышленнымъ соображеніямъ, онъ рѣшается на постоянную жизнь въ селѣ и обзаводится хорошимъ домомъ, то, большею частію, паровитъ ку-

нить у помѣщика землю и строится отдѣльно отъ крестьянскихъ усадьбъ на помѣщичій ладъ. Тогда онъ начинаетъ держать себя съ крестьянами высокомѣрно и недоступно, порываетъ связь съ ними, а въ то-же время неможетъ войти и въ кружокъ помѣщиковъ въ качествѣ равнаго члена, такъ - что оказывается въ положеніи человѣка, который отъ одного берега отсталъ, а къ другому непристалъ. Рядовые крестьяне, въ свою очередь, слагаютъ разныя сказанія о богачѣ неизмѣнно на одну и ту-же тему. По ихъ разсказамъ, онъ обогатился преступленіемъ: или человѣка убилъ, или проѣзжаго купца ограбилъ, или шкатулку съ деньгами укралъ у хозяина. Такіе разсказы можно услышать въ каждой деревнѣ средней Россіи, и они очень характерно обрисовываютъ отношенія между крестьянскою массою и сельскими богачами.

Совсѣмъ иную жизнь ведетъ сельскій богачъ въ Олонецкой губерніи. Онъ недумаетъ переселяться въ городъ, но старается перенести въ родную деревню удобства городской жизни. На первыхъ-же порахъ обогащенія олонецкій крестьянинъ строитъ, въ деревнѣ, на своей усадьбѣ, хорошій домъ и часто убиваетъ въ постройку всѣ наличныя деньги и запутывается въ долгахъ.

При въѣздѣ въ каждую деревню, прежде всего, бросается въ глаза двухэтажный домъ богача, — болѣе или менѣе обширный, хуже или лучше отдѣланный, смотря по достатку, но непремѣнно двухэтажный. Если богачъ занимается торговлею и нажилъ, хотя-бы небольшой, капиталецъ, то домъ у него имѣетъ оконъ 10 на улицу, крытъ желѣзомъ, обитъ тесомъ, выкрашенъ яркою масляною краскою, съ зеленою, или красною кровлею.

Около дома устроенъ городской тротуаръ изъ досокъ. Передъ домомъ врыта высокая мачта, на которой развѣвается флагъ, когда хозяинъ бываетъ дома.

Хорошаго гостя просятъ пожаловать въ верхній этажъ по безукоризненно чистой лѣстницѣ. Я всегда входилъ въ домъ богатаго крестьянина съ чувствомъ болѣе пріятнымъ, чѣмъ къ иному помѣщику средней Россіи. Сравнительно съ помѣщикомъ, въ пользу сѣвернаго богача подкупаетъ отсутствіе лакейства въ домѣ его. Если васъ и встрѣчаетъ домашняя прислуга и помогаетъ вамъ раздѣться, то услуживаетъ съ лаской и радушіемъ, какъ родному, или своему знакомому. Она засыплетъ васъ разговорами и, когда раздѣнетесь, протянетъ вамъ свою руку и ласково пожметъ вашу руку. Умно по-своему вы сейчасъ же увидите, что между сильнымъ богачемъ и работникомъ его существуютъ совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ въ средней Россіи. Онъ умѣетъ держать людей въ экономической зависимости, не теряя человѣческой личности ихъ, оставаясь экономически сильнымъ между равными.

Сознаніе личнаго человѣческаго равенства до такой степени сильно въ Олонецкой губерніи, что въ деревняхъ крестьянинъ, встрѣчаясь со становымъ или исправникомъ, непремѣнно жметъ имъ руку. Мнѣ самому пришлось видѣть, какъ крестьяне протягивали руку губернатору и были очень сконфужены, не встрѣчая съ его стороны желанія отвѣчать рукопожатіемъ. Даже городская, лакейская мушгра съ трудомъ отучаетъ домашнюю прислугу изъ крестьянъ отъ равнаго обращенія съ лицами высшихъ городскихъ классовъ. Напримѣръ, въ Петрозаводскѣ у меня нѣсколько лѣтъ жила, въ качествѣ домашней прислуги, старушка-крестьянка, кото-

рая каждому, приходящему ко мнѣ, гостю подавала руку и вступала въ разговоръ. Я жилъ съ нею постоянно въ добрыхъ отношеніяхъ, но, въ то-же время, она была недовольна мною, жалуясь, что я мало разговариваю съ нею, и потому ей скучно. Дѣло въ томъ, что я былъ неравный человѣкъ ей,—баринъ.

Другая характерная черта, которая поражаетъ незнакомаго съ сѣвероиъ человѣка, при входѣ въ домъ сельскаго богача, — это чистота, порядокъ и хозяйственность.

Вообще нужно сказать, что олонецкіе крестьяне любятъ чистоту въ домахъ и этимъ отличаются отъ крестьянъ средней Россіи, привыкшихъ жить въ грязи. По-видимому, чистоплотность есть одно изъ культурныхъ вліяній старовѣрія. Мнѣ приходилось замѣчать, что чѣмъ сильнѣе и живѣе старовѣрческое вліяніе на крестьянское семейство, тѣмъ чистоплотнѣе содержится домъ. Въ особенности отличаются чистоплотностью тѣ семейства, гдѣ есть женщины, получившія воспитаніе въ старыхъ, нынѣ разрушенныхъ, поморскихъ скитахъ. Уцѣлѣвшія кое-гдѣ старушки изъ Лексинскаго и Даниловскаго старовѣрческихъ монастырей доводятъ чистоту въ домахъ до чего-то феноменальнаго.

Мнѣ никогда незабыть одной бѣдной хижины въ деревнѣ Березовкѣ, Повѣнецкаго уѣзда,—хижины, въ которую мнѣ было страшно войти: до такой степени она вросла въ землю, покривилась на бокъ, вся замазана глиняными заплатами и подперта для прочности кольями. Того и гляди, набѣжитъ сильный порывъ вѣтра, и хижина разсыплется, поднявши столбъ пыли отъ перегнившихъ въ порошокъ бревенъ. Когда я вошелъ въ хижину, то чувство страха за жизнь смѣнилось изум-

лещемъ предъ невиданною мною въ жизни чистотою. Стѣны и полъ были буквально покрыты прогнившими дырами, но уцѣлѣвшія отъ гнилости мѣста были чисты, какъ тщательно вымытый чайный стаканъ. Да нѣтъ,— я невидалъ даже стакана, такъ чисто вымытаго, какъ чиста была развалившаяся избушка. Ни одного пятнышка, ни одной пылинки, ни слѣда грязи небыло на полу, стѣнахъ, потолкѣ, блестевшихъ и скользившихъ, какъ будто они натерты воскомъ. Нечего и говорить, въ какой чистотѣ содержались столъ, скамьи и другая утварь. Въ особенности меня поразила, стоявшая въ углу, постель старушки. Тутъ я немогъ отыскать нетолько пятна, но ни одной складки,—до такой степени тщательно она была постлана и прибрана. Постель была покрыта бѣлымъ, вязанымъ, кружевнымъ покрываломъ, очень мелкой и красивой работы. Отъ ветхости покрывало было все въ дырьяхъ, но каждая малѣйшая дырочка была тщательно заштопана, такъ-что издали покрывало казалось совершенно новымъ. Хозяйка хижины, старушка, старовѣрка, была одѣта въ ветхомъ рубищѣ, но чистота надѣтыхъ на ней лоскутьевъ была поразительна.

Изъ нищенской хижины мы опять переходимъ въ домъ сельскаго богача и изъ передней входимъ въ большую и свѣтлую пріемную комнату. Окна уставлены цвѣтами, стѣны оклеены шпалерами и обвѣшаны зеркалами, до которыхъ олончане большіе охотники. На одномъ простѣнкѣ висятъ фотографическія карточки родныхъ и знакомыхъ. На большой стѣнѣ, рядомъ съ плохими, литографированными видами Соловецкаго монастыря, можно встрѣтить масляную картину хорошей работы, пріобрѣтенную по случаю гдѣ-нибудь въ темныхъ углахъ Петербурга. Полъ,—иногда краше-

ный, иногда нѣтъ,—всегда чисто вымытъ и вымстенъ. Мебель въ комнатѣ, хотя и подержанная, но отличается прочностью и чистотою. Она состоитъ, большею частію, изъ старинныхъ, краснаго дерева, столовъ, стульевъ и диванова, иной разъ потертыхъ несокрушимою матеріею, плетеною изъ волоса. Если въ домѣ двѣ парадныя комнаты, то во второй стоитъ болѣе новая, мягкая, пружинная мебель. Непремѣнную принадлежность парадной комнаты составляетъ этажерка, или стеклянный шкафъ, гдѣ выставленъ напоказъ фарфоровая, разрисованная посуда и серебряныя вещи. Во внутреннихъ комнатахъ, гдѣ проходитъ обыденная жизнь семьи, конечно, нѣтъ такого убранства, но и тамъ замѣтны чистота и порядокъ.

Собственно говоря, домъ сельскаго богача въ Олонецкой губерніи не представляетъ ничего характернаго, ничего такого, что было-бы новостью для русскаго культурнаго человѣка средняго класса. Такой посѣтитель видитъ въ домѣ ту-же самую обстановку, въ какой самъ живетъ; вся разница въ томъ, что эта обстановка болѣе или менѣе богата. Тутъ культурный человѣкъ чувствуетъ себя въ родной сферѣ; онъ находитъ свою обычную, культурную обстановку.

Другое дѣло простой, рядовой крестьянинъ, пріютившійся въ убогой избенкѣ по сосѣдству съ богачемъ. Ему представляется домъ богача не только воплощеніемъ сказочнаго великолѣпія и богатства, но и чудомъ высшей культуры, предъ которою онъ преклоняется въ сознаніи своего убожества. Онъ смотритъ на простую культурную обстановку домашней жизни богатаго сосѣда съ такимъ-же точно чувствомъ, съ какимъ мы разсматриваемъ чудеса дворцовъ. Роскошь дворца производитъ на насъ пода-

вляющее впечатлѣніе, кажется намъ недосягаемымъ благомъ. Наша домашняя обстановка представляется убогою и мизерною въ сравненіи съ дворцовою обстановкою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы чувствуемъ въ себѣ какъ-бы упадокъ нравственныхъ силъ, какую-то приниженность и покорность судьбѣ. Рѣдко кому придетъ въ голову, что въ старину дворцы были много хуже теперешнихъ заурядныхъ обывательскихъ домовъ, что прогрессивный подъемъ культуры въ ближайшемъ будущемъ дастъ возможность простымъ обывателямъ пользоваться всѣми культурными удобствами, какія нынѣ доступны однимъ обитателямъ дворцовъ.

Конечно, такая мысль неприходитъ въ голову крестьянину, и онъ, любуясь домомъ сосѣда, смиренно чувствуетъ свое убожество и безсиліе предъ богачемъ, нравственно подчиняется ему. Народная масса всегда имѣетъ потребность полюбоваться культурною роскошью, подивиться на нее, хотя-бы минуту пожить среди ея. Оттого крестьяне отдаютъ послѣдніе гроши на украшеніе храма, и, богато украшенная, сельская церковь всегда привлекаетъ больше молящихся, чѣмъ бѣдный храмъ. Сельскій богачъ сѣверной Россіи очень хорошо понялъ, какія выгоды приноситъ ему, ослѣпляющая крестьянъ, культурная обстановка домашней жизни. Онъ знаетъ, что блестящая внѣшность нравственно подчиняетъ ему крестьянскую массу, поэтому и нежалѣетъ денегъ на убранство дома.

Богачъ средней Россіи неуспѣлъ додуматься до этой простой истины. Здѣсь пока еще одни кабатчики поняли потребность крестьянъ въ культурныхъ удобствахъ. Чтобы отвлечь крестьянъ отъ посѣщенія сосѣдняго трактира, кабатчикъ всегда строитъ болѣе просторное зда-

ніе для своего трактира, лучше меблируетъ его и ярче освѣщаетъ. Такія затраты всегда окупаются съ избыткомъ, потому-что крестьянинъ радехонекъ въ порядочной трактирной обстановкѣ забыть убожество своей грязной избы.

Какъ скоро вы вошли гостемъ въ домъ сельскаго богача, вамъ выносятъ на подносѣ стаканъ кофе со сливками и домашнимъ, очень вкуснымъ, печеньемъ. Потомъ подается закуска, которая, въ обыкновенныхъ случаяхъ, состоитъ изъ мѣстныхъ, домашнихъ продуктовъ,— свѣжей, рящущей, палимьей, или сиговой икры, изъ излюбленнаго олончанами *рыбника*, т.-е. особой кулебяки съ начинкою изъ свѣжей рыбы, и т. п. Ни водки, ни вина неподается, потому-что олончане — народъ трезвый, сами непьютъ, да и угощаютъ водкой только ближайшихъ родственниковъ и нужныхъ людей, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ. Но если вы очень хорошій и важный гость, или нужный человѣкъ, то на столѣ являются и семга, и паюсная икра, и портвейнъ, или хересъ, и бутылка водки,—все это есть въ запасѣ у сельскаго богача. На всякій случай, у него хранится даже бутылка настоящаго шампанскаго, котораго самъ онъ нестанетъ пить, но дорогаго гостя будетъ угощать очень усердно, предлагая къ шампанскому грошевые, сухіе, какъ камень, пряники—„на заѣдку“.

Богачъ рѣдко бываетъ одѣтъ въ старомъ національномъ костюмѣ, который носятъ, большею частію, одни старики. Длиннополый купеческій сюртукъ также выходитъ изъ моды. Чаще всего можно встрѣтить на богачѣ костюмъ культурнаго человѣка, такъ называемый „пиджакъ“,—просторное, прямое и короткое пальто, спереди застегнутое наглухо крупными пуговицами.

„Пиджакъ“ пришелся очень по вкусу олонецкому крестьянину и замѣтно вытѣсняетъ національный костюмъ. Онъ сохраняетъ удобство простой русской рубахи, дозволяя свободу движеній, и въ то-же время имѣетъ большія преимущества передъ нею. Воротникъ защищаетъ шею, наружные карманы удовлетворяютъ культурную потребность имѣть при себѣ носовой платокъ, а внутренній боковой карманъ служитъ мѣстомъ для бумажника. Благодаря этимъ удобствамъ, „пиджакъ“ стали носить не одни богачи, но и рядовые крестьяне. По всей вѣроятности, онъ скоро сдѣлается общепринятою мужскою одеждою.

Сельскій богачъ—человѣкъ умный и всегда грамотный. У него водятся и книжки, которыя онъ непрочь почитать „отъ нечего дѣлать“. Изъ новыхъ книгъ я встрѣчалъ, большею частію, очень плохія. Только разъ удалось найти въ деревнѣ сочиненія Некрасова; „дочки отъ скуки читаютъ“,—объяснилъ мнѣ хозяинъ. Дороговизна новыхъ книгъ дѣлаетъ ихъ недоступными для деревни. Чаще всего попадаются старинныя книги, которыя покупаются по дешевой цѣнѣ въ Петербургѣ. Мнѣ приходилось заставать крестьянъ за чтеніемъ серьезныхъ историческихъ книгъ, а разъ въ глухой деревушкѣ, недалеко отъ границы Архангельской губерніи, я засталъ крестьянскую женщину за чтеніемъ старинной философской книги. Словомъ, среди сельскихъ богачей стала пробуждаться потребность въ чтеніи, и я думаю, недалеко то время, когда земству придется серьезно подумать объ организаціи летучихъ библіотекъ, для нарождающейся сельской интеллигенціи.

Газета также проникла къ сельскимъ богачамъ, а чрезъ нихъ нашла доступъ къ крестьянской массѣ. Мнѣ

извѣстенъ случай выписки крестьяниномъ даже такой дорогой газеты, какъ „Голосъ“. Конечно, больше всего выписываются мелкія, дешевыя газеты. Интересъ къ газетамъ, въ первый разъ, съ замѣтною силою пробудился въ крестьянахъ во время сербской войны. Мнѣ приходилось видѣть, какъ, нетолько мужчины, но крестьянскія женщины упрашивали почитать имъ газету. При описаніи такъ называемыхъ „звѣрствъ“, мужчины только вздыхали, а женщины буквально плакали навзрыдъ. Это была нетолько глубокочеловѣческая скорбь, но и просвѣтленіе сознанія родной дѣйствительности. Изъ-за яснаго образа какого-то незнакомаго крестьянину серба или болгарина, подавленнаго тяжестью податей, тѣлесно наказаннаго, произвольно арестованнаго, административно сосланнаго въ Малую Азію, выступали кое-какія болѣе близкія и знакомыя картины. Русское крестьянство немогло нежелать освобожденія южнославянскихъ крестьянъ,—оно радовалось этому освобожденію.

Когда потомъ началась русско-турецкая война, тогда въ крестьянахъ пробудился еще болѣе близкій имъ интересъ къ военнымъ событіямъ. Вмѣстѣ съ извѣстіями объ ужасахъ Плевны и Шипки, стали ходить въ народѣ разные слухи о широкихъ, внутреннихъ реформахъ, которыя, будто-бы, начнутся тотчасъ по окончаніи войны. Теперь газеты еще болѣе распространились между крестьянами, благодаря сельскимъ богачамъ, которые имѣли средства выписывать ихъ.

Напримѣръ, въ концѣ 1877 года, корреспондентъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей прислалъ слѣдующее интересное письмо изъ селенія Устьмошни, находящагося въ 120 верстахъ отъ уѣзднаго города Каргополя, близъ границы Архангельской губерніи. „Съ открытіемъ во-

енныхъ дѣйствій противъ Турціи, все вниманіе нашего сельскаго общества приковано къ событіямъ, совершающимся на театрѣ войны. Въ средѣ нашего общества, нечуждаго образованія, нашлись и такіе, которые, чтобы имѣть болѣе или менѣе вѣрныя и свѣжія извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій на театрѣ войны, начали выписывать газеты—„Русскій Міръ“, „Сынъ Отечества“, „Петербургскій Листокъ“, „Петербургскую Газету“ и др. Благодаря этому, извѣстія о ходѣ военныхъ событій, сообщаемыя газетами, быстро облетаютъ нашу многолюдную волость и возбуждаютъ живѣйшій интересъ. Нумера газетъ, содержащіе въ себѣ оффиціальныя извѣстія, переходятъ изъ рукъ въ руки и читаются всѣми отъ мала до велика, кто только въ силахъ прочесть печатное слово“.

Другой корреспондентъ писалъ изъ села Тахманги, въ началѣ 1878 года. „Въ теченіе всей войны, жители Тахмангскаго прихода очень интересовались военными извѣстіями, и съ объявленіемъ войны явилось очень много охотниковъ до чтенія газетъ. Во все время войны, общее любопытство удовлетворяли слѣдующія газеты, получаемыя священно-церковно-служителями и частными лицами,—„Церковный“ и „Церковно-Общественный Вѣстники“, „Современность“, „Вѣстникъ Народной Помощи“, „Нива“ и „Газета Гатцука“, а въ настоящее время еще „Телеграфъ“ и „Народный Листокъ“. Кромѣ того, получались еще свѣдѣнія телеграфическія изъ города Каргополя, за что, въ складчину, нѣсколько лицъ платили по $1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ каргопольской почтовой конторѣ, за доставленіе извѣстій съ почтами. Крестьяне, во все время войны, собирались въ воскресные и праздничные дни, послѣ утрени, въ цер-

ковной сторожкѣ, или въ домѣ священника, и здѣсь слушали чтеніе газетъ, полученныхъ въ теченіе недѣли".

Въ томъ-же году писали изъ Вытегорскаго уѣзда: „Въ одномъ изъ волостныхъ правленій уѣзда, въ день получки изъ почтовой конторы единственной газеты, выписываемой правленіемъ, всегда можно найти нѣсколько крестьянъ, жителей смежныхъ деревень. Прослушавъ чтеніе военныхъ извѣстій, крестьяне дѣлятся своими свѣдѣніями съ сосѣдями. До какой степени развито у крестьянъ желаніе слѣдить за ходомъ военныхъ дѣйствій, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ крестьянъ, незаставъ въ волостномъ правленіи газетъ, почему-либо неполученныхъ изъ почтовой конторы, незатрудняются на свой счетъ снаряжать туда нарочнаго за „вѣдомостями". Кромѣ правленія, пунктомъ полученія военныхъ новостей служитъ домъ одного мѣстнаго торговца, который получаетъ газету. По воскреснымъ днямъ, у этого торговца посѣтителей бываетъ полонъ дворъ, сосредоченно вслушивающихся въ чтеніе и, по окончаніи передачи газетныхъ сообщеній, разсуждающихъ о томъ, что „туркѣ ужь конецъ", какъ онъ тамъ ни вертись, ни виляй, кто за него ни заступайся, и что несчастные „крестьяне" будутъ жить на свободѣ, „по людскому".

Такимъ образомъ, результатомъ послѣдней войны было то, что газета пробила неприступную стѣну, отдѣлявшую ее отъ крестьянской массы. На народную ниву были брошены сѣмена политическаго развитія. Ближайшее будущее покажетъ, какой всходъ дадутъ посѣянныя сѣмена. А теперь мы можемъ только подчеркнуть фактъ, что газета проникла въ крестьянскую массу при посредствѣ сельскихъ богачей.

Вообще, въ сферѣ частной, домашней жизни, сель-

скій богачъ является человѣкомъ высшей культуры, сравнительно съ крестьянскою массою, и въ то-же время онъ неоторвался отъ этой массы, но прочно и глубоко пустилъ корни въ ней. Вся обыденная жизнь богача совершается на глазахъ крестьянскаго міра и въ живомъ общеніи съ нимъ. Благодаря такой непосредственной близости и постоянному общенію съ крестьянскою массою, сельскій богачъ имѣетъ сильное вліяніе на нее, какъ человѣкъ высшей культуры, какъ нравственная сила. Масса нравственно подчиняется богачу, смотритъ на него, какъ на „лучшаго“ человѣка изъ своей среды, старается подражать ему, питаетъ довѣріе къ нему. Между тѣмъ, богачъ продолжаетъ обдѣлывать свои дѣлишки посредствомъ эксплоатаціи труда крестьянъ, которые, подчинившись культурному превосходству эксплоататора, незамѣчаютъ дѣлаемаго имъ зла, или если и замѣчаютъ, то несознаютъ въ себѣ достаточно силы для борьбы съ нимъ. Крестьяне ослѣплены богачами и часто считаютъ ихъ своими благодѣтелями, благодаря особенному направленію ихъ общественной дѣятельности, въ которомъ нельзя незамѣтить проблесковъ того, что называется политическимъ тактомъ.

Наиболѣе порядочные люди изъ сельскихъ богачей, которые не желаютъ ни мірскаго вина пить, ни набивать карманъ при завѣдываніи общественнымъ хозяйствомъ, ни получать земское жалованье, отлынивая отъ дѣла за картами и выпивкою въ обществѣ уѣздныхъ чиновниковъ,—такіе люди стоятъ въ сторонѣ и отъ земства, и отъ своего крестьянскаго управленія, но стоятъ не одиноко, а за одно съ крестьянскою массою и во главѣ ея. Крестьяне очень хорошо знаютъ цѣну „земскому самоуправленію“ и видятъ въ немъ одну, извнѣ

наложенную тяготу, конечно, не пускаясь въ разсужденія о томъ, что могло-бы выдти изъ земства при другихъ, лучшихъ условіяхъ. И само земство видитъ и знаетъ, какъ неблагосклонно смотрятъ на него крестьяне. Въ 1871 году, въ олонецкомъ губернскомъ земскомъ собраніи было заявлено, что небудь неблагопріятныхъ условій, тогда-бы „немогла явиться въ народѣ идея: *земство, есть вновь измышленный налогъ,* — которая родилась и укрѣпилась въ неразвитой головѣ нашего крестьянина. И что-же? — Онъ правъ, глубоко правъ. Онъ глядитъ на фактъ и неможетъ, какъ мы, увлечься идеей: какъ грандіозно земство въ будущемъ! Чѣмъ помогло ему земство до настоящаго момента?—Налогомъ на его домъ и землю, налогомъ безусловно непосильнымъ, въ 80 или 90% со скудной его доходности, которой и всей-то недостаточно, чтобы удовлетворить его голодный аппетитъ". Такъ смотрятъ на земство крестьяне, по сознанію самихъ-же земскихъ дѣятелей. Того-же взгляда держатся и устранившіеся добровольно отъ земской дѣятельности лучшіе люди изъ сельскихъ богачей. Отказъ отъ земской дѣятельности нетолько неропщетъ ихъ въ глазахъ крестьянъ, но и сближаетъ тѣхъ и другихъ между собою.

Въ то-же время, жажда общественной дѣятельности на широко раскинутой, строго легальной аренѣ, подъ вліяніемъ совершающихся предъ глазами событій и непрестанно прогрессирующаго культурнаго развитія, чуть-ли не по днямъ, а по часамъ, все болѣе охватываетъ лучшихъ людей жгучимъ, всеподчиняющимъ себѣ чувствомъ. Нужно, во чтобы то ни стало, найти исходъ и удовлетвореніе этой живой, проснувшейся въ людяхъ, потребности. И вотъ люди, схоронившіе себя въ Тара-

совкахъ и Маляновыхъ углахъ, нашли общественную дѣятельность, которая доставила имъ популярность между крестьянами безъ всякаго риска для личнаго спокойствія. Такъ какъ эти лица, эти сельскіе богачи непринадлежатъ къ числу людей, проѣвшихъ выкупныя свидѣтельства, но, при скромныхъ потребностяхъ, владѣютъ денежными излишками, поэтому общественная дѣятельность ихъ получила характеръ благотворительности. Однако, на скромной почвѣ благотворительности они сумѣли проявить политическій тактъ, устранивъ изъ своей дѣятельности традиціонную окраску грошевой милостыни и направивъ благотворительность на помощь культурному развитію крестьянской массы, преимущественно, посредствомъ школьнаго образованія.

Самая лучшая народная школа, какую намъ удалось видѣть въ Олонецкой губерніи, находится въ деревнѣ Лугахъ, Каргопольскаго уѣзда. Это—очень красивой архитектуры зданіе, отъ котораго нехочется оторвать глазъ, утомленныхъ однообразіемъ сельскихъ построекъ. Внутри зданія двѣ просторныя и свѣтлыя классныя комнаты для 40 мальчиковъ и дѣвочекъ неоставляютъ желать ничего лучшаго въ гигіеническомъ отношеніи. Классная мебель отличается прочностью, изяществомъ и даже щегольствомъ, чего невсегда можно встрѣтить въ большихъ городахъ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Особая комната назначена для библіотеки, гдѣ въ изящныхъ шкафахъ хранятся всевозможныя, новѣйшія, учебныя пособія для дѣтей и книги для руководства учителей. Кромѣ того, есть особая гардеробная комната, передняя и комната для училищнаго сторожа. Рядомъ съ училищемъ находится небольшой, но премиленькій, домикъ для сельскаго учителя.

Все это устроено на свой счетъ и, главное дѣло, подъ своимъ хозяйскимъ наблюденіемъ, а затѣмъ принесено въ даръ народу мѣстнымъ крестьяниномъ Е. П. Поповымъ. Онъ нетолько устроилъ и снабдилъ всемъ необходимымъ сельское училище,—лучшее въ Олонецкой губерніи,—но и содержитъ его на свой счетъ, начиная съ 1871 года. Впослѣдствіи онъ купилъ у казны землю и также подарилъ ее училищу. Онъ-же устроилъ крестьянамъ своей деревни, для общественнаго пользованія, колодцы съ насосами, которые ранѣе совсѣмъ небыли извѣстны въ Олонецкой губерніи, да и теперь даже въ губернскомъ городѣ Петрозаводскѣ нѣтъ ни одного колодца съ насосомъ. Тотъ-же г. Поповъ подарилъ своей деревнѣ прекрасную, пожарную трубу, какой нѣтъ болѣе ни въ одномъ селеніи въ цѣлой губерніи. Онъ-же нѣсколько лѣтъ содержалъ для общественнаго пользованія заводскаго случнаго жеребца. Наконецъ, онъ былъ намѣренъ осушить на свой счетъ болото, а воздѣланную изъ подъ него луговую землю подарить крестьянамъ своей деревни. Исполнилъ-ли онъ такое прекрасное намѣреніе,—я незнаю. И этотъ Е. П. Поповъ совсѣмъ не крупный капиталистъ и не искатель медали или ордена; онъ обыкновенный богатый крестьянинъ, умѣющій дѣлать полезное народу употребленіе изъ своего богатства.

Не правда-ли, какъ непоходитъ на г. Попова сельскій богачъ средней Россіи, этотъ грубый скаредъ и самодуръ? Всю жизнь онъ собираетъ и копитъ гроши, изъ-за которыхъ готовъ сдѣлать всевозможную мерзость. Когда этихъ мерзостей накопится такъ много, что, наконецъ, заговоритъ и грубая, навсе поладливая совѣсть, тогда богачъ начинаетъ лить колокола, обдѣлывать цер-

ковныя иконы въ золотыя ризы, угощать духовенство; — иного употребленія изъ своего богатства онъ неумѣетъ сдѣлать. Но, закармливая духовенство, онъ, въ то-же время, дико самодурствуетъ и требуетъ отъ него нравственнаго униженія. Онъ жертвуетъ колокола и золотыя ризы непначе, какъ разсчитавши и разузнавши напередъ, дадутъ-ли за это медаль или, по крайней мѣрѣ, грамату. Грубое торгашество неоставляетъ богача средней Россіи ни во время наживы денегъ, ни въ минуту общественныхъ пожертвованій.

Иначе поступаютъ сельскіе богачи въ Олонецкой губерніи, хотя-бы, напримѣръ, въ селеніи Ладвѣ, Петрозаводскаго уѣзда. Это—большое село или, скорѣе, группа деревень, заключающая въ себѣ до 400 домовъ, расположенныхъ около рѣки Ивины. Для сообщенія селеній между собою устроены чрезъ рѣку два моста. Оба они пожертвованы для общаго пользованія двумя мѣстными богачами. Одинъ построенъ крестьяниномъ Тулинымъ, другой—крестьяниномъ-же Кипрушкинымъ.

Нужно замѣтить, что мосты составляютъ самую дорогую для населенія культурную потребность, и потому народъ всегда съ благодарностью вспоминаетъ о строителяхъ мостовъ, какъ о своихъ благодѣтеляхъ. На сѣверѣ ничто такъ неувѣковѣчиваетъ въ народѣ память о человѣкѣ, какъ построенный имъ на свой счетъ мостъ. Поэтому нѣкоторые благотворители избираютъ себѣ особою спеціальностью постройку мостовъ. Напримѣръ, въ „Исторіи“ Филиппова, наряду съ подвижниками старовѣрія, упоминается крестьянинъ Фоймогубской волости Аверкій, жившій въ концѣ XVII, или началѣ XVIII столѣтія, который, пока жилъ въ мірѣ, на крестьянствѣ, „вездѣ на путяхъ чрезъ рѣки и болота мосты мостилъ

своею силою и мостъ сдѣлалъ чрезъ Фоймогубскую губу, сперва на водѣ, пловучій, а послѣ на столбахъ, и на слегахъ, и на срубахъ". Оставивъ крестьянство и поселившись въ Выгорѣцкомъ общежительствѣ, онъ устроилъ первый мостъ чрезъ рѣку Выгъ и другой чрезъ рѣчку Сосновку, на Волозерской дорогѣ. Въ Олонецкомъ уѣздѣ народъ свято хранитъ память мѣстнаго богача Якова Ѳомина, который, въ концѣ прошлаго столѣтія, на свой счетъ, построилъ много мостовъ на рѣкѣ Олонкѣ и ея притокахъ. И до сихъ поръ еще неоскудѣли жертвователи на мостовое дѣло, такъ-что недавно въ губернскомъ земскомъ собраніи было заявлено о намѣреніи одного крестьянина построить на свой счетъ каменный мостъ на рѣкѣ Онегѣ, по петербургско-архангельскому почтовому тракту, взамѣнъ неудобной и затруднительной переправы на паромѣ.

Кромѣ мостовъ, въ Ладвѣ обращаетъ на себя вниманіе и другое общественное сооруженіе — домъ двукласснаго образцоваго училища. Иниціатива открытія училища принадлежитъ сельскимъ богачамъ. Они сговорились между собою, что нужно, во что-бы то ни стало, открыть двуклассное училище, согласились—кто сколько долженъ пожертвовать на это дѣло и потомъ предложили сельскому сходу ходатайствовать предъ начальствомъ объ открытіи училища. Общество, видя, что богачи жертвуютъ 2,000 рублей на постройку дома, согласилось, съ своей стороны, уступить десятину земли, безплатно вывезти лѣсъ для дома, давать отъ себя сторожа и дрова для училища. Такъ возникло Ладвинское двуклассное училище.

Подобное-же дѣятельное участіе богачей мы видимъ въ дѣлѣ устройства двукласснаго образцоваго училища

въ Падапахъ, Повѣпецкаго уѣзда. Сначала здѣсь была устроена земствомъ начальная школа, которая помѣщалась въ наемномъ домѣ. Чтобы устранить неудобства наемнаго помѣщенія, мѣстный богатый крестьянинъ Л. И. Волковъ, въ 1874 году, выстроилъ, на свой счетъ, и пожертвовалъ новый домъ, вполнѣ приспособленный къ потребностямъ школы. Такое пожертвованіе вызвало соревнованіе въ другомъ мѣстномъ богачѣ К. В. Кузнецовѣ, который пришелъ къ мысли устроить въ Падапахъ двуклассное образцовое училище. Деньги на образцовое училище были давно ассигнованы земскимъ собраніемъ, но лежали безъ употребленія, потому-что во всемъ уѣздѣ ни одно крестьянское общество несогласилось безплатно уступить десятину дорогой для хлѣбопашцевъ земли. Въ 1875 году, Кузнецовъ предложилъ крестьянамъ Падапскаго общества составить приговоръ объ уступкѣ земли, причемъ обѣщалъ отдать свои самые лучшіе участки тѣмъ крестьянамъ, чьи полосы отойдутъ подъ училище. На слѣдующій годъ было открыто въ Падапахъ образцовое училище въ наемномъ домѣ, такъ-какъ прежній домъ, пожертвованный Волковымъ, уже несоотвѣтствовалъ болѣе широкимъ потребностямъ новаго учебнаго заведенія. Для школьнаго помѣщенія нужно было обширное зданіе въ 12 комнатъ, съ разными пристройками. Земство цѣлый годъ искало и немогло найти охотника взять подрядъ на постройку такого дома за назначенную цѣну, будто-бы слишкомъ дешевую. Наконецъ, въ 1877 году, опять пришелъ на помощь школѣ старый благотворитель г. Волковъ, согласившись построить домъ за ассигнованную земствомъ сумму. Въ томъ-же году, онъ взялъ пять самыхъ бѣдныхъ учениковъ на свое полное содержаніе во все вре-

мя ученья. Изъ подражанія этому доброму примѣру, и другой богачъ, правда, менѣе состоятельный, г. Кузнецовъ, тоже обязался содержать на свой счетъ одного бѣднаго ученика.

Чрезъ годъ послѣ основанія въ Ладзѣ двукласснаго училища, мѣстные богачи учредили здѣсь едва-ли не единственное въ Россіи, сельское благотворительное общество. Оффиціально оно носитъ названіе „общество вспоможенія бѣднымъ селенія Ладвы и смежныхъ съ нимъ деревень". Уставъ его утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 году. Общество поставило себѣ задачею помогать бѣднымъ, „кои неимѣютъ возможности честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, а равно потерпѣвшимъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и т. п. несчастныхъ случаевъ". Во 2-мъ параграфѣ устава опредѣляются виды помощи бѣднымъ, и при этомъ упомянуто, что „общество можетъ вносить за бѣдняковъ подати и другія денежныя повинности". Между прочимъ, общество выговорило себѣ право, по мѣрѣ развитія средствъ, устроивать школы, дѣтскіе пріюты, больницы, богадѣльни, столовыя для бѣдныхъ, сельскія аптеки и т. п. Средства общества состоятъ изъ сбора въ кружку, которая находится въ ладвинской церкви, изъ членскихъ взносовъ и неприкосновеннаго капитала въ 5,500 рублей.

Неприкосновенный капиталъ внесенъ, при самомъ основаніи общества, богатыми крестьянами—И. Ѳ. Кипрушкинымъ 1,000 руб., С. И. Тулинымъ 1,000 руб., Д. И. Тулинымъ 1,000 руб., А. И. Тулинымъ 1,000 руб., Г. В. Москвичевымъ 1,000 руб., П. С. Дьяконовымъ 500 руб. Эти жертвователи считаются членами-попечителями. Лица, принявшія на себя обязательство

вноситъ въ общество ежегодно не менѣе 3 рублей, называются членами-благотворителями. Заявившіе желаніе помогать бѣднымъ личнымъ трудомъ (учителя, фельдшера, врачи, ремесленники и т. п.) называются членами-сотрудниками. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящій изъ безсмѣнныхъ членовъ-попечителей, которые изъ своей среды ежегодно выбираютъ предсѣдателя. Если, по какой-либо причинѣ, выбудетъ изъ общества членъ-попечитель, то общее собраніе всѣхъ членовъ-благотворителей и сотрудниковъ выбираютъ на его мѣсто въ члены совѣта новое лицо изъ своей среды, но уже не безсмѣнно, а на одинъ годъ. Общее собраніе всѣхъ членовъ бываетъ разъ въ году, въ день открытія общества, для выборовъ и для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ.

Общество было открыто въ началѣ 1875 года. Съ того времени движеніе суммъ его, вмѣстѣ съ неприкосновеннымъ капиталомъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1875 г.	1876 г.	1877 г.
Приходъ....	7,637 р. 57 к.	1,828 р. 31 к.	1,380 р. 14 к.
Расходъ....	208 р. —	181 р. —	256 р.
Остатокъ...	7,428 р. 57 к.	9,075 р. 88 к.	10,020 р. 2 к.

	1878 г.	1879 г.	1880 г.
Приходъ....	736 р. 58 к.	1,757 р. 70 к.	832 р. 62 к.
Расходъ.....	367 р. —	386 р. —	417 р. —
Остатокъ...	10,569 р. 60 к.	11,941 р. 30 к.	12,356 р. 92 к.

Чтобы правильно оцѣнить приведенныя цифровыя данныя, необходимо обратиться къ сравненію. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Олонецкой губерніи существуютъ только два благотворительныя общества съ одинаковыми цѣлями—въ селѣ Ладвѣ и въ губернскомъ городѣ Петрозаводскѣ. Послѣднее общество основано въ 1865 году, собираетъ средства со всей Олонецкой губерніи, не-

стѣснялись даже требованіемъ земской помощи, и пользуется особымъ покровительствомъ высшихъ губернскихъ властей. При всемъ томъ, капиталъ его къ 1 января 1881 года составлялъ 10,563 рубля, т.-е. былъ менѣе капитала Ладвинскаго общества, открытаго въ 1875 году и получающаго денежныя средства отъ однихъ богачей села Ладвы. Конечно, расходъ Петрозаводскаго общества въ 1878 году (2,232 рубля) былъ несравненно больше, чѣмъ въ Ладвинскомъ обществѣ (367 рублей), но неслѣдуетъ забывать, что дѣятельность Ладвинскаго общества до послѣдняго времени была поглощена собираніемъ капитала, который, безъ сомнѣнія, дастъ въ результатѣ возможность основать въ Ладвѣ такія общеполезныя учрежденія, о какихъ нельзя и мечтать Петрозаводскому благотворительному обществу съ его средствами, совершенно ничтожными относительно обширнаго района дѣятельности.

Мы выбрали изъ массы фактовъ только самые выдающіеся примѣры для характеристики культурнаго направленія общественной дѣятельности сельскихъ богачей въ Олонецкой губерніи. Чтобы дополнить эту характеристику, слѣдуетъ замѣтить, что почти въ каждомъ сельскомъ земскомъ училищѣ находятся почетные блюстители и попечители изъ мѣстныхъ богатыхъ крестьянъ. Сельскіе богачи съ большою охотою принимаютъ это почетное званіе, съ обязательствомъ ежегодно дѣлать извѣстныя пожертвованія на училище. Они-же на свой счетъ устраиваютъ школьные праздники, которые, разнообразя скуку сельской жизни, интересуютъ и располагаютъ въ пользу школы массу крестьянъ и въ то-же время выдвигаютъ богачей въ глазахъ массы въ наиболѣе выгодномъ для нихъ свѣтѣ.

Такимъ образомъ, сельскій богачъ въ Олонецкой губерніи успѣлъ усвоить себѣ многія характеристическія особенности людей высшей культуры, сравнительно съ массою крестьянъ, и въ то же время не оторвался отъ этой массы, остался въ рядахъ ея, въ качествѣ передоваго носителя культуры. Между тѣмъ, высшая культура есть великая сила, нравственно подчиняющая себѣ темный крестьянскій людъ. Подъ обаяніемъ нравственнаго превосходства богачей, въ глазахъ крестьянъ застилается туманомъ громадный вредъ, который приносятъ тѣ-же богачи невыносимо тяжелою эксплоатаціею крестьянскаго труда. Этимъ только и можно объяснить, почему въ Олонецкой губерніи намъ ни разу не приходилось слышать сказаній о происхожденіи богатства отъ преступленія, какія на каждомъ шагу слышишь въ деревняхъ средней Россіи.

Замѣчательно также, что крестьянинъ, будучи глубоко проникнутъ сознаніемъ своего личнаго равенства съ богачами, въ то-же время отдаетъ имъ почетъ даже тамъ, гдѣ, повидимому, нельзя ожидать этого. Напримѣръ, посмотримъ на праздничную гульбу сельской молодежи въ Олонецкомъ уѣздѣ. Въ лѣтній праздничный день, послѣ обѣда, выходятъ на деревенскую улицу дѣвушки и начинаютъ прохаживаться попарно, образуя изъ себя длинную вереницу. Каждая дѣвушка имѣетъ свое мѣсто въ вереницѣ. Впереди идутъ дочери богачей, разодѣтыя въ парчу, дорогой штофъ и жемчугъ. За ними выступаютъ дочери „справныхъ хозяевъ“, одѣтыя попроще. Въ самомъ хвостѣ вереницы идутъ бѣдныя дѣвушки, въ самыхъ дешевыхъ нарядахъ. Вслѣдъ за дѣвушками начинаютъ выходить на улицу молодые парни и вмѣшиваются въ вереницу дѣвушекъ, разбивая

пары ихъ такъ, что въ каждой парѣ идетъ уже дѣвица съ парнемъ. Но всякій парень помнитъ пословицу, что нужно рубить дерево по силѣ,—бѣднякъ не станетъ въ пару съ богачкою, а богачъ не подходитъ къ бѣдной. Каждый идетъ въ парѣ съ дѣвушкою, равною по состоянію.

Эта картина праздничной гульбы, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ положеніе, занятое богачами въ крестьянской массѣ. Богачи уединяются отъ крестьянъ, незамыкаются въ свой тѣсный кружокъ, но находятся въ общеніи съ бѣдняками. И, однако, этимъ общеніемъ не только не сглаживается разница между тѣми и другими, а, напротивъ, контрастъ становится еще рѣзче. Между ними есть рѣзкій контрастъ, но нѣтъ антагонизма. Богачъ не отталкиваетъ отъ себя бѣдняка, а бѣднякъ безъ злобы воздаетъ богачу почетъ, какого не сумѣли заслужить ни помѣщики, ни купцы, ни сельскіе богачи средней Россіи. Крестьянинъ смотритъ на богача, какъ на передоваго человѣка изъ своей среды, какъ на своего вождя. А богачъ, въ свою очередь, хорошо понимаетъ, что невозможно оставаться вождемъ, порвавши общеніе съ массою, уединившись отъ нея; что передовое положеніе въ массѣ пріобрѣтается не богатствомъ, но нравственнымъ превосходствомъ надъ массою; что, наконецъ, и богатство, и нравственное превосходство обязываютъ человѣка къ жертвамъ на общую пользу. И жертвы приносятся; онѣ предъ глазами у насъ; нужно только правильно оцѣнить: велики-ли эти жертвы крестьянскихъ передовыхъ людей и что скрывается внутри подъ блестящею оболочкою культурно-просвѣтительной дѣятельности сельскихъ богачей, подъ тою оболочкою, которая ослѣпляетъ и очаровываетъ темный крестьянскій людъ?

По этому поводу намъ припоминается, видѣнная въ домахъ у олонецкихъ старовѣровъ, картинка работы, отживающихъ нынѣ свой вѣкъ, поморскихъ иконописцевъ, которые, во время процвѣтанія старой поморской школы, любили вносить въ иконопись аллегорическое направленіе.

Въ ущельи между горами, представляющими собою отвѣсныя каменныя скалы, лежитъ долина. Насколько сурова и мрачна природа въ горахъ, настолько-же она отличается богатствомъ и роскошью въ счастливой долинѣ. Художникъ помѣстилъ въ долинѣ „птицу Сирина", покрытую яркими разноцвѣтными перьями, съ красивою женскою головою, увѣнчанною короной. Эта полуженщина, полуптица—опасная очаровательница. Она очаровываетъ людей не столько необыкновенною женскою прелестью и красотою, но еще болѣе волшебнымъ, плѣнительнымъ голосомъ. Пѣсня ея далеко несется въ воздушномъ пространствѣ и долетаетъ до мирнаго города, расположеннаго наверху каменистой горы. Чуть коснется человѣческаго уха звукъ пѣсни Сирина, — тогда человѣкъ пропалъ. Онъ очарованъ волшебницею, бросаетъ домъ и городъ, забываетъ дѣйствительность, невидитъ ее. Волшебные звуки съ неудержимою силою влекутъ его туда, откуда раздается пѣсня Сирина. Онъ успѣлъ выдти изъ города, увидѣлъ издали женскую красоту Сирина, неможетъ оторвать глазъ отъ нея. Незамѣчая опасной дороги, онъ ближе и ближе подвигается къ краю отвѣсной, каменной скалы. Онъ уже дошелъ до края пропасти. Еще одинъ, послѣдній шагъ,—и онъ падаетъ съ ужасной высоты и умираетъ у ногъ очаровательницы.

Что художникъ хотѣлъ сказать этою картиною?—я не знаю. Едва-ли онъ не выразилъ ею свой узкій, ста-

ровѣрческій взглядъ на нашу цивилизацію. Мраченъ и безнадеженъ этотъ взглядъ. Онъ видитъ впереди одну могильную тьму да гробовое тлѣніе...

Нѣтъ, впереди не смерть, не могила, а жизнь и счастье, царство свѣта и радости. Но всѣ эти блага далеко еще впереди, а теперь нельзя несогласиться и съ грубымъ художникомъ, что наша цивилизація, какъ блестящая красавица, птица Сиринъ, постоянно требуетъ человѣческихъ жертвъ. Люди высшей культуры слишкомъ дорогою цѣною продаютъ свѣтъ цивилизаціи людямъ низшей культуры, своекорыстно эксплоатируя послѣднихъ....

Y Y Y Y

Глава десятая.

БОРЬБА СО ЗВѢРЕМЪ.

Въ то время, какъ сельскіе богачи успѣли усвоить многія характеристическія особенности людей высшей культуры, масса крестьянъ, особенно въ дальнихъ лѣсныхъ захолустьяхъ, отличается поразительною культурною низменностью. Есть даже такія мѣста, гдѣ, повидимому, неизвѣстно раздѣленіе труда, и крестьянская семья сама производитъ чуть-ли не всѣ нужныя въ домашнемъ быту вещи. И что это за вещи,—какою первобытною грубостью и несовершенствомъ отличаются онѣ! Разсматривая, напримѣръ, мѣстныя издѣлія изъ бересты, можно подумать, что находишься среди австралійскихъ дикарей, а никакъ не на европейскомъ сѣверѣ. Неговоря о всевозможныхъ берестяныхъ тюсахъ (буракъ), коробкахъ, крошняхъ (сума для переноски вещей) и т. п., вы видите берестяные сапоги, веревки, свитыя изъ бересты, всю лошадиную сбрую изъ бересты,—даже бутылки для жидкостей дѣлаются изъ бересты. А здѣшнія рѣчныя суденышки, эти выдолбленныя изъ цѣлаго дерева душегубки, или эти лодки, сдѣланныя изъ досокъ, сшитыхъ между собою березовыми прутьями безъ желѣзныхъ гвоздей,—они развѣ непереносятъ насъ въ міръ дикарей?!

Перечисленіе подобныхъ мелочныхъ примѣровъ запялобы слишкомъ много и времени, и мѣста. Поэтому, для характеристики культурнаго состоянія народной массы, мы предпочитаемъ подробнѣе остановиться на одномъ

какомъ-нибудь явленіи, имѣющемъ болѣе общее значеніе и повсемѣстную распространенность. Въ этомъ отношеніи представляютъ особенный интересъ факты изъ продолжающейся донынѣ борьбы человѣка съ дикимъ, хищнымъ звѣремъ.

Открытые наукою въ дикихъ пещерахъ, слѣды первобытнаго, доисторическаго человѣка указываютъ, что вся жизнь и всѣ силы его были поглощены кровавою борьбою съ хищнымъ звѣремъ. Борьба шла на смерть. Она должна была рѣшить величайшій въ человѣческой исторіи вопросъ: кому владѣть землею — человѣку, или пещерному медвѣдю со стаею другихъ хищныхъ звѣрей? Человѣкъ побѣдилъ звѣря и, благодаря этой побѣдѣ, получилъ возможность безпрепятственно развиваться физически и нравственно, въ то время, какъ ужасный пещерный медвѣдь вымеръ и выродился въ знакомаго намъ потѣшника Михайла Ивановича Топтыгина.

Въ настоящее время, въ Англіи, человѣкъ успѣлъ истребить всѣхъ хищныхъ звѣрей. Въ другихъ странахъ западной Европы, хищные звѣри, если еще не совсѣмъ истреблены человѣкомъ, то остались въ небольшомъ числѣ. Они годъ отъ году истребляются, вымираютъ и удаляются въ глухія, безлюдныя мѣста. Иное мы видимъ у себя дома, на востокѣ, въ странѣ низкой культуры. Насъ волки заѣли! Недовольствуясь деревенскими собаками, хищники стали пожирать даже вооруженныхъ урядниковъ. Дѣло дошло до того, что въ литературѣ явился „волчій вопросъ“. Земскія собранія изыскиваютъ способы для обороны населенія отъ хищничества дикихъ звѣрей. *Московскія Вѣдомости* просятъ правительство послать войска на войну съ волками. Въ этихъ фак-

тахъ высказываются вся наша культурная немощь, убожество и безсиліе.

Лѣтомъ 1875 года, около Петрозаводска, на городскомъ выгонѣ, появился медвѣдь. Повидимому, случилось обстоятельство самое обыкновенное, потому-что въ окружающемъ городъ кустарникѣ постоянно бродятъ медвѣди, и на нихъ мало кто обращаетъ вниманіе. Но на этотъ разъ появился медвѣдь особенно злой и неуживчивый, который на весь городъ навелъ панику. Вездѣ только и разговоровъ было, что о медвѣдѣ. Сегодня разсказывали, что недобрый сосѣдъ задралъ буренку у такого-то обывателя, завтра онъ поранилъ телушку, послѣ завтра заѣлъ лошадь и т. д. Повсюду шли одни и тѣ-же разговоры, которые, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, разукрашивались городскою молвою. Страхъ дошелъ до того, что жители перестали выгонять скотъ на пастбище. Обычные прогулки за городомъ также прекращены изъ опасенія попасть въ лапы медвѣдя. Мирный и вѣчно скучающій отъ бездѣлья, Петрозаводскъ принялъ тревожный видъ осажденнаго города. Въ городской думѣ было назначено экстренное засѣданіе для обсужденія вопроса объ оборонѣ города отъ медвѣдя. На фонарныхъ столбахъ появились печатныя объявленія, что думою назначена премія въ 25 рублей тому, кто убьетъ медвѣдя. Кромѣ этой преміи, убившій медвѣдя могъ получить изъ уѣздной земской управы 10 рублей, да продать шкуру за 15 рублей, а всего получить за убійство медвѣдя не менѣе 50 рублей. И, несмотря на всѣ эти заманчивыя выгоды, нешлось смѣлаго человѣка, который-бы убилъ медвѣдя.

Волки также неоставляютъ въ покоѣ обитателей губернскаго города. Въ зимнія ночи, волки собираются

стаями на льду залива, на берегу котораго расположенъ Петрозаводскъ. Отвратительный волчій вой по вѣтру приносится въ городъ и невеселыми нотами рѣжетъ уши неуспѣвшихъ уснуть обывателей. Хищники, и въ одиночку, и цѣлыми стаями, забираются въ городъ охотиться на дворовыхъ собакъ. По городскимъ улицамъ они разгуливаютъ также свободно, какъ въ лѣсу, забираются во дворы, проникаютъ въ хлѣвы и сараи. Часто полупьяный, полусонный обыватель, поздно заполночь возвращающійся домой изъ клуба, въ испугѣ, видитъ, какъ мимо его проносятся одинъ, два, три, цѣлый десятокъ волковъ. А по утру, заплывшая жиромъ, жена разсказываетъ ему, какъ сосѣдка, мѣщанка Ничиха, убила топоромъ волка, застрявшаго въ изгороди изъ кольевъ, которою окруженъ дворъ.

Иногда волки совершаютъ свои увеселительныя прогулки по Петрозаводску съ дерзостью поразительною и почти невѣроятною. Напримѣръ, осенью 1871 года, въ 5 часовъ вечера, сторожъ при пушечномъ заводѣ, находящемся въ центрѣ города, увидѣлъ волка на кровлѣ сарая, на высотѣ двухъ саженей отъ земли. Испуганный сторожемъ, волкъ бросился къ сверлильному цеху и мордою перебилъ стекла въ окнахъ. Потомъ онъ ворвался въ литейный цехъ, во время самаго разгара работы. Волкъ нимало нерастерялся въ обществѣ рабочихъ, но преспокойно усѣлся подъ станкомъ. Рабочіе бросились на волка съ ковшами и ломами, и когда онъ выбѣжалъ изъ-подъ станка, то одинъ схватилъ хищника за хвостъ, а остальные забили его до смерти.

Если хищные звѣри неоставляютъ въ покоѣ жителей губернскаго города, то по деревнямъ отъ нихъ житья нѣтъ крестьянамъ. Медвѣди и волки разгуливаютъ среди ско-

та, безъ боязни ходить по задворкамъ на виду у жителей, а въ лѣсу нельзя шагу ступить безъ риска встрѣтиться глазъ на глазъ съ хищникомъ. Жалобы на множество дикихъ звѣрей слышатся отовсюду. Напримѣръ, лѣтомъ 1878 года, волки во множествѣ появились въ мѣстностяхъ по теченію рѣки Ивины, Петрозаводскаго уѣзда, и начали опустошительныя нападенія на крестьянскій скотъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, хищники были настолько дерзки и смѣлы, что бродили вокругъ полей, расположенныхъ у самыхъ селеній, и рѣзали скотъ на виду крестьянъ. Въ тоже время жители селеній, лежащихъ при рѣкѣ Свири, въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, жаловались на необыкновенную дерзость волковъ. Несмотря на то, что, въ лѣтнее время, деревни постоянно окружены народомъ, занимающимся полевыми работами, волки начали бродить за дворами селеній, то и дѣло попадались крестьянамъ, возвращавшимся съ работы, или ѣхавшимъ въ поле съ навозомъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей заканчиваетъ свои разсказы о хищничествѣ волковъ слѣдующимъ, безпадежно-грустнымъ заявленіемъ: „на долю волковъ выпала полная свобода, а жителямъ осталось одно упованіе на Бога".

Въ Кандушахъ, густо-населенной и богатой мѣстности въ Вытегорскомъ уѣздѣ, по словамъ корреспондента „Губернскихъ Вѣдомостей", въ 1879 году, развелось никогда небывалое множество дикихъ звѣрей, которые совсѣмъ перестали бояться человѣка. „Въ нашихъ небольшихъ, обрубленныхъ лѣсахъ,—писалъ онъ,—сверхъ чаянія, замѣчается увеличивающееся каждогодно число хищныхъ звѣрей—медвѣдей и волковъ. Особенно это стало замѣтно въ нынѣшнее лѣто. Непроходитъ почти ни одного дня, чтобы волки или медвѣди не зарѣ-

зали одной или двухъ животинъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Болѣе громадный убытокъ причиняютъ медвѣди. Они, отъ частыхъ кровавыхъ пирушекъ, до того сдѣлались безстрашными и назойливыми, что безцеремонно нападаютъ на скотъ среди дня, даже на глазахъ пастуховъ, которые, разумѣется, безсильны отогнать отъ стада этихъ страшныхъ враговъ, бродящихъ по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. Нерѣдко медвѣди встрѣчаются съ людьми на дорогахъ, близь полей, на нивахъ и пожняхъ. При этомъ они небѣгутъ отъ людей, какъ бывало прежде, и неизмѣняютъ своей спокойной, мѣшковатой походки. Напротивъ, встрѣтившись съ человѣкомъ, они бредутъ деликатною поступью, какъ бы желая упрекнуть встрѣчныхъ людей, что-де мы васъ небоимся, да и бояться нечего, коли вы несмѣете съ нами сразиться".

Нечаянная встрѣча въ лѣсу съ медвѣдемъ—дѣло самое обыкновенное. Крестьяне до того привыкли къ этимъ встрѣчамъ, что, иной разъ, позволяютъ себѣ обращаться съ лѣснымъ чудовищемъ, какъ будто съ безотвѣтнымъ теленкомъ. Конечно, подобная дерзость непроходитъ даромъ смѣльчакамъ, которымъ зачастую случается на своей кожѣ и костяхъ испытывать медвѣжью силу. Разъ, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, баба собирала въ лѣсу ягоды, и вдругъ предъ нею очутился медвѣдь. Храбрая баба пошла прямо на звѣря и ударила его лукошкомъ по мордѣ. Медвѣдь, въ свою очередь, опрокинулъ бабу на землю и отошелъ прочь. Но едва баба поднялась на ноги и начала собирать, высыпавшіяся изъ лукошка, ягоды, какъ медвѣдь опять подошелъ къ ней, обнялъ бабу, приподнялъ ее аршина на два отъ земли и съ такою силою ударилъ о дерево,

что у бабы переломилась нога. Послѣ этого баба, несмотря на жестокую боль, лежала смирно, пока медвѣдь нескрылся въ глубинѣ лѣса.

Другой подобный-же случай съ женщиною былъ въ 1877 году, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Баба отправилась на поскотину отыскивать лошадь и, на лѣсной тропинкѣ, нечаянно встрѣтила медвѣдя, который поднялся на заднія лапы и пошелъ прямо на бабу. Та ударила медвѣдя по головѣ, бывшею въ рукахъ, уздою. За такую дерзость медвѣдь оцарацалъ бабѣ лицо да руку и оставилъ ее только тогда, когда она упала на землю и притворилась мертвою.

Вообще, притвориться мертвымъ, затаивъ въ себѣ дыханіе, считается самымъ вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ медвѣдя. Напримѣръ, въ 1878 году, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ деревни, медвѣдь нечаянно напалъ на бабу, возвращавшуюся изъ лѣса съ ягодами. Онъ до тѣхъ поръ рвалъ на бабѣ одежду и царапалъ ее когтями, пока та незатаила въ себѣ дыханія. Считая бабу мертвой, медвѣдь оставилъ ее и спокойно ушелъ въ лѣсъ.

Въ народѣ ходитъ множество интересныхъ разсказовъ о нечаянныхъ встрѣчахъ людей съ медвѣдемъ. Иной разъ такія встрѣчи стоятъ человѣку жизни и очень часто оканчиваются убожествомъ на всю жизнь. Но, большею частію, медвѣдь, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, или равнодушно проходитъ мимо, или-же тѣшится безсиліемъ и страхомъ человѣка, ненанося ему серьезнаго вреда.

Про одного крестьянина разсказываютъ, что онъ съ дѣтьми, при встрѣчѣ съ медвѣдицею, залѣзъ на ель.

Медвѣдица нисдѣлала ему никакого вреда, но продержала на деревѣ цѣлыхъ шесть часовъ, неотходя отъ ели.

Другой крестьянинъ разсказываетъ, что разъ, идя на покосъ, онъ встрѣтилъ въ лѣсу медвѣдя. Звѣрь, загородивъ ему дорогу, преспокойно усѣлся на землѣ и сталъ чесаться, а самъ все неупускалъ изъ вида мужика. Впередъ, прямо на звѣря, идти нельзя, а едва мужикъ станетъ пятиться назадъ, то и медвѣдь идетъ въ догонку за нимъ. А пока мужикъ смирно и почтительно стоитъ передъ медвѣдемъ,—тотъ нѣжится, облизывается да почесывается. Въ такомъ положеніи мужикъ былъ вынужденъ простоять передъ медвѣдемъ четыре часа.

Вообще считается очень опаснымъ бѣжать отъ медвѣдя, когда онъ вздумаетъ потѣшиться надъ человѣкомъ. Для примѣра разскажу одинъ случай, бывшій въ Вытегорскомъ уѣздѣ, осенью 1876 года. Одинъ крестьянинъ, собирая въ лѣсу ягоды, наклонился къ землѣ и съ увлеченіемъ обрывалъ сочную, спѣлую бруснику. Вдругъ онъ почувствовалъ, что сзади что-то мягкое осторожно обняло его. Мужикъ быстро оглянулся назадъ и съ ужасомъ увидѣлъ передъ своимъ лицомъ морду медвѣдя. Лѣсной *хозяинъ*,—какъ выражаются крестьяне,—выпустилъ изъ объятій мужика, который въ тотъ же моментъ инстинктивно бросился бѣжать. Но медвѣдь недалъ пробѣжать мужику и пяти саженей, какъ догналъ его, схватилъ въ лапы и началъ качать то вверхъ, то внизъ. Натѣшившись въ волю живою игрушкой, звѣрь положилъ мужика на землю спиною кверху и началъ гладить его лапою по спинѣ. Когда медвѣдь, прекративъ шутки, скрылся въ лѣсу, то му-

жикъ насчиталъ на спинѣ 12 ранъ, оставшихся на всю жизнь слѣдамя медвѣжьей ласки.

Человѣку приходится терпѣть такъ много зла и вреда отъ хищныхъ звѣрей, такъ часто случается быть побѣжденнымъ въ отдѣльныхъ схваткахъ съ этими врагами и такъ губительны бываютъ для него внезапныя нападенія ихъ, что становится понятнымъ, почему человѣкъ, стоящій на низкой степени культурнаго развитія, подобно олонецкому крестьянину, приходитъ къ сознанію своего безсилія предъ звѣремъ и говоритъ о немъ съ почтительнымъ ужасомъ. Страхъ предъ хищнымъ звѣремъ такъ великъ, что Олончанинъ ни за что не назоветъ медвѣдя настоящимъ именемъ его, не скажетъ „медвѣдь“, но говоритъ „онъ“, или другимъ какимъ-нибудь оборотомъ обходитъ настоящее названіе звѣря. Если крестьянинъ говоритъ: „въ лѣсу *онъ* ходитъ“, то это значитъ, что въ лѣсу медвѣдь ходитъ. Спросите крестьянина: —кто такой *онъ*?—и вы снова получите неопредѣленный отвѣтъ: „*хозяинъ* ходитъ“. Сколько вы ни бейтесь, а не заставите крестьянина сказать „медвѣдь.“ Онъ скорѣе какъ-нибудь обиняками дастъ понять, что рѣчь идетъ о медвѣдѣ. Олончане говорятъ что поминать медвѣдя негодится, изъ опасенія, чтобы отъ этого не случилось *худо*. Такой страхъ предъ медвѣдемъ крестьянинъ чувствуетъ не только въ лѣсу или въ своей деревенской избѣ, нѣтъ—даже живущіе много лѣтъ въ городѣ, крестьяне перѣдко называютъ медвѣдя „медвѣдемъ“.

Для объясненія страха, испытываемаго человѣкомъ даже при одномъ имени медвѣдя, народъ придумалъ слѣдующую легенду о происхожденіи „лѣснаго хозяина“. Разсказываютъ, что, въ „досюльное“, старое вре-

мя, жилъ-былъ мужичишка—рваный кафтанишка. Жена его, злая, сварливая баба, вела надъ мужемъ большину. Жили они бѣдно и дожили до того, что весь хлѣбъ вышелъ и нечего стало ѣсть имъ. Жена выгнала мужичишку изъ дома, чтобы онъ шелъ, куда хочетъ, и принесъ хлѣба, откуда знаетъ. Мужичишка надѣлъ кафтанишку, обулъ лаптишки, взялъ за поясъ топоришко и пошелъ въ лѣсъ. Видитъ онъ въ лѣсу липъ-дерево и думаетъ: „семъ-ка срублю липъ-дерево, да стащу въ городъ,—авось, наживу денегъ на хлѣбъ“. Вынулъ мужичишка изъ-запояса топоришко, ударилъ имъ по липъ-дереву. А оно говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „не руби меня, мужичишка! придешь домой,—найдешь въ амбарѣ полный засѣкъ хлѣба“. Воротился мужичишка къ женѣ,—пошли вмѣстѣ въ амбаръ и видятъ тамъ столько хлѣба, что на весь годъ хватитъ. Долго-ли, коротко-ли послѣ этого прошло время, только баба опять гонитъ мужичишку:—„иди, куда хочешь, принеси денегъ, откуда знаешь.“ Опять мужичишка пошелъ въ лѣсъ и хочетъ рубить липъ-дерево. А оно говоритъ ему: „не руби меня, мужичишка! придешь домой,—найдешь большой сундукъ денегъ“. Пошелъ мужичишка домой и нашелъ въ избѣ полный сундукъ денегъ. Сталъ мужичишка жить богато, а жена его недовольна и все придумываетъ, чего-бы такого еще попросить у липъ-дерева. Захотѣлось бабѣ такого почета, чтобы ее съ мужемъ люди боялись больше, чѣмъ самого становаго. Видитъ мужичишка, что жена затѣваетъ пустое, но перечить ей не смѣетъ. Вотъ онъ обулся, одѣлся, пошелъ въ лѣсъ и разсказалъ липъ-дереву, чего женѣ захотѣлось. И говоритъ липъ-дерево мужику: „ступай домой,—будутъ тебя съ женою люди бояться“. Воротил-

ся мужикъ къ женѣ и только успѣлъ разсказать ей обѣщаніе липъ-дерева, какъ оба обратились въ медвѣдей. Отъ нихъ-то и расплодились по лѣсамъ медвѣди, и стали люди бояться ихъ больше, чѣмъ становаго и исправника.

Народное воззрѣніе на хищныхъ звѣрей весьма ясно выражено въ тѣхъ свойствахъ, какія приписываются имъ въ сильно распространенныхъ на сѣверѣ заговорахъ, въ такъ-называемыхъ „отпускахъ“, или „обходахъ для скота“. Всякаго хищнаго звѣря народъ называетъ „мудрымъ, хитрымъ“, и въ то-же время, „дикимъ, пакостнымъ“ (т.-е. дѣлающимъ пакость, вредъ человѣку). Въ частности, медвѣдь зовется „лютымъ“, а волкъ „рискучимъ звѣремъ, прокиднимъ, насылочнымъ пакостникомъ, перехожимъ волкомъ“. Въ этихъ лестныхъ эпитетахъ выражаются и злоба человѣка къ своему исконному врагу, и страхъ предъ его дикою, физическою мощью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе своей интеллектуальной немощи, вызывающее уваженіе къ „мудрости и хитрости“ звѣря. Народъ далекъ отъ гордаго признанія человѣка царемъ и властелиномъ вселенной. Онъ видитъ предъ глазами фактъ, что, несмотря на многовѣковую борьбу со звѣремъ, человѣкъ, въ образѣ русскаго мужика, далекъ еще отъ побѣды надъ безсловеснымъ врагомъ. На сѣверѣ медвѣдь и волкъ наносятъ людямъ больше вреда, чѣмъ человѣкъ имъ. Этотъ вредъ, выраженный въ денежной стоимости, равняется постоянной подати, которая ежегодно уплачивается человѣкомъ звѣрю, на самый малый конецъ, по 1 руб. 17 коп. съ двора, или по 40 коп. съ ревизской, платежной души. Мы разумѣемъ здѣсь убытокъ отъ истребленія скота.

Главное и самое дорогое имущество крестьянина со-

ставляетъ домашній, рабочій скотъ. Поэтому имущественная состоятельность крестьянскаго домохозяйства всегда опредѣляется количествомъ скота. Напримѣръ, если крестьянинъ задумалъ выдать дочь замужъ въ чужую деревню за незнакомаго человѣка, то непремѣнно ѣдетъ въ домъ его и осматриваетъ скотъ. Много скота,— значитъ семья достаточная, и отецъ съ радостью отдастъ въ нее дочь, а если мало скота, то можно-ли ожидать счастливаго замужества, сытой и довольной семейной жизни? Мало скота во дворѣ жениха, — это значитъ, что горе и нужда, безконечный и невыносимо-тяжелый трудъ безъ прибыли и радости ожидаютъ впереди невѣсту. Напротивъ того, полный дворъ скота составляетъ идеальное счастье крестьянской жизни, и бѣдный искатель богатыхъ невѣстъ очень часто поддѣваетъ на эту удочку простоватаго отца взрослой дѣвицы. Узнавши напередъ время, когда долженъ пріѣхать отецъ невѣсты для осмотра домашняго хозяйства жениха, плутоватый парень выпрашиваетъ у сосѣдей и ставитъ къ себѣ во дворъ чужихъ лошадей и коровъ. Отецъ невѣсты, обманутый этимъ признакомъ зажиточности и довольства, спѣшитъ обставить всѣми обычными формальностями сдѣлку о выдачѣ дочери замужъ, ударяетъ по рукамъ, мѣняется залогами съ родней жениха и пропиваетъ дочь. Онъ разсчитываетъ, что если много скота, то, значитъ, много рабочей силы и удобренія для полей, слѣдовательно, и земледѣльческое хозяйство ведется исправно и прибыльно. Мало того, у кого много скота, тотъ имѣетъ выгодные промыслы въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, ѣздитъ къ Бѣлому морю за сельдью, перевозитъ купеческіе товары, вывозитъ изъ лѣса бревна для лѣсопромышленника, тянетъ бичe-

вою суда по каналамъ; словомъ, такого человѣка не сѣкутъ за недоимки, у него водятся деньжонки про запасъ, а при смѣтливости и удачѣ, онъ легко можетъ скупать промысловый трудъ сосѣдей и попасть въ разрядъ сельскихъ богачей.

Отдѣльныя особи домашняго скота у крестьянъ называются *животинами* и *животами*, а вообще скотъ, въ собирательномъ смыслѣ, *животомъ*. „Мой милый животъ“,—съ нѣжною любовью говоритъ хозяинъ о скотѣ, напутствуя его заговоромъ при выгонѣ веспою на поскотину. И точно, скотъ до такой степени милъ и дорогъ крестьянину, что вся совокупность крестьянскаго имущества, все домохозяйство получило свое названіе отъ скота. Нашъ крестьянинъ зоветъ все свое имущество *животами*, подобно тому, какъ древній римлянинъ тоже перенесъ названіе скота на денежное имущество (*).

Такимъ образомъ, самъ крестьянинъ даетъ намъ указаніе, какимъ способомъ слѣдуетъ оцѣнивать имущественную состоятельность его. Нужно сосчитать и оцѣнить скотъ,—и получится оцѣнка крестьянскихъ животовъ, народнаго достатка. Къ сожалѣнію, статистика скотоводства ведется у насъ очень небрежно, такъ-что цифровымъ даннымъ слѣдуетъ придавать только болѣе или менѣе приблизительную вѣрность, а пользоваться ими можно развѣ на основаніи пословицы, что на безрыбьи и ракъ рыба. Впрочемъ, это недостатокъ общій почти для всей экономической статистики въ тѣхъ случаяхъ, когда она основана на показаніяхъ становыхъ приставовъ и волостныхъ правленій.

По послѣднимъ, извѣстнымъ намъ, даннымъ, число

скота въ Олонецкой губерніи распредѣлено по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Лошади. (1877 годъ)	Рогатый скотъ. (1875 годъ)	Овцы и свиньи. (1869 годъ)
Петрозаводскій . .	10.741	21,815	11,648
Олонецкій	6,143	14,345	12,783
Лодейнопольскій .	6,101	14,850	7,020
Вытегорскій . . .	7,422	15,864	14,687
Каргопольскій . .	14,215	30,690	30,382
Пудожскій. . . .	7,789	13,291	7,035
Новѣнецкій . . .	4,423	9,235	8,011
Итого. . .	56,834	120,090	91,566

Въ губерніи считается крестьянъ 119,406 ревизскихъ, податныхъ душъ мужескаго пола, а крестьянскихъ дворовъ 41,403. Допустимъ предположеніе самое выгодное для народнаго благосостоянія, что одному крестьянскому населенію принадлежитъ все показанное выше количество скота, хотя, въ дѣйствительности, нами показанъ скотъ, принадлежащій и городскому населенію, и сельскимъ жителямъ не крестьянскаго сословія—дворянамъ, духовенству и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сдѣлаемъ самую высокую оцѣнку скота, полагая въ одной цѣнѣ и совершенно взрослую скотину, и молодыхъ, малоцѣнныхъ жеребятъ, телятъ, ягнятъ и поросятъ: лошадей по 35 руб., рогатый скотъ по 15 руб., овецъ и свиней по 3 руб. При такихъ предположеніяхъ, стоимость скота по всей губерніи составляетъ 4.065,238 рублей. Изъ этой суммы приходится на каждый крестьянскій дворъ 98 руб. и на каждаго крестьянина, плательщика податей, 34 руб. Такъ опредѣляется имущественная состоятельность крестьянина, нарочно преувеличенная нами и въ то-же время чрезвычайно низкая, если принять

въ соображеніе, что, по свѣдѣніямъ за 1871 г., крестьянамъ приходится уплачивать ежегодно казенныхъ и земскихъ сборовъ 13 руб. 50 коп. съ двора, или 4 руб. 68 коп. съ души.

При недостаточномъ числѣ и громадномъ значеніи скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ни одно изъ бѣдствій, стоящихъ внѣ прямой зависимости отъ причинъ соціально-экономическихъ, неразоряетъ крестьянъ до такой степени, какъ хищничество дикаго звѣря. Самыя ужасныя эпизоотіи, повально истребляющія скотъ,—сибирская язва и чума,—легче отзываются на народномъ благосостояніи, чѣмъ опустошительные набѣги волковъ и медвѣдей. Заразная болѣзнь проходитъ полосою и, истребивъ громадное число скота, на болѣе или менѣе продолжительное время, прекращается, или ослабѣваетъ, давая крестьянамъ время оправиться и опять обзавестись скотомъ.

Рѣдко случаются такіе періоды несчастныхъ годовъ, когда эпизоотіи безъ перерыва смѣняютъ одна другую и дѣйствуютъ съ ужасною силою. Такъ было въ Олонецкой губерніи въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1861 году, сибирская язва истребила до 7,000 головъ крупнаго скота и затѣмъ прекратилась. На смѣну ей явилась чума рогатаго скота, отъ которой пало въ 1862 году 2,249, а въ 1863 году 674 гол. Едва окончилась чума, какъ опять появилась сибирская язва, истребившая, въ теченіе 1864 года, 4,118 лошадей и 1,319 коровъ. Потерять въ четыре года болѣе 15,000 головъ крупнаго скота—это, безспорно, ужасное бѣдствіе, и если-бы оно ежегодно повторялось въ одинаковомъ размѣрѣ, то полное разореніе земледѣльческаго населенія было-бы неминуемо. Къ счастію, эпизоотіи, повторяясь ежегодно,

дѣйствуютъ далеко не съ одинаковою силою и весьма рѣдко истребляютъ такую громадную массу скота, какъ указано выше. Въ послѣднее десятилѣтіе, 1870—1879 гг., падежъ скота непревышалъ 1,700 головъ въ самые несчастные годы, а въ счастливые годы недоходилъ даже до 200 головъ въ годъ.

Хищничество волковъ и медвѣдей тѣмъ и разорительно для крестьянъ, что оно совершается съ ежегодною правильностью. Дикій звѣрь незнаетъ ни жалости, ни пощады, недѣлаетъ перерывовъ и остановокъ въ борьбѣ съ человѣкомъ, недаетъ времени крестьянину отдохнуть и поправиться отъ хозяйственнаго разоренія. Притомъ-же убытокъ отъ хищничества звѣрей далеко превышаетъ убытокъ отъ эпизоотій въ самые несчастные годы послѣдняго десятилѣтія. Въ среднемъ выводѣ за шесть лѣтъ, волки и медвѣди ежегодно истребляютъ 1,853 штуки крупнаго скота и 3,438 мелкаго. Отдѣльно по годамъ, скотоистребленіе отъ хищничества волковъ и медвѣдей представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Лошади.	Коровы.	Мелкій скотъ.
1871	475	953	2,268
1872	472	1,012	2,639
1873	700	1,434	3,582
1876	479	1,394	3,554
1877	666	1,406	4,273
1878	577	1,276	4,313

Теперь оцѣнимъ на деньги убытокъ отъ скотоистребленія тѣмъ-же способомъ, какимъ воспользовались выше, при оцѣнкѣ стоимости всего наличнаго количества скота, т.-е. полагая лошадь въ 35 руб., корову въ 15 руб. и мелкій скотъ въ 3 руб. за штуку. Разница будетъ состоять въ томъ, что выше мы дѣлали оцѣнку

наивысшую, полагая въ одной цѣнѣ и взрослыхъ и молодыхъ особей, а теперь сдѣлаемъ оцѣнку низшую, такъ-какъ въ приведенной таблицѣ, въ числѣ лошадей и коровъ, показаны однѣ взрослыя особи, а жеребята и телята помѣщены, вмѣстѣ со свиньями и овцами, подъ именемъ мелкаго скота. При такой оцѣнкѣ оказывается, что ежегодный убытокъ населенія отъ истребленія скота звѣрями составляетъ 48.654 руб.; изъ этой суммы приходится на каждый дворъ 1 руб. 17 коп., а на каждаго плательщика податей 40 коп.

Скотоистребленіемъ далеко не ограничивается вредъ, наносимый звѣремъ крестьянскому хозяйству. Извѣстно, что медвѣдь большой охотникъ до овса и въ громадномъ количествѣ истребляетъ овсяные посѣвы. Онъ забирается даже въ поля, расположенныя близъ самыхъ деревень, чтобы полакомиться любимымъ кушаньемъ — овсомъ. Что-же касается овсяныхъ посѣвовъ въ лѣсу, на нивахъ, то рѣдкіе изъ нихъ уцѣлѣютъ отъ хищническихъ посѣщеній лѣснаго хозяина. Поэтому, во многихъ мѣстахъ, крестьяне совсѣмъ несѣютъ овса на лѣсныхъ подсѣкахъ, точно такъ же, какъ не оставляютъ на племя, но убиваютъ молодыхъ жеребятъ, чтобы ни овесъ, ни жеребята недостались звѣрю. По отзыву крестьянъ, убытокъ отъ истребленія медвѣдемъ овсяныхъ посѣвовъ весьма значителенъ; но, къ сожалѣнію, онъ неприведенъ въ точную извѣстность и потому непредставляется возможности опредѣлить цифрами все зло, которое наноситъ дикій звѣрь человѣку.

Дикій звѣрь какъ-бы понимаетъ, что человѣкъ силенъ только своею культурою. Поэтому звѣрь дѣлаетъ опустошительныя нападенія именно на культурныя пріобрѣтенія человѣка, истребляя его скотъ и посѣвы. Разо-

ряя человѣка, онъ обезсиливаетъ его, лишаетъ средствъ для успѣха въ борьбѣ съ его дикимъ врагомъ. Ничто иное, какъ нищета, дѣлаетъ человѣка безсильнымъ въ борьбѣ со звѣремъ, внушаетъ суевѣрный страхъ къ медвѣдю и заставляетъ сидѣть, сложа руки, въ то время, когда звѣрь разоряетъ человѣка своимъ хищничествомъ. У крестьянъ нѣтъ средствъ обзавестись ружьями, и потому громадное большинство населенія, будучи невооружено, неможетъ отважиться на борьбу съ хищниками. Даже пастухи, и тѣ рѣдко имѣютъ ружья. Крестьяне, промышляющіе охотою, имѣютъ только самыя дешевыя ружья, сдѣланныя въ мѣстныхъ кузницахъ, до такой степени дурныя, что удивляешься, какъ возможно дѣлать изъ нихъ какое-нибудь употребленіе. У крестьянъ сложилась слѣдующая, весьма характерная, поговорка о здѣшнихъ ружьяхъ: „стволъ со Щукина, ложе съ Лыкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, а забойникъ (шомполъ) дядя изъ полѣна сдѣлалъ“. Что можно сдѣлать противъ звѣря съ такимъ убогимъ самопаломъ, который, притомъ-же, составляетъ дорогую рѣдкость, не всѣмъ доступную?!...

Въ борьбѣ съ медвѣдемъ, кромѣ ружья, нужна еще хорошая собака. Крестьяне говорятъ, что оттого, именно, такъ рѣдко и мало убиваютъ медвѣдей, что нѣтъ собакъ, годныхъ для медвѣжьей охоты. Помощь собаки такъ высоко цѣнится, что мѣстные охотники пожалѣютъ 15—20 руб. за собаку, которая умѣетъ задерживать медвѣдя въ то время, когда онъ идетъ на человѣка. Но несмотря на такую высокую цѣну, совершенно недоступную для массы крестьянъ, охотникамъ весьма рѣдко удается отыскать хорошую собаку.

Будучи лишенъ необходимыхъ средствъ для успѣшной

борьбы, крестьянинъ можетъ наносить звѣрю только самый ничтожный вредъ въ отомщеніе за опустошительные набѣги его. Такъ, извѣстно, что, въ 1870 году, въ Олонецкой губерніи, было убито медвѣдей 103 и волковъ 121. Оцѣнивая медвѣжью шкуру въ 15 руб., а волчью въ 5 руб., оказывается, что отъ охоты на хищныхъ звѣрей получено населеніемъ 2,150 руб., тогда-какъ хищные звѣри ежегодно истребляютъ одного скота на 48,654 руб. Значитъ, на чьей-же сторонѣ остается перевѣсъ въ борьбѣ человѣка со звѣремъ?

По отзыву крестьянъ, хищничество дикихъ звѣрей съ теченіемъ времени нисколько неуменьшается, а, напротивъ, скотоистребленіе все-болѣе и болѣе увеличивается. Вмѣстѣ съ этимъ, слѣдовало-бы ожидать, что и человѣкъ усилитъ энергію въ борьбѣ со звѣремъ и будетъ истреблять большее число волковъ и медвѣдей. Однако, факты нетолько неподтверждаютъ такого предположенія, но говорятъ совсѣмъ противное. Въ 1809 году, въ Олонецкой губерніи, было убито медвѣдей 252 и волковъ 88, т.-е. тѣхъ и другихъ на 116 штукъ болѣе, чѣмъ въ 1870 году. Слѣдовательно, культурный человѣкъ въ борьбѣ со звѣремъ нетолько оказывается безусловно слабѣе своего дикаго противника, но, что всего грустнѣе, въ немъ замѣчается какъ-бы постепенный упадокъ силъ, тогда-какъ силы и энергія противника возростаютъ.

Упадокъ въ человѣкѣ энергіи, необходимой для борьбы со звѣремъ, это фактъ безспорный, давно подмѣченный крестьянами и земствомъ. Онъ послужилъ исходною точкою для весьма распространеннаго мѣропріятія, придуманнаго земствами и нѣкоторыми крестьянскими обществами для истребленія дикихъ звѣрей. Ду-

мають возбудить въ человѣкѣ энергію, разжигая въ немъ страсть къ наживѣ, и для этого назначаютъ денежныя премін за убитыхъ звѣрей. Спачала такая мѣра была придумана въ 1871 году вытегорскою земскою управою и доложена земскому собранію, которое, однако, несогласилось съ мнѣніемъ управы, а постановило только рекомендовать сельскимъ обществамъ, чтобы они устроивали общія облавы на звѣрей, нанимали хорошихъ пастуховъ и снабжали ихъ ружьями. Но крестьяне посмотрѣли на дѣло иначе. Напримѣръ, въ Коштугской волости крестьяне нашли мѣры, предложенныя земскимъ собраніемъ, совершенно безполезными, а, взамѣнъ того, постановили выдавать охотникамъ премін въ размѣрѣ 10 рублей за каждаго убитаго волка. Послѣ этого выдача премій за истребленіе волковъ и медвѣдей, мало-по-малу, была принята всѣми земствами Олонецкой губерніи. Премін выдаются различными земствами не въ одинаковомъ размѣрѣ. Величина ихъ колеблется въ предѣлахъ отъ 1 до 15 руб. за волка и отъ 1 руб. 50 коп. до 10 руб. за медвѣдя.

При всей своей распространенности, эта мѣра неоказала никакой существенной пользы въ видахъ истребленія дикихъ звѣрей. Дѣло въ томъ, что земскія премін попадаютъ въ руки скупщикамъ шкуръ, такъ называемымъ *обираламъ*, а не крестьянамъ-охотникамъ, которые, частію по незнанію, частію изъ опасенія хлопотъ, рѣдко обращаются въ земскія управы за полученіемъ премій. Притомъ-же премін, разжигая въ человѣкѣ низкую страсть къ наживѣ, безсильны возбудить благородную энергію и силу духа, необходимыя для опасной борьбы съ такимъ могучимъ противникомъ, какъ медвѣдь.

Главною-же причиною безуспѣшности, придуманной земствомъ, мѣры, считается нищета крестьянскаго населенія, непозволяющая даже записнымъ охотникамъ обзавестись мало-мальски порядочными ружьями, безъ которыхъ немыслимо истребленіе дикихъ звѣрей. Чтобы помочь этому горю, земство придумало снабжать крестьянъ по дешевой цѣнѣ хорошими ружьями. Но и эта мѣра потерпѣла полную неудачу, и добрыя намѣренія земства разбились въ прахъ опять о ту-же безъисходную, непоправимую нищету населенія. Въ 1876 году, каргопольское земство выписало изъ Тулы 20 ружей и стало продавать ихъ охотникамъ по 12 рублей за штуку съ продолжительною разсрочкою платежа денегъ. На первыхъ порахъ крестьяне разобрали до 15 ружей, но скоро увидѣли, что они совсѣмъ непригодны для нихъ. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ не въ состояніи имѣть одно ружье для охоты на бѣлку и лѣсную дичь, а другое для охоты на дикаго звѣря. Между тѣмъ, тульскія ружья негодятся для наиболѣе прибыльной охоты на бѣлку, потому-что портятъ шкурку, да и зарядъ обходится слишкомъ дорого, не менѣе 4 коп., тогда-какъ вся цѣна шкуры 8—13 коп. Крестьяне предпочли, по старому, пользоваться самодѣльными, прадѣдовскими винтовками, заряжаемыми одною дробиною, причемъ стоимость заряда не превышаетъ 1 коп. Вслѣдъ за каргопольскимъ и повѣнецкое земство, въ 1877 году, выписало нѣсколько штукъ бердановскихъ штуцеровъ, предполагая раздавать ихъ охотникамъ съ вычетомъ стоимости штуцеровъ изъ земскихъ премій за убитыхъ волковъ и медвѣдей. Но и при такихъ условіяхъ штуцера оказались совершенно недоступными нищему населенію, такъ-что земство было вынуждено, съ грѣхомъ пополамъ, распродать

ихъ мѣстнымъ чиновникамъ. Такимъ образомъ, всѣ мѣропріятія, придуманныя земствомъ для помощи крестьянамъ въ борьбѣ съ дикимъ звѣремъ, оказались совершенно безполезными.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть тѣ мѣры, до которыхъ крестьянинъ дошелъ своимъ умомъ, какія онъ самъ придумалъ для огражденія своего имущества отъ хищничества волковъ и медвѣдей. Понятное дѣло, что многаго нельзя и ожидать отъ крестьянина при томъ положеніи, въ какомъ находится у насъ народная масса. Развѣ нищій способенъ придумать что-нибудь путное? Гдѣ взять ему для этого досугъ? Откуда найдутся у него средства для осуществленія плановъ, если-бы даже и удалось что-нибудь придумать?...

Гдѣ нищета, тамъ невѣжество, умственная неподвижность, культурный застой. Нищій нетолько одѣтъ въ лоскутьяхъ старой, изношенной и давно брошенной одежды, но и носитъ въ головѣ старыя, давно брошенныя передовымъ человѣчествомъ, идеи. Да и вообще, вся жизнь, весь бытъ его есть, сохранившійся въ неприкосновенной цѣлости, остатокъ старины. Гдѣ культурное развитіе населенія пріостановилось на долгое время, будучи придавлено гнетомъ нищеты, тамъ древнія идеи и формы быта замираютъ въ живыхъ людяхъ. Онѣ съ несокрушимою прочностью остаются въ одномъ и томъ-же видѣ при смѣнѣ человѣческихъ поколѣній и какъ-бы застываютъ въ формѣ народныхъ повѣрій и обычаевъ. Проносятся вѣка, передовое человѣчество непрестанно прогрессируетъ, а старые обычаи и повѣрья управляютъ всѣмъ бытомъ нищаго населенія съ такою-же могучею, подавляющею силою, какъ бывало назадъ тому много вѣковъ. Они какъ будто окаменѣли въ головѣ кресть-

янина, будто опутали умъ его плотною сѣтью, непроницаемою для новыхъ идей. Крестьянинъ не въ силахъ разорвать эту сѣть, потому-что у него нѣтъ досуга пошевелить малоподвижными мозгами. Вѣчный, каторжный трудъ изъ-за куска хлѣба, вѣчная забота о пріобрѣтеніи рубля, который, какъ заколдованный, никогда не держится въ рукахъ, отнимаютъ у крестьянина все время, не позволяя отдаваться умственной работѣ. При такихъ условіяхъ повѣрье и обычай привольно живутъ въ крестьянской массѣ; ничто нетревожитъ ихъ, нигдѣ невстрѣчаютъ они силы, способной поколебать авторитетъ ихъ. Крестьянинъ — самый покорный и жалкій рабъ обычая и повѣрья, до того свыкшійся съ рабствомъ, что незадумывается платить обычаю постоянную дань дорогимъ, трудовымъ рублемъ.

— Здѣшній народъ темный,—разсказывалъ мнѣ сельскій священникъ, заброшенный судьбою въ дальнее, лѣсное захолустье.—Чѣмъ-бы придумать капканы да ловушки на волковъ, онъ думаетъ заговоромъ сохранить скотъ отъ звѣря. Въ силу заговора онъ вѣритъ такъ-же твердо, какъ въ старину отцы и дѣды его вѣрили. „Звѣрь,— говоритъ,—хитеръ. Кто не знаетъ *такого слова*, тотъ и изъ ружья неубьетъ звѣря, къ тому и въ капканъ непопадетъ онъ. Главная сила — нужно *слово* знать“. Крестьянинъ радъ отдать послѣднюю рубаху съ плечъ какому-нибудь обманщику, кто научитъ его слову. Сколько я ни старался разубѣдить крестьянъ въ пользѣ заговоровъ, никакого толку невышло. Разъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* былъ напечатанъ заговоръ для скота. Я прочиталъ его крестьянину, чтобы убѣдить въ нелѣпости заговоровъ. Гляжу, чрезъ нѣсколько дней, крестьяне то и дѣло ко мнѣ приходятъ. „Ты, — говорятъ, — слово

знаешь для скота, — спиши заговоръ". Я сталъ разъяснять нелѣпость заговора, а они и слушать нехотятъ. Наладили одно: „коли въ газетахъ напечатано, значитъ дѣло вѣрное". Наконецъ, вижу, народъ пересталъ холить ко мнѣ, я и успокоился. Думаю: „вѣрно, подумавши, познали нелѣпость суевѣрія". Что-же узнаю послѣ? Крестьяне ходили за нѣсколько верстъ къ волостному писарю и платили ему по полтинничку за списокъ заговора. Такимъ образомъ, почти вся волость обзавелась списками, и теперь хозяева наизусть знаютъ заговоръ.

Крестьяне убѣждены, что человѣкъ безсиленъ вести борьбу со звѣремъ безъ помощи посторонней, высшей силы, что ни искусствомъ, ни мужествомъ онъ не въ состояніи сохранить скотъ отъ истребленія хищными звѣрями, если непридутъ на помощь къ нему таинственныя, неземныя силы. Поэтому для охраны скота нуженъ такой человѣкъ, который-бы находился въ общеніи съ высшими силами, зналъ-бы таинственныя слова и обряды и, посредствомъ ихъ, умѣлъ снискать небесную помощь. Въ особенности все это требуется отъ пастуха, который иначе, по убѣжденію крестьянъ, неможетъ принести имъ никакой пользы. Чтобы быть пастухомъ, нужно многому научиться, многое узнать, — мало того, — нужно вести особенный образъ жизни, нетакой, какимъ всѣ мірскіе люди живутъ. Хорошій, знающій пастухъ долженъ жить, „какъ монахъ въ кельѣ". Онъ, подобно монаху, принимаетъ на себя добровольные обѣты, которые обязанъ точно исполнять во все время пастьбы скота, съ весны до осени. Обыкновенно, пастухи даютъ обѣты нѣсть молока, или ягодъ, или грибовъ, пенить вина, перазорять птичьихъ гнѣздъ,

переносить изъ лѣса домой ягодъ, утромъ и вечеромъ класть нѣсколько поклоновъ и т. п. Вся жизнь пастуха представляетъ собою нескончаемый рядъ мелочныхъ обрядностей, имѣющихъ таинственный смыслъ. Онъ носитъ при себѣ особеннымъ образомъ ножъ, огниво и пастушескій кошь; идетъ-ли дорогою,—недолженъ наступать на чужіе слѣды; встрѣтитъ-ли изгородь,—не смѣетъ войти въ нее, но непремѣнно долженъ перелѣзть черезъ нее. Кто знаетъ всѣ эти мелочные обряды и точно исполняетъ ихъ, тотъ пользуется у крестьянъ большимъ почетомъ, того хозяйки радушно принимаютъ на ночлегъ, вкусно и сытно кормятъ, покоютъ, ласкаютъ и ублажаютъ, какъ дорогаго гостя и нужнаго человѣка.

Знать всѣ обрядности, необходимыя при пастьбѣ скота,—наука далеко нелегкая, и не всѣ пастухи доходятъ до нея. Хорошихъ пастуховъ, въ совершенствѣ знающихъ свое дѣло, немного. Большинство-же довольствуется кое-какими обрывками пастушескихъ знаній, исполняетъ только такія обрядности, безъ знанія которыхъ, по убѣжденію крестьянъ, также немыслимо быть пастухомъ, какъ безъ знанія грамоты нельзя быть писаремъ. Въ числѣ такихъ, существенно необходимыхъ для пастуха, знаній первое мѣсто занимаетъ умѣнье сдѣлать *спускъ* скоту при первомъ выгонѣ въ поле. Безъ спуска лучше и невыгонять скотъ, потому-что иначе и звѣри, и гады, и повальныя болѣзни нападутъ на скотъ, и лихой человѣкъ испортятъ его. Если пастухъ неумѣетъ сдѣлать спускъ, то идетъ учиться къ знахарю, и какіябы деньги тотъ незапросилъ съ него за науку, отдаетъ безпрекословно. За списокъ необходимаго при спускѣ заговора, такъ называемаго *обхода*, или *отпуска* па-

стухи платятъ 3—5 рублей и дороже. Если у пастуха есть списокъ, но онъ непомнитъ наизустъ обхода, или, по безграмотству, неможетъ прочитать списокъ, то за одно прочтеніе списка платитъ 1 рубль 50 копѣекъ и 2 рубля.

Спускъ дѣлается ночью предъ выгономъ скота въ поле. Предварительно пастухъ долженъ у каждой коровы взять по клочку шерсти и завалять ее въ воскъ отъ пасхальной свѣчи. Кромѣ того, нужно по каждой коровѣ провести ножемъ, или гвоздемъ черту, вдоль позвоночнаго столба отъ ушей до хвоста, и, во все время пастьбы скота, неразставаться съ этимъ ножемъ, или гвоздемъ. Съ гвоздемъ и воскомъ при себѣ, съ образомъ въ рукѣ, пастухъ ночью три раза обходитъ вокругъ скота, волоча по землѣ топоръ и читая заговоръ. Потомъ онъ зарываетъ воскъ въ землю въ такое мѣсто, чтобы никто невидѣлъ и немогъ найти его. Если пастухъ добрый человѣкъ, то онъ зароетъ воскъ въ сырое мѣсто, и тогда коровы будутъ давать много молока, а лихой, или неумѣлый человѣкъ можетъ закопать воскъ въ сухое мѣсто, и коровы будутъ давать плохіе удои.

Дѣлая спускъ, пастухъ молитъ небесныя силы, чтобы вокругъ скота „стали тыны — золотой, желѣзный и мѣдный отъ востока и до запада, отъ земли и до небеси; черезъ этотъ тынъ никто-бы немогъ ни пройти, ни проѣхать, ни подрыться, ни поцкопаться—ни дикому звѣрю-желѣзному носу, ни медвѣдю и ни медвѣдицѣ черноухой, сѣрой, сѣдатой и дѣтямъ ихъ, ни волку и и волчихѣ и синимъ дѣтямъ ихъ, щепятамъ, ни нечистому духу, ни черному гаду, ни птицѣ летучей, ни дереву скрипучему“. Обращаясь съ мольбою къ Богу, пастухъ проситъ: „пошли, Господи, святаго Илію про-

рока на огненной колесницѣ съ громомъ и молніею, со стрѣлою съ кременною, что изстрѣлило-бы изъ моей поскотины всякаго звѣря. Пошли, Господи, злыхъ, лютыхъ, мелетинскихъ кобелей съ вострыми зубами, съ желѣзными когтями, чтобъ прогнали изъ моей поскотины черныхъ, дикихъ, разныхъ звѣрей, медвѣдей: подьте вы за синее Океанъ-море на дикій лѣсъ, тамъ вы ѣшьте зеленую траву, пейте болотную воду, ломайте и ворочайте пенье и колодье и выискивайте дикія каменья, а у меня, пастыря, въ моей поскотинѣ нѣтъ вамъ ни ѣды ни питья". Увѣренный въ божьемъ благоволеніи, онъ видитъ предъ собою святаго заступника: „около моего коровьяго стада, Власьева рода,—говоритъ онъ,—ѣздитъ Егорій храбрый со своимъ златымъ скипетромъ и со своимъ копьемъ, и убиваетъ и отгоняетъ всякаго звѣря". Богородицу проситъ пастухъ: „звѣрю казалось-бы стадо при травѣ травою, при водѣ водою, при деревѣ деревомъ, при камнѣ камнемъ, при ручьѣ ручьемъ, при рѣкѣ рѣкою, при морѣ моремъ".

По окончаніи отпуска, пастухъ дѣлаетъ новый заговоръ—на выгонъ скота изъ хлѣвовъ и на пригонъ домой съ поскотины. Онъ начинаетъ заговоръ картиною выгона, разсказывая, какъ пойдетъ „со своимъ скотомъ, со Власьевымъ родомъ, отъ своихъ атаманицъ и атамановъ, отъ своихъ хозяевъ и хозяекъ въ зелену дуброву, въ любиму поскотину изъ тѣхъ дворовъ каменныхъ". При этомъ онъ заговариваетъ скоть силою Божіею идти прямо путемъ-дорогою, пята за пятой, ходить по любимой поскотинѣ, ѣсть траву зеленую, пить воду ключевую и не отходить въ сторону отъ пастыря. А какъ солнце пойдетъ на закатъ,—продолжаетъ пастухъ,—стану я на сухое мѣсто и затрублю въ рогъ;

тогда-бы мой скотъ, Власьевъ родъ, скоплялся-бы ко мнѣ па рогъ отъ озеръ, и отъ мелкихъ рѣчекъ, и ручьевъ, и зыбучихъ болотъ, со всѣхъ сторонъ,—и пойду съ тѣмъ стадомъ я, куда мнѣ надобно".

Таковы отпуски пастушескіе, въ которые народъ вѣритъ, какъ въ могучую силу, способную сохранять скотъ отъ хищничества звѣрей. Но и кромѣ ихъ, каждый опытный и рачительный хозяинъ дѣлаетъ домашній, чисто семейный, отпускъ своей скотинѣ. Въ Егорьевъ день, предъ выгономъ скота въ поле, онъ встаетъ до зари, и, взявъ рогатину, которою былъ убитъ медвѣдь, трижды обводитъ ею вокругъ двора, а самъ причитаетъ: „стань тынъ желѣзный кругомъ двора и скота". Потомъ онъ кладетъ рогатину около воротъ и говоритъ: „покажися мой скотъ всякому звѣрю черному, и сѣрому, и рыскуну цпями, колодами, да каменьями отъ сего дня и во все лѣто до бѣлаго снѣга". Окончивъ заговоръ, хозяинъ идетъ къ образу св. Георгія, ставитъ предъ нимъ свѣчу и кладетъ поклоны. Между тѣмъ, хозяйка собираетъ на столъ обѣдъ, къ которому непремѣнно приготовлена свѣжая щука. Вся семья съ особеннымъ благоговѣніемъ обѣдаетъ, несмѣя ничего бросать со стола, особенно же кидать собакамъ кости. Послѣ обѣда столъ отодвигается, но остатки обѣда неубираются и никто несмѣетъ прикоснуться къ нимъ. Хозяинъ идетъ къ образу Георгія, молится со всею семьею, беретъ огарокъ свѣчи отъ образа и идетъ во дворъ, въ сопровожденіи семьи. Здѣсь онъ благословляетъ скотъ и выпускаетъ вонъ со двора, потомъ беретъ отъ воротъ рогатину и убираетъ въ дальнее мѣсто, гдѣ-бы никто немогъ тронуть ее до наступленія зимы. Во весь этотъ день недаютъ собакамъ костей и неподаютъ нищимъ милостыню.

Убѣжденіе, что неслабыя человѣческія силы, а одна только помощь высшихъ, неземныхъ силъ способна сохранить крестьянскій скотъ отъ истребленія дикимъ звѣремъ,—привело къ установленію всенародныхъ, общинныхъ молитвъ и празднествъ въ честь святыхъ, издавна признанныхъ покровителями скота. Въ Олонецкой губерніи покровителями скота преимущественно считаются: Медостъ,—какъ называютъ крестьяне св. Модеста,—Власій, отъ котораго коровы зовутся „Власьевымъ родомъ“, и въ особенности Илья пророкъ.

Чествованіе Ильи пророка распространено, главнымъ образомъ, въ „Каргопольщинѣ“, т.-е. въ Каргопольскомъ уѣздѣ и смежныхъ съ нимъ частяхъ Вытегорскаго и Пудожскаго уѣздовъ, которые, по этнографическому составу, представляютъ собою нераздѣльное цѣлое. Здѣсь Ильинъ день есть общій, народный праздникъ, а Илья пророкъ—патронъ Каргопольщины. Самый городъ Каргополь имѣетъ весьма древній гербъ, непонятный смыслъ котораго можетъ быть объясненъ только мѣстною легендою, имѣющею непосредственную связь съ празднованіемъ Ильина дня. Въ указѣ 1781 года сказано, что на каргопольскомъ гербѣ изображенъ „въ голубомъ полѣ, лежащій на дровахъ, баранъ“. Но, вѣроятно, за барана приняли, неискусно сдѣланное на старинныхъ гербахъ, изображеніе оленя, который, въ древнее время, ежегодно приносился каргополами въ жертву Ильѣ пророку.

Каргопольская легенда разсказываетъ, что, въ старое, незапамятное людямъ время, каждый годъ, въ Ильинъ день, прибѣгалъ олень. Міряне, привыкшіе къ появленію оленя, всегда ждали его въ Ильинъ день и, поймавъ, приносили въ жертву „Великому Пророку“, а

мясо съѣдали на общемъ, мірскомъ обѣдѣ. Однажды, къ общему удивленію, прибѣжали не одинъ, а два оленя. Между тѣмъ, народу на этотъ разъ собралось болѣе обыкновеннаго. Міряне пожадничали и закололи въ жертву обоихъ оленей, думая, что одного будетъ недостаточно на обѣдъ для всѣхъ собравшихся на праздникъ. Илья пророкъ прогнѣвался на таковое неуваженіе къ древнему обычаю и съ того времени пересталъ присылать жертвеннаго оленя. Другіе разсказываютъ, будто разъ олень почему-то замедлилъ прибѣжать на праздникъ. Міряне долго ждали его и, наконецъ, наскучивъ ждать, порѣшили принести въ жертву быка. Но едва быкъ былъ убитъ, какъ прибѣжалъ олень, и, видя, что онъ болѣе ненуженъ, убѣжалъ назадъ и съ того времени больше не являлся. Теперь каргополы каждый годъ приносятъ въ жертву Ильѣ пророку уже не оленей, но быковъ и барановъ.

Илья пророкъ считается въ Каргопольщинѣ покровителемъ скота, хранителемъ его отъ дикаго звѣря и всякихъ другихъ напастей, а Ильинъ день—великимъ праздникомъ, отъ котораго круглый годъ ведется счетъ времени. Еще въ Егорьевъ день, предъ выгономъ скота въ поле, хозяинъ говоритъ: „Илья пророкъ многомилостивъ! сохрани мою скотинку и проведи все лѣтушко здорово, а я завичаю (обѣщаю по обѣту) тебѣ овчину, или денегъ, или масла, или быка къ твоему дню великому“. Съ этого времени крестьянинъ перестаетъ смотрѣть на завочный скотъ, какъ на свое имущество, но считаетъ его какъ-бы собственностью Ильи пророка, назначенною для жертвеннаго празднества въ Ильинъ день.

Приготовленія къ празднику начинаются дня за три до

Ильи приготовленіемъ пива на „капунъ", т.-е. праздникъ, почему участвующіе въ пивоваренін называются „капунщиками".

Между тѣмъ, сельскія работы идутъ своимъ чередомъ, неостанавливаясь. Большинство населенія, въ это время, занято уборкою сѣна на дальнихъ пожняхъ, разбросанныхъ по лѣсамъ, куда, обыкновенно, отправляются раннимъ утромъ въ понедѣльникъ, а возвращаются по домамъ въ субботу вечеромъ. Но къ Ильину дню всѣ работы бросаются и народъ собирается по домамъ. Если Ильинъ день приходится скоромный, то капунъ бываетъ въ этотъ день, а если постный, то празднованіе начинается накапунѣ, въ скоромный день. Въ послѣднемъ случаѣ, народъ, возвратившись съ сѣнокосовъ, спѣшитъ вымыться въ баняхъ и потомъ идетъ въ церковь къ вечернѣ, послѣ которой варится и съѣдается жертвенное мясо. Если-же Ильинъ день скоромный, то въ этотъ день, раннимъ утромъ, хозяева приводятъ на погостъ къ церкви завичныхъ быковъ и барановъ. Иной разъ пригоняютъ скота больше, чѣмъ нужно для общаго, мірскаго обѣда. Напримѣръ, въ 1873 году въ сел. Шильдѣ, Вытегорскаго уѣзда, были пригнаты на Ильинскій капунъ 10 завичныхъ быковъ и 14 барановъ, тогда какъ для обѣда понадобились только 6 быковъ и бараны. Если оказывается излишекъ скота, то мечутъ жеребьи,—какіе быки должны быть убиты. Хозяинъ быка, на котораго палъ жеребій, беретъ благословеніе у священника, отрѣзываетъ у скотины кончикъ праваго уха и передаетъ его въ часовню старостѣ. При метаніи жеребьевъ хозяева завичнаго скота объявляютъ также священнику,—жертвуютъ ли они одно мясо безъ кожи, или всю скотину съ кожею. Если пожертвовано

одно мясо, то кожа съ убитой скотины возвращается хозяину. Въ противномъ-же случаѣ, кожа и не убитый скотъ продаются, а вырученныя деньги поступаютъ въ церковный доходъ.

Когда окончится метанье жеребьевъ,—начинается въ церкви заутреня и потомъ обѣдня. Между тѣмъ, при часовнѣ идутъ приготовленія къ мірскому обѣду. Назначенный для обѣда, скотъ тутъ-же убивается и распластывается на части. Правая задняя нога отдается церковному причту, голова идетъ нищимъ, а остальное мясо, большими кусками, отъ ½-хъ до 8-ми фунтовъ въ каждомъ, кладется въ изстари заведенные при часовняхъ на мірской счетъ чаны и здѣсь варится. Но, по древнему обычаю, куски мяса неопускаются на дно чана, а прикрѣпляются ивовыми прутьями по краямъ его. Пока одни варятъ мясо, другіе наскоро приготовляютъ столы изъ досокъ и на нихъ раскладываютъ куски вареваго мяса. Мясной наваръ, оставшійся въ чанахъ, отдается нищимъ.

По окончаніи обѣдни, весь народъ въ порядкѣ становится вокругъ столовъ съ вареным мясомъ. Изъ церкви выходитъ причтъ и священникъ читаетъ молитву „на освященіе мясъ“, кадитъ на столы, благословляетъ и кропитъ святою водою. Народъ бросается къ столамъ и быстро истребляетъ „благословленное Ильинское мясо“. При этомъ, въ иныхъ мѣстахъ, стараются вырвать другъ у друга кость отъ жертвеннаго быка, вѣря, что кто владѣетъ этою костью, тому будетъ заступникомъ и помощникомъ самъ Илья пророкъ, тотъ будетъ счастливъ на рыбной ловлѣ и на лѣсной охотѣ, добывая втройне противъ обыкновеннаго и рыбу, и звѣря, и лѣсную дичь.

Отъ обѣденныхъ столовъ священникъ идетъ освящать Ильинское пиво. Благословивъ каждую варю, онъ обязанъ попробовать ее, а за нимъ пробуютъ всѣ присутствующіе, сколько бы ихъ ни случилось. Послѣ этого пиво увозится на лугъ, гдѣ устроивается мірской обѣдъ для церковнаго причта и старосты. Женщины угощаютъ ихъ пирогами и рыбниками, а мужчины—пивомъ. Остатки мірскаго обѣда дѣлятся между причтомъ. Между тѣмъ, на томъ-же лугу идутъ праздничныя угощенія въ семейныхъ кружкахъ. Разстилаются на травѣ скатерти, раскладываются разнаго рода пироги, семья собирается въ кружокъ и хозяева приглашаютъ всѣхъ знакомыхъ присоединиться къ пирушкѣ. Много въ этотъ день истребляется пироговъ, а что касается пива, то его пьютъ сколько душѣ угодно,— иному и нехочется пить, а пьетъ черезъ силу. Да и какъ непить, когда около каждаго мужчины стоитъ ендова или бочепокъ, у каждой женщины въ рукахъ буракъ съ пивомъ. Охмѣлѣвшіе бражники затягиваютъ пѣсни и, если стоитъ ясная погода, то молодежъ живо составляетъ на лугу хороводъ и гуляетъ вплоть до темной ночи.

Въ первое воскресенье послѣ Ильина дня, въ Нименскомъ приходѣ, Каргопольскаго уѣзда, крестьяне празднуютъ въ честь Власія и Медоста, которые почитаются покровителями коровъ, „коровьими богами“. Въ этотъ день каждая хозяйка приноситъ къ обѣднѣ буракъ съ житною кашею, густо залитою коровьимъ масломъ. Бураки ставятся на церковной паперти и въ нихъ втыкаются зажженныя восковыя свѣчи. Послѣ обѣдни священникъ читаетъ молитву „надъ кашами“ и поетъ молебенъ Власію и Медосту, а женщины усердно молятся, чтобы „коровьи боги“ сохранили скотину отъ волковъ

и медвѣдей. Освященная каша дѣлится между нищими и церковнымъ причтомъ. При этомъ на долю священника иногда достаются цѣлые ушаты каши. Въ благодарность за кашу церковный причтъ устроиваетъ угощеніе для всѣхъ, кто принесъ ее въ церковь.

Есть еще особое религіозно-общественное празднество, гдѣ приносятся въ жертву исключительно бараны. Въ Лепшѣ, Каргопольскаго уѣзда, это празднество справляется въ день Рождества Богородицы. Заправителемъ праздника здѣсь является церковный староста. Онъ заранѣе собираетъ со всего прихода зерновой хлѣбъ на пиво, которое обязанъ сварить къ празднику для мірскаго угощенія. Между тѣмъ, наканунѣ праздника, хозяева приводятъ къ церкви завичныхъ, однолѣтнихъ барановъ, которые тутъ-же убиваются и распластываются на части. Шкуры продаются въ пользу церкви; голова, ноги, сердце, печень и легкія отдаются нищимъ; а остальныя части, въ день праздника, церковный староста варитъ въ большомъ мѣдномъ котлѣ, на берегу озера. Мясной наваръ отдается нищимъ, а мясо складывается въ ушаты, и церковный староста относитъ его къ самой церкви, гдѣ устроиваются столы для обѣда. По окончаніи обѣдни, священникъ благословляетъ мясо и садится за столъ вмѣстѣ съ причетниками и почетными прихожанами, а остальной народъ размѣщается около столовъ, стоя, и начинается общій, мірской обѣдъ, обильный и мясомъ, и пивомъ.

Такъ изъ глубокой, незапамятной старины окрѣпла и прочно живетъ въ народѣ вѣра, что единственное спасеніе отъ разорительнаго хищничества дикихъ звѣрей заключается въ таинственномъ *словѣ*, въ молитвѣ, обычныхъ празднествахъ и жертвахъ въ честь невидимыхъ

существъ, живущихъ въ небесныхъ областяхъ, откуда они самодержавно управляютъ міромъ. Проникнутый вѣрою въ могущество высшихъ, неземныхъ силъ, въ дѣйствительность, завѣщанныхъ отцами и дѣдами, средствъ снискать помощь этихъ силъ для огражденія скота отъ хищничества волковъ и медвѣдей,—крестьянинъ считаетъ высокомѣрною дерзостью даже подумать, чтобы человѣкъ съ его слабыми силами могъ отважиться на борьбу со звѣремъ, чтобы придуманныя человѣкомъ средства могли оказаться дѣйствительнѣе, чѣмъ небесная помощь. Да развѣ человѣкъ, какой-нибудь Ванька Фатьяновъ, можетъ своимъ умомъ и своими руками сохранить скотъ отъ звѣря, истребить или сдѣлаетъ безвредными волковъ и медвѣдей, когда самъ Илья Пророкъ, Егорій храбрый, Власій и Медостъ, несмотря на всѣ мольбы и жертвы, неограждаютъ крестьянина отъ истребленія скота звѣрями?

Разрушить въ народѣ, воспитанную вѣками, вѣру въ могущество неземныхъ силъ, истребить сознаніе безсилія человѣка предъ звѣремъ,—дѣло въ высшей степени трудное. И, однако, эта разрушительная работа уже началась въ крестьянской массѣ, и теперь въ вѣковой, народной вѣрѣ пробита брешь. Крестьянинъ, привыкшій къ мірскимъ молитвамъ, мірскимъ жертвамъ и праздникамъ, додумался, наконецъ, что община, міръ есть великая сила, которая на свой страхъ и своими средствами можетъ вступить въ борьбу со звѣремъ. И община организовалась для борьбы съ исконнымъ врагомъ культуры. Опытъ общинной борьбы, сдѣланный на небольшомъ пространствѣ, вполнѣ удался. Человѣкъ одержалъ полную побѣду надъ звѣремъ, и слава объ этой побѣдѣ далеко разнеслась по лѣснымъ деревнямъ и починкамъ.

Въ 1865 году случилось событіе, составляющее эпоху въ исторіи борьбы человѣка съ дикимъ звѣремъ на сѣверѣ. Крестьяне Сѣногубскаго сельскаго общества, выведенные изъ терпѣнія хищничествомъ волковъ, въ этомъ году, рѣшились своими силами раздѣлаться съ хищниками. Восемнадцать деревень, въ числѣ около 2,500 душъ обоего пола, поголовно возстали на волковъ, устроили общественную облаву и съ того времени каждый годъ повторяютъ ее, истребляя на своей землѣ дикихъ звѣрей.

Селенія Сѣногубскаго сельскаго общества расположены на Климецкомъ островѣ, находящемся не въ дальнемъ разстояніи отъ сѣверо-западныхъ береговъ Онежскаго озера въ предѣлахъ Петрозаводскаго уѣзда. Этотъ островъ, величиною около 30-ти верстъ въ длину и отъ 400 саженей до 10-ти верстъ въ ширину, занимаетъ пространство въ 48 квадратныхъ верстъ. На юго-западномъ берегу его находится небольшой Климецкій монастырь, основанный, въ началѣ XVI столѣтія, новгородцемъ, сыномъ посадника, который, бросивъ выгодную, но трудную и опасную торговлю бѣломорскою солью, постригся въ монахи и по смерти былъ причисленъ къ лику святыхъ подъ именемъ Іоны Климецкаго. Въ 15-ти верстахъ отъ монастыря, красиво расположенъ на западномъ берегу острова погостъ Сѣная Губа,—старинный общинный центръ крестьянскихъ поселеній Климецкаго острова. Къ нему изстари тянутъ, составляя одно сельское общество, восемнадцать деревень, разбросанныхъ по острову. Самый островъ принадлежитъ къ числу лучшихъ по плодородію почвы и наиболѣе воздѣланныхъ мѣстностей въ Олонецкой губерніи. Тучная, богатая почва, обыкновенно, даетъ уро-

жай ржи самъ 8—10. Благодаря счастливому положенію среди озера, здѣсь никогда небываетъ неурожаевъ ни отъ засухи, ни отъ раннихъ морозовъ. Обширные сѣнокосы даютъ прекрасное сѣно и позволяютъ крестьянамъ держать много скота. Одна бѣда—волки одолѣли крестьянъ! Зимою, по льду, они забираются на островъ и остаются здѣсь на лѣто душить крестьянскій скотъ.

Въ 1865 году, всѣ селенія Климецкаго острова соединились вмѣстѣ для общаго преслѣдованія волковъ и съ того времени успѣли выработать постоянныя, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ, правила, которыми руководствуются при ежегодно повторяемой мірской облавѣ. Обыкновенно весною они собираются на общій, мірской сходъ, гдѣ выбирается болѣе удобный день для облавы, непремѣнно въ маѣ. Здѣсь-же рѣшаютъ, сколько человѣкъ должны участвовать въ облавѣ, много-ли нужно *волкогоновъ*, которые должны шумомъ пугать и согнять волковъ въ одно мѣсто, и много-ли *насѣтниковъ*, на обязанности которыхъ лежитъ доставить сѣти и ловить ими волковъ. Затѣмъ производятся общественные выборы,—избираются и переписываются въ особый списокъ болѣе 100 насѣтниковъ, 9 сотенныхъ и 18 пятидесятниковъ, обязанныхъ наблюдать за волкогонами. О днѣ, назначенномъ для облавы, объявляется по деревнямъ съ тѣмъ, чтобы хозяева несмѣли выгонять скотъ изъ дворовъ, пока неокончится истребленіе волковъ, обыкновенно продолжающееся около двухъ дней.

Въ день, назначенный для облавы, раннимъ утромъ, всѣ волкогоны собираются въ деревнѣ Куршицы, самомъ сѣверномъ поселеніи Климецкаго острова. Сельскій староста по спискамъ повѣряетъ прибывшихъ и

раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ, у кого есть ружья, приказывая только пугать звѣря холостыми зарядами и отнюдь нестрѣлять дробью или пулями, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Затѣмъ волкогоны раздѣляются на 9 отрядовъ, которые бросаютъ между собою жеребьи для опредѣленія, по какой мѣстности острова каждый отрядъ долженъ идти при преслѣдованіи волковъ. Жеребьи означены нумерами отъ № 1-го до № 9-го и всѣ отряды, во время преслѣдованія, должны образовать изъ себя непрерывную цѣль, расположившись по порядку нумеровъ жеребья отъ востока къ западу. Староста напоминаетъ каждому отряду границы назначенной ему мѣстности и предостерегаетъ, чтобы, во избѣжаніе путаницы, никто несмѣлъ выходить изъ своихъ границъ и врываться въ границы сосѣдняго отряда. Для наблюденія за порядкомъ, начальство надъ каждымъ отрядомъ поручается, избраннымъ ранѣе на сходѣ, сотенному и двумъ пятидесятникамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, служится мірской, напутственный молебенъ, и волкогоны идутъ на сѣверный берегъ острова, откуда должно начаться преслѣдованіе волковъ.

На сѣверномъ берегу волкогоны становятся по своимъ мѣстамъ, какъ будто хорошо разученное и дисциплинированное войско. Каждый отрядъ въ своихъ границахъ растягивается цѣпью, сливаясь на границахъ съ сосѣдними отрядами, такъ-что всѣ они образуютъ одну непрерывную цѣпь волкогоновъ, разставленныхъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Раздается сигналъ, и вся цѣпь волкогоновъ разомъ поднимаетъ ужасный шумъ,—всѣ кричатъ, какъ можно громче, колотятъ трещетками, трубятъ въ трубы, стрѣляютъ изъ ружей, шумятъ кто во что горазлъ. И среди этой бе-

зобразной разноголосицы, подъ оглушительный шумъ этого дьявольскаго концерта вся цѣпь волкогоновъ въ порядкѣ выступаетъ въ путь. Порядокъ этого крестьянскаго похода примѣрный: ни одинъ волкогонъ незайдетъ въ границы сосѣдняго отряда, невыдвинется изъ цѣпи слишкомъ далеко впередъ, неотстанетъ назади, неперестаетъ держаться приблизительно равнаго разстоянія отъ своихъ сосѣдей. Сотенный и пятидесятники зорко смотрятъ за своимъ отрядомъ и, чуть замѣтятъ малѣйшее замѣшательство, тотчасъ прекращаютъ безпорядокъ, а главное, — то и дѣло напоминаютъ волкогонамъ, чтобы шумѣли, какъ можно громче.

Шумъ, поднятый волкогонами, пугаетъ волковъ и гонитъ ихъ въ глубину острова. Между тѣмъ, человѣческая цѣпь безостановочно и все въ одномъ и томъ-же порядкѣ подвигается впередъ и снова настигаетъ звѣря, скрывшагося въ какой-нибудь глухой трущобѣ. Волкъ опять пускается бѣжать отъ человѣка, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ крику, стуку и ружейнымъ выстрѣламъ и начинаетъ держаться не вдалекѣ отъ цѣпи. То тамъ, то здѣсь волкъ показывается на глаза волкогонамъ и по цѣпи проносятся оживленные крики: „волкъ, волкъ!“ Наступаетъ моментъ, самый опасный для успѣха облавы. Бѣда, если горячіе охотники увлекутся преслѣдованіемъ и, бросившись къ волку, разстроютъ порядокъ въ цѣпи. Тогда волкъ легко можетъ прорваться сквозь разорванную цѣпь, и волкогонамъ придется снова начинать преслѣдованіе. Для предупрежденія безпорядковъ начальники отрядовъ суетливо бѣгаютъ вдоль цѣпи, наблюдая, чтобы никто незабѣгалъ впередъ и всѣ держались на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Волкогоны, поощряемые приказа-

ніями сотенныхъ и пятидесятниковъ, поднимаютъ усиленный шумъ, и испуганный волкъ снова убѣгаетъ съ глазъ долой.

Когда цѣпь выходитъ на такъ-называемый „зимникъ“, т.-е. зимнюю дорогу, проложенную поперекъ острова, въ это время преслѣдованіе волковъ пріостанавливается. Шумъ смолкаетъ, утомленные волкогоны усаживаются вдоль дороги по своимъ мѣстамъ, и каждый принимается за принесенный изъ дома обѣдъ. За обѣдомъ слѣдуетъ небольшой отдыхъ, во время котораго староста раздаетъ пистоны и порохъ тѣмъ волкогонамъ, у которыхъ осталось мало прежде выданныхъ зарядовъ. Отдохнувъ, всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, съ шумомъ и гамомъ, отправляются въ дальнѣйшій путь. Теперь волкогонамъ осталось безостановочно пройти еще 13 верстъ до такъ-называемой „Волчьей смерти“. И что за трудный, что за утомительный путь предстоитъ имъ! Въ иномъ мѣстѣ нужно брести болотомъ по поясъ въ водѣ; тамъ приходится перелѣзать чрезъ груды валежника, здѣсь перескакивать съ кочки на кочку, въ другомъ мѣстѣ то и дѣло спотыкаться объ усѣянные по землѣ камни, или пробираться сквозь лѣсную чащу. Въ то-же время нужно смотрѣть по сторонамъ, чтобы не нарушить порядка въ цѣпи, и безъ перерыва и умолка должно кричать во все горло, колотить по деревьямъ и камнямъ, стучать чѣмъ ни попало, стрѣлять изъ ружей. И чѣмъ ближе подвигаются волкогоны къ „Волчьей смерти“, тѣмъ чаще и суетливѣе бѣгаютъ вдоль цѣпи сотенные и пятидесятники, приказывая, какъ можно больше, шумѣть, тѣмъ громче и задорнѣе становятся крики и чаще раздаются ружейные выстрѣлы. Здѣсь волкогонамъ нужно особенно постараться, чтобы про-

гнать всѣхъ волковъ чрезъ „Волчью смерть“, чтобы ни одинъ волкъ не могъ проскользнуть и вернуться назадъ.

„Волчьею смертью“ называется узкій перешеекъ шириною въ 400 саженей, раздѣляющій островъ на двѣ половины. Сюда къ полудню собираются болѣе 100 человѣкъ насѣтниковъ и скрываются въ засадѣ, поджидая прибытія волкогоновъ. Какъ скоро волкогоны прогонятъ всѣхъ волковъ чрезъ „Волчью смерть“ и сойдутся на перешейкѣ, насѣтники выходятъ изъ засады и смѣняютъ волкогоновъ въ преслѣдованіи звѣря. Теперь волкогоны уходятъ за пять верстъ въ Климецкій монастырь, гдѣ и остаются почевать. Между тѣмъ, насѣтники поспѣшно принимаются за работу, перегораживая перешеекъ въ иныхъ мѣстахъ частымъ частоколомъ, а большею частію, принесенными съ собою, рѣдкими и толстыми сѣтями, которыя разставляются въ два ряда. Окончивъ изгородь, они остаются около нея на всю ночь карауллить, чтобы какой-нибудь хитрый волкъ не могъ проскользнуть чрезъ частоколъ, или сѣти.

Волкогоны, переночевавъ въ Климецкомъ монастырѣ и отслуживъ поутру напутственный молебенъ, идутъ на южный конецъ острова. Здѣсь отряды разстанавливаются цѣпью въ такомъ-же точно порядкѣ, какъ было накапунѣ на сѣверномъ концѣ острова. Опять поднимаются шумъ, гамъ и стрѣльба изъ ружей, опять волкогоны въ строгомъ порядкѣ выступаютъ въ свой обычный походъ и гонятъ волковъ къ „Волчьей смерти“.

Между тѣмъ, насѣтники сидятъ около изгороди, спрятавшись въ засадѣ,—въ наскоро устроенныхъ шалашахъ. Они съ нетерпѣніемъ поджидаютъ, скоро-ли заслышится шумъ и трескъ, поднятый приближающимися къ нимъ волкогонами.

Издали начинаетъ доноситься глухой гулъ человѣческихъ голосовъ и звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Шумъ становится все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ приближенія волкогоновъ. Начинаютъ показываться и волки, но, встрѣтивъ изгородь, поворачиваютъ назадъ. Насѣтники приготовляютъ дубины и топоры, чтобы бить волковъ, но все еще смирно сидятъ въ засадѣ, поджидая своей очереди. Пока работаютъ, попрежнему, одни волкогоны, и притомъ теперь у нихъ идетъ самая трудная работа, требующая особеннаго вниманія и ловкости. Волки, встрѣтивъ изгородь изъ сѣтей и частокола въ „Волчьей смерти“, бѣгутъ назадъ и стараются проскользнуть сквозь цѣпь волкогоновъ. Теперь нужно смотрѣть въ оба глаза и шумомъ непропускать звѣря сквозь цѣпь, отгоняя его обратно къ изгороди.

Наконецъ, когда, волкогоны, смыкаясь все тѣснѣе и тѣснѣе другъ къ другу по мѣрѣ приближенія къ узкому перешейку, близко подойдутъ къ изгороди, тогда предъ глазами, засѣвшихъ по шалашамъ, насѣтниковъ открывается рѣдкая картина. Множество звѣрей сбѣгаются къ изгороди. Сотни зайцевъ проскакиваютъ сквозь рѣдкія сѣти и благополучно скрываются въ сѣверной половинѣ острова, непривлекая на себя вниманіе человѣка. Лисицы и волки то бѣгаютъ около изгороди, стараясь найти въ ней лазейку, то бѣгутъ назадъ, но, отогнанные волкогонами, опять возвращаются къ ужасному для нихъ мѣсту, къ „Волчьей смерти“. А волкогоны сомкнутою цѣпью уже подошли къ сѣтямъ, и звѣри, испуганные и оглушенные ужаснымъ шумомъ, безнадежно бросаются въ сѣти.

Наконецъ, насѣтники выскакиваютъ изъ засады и начинается дикая сцена убійства волковъ и лисицъ, запу-

тавшихся въ сѣтяхъ. Волкъ съ остервененіемъ защищается зубами, но сотни враговъ безъ устали осыпаютъ его ударами. Дубина и обухъ топора, словно цѣпы при молотьбѣ хлѣба, частыми ударами быстро выколачиваютъ жизнь изъ волчьяго тѣла, и скоро „Волчья смерть“ покрывается трупами волковъ и лисицъ. Тысячеголовая толпа волкогоновъ и пасѣтниковъ садится отдыхать на мѣстѣ побоища. Съ волчьихъ и лисьихъ труповъ тутъ-же сдираются шкуры и потомъ относятся въ Климецкій монастырь въ благодарность за ночлегъ и ужинъ, безплатно предложенный волкогонамъ.

Крестьяне съ радостью возвращаются по домамъ послѣ двухдневной утомительной облавы, если она окончилась благополучно и ни одинъ волкъ неушелъ отъ смерти. Но бѣда, если, по какой-нибудь оплошности, волкъ успѣлъ ускользнуть отъ крестьянъ,—тогда облава начинается снова. Сѣногубскіе крестьяне настойчивы; они неуспокоизаются до тѣхъ поръ, пока на островѣ неостанется ни одного волка.

Чего-же стоитъ крестьянамъ эта мірская облава? Если въ облавѣ участвуютъ 1,000 человѣкъ, то на борьбу со звѣремъ тратятся 2,000 рабочихъ дней, не считая времени, израсходованнаго на сельскій сходъ и другія приготовленія къ облавѣ. Денежная стоимость потраченнаго времени составляетъ не менѣе 1,000 рублей,— сумма, весьма почтенная для населенія въ 2,500 душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Понятно, что крестьяне горько жалуются, разсказывая, какъ дорого обходится имъ ежегодное истребленіе волковъ. Но прекратить мірскія облавы они недумаютъ. Нѣтъ, — они несогласны на это, совершенно вѣрно разсчитывая, что для каждаго изъ нихъ выгоднѣе потерять два рабочихъ

дня, чѣмъ все лѣто безпокоиться изъ-за волковъ и терпѣть отъ нихъ убытокъ.

Разсказы объ общественной облавѣ на Климецкомъ островѣ разошлись по всей Олонецкой губерніи, и вездѣ крестьяне пришли къ убѣжденію, что это есть единственное, радикальное средство избавиться отъ хищничества волковъ. Какъ только гдѣ-нибудь появится особенно много волковъ, — тамъ непремѣнно начинаются толки о мірской облавѣ на нихъ. Общественные порядки, заведенные на Климецкомъ островѣ, пришлись всѣмъ по душѣ, и всѣ были-бы рады перенять ихъ про свой обиходъ. Но какъ скоро отъ словъ приходится перейти къ дѣлу, тутъ снова выплываютъ наружу старыя сомнѣнія и неувѣренность въ своихъ силахъ. „Съ нашимъ-ли народомъ новые порядки заводить? — толкуютъ крестьяне въ отдѣльныхъ кружкахъ. — Мы согласны на облаву, а можетъ, кто другой нежелаетъ; легкое-ли дѣло все общество сговорить! Да поди знай, удастся-ли еще облава? Намъ она дѣло новое, можетъ, что и не такъ сдѣлаемъ. Авось Господь и безъ того помилуетъ". А между тѣмъ, и точно, — волкъ, „рискучій пакостникъ", переходитъ въ другое мѣсто, и толки о мірской облавѣ смолкаютъ, чтобы снова начаться тамъ, куда перекочевала стая хищниковъ.

Главное, что удерживаетъ крестьянъ отъ устройства общественной облавы, — это дороговизна ея. Сельскимъ обществамъ не по карману ежегодно тратить 2—3 рабочихъ дня на облаву. Другое дѣло, если-бы возможно было однажды навсегда сдѣлать такую затрату и затѣмъ на вѣки избавиться отъ хищничества волковъ. Тогда общества съ радостью пожертвовали бы даже цѣлую недѣлю труда на борьбу со звѣремъ. Но чтобы достигнуть

при этомъ благопріятнаго результата, всѣ сельскія общества должны устроить облаву въ одно и то-же время и по одному, заранѣе обдуманному и тщательно выработанному, плану. Иначе неминуемо повторится та-же самая исторія, какъ и на Климецкомъ островѣ: въ нынѣшнемъ году община истребитъ всѣхъ волковъ, а на будущій годъ изъ предѣловъ сосѣдней общины явятся новыя стаи хищниковъ. Во избѣжаніе этого, нужно, чтобы сельскія общества сговорились между собою, вошли въ соглашеніе, которое совершенно немыслимо въ настоящее время, при разрозненности общинъ и часто враждебныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. А, между тѣмъ, никакія премін за истребленіе волковъ, ни усиленная, не въ примѣръ теперешней, дѣятельность охотничьихъ обществъ, ни пресловутыя стрихнинныя пилюли, ни даже посылка воинскихъ командъ на войну съ волками,—словомъ, ничто не въ состояніи избавить насъ отъ хищническихъ нападеній дикаго звѣря, пока весь народъ поголовно не возстанетъ на враговъ человѣческой культуры. Одновременно и разумно организованная, повсемѣстная и поголовная облава, одна только можетъ привести къ окончательному истребленію волковъ, избавить народъ отъ постыдной дани звѣрю и водворить безопасность въ нашихъ стадахъ и хлѣвахъ.

Повсемѣстно устроить одновременную, поголовную облаву—дѣло весьма нелегкое, но и не такое, чтобы считать его трудною, неосуществимою мечтою. У насъ на глазахъ не мало подобнаго рода установленій, которыя до такой степени вошли въ наши привычки, что мы почти незамѣчаемъ ихъ. Припомнимъ, напримѣръ, празднованіе Святой недѣли, рождественскихъ святокъ, широкой масляницы. Въ это время вся страна одновремен-

но и поголовно празднуетъ, бражничаетъ, и цѣлыя недѣли пропадаютъ даромъ для производительнаго труда. Но, положимъ, что эти установленія, какъ весьма древнія и съ незапамятныхъ временъ вошедшія въ наши привычки, не должны быть принимаемы въ разсчетъ. Въ такомъ случаѣ, можно указать на установленный, въ 1874 году, одновременный повсемѣстный призывъ къ отправленію воинской повинности. Понятно, что такое дѣло по плечу только государству, которое одно можетъ сдѣлать облаву обязательною для всѣхъ повинностью и одновременно поднять весь народъ на борьбу со звѣремъ.

Скоро-ли дождемся мы такой благодати и удастся-ли намъ праздновать окончаніе, начавшейся въ доисторическія времена, борьбы человѣка со звѣремъ?

Увы, ходъ историческихъ событій совершается очень медленно. Цѣлыя тысячалѣтія потрачены человѣкомъ на борьбу съ волкомъ и медвѣдемъ, а медвѣдь, попрежнему, задираетъ скотъ и увѣчитъ людей, а дерзкій волкъ поѣдаетъ даже урядниковъ. Но, все-таки, близость побѣды надъ звѣремъ уже чувствуется какъ будто яснѣе. Человѣкъ понялъ, наконецъ, причину малоуспѣшности, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, разрозненной борьбы единичными силами. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что, для успѣха въ борьбѣ, для полной побѣды надъ звѣремъ, необходима общественная организація, охватывающая все населеніе извѣстной мѣстности. Опытъ борьбы организованною, общею силою вполнѣ удался, и эта удача, повидимому, можетъ служить надежнымъ ручательствомъ, что человѣкъ неостановится на небольшомъ опытѣ, но станетъ повторять его въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, пока, наконецъ, не исчезнутъ съ лица земли дикіе, хищные звѣри.

Глава одиннадцатая.

НАРОДНАЯ ШКОЛА И РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ.

Дѣлая наблюденія надъ народною жизнью на сѣверѣ, мы уже имѣли случай замѣтить, что въ крестьянской средѣ ясно обозначились два слоя — культурный и некультурный, сельскіе богачи и рабочая масса. Глубокая разница между этими слоями сказывается въ характеристическихъ особенностяхъ ихъ быта, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, интересахъ, нуждахъ, стремленіяхъ и т. д., словомъ, проявляется всюду, на какія-бы стороны народной жизни мы ни обратили вниманіе. Она же, эта разница, довольно ясно высказалась, между прочимъ, въ такомъ мирномъ и безобидномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе. Въ убогой сельской школѣ, среди ребятишекъ, букварей и прописей, столкнулись между собою самые живые и насущные интересы рабочей массы и сельскихъ богачей. Въ то-же время, здѣсь нужды, потребности, стремленія тѣхъ и другихъ перепутались до такой степени, что сами, непосредственно заинтересованныя, стороны не всегда ясно различаютъ черту, разграничивающую интересы ихъ. Тѣмъ болѣе постороннему наблюдателю трудно уловить смыслъ въ запутанныхъ отношеніяхъ работниковъ и сельскихъ богачей къ школѣ, понять истинные интересы тѣхъ и другихъ и уяснить себѣ тѣ обстоятельства, которыя какъ-бы загораживаютъ собою эти интересы и мѣшаютъ видѣть ихъ.

Немудрено, что въ народной школѣ столкнулись и

перепутались интересы, совершенно различные и часто противоположные одинъ другому. Школа и жизнь находятся въ самой тѣсной связи между собою, взаимно оказывая могущественное вліяніе другъ на друга, и потому интересы жизни, такъ или иначе, непремѣнно отражаются на школѣ. Жизнь, во всей совокупности многоразличныхъ проявленій ея, не только вырабатываетъ тотъ или другой типъ школы, но устанавливаетъ неодинаковыя отношенія къ ней различныхъ общественныхъ слоевъ, ускоряетъ, или замедляетъ успѣхи школы и т. д. Въ свою очередь, школа рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на жизнь. Это вліяніе школы до такой степени многостороннее, что неограничивается сферою умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, но обнимаетъ собою всѣ стороны человѣческой жизни, простираясь, между прочимъ, на экономическій и соціальный строй. Въ школѣ бьется жизненный пульсъ народа. Поэтому совершенно справедливо говорятъ, что кто владѣетъ школою, тотъ владѣетъ народомъ, у того въ рукахъ и настоящее и будущее народа.

Чтобы понять, какое значеніе имѣетъ рабочая жизнь для школы и обратно — школа въ рабочей жизни, для этого мы обратимся къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, людьми, которые близко стоятъ къ народу и отнюдь немогутъ быть заподозрѣны въ какихъ-либо предвзятыхъ тенденціяхъ. Факты, на которые мы будемъ ссылаться, подмѣчены сельскими священниками и дьяконами, волостными писарями, сельскими учителями и т. д. Для большей убѣдительности, мы, по возможности, будетъ приводить собственныя слова этихъ *простецовъ*. Замѣтимъ также, что всѣ эти наблюденія заимствованы изъ одного и того-же, вполнѣ на-

дежнаго, источника, изъ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, на которыя мы и будемъ дѣлать ссылки.

Всѣ наблюдатели сельской жизни почти единогласно утверждаютъ, что крестьянское рабочее населеніе безучастно, а отчасти даже враждебно относится къ народной школѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ ея существованія. Напротивъ, сельскіе богачи дѣятельно заботятся о распространеніи школьнаго образованія, своимъ вліяніемъ на крестьянъ стараются сломить ихъ противодѣйствіе школѣ и дѣлаютъ значительныя денежныя пожертвованія на школьныя нужды. Богачи настолько-же покровительствуютъ школѣ, насколько крестьяне противодѣйствуютъ ей. Всякаго рода начальство также находится на сторонѣ народной школы и въ пользу ея старается дѣйствовать на крестьянъ своимъ авторитетомъ.

Должностныя лица, непринадлежащія къ крестьянскимъ общинамъ, разнаго рода начальники, приходя въ соприкосновеніе съ безграмотнымъ населеніемъ, сами, для своего-же собственнаго удобства, чувствуютъ надобность въ открытіи школъ для крестьянъ. Напримѣръ, чиновникъ поставленъ въ большое затрудненіе отъ того, что на сходѣ нѣтъ грамотнаго человѣка, который-бы могъ подписаться къ общественному приговору. Точно также священникъ чувствуетъ себя какъ-то неловко среди невѣжественной паствы, гдѣ никто незнаетъ ни одной молитвы, и т. д. Понятное дѣло, что они, въ своихъ-же интересахъ, стараются всевозможными мѣрами побуждать крестьянъ къ открытію школъ. И это имъ удается, смотря по обстоятельствамъ, съ большими или меньшими усиліями.

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, въ одной изъ

среднихъ губерній, непремѣнному члену, отъ нечего дѣлать, пришла въ голову остроумная мысль сказать мужикамъ на сходѣ рѣчь о пользѣ высшихъ женскихъ курсовъ. Эта шалость недоросля изъ дворянъ окончилась тѣмъ, что крестьяне, уразумѣвъ въ рѣчи начальника требованіе денегъ, постановили сдѣлать подушный сборъ въ пользу „женскаго университета“. Непремѣнный членъ съ торжествомъ отправилъ мужицкіе гроши въ столь-же остроумную, какъ и самъ онъ, газету, которая по этому поводу дозволила себѣ новую шалость, усмотрѣвъ въ поступкѣ крестьянъ не невѣжество и забитость предъ начальствомъ, но будто-бы „сочувствіе высшему женскому образованію“.

Если и теперь крестьяне, послушные слову начальника, неостанавливаются даже предъ пожертвованіемъ кровныхъ грошей на высшіе женскіе курсы, то, понятное дѣло, что, лѣтъ 10 тому назадъ, мировому посреднику, облеченному обширною властью, ничего нестоило добиться составленія на сходѣ приговора объ открытіи школы. Такъ и дѣлалось сплошь да рядомъ. Вотъ, для примѣра, исторія открытія школы въ Шимозерѣ, весьма глухой мѣстности, населенной чудью и затерявшейся среди болотъ и лѣсовъ Лодейнопольскаго уѣзда.

„Первую мысль объ открытіи въ Шимозерѣ училища подалъ еще въ 1872 году бывшій мировой посредникъ А. Ѳ. Нееловъ. Заботясь о развитіи грамотности между крестьянами, онъ, въ бытность свою въ Шимозерскомъ волостномъ правленіи, на волостномъ сходѣ, предложилъ крестьянамъ открыть, на первый разъ, хотя одно училище во всей волости, разъяснивъ имъ пользу грамотности и необходимость ея, особенно въ такой дикой, чудской сторонѣ. Дѣйствительно, въ нѣко-

торыхъ обществахъ Шимозерской волости, населенной чудью, совсѣмъ нѣтъ грамотныхъ. Часто приходится видѣть, какъ крестьяне достаютъ грамотника для руко-прикладства за нѣсколько верстъ. Убѣжденные въ справедливости словъ мироваго посредника, крестьяне единогласно изъявили желаніе на открытіе училища въ селеніи Шимозерѣ и тутъ-же собрали на первоначальное его обзаведеніе по 10 копѣекъ съ души".

Мысль объ открытіи училища была у мироваго посредника благороднымъ порывомъ минуты. Онъ тотчасъ забылъ о школѣ, а крестьяне и подавно не хотѣли вспоминать о ней. Цѣлыхъ четыре года общественный приговоръ валялся въ волостномъ правленіи, пока неизвлекъ его оттуда другой добрый человѣкъ, случайно попавшій въ Шимозеро.

„Въ декабрѣ 1875 года, въ Шимозерскій приходъ опредѣленъ былъ новый священникъ. При первомъ посѣщеніи прихожанъ, онъ увидѣлъ сильное невѣжество какъ между дѣтьми, такъ и между родителями. Они не только неимѣли никакого понятія о грамотѣ, но даже незнали самыхъ необходимыхъ молитвъ". Священникъ настоялъ, чтобы былъ данъ законный ходъ общественному приговору. Онъ очень много хлопоталъ и, наконецъ, добился, что въ 1877 году земство открыло въ Шимозерѣ народную школу (1877 г., № 73).

Крестьяне не легко поддаются убѣжденіямъ объ открытіи школъ. Если нѣкоторые склоняются на эти убѣжденія, за-то другіе и слышать нехотятъ о школѣ. Тогда въ нѣдрахъ общества начинается борьба двухъ партій, и вотъ тутъ-то, обыкновенно, является вмѣшательство начальства, чтобы предоставить побѣду сторонникамъ школьнаго образованія.

Въ селеніи Мегрегѣ, Олонецкаго уѣзда, мысль объ открытіи школы настойчиво пропагандировалась между крестьянами мѣстнымъ священникомъ, но, несмотря на всѣ его старанія, дѣло подвигалось впередъ довольно туго. „Какъ всякое доброе дѣло встрѣчаетъ на пути своемъ препятствія, такъ и это дѣло встрѣтило препятствія со стороны крестьянъ. Изъ среды ихъ явились двоякаго рода враги. Одни говорили: непужно школы,— отъ нея нѣтъ никакой пользы; а другіе твердили: непужно ея, потому-что начальство потребуетъ большихъ издержекъ на устройство и поддержаніе школы. Однако, когда, въ августѣ 1875 года, затронутъ былъ вопросъ объ открытіи школы, благонамѣренные члены общества, руководимые волостными членами и мѣстнымъ священникомъ, непослушались своихъ невѣжественныхъ собратовъ, враговъ школы, и большинствомъ голосовъ составили приговоръ, которымъ просили олонецкое уѣздное земство открыть у нихъ школу, обѣщая помочь отъ себя, по силѣ своихъ средствъ". Земство охотно отпустило деньги на устройство и содержаніе школы, впрочемъ съ тѣмъ условіемъ, если и крестьяне примутъ участіе въ расходахъ. Теперь сторонникамъ школы предстояло самое трудное дѣло,—склонить крестьянъ къ денежному пожертвованію. Для этого былъ созванъ волостной сходъ и приглашено начальство, предъ лицомъ котораго должны были смолкнуть враги школы. „Для убѣжденія крестьянъ въ пользѣ учрежденія школы, прибыли въ собраніе—непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія А. Я. Колясниковъ и мѣстный священникъ Іоаннъ Благовѣщенскій. Пользуясь авторитетомъ въ глазахъ крестьянъ, они успѣли своими умными совѣтами преклонить и враговъ на сторону школы". Въ

результатѣ получился единогласный приговоръ о пожертвованіи, которое дало 69 рублей. „Пожертвованіе это довольно значительно, — замѣчаетъ мѣстный бытописатель, — если принять въ соображеніе ограниченное число душъ и крайнюю бѣдность общества“ (1876 г. № 24).

Привычка прибѣгать къ всемогущей помощи начальства до того сильна, что инспекторы народныхъ училищъ нестѣсняются обращаться въ волостныя правленія съ требованіемъ о понужденіи учениковъ къ аккуратному посѣщенію школы. Напримѣръ, въ отчетѣ о состояніи народныхъ училищъ, напечатанномъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ за 1876 годъ, мы находимъ слѣдующее замѣчаніе инспектора, сдѣланное имъ во время осмотра училищъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. „Архангельское двуклассное училище пока еще въ одноклассномъ составѣ и имѣетъ учащихся 30 человѣкъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 10 мальчиковъ. При осмотрѣ недоставало 12 учениковъ и, къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что такая неаккуратность въ посѣщеніи училища почти постоянная, на что г. инспекторъ обратилъ должное вниманіе мѣстнаго волостнаго начальства, и имъ приняты мѣры чрезъ постоянныя внушенія крестьянамъ почти на каждой мірской сходкѣ“.

Обращаясь къ исторіи школьнаго образованія въ Олонецкой губерніи, слѣдуетъ замѣтить, что долгое время распространеніе грамотности въ крестьянскомъ населеніи шло рука объ руку со старовѣрческимъ движеніемъ, во главѣ котораго стояли сельскіе богачи. Старовѣрческіе „мастера“ и „мастерицы“, обучавшіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, были родоначальниками народной шко-

лы. Но такъ-какъ они давали дѣтямъ одностороннее, религіозное образованіе, которое мало приносило практической пользы, поэтому грамотность распространялась въ народѣ довольно медленно. Къ тому-же, начиная со второй четверти нынѣшняго столѣтія, успѣхи грамотности были остановлены суровыми правительственными мѣропріятіями противъ старовѣровъ. Мастера и мастерицы были вынуждены закрыть свои школы и, если продолжали обученіе дѣтей, то не иначе, какъ подъ великимъ секретомъ. Вообще намъ приходилось не разъ слышать отъ старовѣровъ указаніе на упадокъ въ народѣ грамотности, какъ на прямое слѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій противъ раскола.

Открытыя въ шестидесятыхъ годахъ, по распоряженію духовнаго вѣдомства, такъ называемыя, *бумажныя*, или церковноприходскія школы мало подвинули впередъ дѣло народнаго образованія, потому-что, какъ извѣстно, существовали отчеты объ этихъ школахъ, но самыхъ школъ почти небыло. Только въ семидесятыхъ годахъ, наконецъ, земство дало рѣшительный и быстрый толчекъ дѣлу народнаго образованія. Земскія собранія стали ежегодно дѣлать значительныя ассигновки на открытіе новыхъ школъ, часто несправляясь даже о томъ, желаютъ-ли крестьяне устройства училища. Ощущаемый ранѣе, крайній недостатокъ учителей устраненъ открытіемъ учительской семинаріи. Содержаніе учителей увеличено вдвое и даже втрое. Школы постепенно снабжаются учебными пособіями, которыхъ ранѣе совсѣмъ небыло. Прежнія, весьма неудобныя помѣщенія въ наемныхъ домахъ замѣняются новыми постройками, приспособленными къ потребностямъ школы. Заботливость о распространеніи школьнаго образованія доходитъ до того, что, напри-

мѣръ, повѣнецкое земство, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, выдаетъ бѣднѣйшимъ ученикамъ народныхъ школъ по 20 фунтовъ муки въ мѣсяцъ, чтобы бѣдныя дѣти не отвлекались отъ школы прошеніемъ милостыни.

Въ земствѣ главными поборниками народной школы являются сельскіе богачи, земскіе гласные. Хотя земское дѣло вообще они ведутъ довольно плохо, но нужно отдать честь имъ,—въ вопросахъ о народномъ образованіи они стоятъ выше дворянъ, которые нестыдятся иной разъ протестовать противъ земскихъ затратъ на народную школу. Замѣчательно, что изъ всей Олонецкой губерніи дворянскій элементъ силенъ въ одномъ лодейнопольскомъ земствѣ, — и здѣсь-то школьное дѣло поставлено изъ рукъ вонъ плохо. Между тѣмъ, земскіе гласные изъ крестьянъ, отстаивающіе въ земскихъ собраніяхъ дѣло народнаго образованія, представляютъ собою едва-ли нехудшіе экземпляры сельскихъ богачей. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе ненормальныхъ условій, въ какія поставлены земскіе выборы въ Россіи, лучшіе люди стоятъ въ сторонѣ отъ земства. Впрочемъ, и, устранивъ себя отъ земства, сельскіе богачи, все-таки, служатъ дѣлу народной школы, иногда даже съ большею ревностью и пользою, чѣмъ земскіе гласные.

Разсказывая въ главѣ девятой о сельскихъ богачахъ, мы уже коснулись ихъ отношеній къ народной школѣ и представили болѣе выдающіеся примѣры заботливости богачей о распространеніи школьнаго образованія. Приведенные нами случаи выдаются изъ числа другихъ подобныхъ-же фактовъ только величиною сдѣланныхъ пожертвованій, но, по своему общему характеру, принадлежатъ къ числу заурядныхъ явленій. Вездѣ въ Олонецкой губерніи сельскіе богачи покровительствуютъ

народной школѣ, и во многихъ мѣстахъ училища могли быть открыты только при ихъ помощи. Напримѣръ, когда возникла мысль объ открытіи двукласснаго образцоваго училища въ селеніи Мятусовѣ, Олонецкаго уѣзда, то осуществленію этого дѣла много помогъ мѣстный богачъ Кулаковъ, уступивъ безплатно свой домъ на пять лѣтъ для помѣщенія школы (1874 г., № 33). Точно такъ-же въ селеніи Важинахъ, Олонецкаго уѣзда, ходатайство объ устройствѣ двукласснаго образцоваго училища было подкрѣплено пожертвованіями двухъ богачей. Изъ нихъ крестьянинъ Буравовъ пожертвовалъ 200 руб., а крестьянинъ Мирохинъ изъявилъ готовность безвозмездно доставлять, въ теченіе года, отопленіе и освѣщеніе для училища (1874 г., № 32). Земское училище въ селеніи Тудозерѣ, Вытегорскаго уѣзда, открыто при содѣйствіи богатаго крестьянина Киселева, который уступилъ на три года свой домъ подъ училище и обязался, въ теченіе трехъ лѣтъ, вносить по 50 руб. въ годъ на содержаніе школы (1874 г., № 91). Въ Векшельскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, земское училище открыто при помощи крестьянина Молосовкина. Дѣло въ томъ, что земство согласилось открыть здѣсь училище только въ такомъ случаѣ, если мѣстное общество дастъ отъ себя квартиру съ отопленіемъ и сторожемъ. Крестьяне наотрѣзъ отказали въ какомъ-бы то ни было пожертвованіи на училище, и оно могло быть открыто только благодаря Молосовкину, который безплатно уступилъ для помѣщенія школы свой домъ и согласился давать отопленіе (1877 г., № 11). Въ селеніи Архангелѣ, Каргопольскаго уѣзда, крестьяне относились къ грамотности весьма враждебно. Опытъ открытія церковно-приходской школы оказался совсѣмъ неудачнымъ. „Шко-

ла эта, какъ и слѣдовало ожидать, существовала недолго. Мальчики посѣщали школу крайне неаккуратно, а затѣмъ перестали и совсѣмъ ее посѣщать, такъ-что въ двѣ-три недѣли съ открытія школы она прекратила свое существованіе". Послѣ такого неудачнаго опыта земство рѣшилось прямо открыть здѣсь двуклассное образцовое училище. Но этого нельзя было сдѣлать безъ участія крестьянъ, которые такъ враждебно отнеслись къ школѣ. Наконецъ, удалось одолѣть и послѣднее препятствіе при помощи мѣстнаго мироваго судьи Андреева и трехъ богатыхъ крестьянъ — Каратаева, Лебедева и Лехова, которые уговорили остальныхъ крестьянъ посылать дѣтей въ училище, уступить десятину земли для училищнаго дома и вывезти изъ лѣса бревна для постройки школы. Министерство народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, согласилось отпустить деньги на постройку и первоначальное обзаведеніе училища, но съ тѣмъ, чтобы ремонтъ и страхованіе дома были приняты на мѣстныя средства. Этотъ расходъ, въ количествѣ 100 руб. ежегодно, принялъ на себя богатый крестьянинъ Леховъ и, такимъ образомъ, устранилъ послѣднее препятствіе, мѣшавшее открытію училища (1873 г., № 57).

Учитель земскаго училища въ селеніи Коштугахъ, Вытегорскаго уѣзда, г. Кьяндскій, напечаталъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (1873 г., № 11) очень интересный разсказъ о томъ, какъ сельскіе богачи сговорились между собою построить новый домъ для училища. Онъ вводитъ насъ въ интимный кружокъ богачей и показываетъ, какимъ образомъ зарождается у нихъ желаніе жертвовать въ пользу школы. Вотъ этотъ разсказъ во всей его забавной наивности и литературной неотесанности.

„25-го ноября 1872 года, въ день именинъ одного изъ попечителей здѣшняго земскаго мужскаго училища, П. Ѳ. Савушкина, собрались къ нему для поздравленія—мѣстный священникъ К. Кьяндскій и нѣкоторые изъ почетныхъ прихожанъ Коштугскаго прихода; между прочими былъ и я. Послѣ взаимнаго обмѣна разными новостями въ волости и уѣздѣ, одинъ изъ гостей, между прочимъ, разсказалъ о посѣщеніи въ нашемъ уѣздѣ губернаторомъ двукласснаго въ Кондушахъ и однокласснаго въ Девятинахъ, министерскихъ училищъ. Другой при этомъ спросилъ: скоро-ли-то насъ, въ нашемъ заглушьѣ, посѣтитъ начальникъ губерніи?“

— Насъ, можно надѣяться, начальникъ губерніи посѣтитъ тогда, — отвѣчалъ виновникъ бывшаго собранія, — когда мы въ надлежащемъ видѣ устроимъ свои училища—мужское и женское. У насъ теперь есть волостное правленіе, которое слѣдитъ за порядками въ обществѣ; есть земскій фельдшеръ, который, по возможности, предупреждаетъ случаи обращенія невѣжественныхъ крестьянъ въ болѣзняхъ къ знахарямъ и колдунамъ: есть и мужское училище, содержимое на счетъ земства; будетъ и женское училище, открытіе котораго предстоитъ завтра и для котораго мой родственникъ Я. П. Савушкинъ, жертвуетъ ежегодное жалованье наставницѣ не менѣе 50-ти руб., на помѣщеніе-же его о. Кириллъ уступаетъ лучшую комнату въ своемъ домѣ,— для женскаго училища помѣщеніе весьма удобное; но мужское училище помѣщается у насъ въ малоудобномъ домѣ дьячка. Вслѣдствіе этого, у меня, какъ вамъ извѣстно, было изъявлено желаніе построить училищный домъ еще въ прошломъ году, при выборѣ меня въ попечители училища, но, по независящимъ отъ меня об-

стоятельствамъ, въ прошедшемъ году я немогъ привести его въ исполненіе. Теперь-же у меня есть твердое намѣреніе, съ Божіею и вашею помощію, начать постройку новаго, болѣе удобнаго училища. Я уже просилъ сотрудника моего, волостнаго старшину, понудить крестьянъ вывезти лѣсъ, потребный на постройку училищнаго дома.

Волостной старшина, также бывшій въ числѣ гостей, изъявилъ полную готовность своимъ вліяніемъ и властью содѣйствовать этому доброму дѣлу. Начали потомъ разсчитывать, сколько будетъ потребно лѣсу. А священникъ на это сказалъ:

— Господа, я знаю продажный домъ, почти еще новый, который, если-бы былъ пріобрѣтенъ вами для училища, такъ былъ-бы у насъ второй въ приходѣ,—только отстоитъ отъ насъ за 25 верстъ. Цѣна-же его довольно умѣренная — 230 руб. Это домъ бывшаго священника въ Куштозерѣ.

— Да будетъ-ли способенъ?—сказалъ кто-то.

— Я знаю, господа, этотъ домъ,—отвѣчалъ крестьянинъ Я. П. Савушкинъ,—и что касается удобства его для училища, то тѣмъ развѣ только будетъ неудобенъ, что гораздо ужь хорошъ. О дальности-же разстоянія и перевозкѣ его разговаривать нестанемъ,—за это примемся не одинъ, да не двое, а вся волость,—а на покупку его я жертвую 100 руб., хоть сейчасъ.

— Сто рублей жертвую и я сейчасъ,—сказалъ попечитель П. Ѳ. Савушкинъ,—и отъ дальнѣйшаго участія въ постройкѣ неотказываюсь.

— Я тоже раньше изъявилъ желаніе участвовать въ постройкѣ училищнаго дома,—выразилъ церковный староста П. П. Савушкинъ,—а теперь объявляю, что на

моей обязанности будетъ кладка печей въ предполагаемомъ училищѣ.

— Я буду заботиться,—прибавилъ старшина,—о перевозкѣ дома, и съ своей стороны, жертвую 15 руб.

— А я беру на себя переписку о покупкѣ дома съ хозяиномъ его,—сказалъ священникъ.

— Примите и мою ленту, — добавилъ я, жертвуя два рубля.

Кромѣ того, пожертвовали еще 5 руб. почетныя женщины прихода. Такимъ образомъ, и въ нашихъ глухихъ Коштугахъ, гдѣ лѣсъ кругомъ на 25 верстъ, гдѣ еще не болѣе 15-ти лѣтъ назадъ почти половина прихода готова была обратиться въ расколъ, который нелюбитъ просвѣщенія,—состоялось такое дѣло, какъ пожертвованіе на училищный домъ".

Вообще нужно замѣтить, что имущественная состоятельность имѣетъ весьма большое значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. Самыми простыми и безхитростными наблюдателями сельской жизни подмѣчено, что чѣмъ выше имущественный достатокъ, тѣмъ болѣе обнаруживается склонность къ просвѣщенію. Зажиточные крестьяне болѣе интересуются школою, чѣмъ бѣдняки. Мысль объ открытіи училищъ обыкновенно возникаетъ въ средѣ болѣе состоятельныхъ крестьянъ и отъ нихъ уже передается бѣднякамъ. Словомъ, чѣмъ зажиточнѣе крестьяне, тѣмъ сильнѣе развита у нихъ потребность образованія и тѣмъ съ большею симпатіею они относятся къ народной школѣ. Такъ, напримѣръ, крестьяне селенія Ладвы, Петрозаводскаго уѣзда, „недовольствуясь земскимъ училищемъ, пожелали устроить въ своемъ селеніи двухклассное народное училище и, послѣ многихъ сужденій и разговоровъ между собою о пользѣ образованія и про-

свѣщенія науками новаго поколѣнія, въ 1873 году, рѣшились, сначала состоятельные и болѣе вліятельные въ обществѣ люди, а за ними и почти всѣ прочіе, просить правительство объ учрежденіи въ Ладвинскомъ обществѣ двукласснаго народнаго училища" (1874 года, № 60). Равнымъ образомъ, учитель Ильинскаго училища въ Олонецкомъ уѣздѣ, г. Миролюбовъ разсказываетъ, что, „съ началомъ ученья въ январѣ 1869 года, послѣ пожара училищнаго дома и послѣ праздниковъ, крестьяне ежедневно являлись въ домъ мѣстнаго священника и законоучителя о. Машезерскаго, гдѣ помѣстилось училище, вывѣдывали о судьбѣ училища, выражая опасеніе о томъ, чтобы нелишиться имъ онаго. Конечно, за этимъ слѣдили не всѣ и каждый, а болѣе зажиточные и особенно имѣющіе дѣтей или дома, или уже въ училищѣ" (1873 года, № 12). Учитель Падапскаго двукласснаго училища въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, тоже Миролюбовъ, говоря объ увеличеніи числа учащихся, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на малую распространенность школьнаго образованія въ крестьянской массѣ и поэтому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о составѣ учениковъ въ своей школѣ: „численность учащихся по классамъ болѣе прошлогодняго, хотя нельзя не сознаться, что ученики-дѣти все болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей" (1878 года, № 5).

Въ противоположность сельскимъ богачамъ, масса рядовыхъ крестьянъ относится къ школѣ съ полнымъ равнодушіемъ и невыражаетъ никакого желанія учить дѣтей грамотѣ. Напримѣръ, по словамъ утители Ругозерской сельской школы въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, г. Амасійскаго, „крестьяне смотрятъ на школу совершенно равнодушно, невыражая къ ней никакого сочув-

ствія“ (1878 г., № 15). Точно такъ-же учитель Падан-скаго училища въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, г. Миролюбовъ слѣдующими словами описываетъ отношенія къ школѣ мѣстныхъ крестьянъ. „Къ сожалѣнію, ихъ полудикій образъ жизни, борьба съ лишеніями и бѣдностью, край-нее невѣжество нескоро даютъ имъ понять всю важ-ность толковой грамотности. Въ нихъ незамѣчается, точно, ни отвращенія, ни ненависти къ обученію дѣтей и къ училищу, ни усердія и готовности быть на пользу и за училище. За-то въ средѣ ихъ есть немало ходалыхъ людей, которые сумѣли-бы разумно оцѣнить заслуги учи-лища и учителей, но прирожденная имъ самою приро-дою черствость, дикость нрава и затаенная ненависть ко всему новому и нововведеніямъ нетолько недозво-ляютъ имъ повліять однимъ словомъ на меньшихъ сво-ихъ собратовъ и тѣмъ дать обильный толчекъ училищу въ трудномъ дѣлѣ просвѣщенія корелъ, но, кажется, напротивъ, они едва удерживаютъ себя отъ порывовъ противъ училища“ (1876 г., № 83).

Недостатокъ сочувствія крестьянъ къ школѣ очень рѣзко бросается въ глаза и проявляется повсемѣстно въ весьма разнообразныхъ формахъ. Напримѣръ, въ селе-ніи Шунгѣ, Повѣнецкаго уѣзда, земство хотѣло устро-ить двуклассное образцовое училище, но крестьяне отка-зались отъ него, несогласившись уступить 1 десятину земли для школы. (1876 г., № 83). Въ Сампиномъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда, „священникъ всѣми си-лами старался убѣдить крестьянъ построить удобный и помѣстительный домъ для училища, но старанія его ос-тались безуспѣшны“ (1876 г., № 84). Въ селеніи Сойдѣ, Вытегорскаго уѣзда, по словамъ учителя Мак-ліонова, „школа, какъ *новое чудо*, принята несовсѣмъ

сочувственно" (1878 г., № 20). Въ селеніи Купецкомъ, Пудожскаго уѣзда, хотя открыто земское училище, но у крестьянъ „стремленія къ обученію дѣтей грамотѣ нѣтъ, по вкоренившемуся предразсудку видѣть въ дѣтяхъ одного только пахаря" (1872 г., № 8). Выше было указано, какъ мало оказали крестьяне сочувствія открытію училища въ селеніи Архангелѣ, Каргопольскаго уѣзда. Даже впослѣдствіи отношенія крестьянъ къ школѣ неизмѣнились. Въ періодъ времени съ 1873 по 1877 годъ, „сочувствія къ училищу въ мѣстномъ населеніи было мало, ученики ходили неаккуратно и даже невольно пробуждалась мысль,—къ чему такія затраты, когда никто нехочетъ и думать объ училищѣ" (1877 г., № 70). Даже оффиціальный отчетъ губернскаго статистическаго комитета пескрываетъ, что, при самомъ открытіи школы въ Архангелѣ, „крестьяне, между прочимъ, высказывали свою боязнь къ училищу тѣмъ, что дѣтей ихъ будутъ бить въ училищѣ, а потомъ забирать въ солдаты, а потому они не совсѣмъ охотно приводили дѣтей въ училище" (1874 г., № 57).

Въ крестьянскихъ толкахъ о школьномъ образованіи очень часто слышится полнѣйшее непониманіе практической пользы его, а иногда — весьма основательныя указанія на плохую постановку школьнаго дѣла, отчего школьныя занятія становятся пустою тратою времени. Обыкновенно крестьянинъ говоритъ, что „сколько ни учи отъ своего сына, а въ попы, все равно, непоставятъ" (1875 г., № 45). При томъ-же, основанныя духовенствомъ, церковно-приходскія школы весьма сильно дескредитировали школьное образованіе въ глазахъ народа. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Бадогахъ, Вытегорскаго уѣзда, по словамъ мѣстнаго бытописателя, „при-

ходская школа не расположила населенія къ грамотности". Учитель Ильинскаго училища въ Олонецкомъ уѣздѣ г. Миролюбовъ разсказываетъ, что, когда онъ поступилъ учителемъ, то „нашелъ, что крестьяне мѣстные сильно нерасположены къ училищу и посылаютъ въ школу только тѣхъ изъ дѣтей, коихъ не могутъ удержать дома для работъ, а дѣти сами урываются въ школу. Здѣсь можно было подумать, что дѣти завлечены школой; но, получивъ уже нѣкоторую опытность во время двухгодичнаго обученія дѣтей въ Острѣчинской сельской школѣ, Петрозаводскаго уѣзда, я началъ вывѣдывать у дѣтей, какъ у нихъ шло обученіе до меня. Догадки мои оправдались: оказалось, что дѣти по цѣлымъ лѣтнимъ днямъ съ весны занимались въ школѣ лишь шалостями, — равно тоже и зимой; а наставники изъ мѣстнаго причта неимѣли возможности правильно вести дѣло обученія, будучи заняты ежедневными требами по должности. Причина нерасположенности крестьянъ къ школѣ мнѣ открылось теперь ясно" (1873 г., № 12). Тоже самое высказываетъ и отчетъ каргопольскаго училищнаго совѣта о состояніи народныхъ училищъ, представленный уѣздному земскому собранію въ 1870 году. „Училища наши, — говорится въ отчетѣ, — съ самаго основанія ихъ и почти до настоящаго времени мало удовлетворяли тѣмъ потребностямъ, для которыхъ они открывались. Дѣйствительно, училища въ нашемъ уѣздѣ существуютъ довольно давно, но грамотныхъ у насъ очень мало; многіе учились и долго учились, а выходили изъ училища, едва умѣя читать и писать, и это небольшое знаніе они вскорѣ забывали, такъ-что изъ своего многолѣтняго ученія сохранили только умѣнье подписывать свое имя и фамилію, и то съ трудомъ.

Отъ этого у крестьянъ составилось объ училищахъ невыгодное понятіе. Конечно, при такомъ состояніи училищъ, они непривлекали къ себѣ населеніе, а болѣе отталкивали; потому-то у крестьянъ и неявилось желаніе оказывать какое-либо пособіе училищамъ, и даже многіе изъ нихъ считаютъ безполезнымъ отдавать своихъ дѣтей въ училища“ (1871 г., № 37).

Но самою главною причиною, почему крестьяне такъ мало расположены къ школѣ, служитъ чрезвычайная бѣдность сельскаго рабочаго населенія. Достатки нашего крестьянина такъ ничтожны, а жизнь его до такой степени вся поглощена безконечнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба, что онъ не въ силахъ ничего удѣлить на школу и не можетъ отпустить дѣтей въ училище безъ ущерба для своего нищенскаго хозяйства. Отъ бѣдности крестьяне нетолько отказываются дать отъ себя, хотя-бы самыя ничтожныя средства на открытіе училищъ, но недовѣрчиво и даже враждебно смотрятъ на училища, открываемыя на земскій счетъ, опясаясь, что послѣ отъ нихъ потребуютъ какихъ-либо расходовъ на школу. Такъ, учитель Миролюбовъ утверждаетъ, что въ селѣ Линдозерѣ, Повѣнецкаго уѣзда, крестьяне „непаходятъ истиннаго пути, пути просвѣщенія своихъ юношей-дѣтей, чему много препятствуетъ крайняя ихъ бѣдность“ (1873 г., № 5). Въ декабрѣ 1871 года, въ селеніи Шильдѣ, Вытегорскаго уѣзда, „предложено было обществу принять на свои средства наемъ училищной квартиры, но крестьяне не всѣ соглашались на это. Несоглашавшіеся упирались на то, главнымъ образомъ, что, если они примутъ на счетъ общества наемъ училищной квартиры, то ихъ принудятъ платить жалованье учителю, покупать книги и проч., т.-е. заставятъ ихъ содержать

училище. И какъ ни убѣждали ихъ, что ихъ мысли несправедливы,—ничто непомогло. „Не надо намъ школы,—кричали крестьяне,—у насъ и такъ много разныхъ натяжекъ и налоговъ, а тутъ еще училище содержи, жалованье учителю давай. Кому нужно учить, тотъ гдѣ-нибудь выучитъ“. Такъ говорило общество. Но были и благонамѣренные крестьяне, которые говорили дѣло, что нанять квартиру для правильно организованнаго училища для нихъ несоставитъ разсчета“. Дѣло кончилось тѣмъ, что, за отказомъ общества, квартира для училища была нанята на счетъ суммы, собранной по добровольной подпискѣ (1872 г., № 34).

Оффиціальный отчетъ о состояніи народныхъ училищъ въ Олонецкой губерніи за 1872 годъ прямо сознается, что „бѣдность крестьянъ служитъ важнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія“ (1873 г., № 46). Еще рѣшительнѣе та-же самая мысль высказана въ отчетѣ за 1870 годъ. „Сельскія общества, — говорится въ немъ, — за исключеніемъ двухъ обществъ Вытегорскаго уѣзда, еще ничѣмъ незаявили себя по устройству училищъ. Но это обстоятельство нельзя, впрочемъ, относить совершенно къ равнодушію крестьянъ къ учебному дѣлу. Крестьяне понимаютъ и сознаютъ необходимость и пользу грамотности, но, вслѣдствіе своей неразвитости и, главное, бѣдности своего экономическаго быта, какъ видно, не могутъ пока принять особеннаго участія въ устройствѣ школъ. Поэтому на приглашенія нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ принять участіе въ устройствѣ въ селахъ училищъ предоставленіемъ для того денежныхъ средствъ или помѣщеній, сельскія общества отвѣчали отказомъ, опираясь на свою бѣдность и боясь новыхъ налоговъ“ (1871 г., № 20).

Съ особенною подробностью останавливается учитель Падапскаго училища въ Новѣнецкомъ уѣздѣ, діаконъ Миролюбовъ, на вліяніи, какое оказываютъ на успѣхи школьнаго образованія въ рабочей средѣ бѣдность и разныя невзгоды въ крестьянскомъ быту. Глубокою симпатіею къ бѣдствіямъ работника проникнутъ его разсказъ о томъ, какой тяжелый, доводящій до полнаго изнеможенія, трудъ выпадаетъ на долю новѣнецкаго крестьянина, который почти все лѣто проводитъ вдали отъ жилья, въ лѣсу, работая на нивахъ и пожняхъ. Но бѣда, если случится неурожай. Тогда къ физическому страданію отъ изнурительнаго труда присоединяется еще нравственная мука, вызываемая сознаніемъ своей нищеты и безсилія бороться съ бѣдствіями голода. „Оставивъ ниву и серпы, бѣднякъ съ растерзаннымъ сердцемъ идетъ домой, чтобы пополнить истощившійся запасъ хлѣба. Но и тутъ для него новое горе: дѣти оравой высыпали на крыльцо съ жалобою, что они пемнѣютъ куска хлѣба и хата стоитъ нетоплена,—въ ней и грязь, и холодъ. Мечется бѣднякъ, то къ сосѣдямъ за хлѣбомъ, то въ лѣсъ за дровами, а вѣрнѣе—за хворостомъ. Но хлѣба у сосѣдей нѣтъ, а хворосту близко жилья невидать. Горе и нужда со всѣхъ сторонъ тѣснятъ несчастнаго, и онъ бѣжитъ къ мѣстному торгашу, чтобы вымолить у него пудъ муки, хотя-бы то на самыхъ жестокихъ условіяхъ, да приготовить хлѣбы съ помощію хвороста,—и опять бѣжитъ на ниву. Съ такими хлопотами едва кончаетъ здѣшній бѣднякъ-земледѣлецъ уборку хлѣба, изъ котораго лишь сотое зерно можетъ послужить ему въ пользу въ неурожайный годъ. Разбитый горькой работой, до глубины души огорченный неуспѣхомъ за свою неутомимую бдительность, онъ

сдѣлался еще мрачнѣе, суровѣе и даже золъ. Кто-бы ни попробовалъ говорить съ нимъ о чемъ-либо полезномъ въ жизни, онъ недовѣрчивъ теперь и даже необратитъ вниманія".

„Въ такомъ положеніи приходилось и приходится находить намъ мѣстнаго крестьянина, къ которому обращаемся съ совѣтами объ обученіи имъ дѣтей его. Попробуйте-же теперь доказать этому бѣдняку необходимость обученія дѣтей и пользу грамотности. Онъ рѣшительно безучастно относится къ убѣжденіямъ и совершенно некстати, или даже умышленно, начинаетъ жаловаться на свои невзгоды, прерывая совѣтъ. Всѣ попытки вселить въ него вѣру въ будущую помощь Божію и ожиданіе лучшаго и пользы, какую современемъ можетъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, доставить ему обученный его сынъ, теперь остаются безуспѣшны, а во многихъ, болѣе невѣжественныхъ, даже вызовутъ открытое презрѣніе и укоръ училищу за его полезное вліяніе на ихъ дѣтей, а чрезъ нихъ и на самыхъ родителей и домашнихъ, чего до неудачи неурожая неприводилось слышать, да едва-ли и гнѣздилось это въ груди крестьянина до настоящей, роковой минуты... А что всему начало? Неурожай, бѣдность. Вотъ, что заглушило окончательно въ бѣднякѣ-отцѣ всякое стремленіе къ доброму. Благодаря этому, несчастный мальчуганъ, сынъ его 12-ти или 13-ти лѣтъ, усердно и, какъ видно, съ большою пользою посѣщавшій училище въ прошлый годъ, въ теченіе осени, зимы и весны, теперь лишается училища, противъ воли, и безъ обуви, одежды и куска хлѣба, долженъ провести зиму недалѣе печи своей полухолодной, голодной хаты, выходя изъ нея поденно и обходя дворы сосѣдей съ воплемъ

о подачѣ милостыни. Что предпринять здѣсь сострадущему училищу, которое, въ лицѣ наставниковъ, скорбитъ о потерѣ, быть можетъ, умныхъ и усерднѣйшихъ учениковъ неменѣе, чѣмъ бѣднякъ-крестьянинъ о неудавшемся урожаѣ. Винить крестьянина въ небрежности, конечно, крайне стыдно, а просить его о высылкѣ голодныхъ, босыхъ и неодѣтыхъ имъ дѣтей въ училище—безразсудно. Голодъ не тетка! На голодныя кишечки непоются и стишечки" (1878 г., № 5).

Бѣдность непозволяетъ крестьянамъ дѣлать затраты на устройство приличныхъ домовъ для помѣщенія училищъ. Только дома, устроенные, въ послѣднее время, на счетъ земства, вполнѣ удобны и приспособлены къ потребностямъ школы. Остальныя сельскія училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ. Крестьяне стараются нанимать дома подъ училища, какъ можно дешевле, и оттого школьныя помѣщенія часто бываютъ такъ тѣсны, что, поневолѣ, приходится отказывать приходящимъ учиться дѣтямъ, за недостаткомъ мѣста въ школѣ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ своемъ отчетѣ о положеніи народныхъ школъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ за 1880 годъ жалуется, что „помѣщенія училищныя вообще малоудовлетворительны и достаются съ трудомъ. Крестьяне считаютъ большимъ налогомъ собрать отъ волости или общества 30 рублей въ годъ, а вслѣдствіе этого, стараются нанять квартиру подешевле, слѣдовательно и похуже" (1881 г., № 26). Эти дешевыя помѣщенія до такой степени плохи, что, по словамъ оффиціальнаго отчета за 1873 годъ, „въ Чернослободскомъ училищѣ учитель, по недостатку помѣщенія, отказалъ десяти лицамъ, желающимъ отдать своихъ дѣтей въ училище. Помѣщеніе Вытегорскаго училища низко и тѣсно, такъ-

что, при полномъ скопленіи учащихся, зимою, къ концу урока, стѣны и потолокъ до того дѣлаются сыры, что на нихъ собирается каплями вода". Тотъ-же отчетъ сообщаетъ, что въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ „земскія училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ неудобныхъ и тѣсныхъ; изъ церковно-приходскихъ Гежесельское, Шуручейское и Косельское—въ церковныхъ сторожкахъ: прочія—въ квартирахъ причта, а одно изъ нихъ Курвужское, по неимѣнію духовенствомъ своихъ домовъ и потому-что крестьяне отказываются дать постоянную квартиру, помѣщается понедѣльно въ домахъ крестьянъ, у которыхъ дѣти обучаются" (1874 г., № 61). Инспекторъ народныхъ училищъ г. Артемовъ въ отчетѣ о занятіяхъ съѣзда учителей и учительницъ сельскихъ земскихъ училищъ въ 1873 году сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія. „На помѣщенія училищъ необращалось никакого вниманія; вездѣ они тѣсны, несвѣтлы, для помѣщенія учащихся мало приспособлены. Такъ, Петрозаводскаго уѣзда, Великогубское училище постояннаго помѣщенія неимѣетъ. Зимой оно помѣщается въ избѣ крестьянина, темной и грязной, а лѣтомъ переводится въ тотъ домъ, гдѣ помѣщается волостное правленіе, которое свѣтло и просторно, но неимѣетъ печи (должно быть оно свѣтло и просторно, потому-что въ лѣтнее время посѣщаетъ классы весьма малое число учениковъ, а для склада классной мебели оно достачно просторно и удобно). Въ Сѣнной Губѣ подъ училище отведена одна комната въ крестьянской избѣ.—тѣснота и сырость нестерпимы, питейное заведеніе по сосѣдству. Въ Острѣчинахъ кухня хозяина дома и училище составляютъ одно помѣщеніе. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ помѣщеніи Рѣчно-Георгіевскаго училища зимою

бываетъ такой холодъ, что ученикамъ и учителю необходимо сидѣть въ шубахъ и теплыхъ сапогахъ" (1873 г., № 95).

Бѣдность крестьянъ такъ велика, что они часто не въ состояніи бываютъ снабжать своихъ дѣтей самыми необходимыми руководствами и учебными пособіями. Въ училищахъ, и особенно въ церковно-приходскихъ школахъ, также замѣтенъ большой недостатокъ пособій и даже такихъ дешевыхъ и самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, какъ чернила. Понятное дѣло, что чѣмъ скуднѣе снабжены дѣти учебными пособіями, тѣмъ труднѣе имъ учиться и слабѣе ихъ школьные успѣхи, такъ-что на долю бѣдности выпадаетъ наибольшая малоуспѣшность въ школѣ. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ положеніи находится Вырозерское церковно-приходское училище въ Петрозаводскомъ уѣздѣ. „Нѣсколько экземпляровъ церковно-гражданскихъ букварей, часослововъ и псалтырей, три гуттаперчевыхъ доски и столько-же грифелей, два карандаша и нѣсколько дестей бумаги писчей,—вотъ все имущество училища. О положеніи училища въ матеріальномъ отношеніи можно судить уже по одному тому, что въ немъ нѣтъ даже ученическихъ столовъ и скамеекъ, и ученики помѣщались за кухоннымъ столомъ и на скамьяхъ разныхъ формъ, принесенныхъ ими самими изъ домовъ своихъ родителей. Чернила въ этомъ училищѣ приготовляются по своеобразному, неизысканному способу. Сушеная ольховая кора и ржавелое желѣзо полагаются въ горшокъ, который наполняется хорошимъ квасомъ и поставляется въ топленую печку. Чрезъ сутки чернила готовы" (1873 г., № 32). Въ Мегорской школѣ, Вытегорскаго уѣзда, между причинами, препятствовавшими успѣшному обу-

ченію, на первомъ мѣстѣ поставленъ „недостатокъ необходимыхъ для учащихъ и учащихся книгъ и другихъ училищныхъ принадлежностей. Въ числѣ обучавшихся было много дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ. Родители и родственники этихъ дѣтей, по своей несостоятельности, нетолько немогли, при отдачѣ въ училище, снабжать ихъ ученическими принадлежностями, но съ трудомъ доставляли имъ хлѣбъ и нужную одежду“ (1875 г. № 19). Отчетъ инспектора народныхъ училищъ объ осмотрѣ имъ въ 1876 году школъ въ трехъ уѣздахъ, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе. „Что касается количества учебныхъ пособій, то ими небогаты нетолько школы, мало успѣвающія въ занятіяхъ, но и хорошо поставленныя въ учебномъ отношеніи. Въ особенности бѣдно снабжены ими всѣ церковно-приходскія училища, и этимъ объясняется малоуспѣшность въ нихъ учащихся. Есть нѣсколько школъ по всѣмъ тремъ уѣздамъ, въ которыхъ нетолько нѣтъ особыхъ библіотекъ, но ощущается недостатокъ учебныхъ руководствъ до такой степени, что ученики одного и того-же отдѣленія учатся читать по разнымъ книгамъ; кромѣ того, по всѣмъ училищамъ накопилось много такихъ книгъ, которыя, за ветхостью, немогутъ болѣе быть въ употребленіи“ (1876 г., № 65).

Зажиточные крестьяне, какъ мы видѣли выше, хорошо знаютъ цѣну школьнаго образованія, заботятся о постройкѣ школъ, посылаютъ своихъ дѣтей въ училища, снабжаютъ ихъ учебными пособіями, и вообще успѣли пріобрѣсти культурную потребность дать дѣтямъ образованіе въ школѣ. Имущественный достатокъ позволяетъ имъ довольно легко удовлетворять эту потребность. Совершенно въ другихъ условіяхъ находится большинство

крестьянъ, которые до такой степени придавлены гнетомъ безконечнаго труда и безисходной нужды, что считаютъ школу недоступною имъ роскошью. Дѣти такихъ крестьянъ едва успѣваютъ вступить въ школьный возрастъ, какъ становятся уже работниками, помощниками родителей по хозяйству. Отдать ихъ въ школу— значитъ оторвать отъ работы, нанести ущербъ своему, и безъ того убогому, хозяйству, да еще взвалить себѣ на плеча новый расходъ на содержаніе дѣтей въ училищѣ. При такихъ условіяхъ, иной и желалъ-бы отдать сына въ школу, да бѣдность непозволяетъ и подумать о такой роскоши. Другіе, хотя и посылаютъ дѣтей въ школу, но вынуждены то и дѣло отрывать ихъ отъ учебныхъ занятій, заставляя работать, то около дома, то въ полѣ, лѣсу и т. д. Такимъ образомъ, дѣти бѣдняковъ, поневолѣ, неаккуратно посѣщаютъ училище и оттого оказываютъ болѣе слабые успѣхи, чѣмъ дѣти богатыхъ крестьянъ.

Оффиціальные отчеты о ходѣ народнаго образованія въ Олонецкой губерніи наполнены жалобами, что ученики очень неаккуратно посѣщаютъ народныя школы, такъ-какъ, по бѣдности родителей, отвлекаются отъ ученья домашними работами. Такъ, въ отчетѣ инспектора объ осмотрѣ народныхъ школъ въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ за 1876 годъ сказано, что „бѣдность заставляетъ родителей отвлекать отъ ученія мальчиковъ съ десятилѣтняго возраста, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ производится заготовка лѣсопромышленниками бревенъ и дровъ; здѣсь всѣ дѣти этого возраста уже участвуютъ, вмѣстѣ съ отцами, въ вывозкѣ лѣса“ (1876 г., № 93). На то же самое отвлеченіе дѣтей отъ школы необходимостью по-

могать родителямъ въ работахъ указывается въ отчетѣ инспектора объ осмотрѣ школъ въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Лодейнопольскомъ уѣздахъ за 1876 годъ (1876 г., № 66) и въ отчетѣ о состояніи народныхъ училищъ за 1872 годъ (1873 г., № 41). На бывшемъ въ 1872 году съѣздѣ учителей и учительницъ земскихъ училищъ даже состоялось постановленіе, чтобы на время весеннихъ посѣвовъ давать дѣтямъ двухнедѣльный роспускъ, такъ-какъ въ это время весьма малое число учениковъ посѣщаетъ училище. Но съѣздъ 1873 года отмѣнилъ это постановленіе на томъ основаніи, что, во время весеннихъ посѣвовъ, непосѣщаютъ училища только подростки, которые помогаютъ уже своимъ родителямъ въ полевыхъ работахъ, дѣти-же младшаго возраста, физическое развитіе которыхъ непозволяетъ имъ участвовать въ этихъ работахъ, могутъ продолжать ученье въ школѣ (1873 г., № 95).

Уѣздные училищные совѣты также согласны въ томъ, что бѣдность побуждаетъ крестьянъ посылать дѣтей на работы, вмѣсто школьнаго ученья. Петрозаводскій училищный совѣтъ въ своемъ отчетѣ за 1869 годъ говоритъ, что въ сельскихъ училищахъ „то бѣдность родителей, заставляющая искать въ дѣтяхъ хотя малѣйшей помощи, то холодная погода, недозволяющая посѣщать классы, то, наконецъ, разбросанность деревень и отдаленность ихъ отъ приходской школы—служатъ главными причинами неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми классовъ. Въ деревняхъ лѣтомъ, начиная съ мая мѣсяца, мальчикъ 9 — 10-ти лѣтъ помогаетъ своему отцу въ полевыхъ работахъ, а осенью онъ до заморозковъ пасетъ домашній скотъ; остается только время съ ноября по май, но и въ этотъ періодъ постоянному хожденію въ

классы препятствуютъ сильные морозы, и потому самый большой приливъ дѣтей въ училища можно встрѣтить только въ теченіе великаго поста. Олонецкій и Лодейнопольскій уѣздные училищные совѣты въ своихъ отчетахъ за 1869 и 1870 года неисправное посѣщеніе учащимися училищъ объясняютъ бѣдностью сельскаго населенія и неудобствомъ сообщеній. По отчету Вытегорскаго училищнаго совѣта за 1869 годъ, непмѣніе теплой одежды и прочной обуви въ зимнее время есть одна изъ обыкновенныхъ причинъ непосѣщенія дѣтьми классовъ, а также и то, что многіе изъ учащихся поставлены въ необходимость помогать своимъ отцамъ въ вывозкѣ дровъ и бревенъ. Лѣтомъ, по случаю полевыхъ работъ, дѣти также непосѣщаютъ школъ. Въ Патровскомъ женскомъ училищѣ, по словамъ отчета, изъ 45-ти дѣвочекъ зимою 1869 года посѣщали, среднимъ числомъ, отъ 7-ми до 10-ти дѣвочекъ; наставница и мѣстный священникъ объяснили это ревизующему училище слѣдующимъ: „въ 1869 году былъ здѣсь значительный урожай льна; крестьяне, обносившіеся въ послѣдніе неурожайные годы, удерживали дѣтей дома для пряжи его“. По отзыву Повѣнецкаго училищнаго совѣта въ отчетахъ его за 1869 и 1870 годы, неаккуратное посѣщеніе училищъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ безпечности родителей-крестьянъ и отъ узкаго пониманія дѣла грамотности. По ихъ понятіямъ, ученіемъ можно заниматься только въ свободное время отъ другихъ занятій, какъ дѣломъ менѣе необходимымъ, чѣмъ обыкновенныя житейскія занятія“ (1872 г., № 7).

Въ одномъ письмѣ изъ селенія Бадогъ, Вытегорскаго уѣзда, довольно подробно развивается мысль, что здѣшніе крестьяне—„чистые бѣдняки, которымъ, если-бы они

и желали обучать своихъ дѣтей, домашнія работы недозволяютъ отпускать послѣднихъ". Авторъ письма говоритъ, что „бадожскому крестьянину мало того, чтобы только *пожелать* обучать своего сына или дочь, и они будутъ обучены. Кромѣ тѣхъ многихъ неблагопріятныхъ условій, которыя тормозятъ дѣло развитія въ средѣ крестьянъ грамотности, бадожанину становится поперекъ этого завѣтнаго желанія его неисходная нужда, ежегодными скотскими падежами, эпидеміями на людей и неурожаями, держащая его на одной ступени. Мальчика или дѣвочку нужно обуть, одѣть и, снабдивъ провизіей, помѣстить на квартиру въ селѣ, такъ-какъ ходить ежедневно изъ дома почти невозможно, за большими разстояніями между деревней и школой. А, между тѣмъ, и само-то семейство съ грѣхомъ пополамъ одѣвается и съ трудомъ пробивается черствымъ кускомъ, такъ-что содержать мальчика отдѣльно отъ семейства уже не всякому по силѣ. Кромѣ того, мальчикъ еще нуженъ отцу, какъ помощникъ при вывозѣ лѣса, почти исключительной въ зимнее время работѣ въ Бадогахъ. При всѣхъ этихъ неудобствахъ, однако-же, находятъ возможность освободить своихъ дѣтей отъ работъ и обучать. Даже есть нѣсколько примѣровъ, что бѣднякъ-отецъ, желая обучить своего единственнаго сына, отправляетъ его въ школу, а, вмѣсто него, нанимаетъ погонщикомъ другаго" (1873 года, № 18). Точно такъ же учитель Сойдинскаго училища въ Вытегорскомъ уѣздѣ, г. Макліоновъ, жалуется на крестьянъ, которые, „не цѣня вполнѣ школьнаго образованія, позволяютъ своимъ дѣтямъ отлучаться отъ занятій училища на лѣсные заработки и для отправленія домашняго хозяйства" (1878 года, № 20).

Учитель Ругозскаго училища въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, г. Амасійскій, подробно говоритъ о вліяніи, какое оказываетъ бѣдность жителей на успѣхъ школьнаго дѣла. Между прочимъ, онъ замѣчаетъ, что „число, пропущенныхъ всѣми учениками, учебныхъ дней доходитъ до 800 и больше въ годъ. Неаккуратность посѣщенія учениками школы объясняется тѣмъ, что въ здѣшней мѣстности для дѣтей есть работы во всякое время года: осенью дѣти плетутъ изъ конскихъ волосъ веревки для силковъ, которыми ловятъ птицу, зимою вяжутъ рыболовныя сѣти; весною и лѣтомъ помогаютъ въ полевыхъ работахъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что бо́льшая часть учащихся Ругозской школы малолѣтки. Дѣтей свыше десятилѣтняго возраста въ школѣ бываетъ весьма мало, и тѣ, по большей части, ходятъ въ школу неисправно; ученикъ свыше одиннадцати лѣтъ—въ школѣ уже исключеніе. При этомъ, достойно примѣчанія то обстоятельство, что ученикъ, неокончившій курса къ 11-ти годамъ своего возраста, менѣе всего надѣется окончить оный въ послѣдующее время, потому-что, ставъ помощникомъ въ семьѣ, начинаетъ посѣщать школу весьма неаккуратно. Отсюда ясно также видно, что ученики Ругозской школы учатся именно въ томъ возрастѣ, когда они менѣе всего способны воспринимать ученіе“ (1878 года, № 15).

Чтобы показать, до какой степени разнообразны дѣтскія работы, отвлекающія отъ посѣщенія школы, мы возьмемъ свѣдѣнія объ ученикахъ мужскаго и женскаго училищъ въ Мегорскомъ приходѣ, Вытегорскаго уѣзда. Въ мужскомъ училищѣ всѣхъ учениковъ было 41, но изъ нихъ явились къ экзамену только 17. Изъ остальныхъ 24 учениковъ 11 неявились по болѣзни, за не-

нѣтъ обуви и одежды и т. д., а 13 были заняты работами. Эти работы были слѣдующія: 1) Одинъ мальчикъ, 12 лѣтъ, выбылъ изъ училища послѣ пасхи, недоучившись. Отца у него небыло въ живыхъ. Два старшіе брата ушли на промыслы. Мать удержала его при домѣ для того, чтобы онъ помогалъ своей сестрѣ въ домашнихъ занятіяхъ и крестьянскихъ работахъ. 2) Одинъ, 10-ти лѣтъ, взятъ отцомъ на домашнія работы. 3) Семь учениковъ перестали ходить въ школу весною, послѣ пасхи, съ того времени, какъ открылась пашня; двое изъ нихъ (одному 11, а другому 7 лѣтъ) посылались родителями боронить поля, засѣянныя овсомъ, а пятеро пасти коровъ. 4) Двое (изъ нихъ одному 12, а другому 8 лѣтъ) перестали ходить въ школу, потому что исправляли въ домахъ родителей обязанности нянекъ, или, какъ выражались мальчуганы-ученики, „ребятъ пестуютъ“. 5) Одинъ (9 лѣтъ) стерегъ овецъ отъ волковъ. 6) Одинъ (6 лѣтъ) взятъ разстилать въ полѣ навозъ. Въ женскомъ училищѣ всѣхъ учениць было 20, но изъ нихъ явились къ экзамену только 10. Изъ остальныхъ 10 учениць четыре неявились по разнымъ, болѣе или менѣе уважительнымъ причинамъ, а шесть были заняты работами. Именно: 1) Двѣ пасли скотъ. 2) Двѣ, по бѣдности родителей, нанялись въ няньки, а одна присматривала въ собственномъ домѣ за маленькими братьями и сестрами. 3) Одна взята изъ училища, потому-что мать осталась одинокою въ домѣ съ двумя маленькими дѣтьми (1875 года, № 19).

Бѣдность сельскаго, рабочаго населенія доходитъ до такой послѣдней крайности, что крестьянинъ не въ состояніи дать дѣтямъ нетолько приличную одежду, но, хотя-бы какія-нибудь, лохмотья, лишь-бы только они

могли защищать отъ холода. Точно такъ-же нѣтъ и обуви у дѣтей, такъ-что зимою они немогутъ высунуть носа изъ избы. Понятное дѣло, что босыя и полунагія крестьянскія дѣти немогутъ посѣщать школу, въ которой ученье происходитъ зимою, во время сильныхъ холодовъ. Неимѣніе у дѣтей обуви и теплаго платья служитъ неодолимымъ препятствіемъ посѣщенію школы, въ особенности оттого, что въ Олонецкой губерніи селенія, большею частію, самыя малолюдныя,—въ 3—5, или много въ 10 дворовъ, и разбросаны среди сплошнаго лѣса, на дальнихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Дѣти, живущія вблизи школы, еще могутъ какъ-нибудь добраться до нея, неимѣя теплой одежды, но на болѣе дальнемъ разстояніи школа для такихъ дѣтей совершенно недоступна. Да и этого мало, что крестьяне не въ состояніи обуть и одѣть своихъ дѣтей,—часто бываетъ нечѣмъ и накормить ихъ. Бѣдность сельскаго работника доходитъ до такой ужасной степени, что онъ каждый день посылаетъ дѣтей, вмѣсто школы, подъ окна къ сосѣдямъ выпрашивать милостыню, Христа ради. Какъ-же возможно учиться въ школѣ при такой бѣдности! И, однако, дѣти учатся: босикомъ и безъ верхней одежды, а, все-таки, приходятъ въ школу; каждое утро собираютъ, Христа ради, кусочки хлѣба, а потомъ садятся за букварь.

Всѣ оффиціальные отчеты о состояніи народныхъ училищъ, такъ-же какъ и сообщенія частныхъ лицъ, наполнены жалобами, что крестьянскія дѣти, неимѣя обуви и теплой одежды и часто отвлекаясь прошеніемъ милостыни, или совсѣмъ немогутъ посѣщать школу, или-же посѣщаютъ ее крайне неаккуратно и оттого оказываютъ, сравнительно, мало успѣховъ. Эти жалобы до такой

степени многочисленны и однообразны, что мы перѣшаемся утомлять ими вниманіе читателей. Ограничиваемся однимъ только отчетомъ Олонецкаго общества для пособія бѣднымъ учащимся за 1877 годъ.

Этотъ любопытный отчетъ (1878 года, № 30) рисуетъ предъ нами слѣдующія, поразительныя картины нищеты въ средѣ учениковъ сельскихъ школъ. Въ Волосовскомъ училищѣ выдаются бѣдностью четыре мальчика, которые неимѣютъ ни пищи, ни одежды, и прежде, чѣмъ идти въ школу, каждый день собираютъ куски хлѣба. Въ Ядебскомъ училищѣ, по словамъ законоучителя, „два мальчика и одна дѣвочка не только неимѣютъ приличной верхней одежды, но даже крова и насущнаго куска хлѣба, и питаются почти исключительно именемъ Христа“. Въ Муромскомъ училищѣ три ученика каждый день собираютъ милостыню, четвертый ходитъ по міру не каждый день; у послѣдняго есть плохая одежда и обувь, а у трехъ первыхъ „почти никакой нѣтъ“. По отзыву учителя Почезерскаго училища, „большая часть мальчиковъ терпитъ нужду нетолько въ одеждѣ и обуви, но даже въ пищѣ; особенно бѣднѣйшіе изъ нихъ 10 человѣкъ, случается, не только неимѣютъ верхней одежды, но даже и обуви“. Въ Чернослободскомъ женскомъ училищѣ находятся пять ученицъ, которыя, неимѣя одежды и обуви, вовсе немогутъ посѣщать училище. Въ Пудожскомъ училищѣ, по словамъ учителя, „терпятъ голодъ и холодъ шесть мальчиковъ, которые нуждаются не только въ одеждѣ и обуви, но и въ пропитаніи, изъ-за собиранія котораго не рѣдко пропускаютъ уроки“. Въ Горскомъ училищѣ изъ 39 учениковъ 10 человѣкъ, по неимѣнію одежды и обуви, часто непосѣщаютъ училища. Въ Кенорѣцкомъ училищѣ 4 ученика терпятъ крайнюю

нужду. Объ одномъ изъ нихъ учитель пишетъ: „Андрей Перепелкинъ, 12 лѣтъ, круглый сирота, въ раннемъ младенчествѣ лишившійся родителей, котораго вскормилъ, вспоилъ православный міръ и который неимѣетъ никакихъ средствъ къ существованію; чтобы идти въ школу, онъ предварительно долженъ обойти деревню, собирать милостыню и этимъ хлѣбомъ прожить настоящій день. Бѣдный Перепелкинъ неимѣетъ ни теплой верхней одежды, ни мало-мальски здоровыхъ сапоговъ, ни бѣлья". Въ Падапскомъ училищѣ 19 учениковъ неимѣютъ ни хлѣба, ни одежды, въ школу ходятъ въ однѣхъ рубашкахъ изъ толстаго холста. Въ Ругозерскомъ училищѣ 13 учениковъ находятся въ бѣдственномъ положеніи, нуждаясь въ одеждѣ, обуви и даже въ пищѣ. Въ Водлозерскомъ училищѣ 7 учениковъ терпятъ нужду въ хлѣбѣ, одеждѣ и обуви; изъ нихъ пятеро каждый день собираютъ милостыню; въ зимнее время, въ мятели и морозы, они, полунагіе и полубосые, ходя по избамъ за сборомъ подаянія, часто схватываютъ простуду и, при всемъ усердіи къ ученью, не приходятъ въ школу. Положеніе бѣдныхъ дѣтей Семчезерскаго училища слѣдующее: „въ училищѣ находятся 7 мальчиковъ и 2 дѣвочки, которые весьма нуждаются въ пособіи. Мальчики неимѣютъ ни хлѣба (послѣ классовъ просятъ милостыню), ни порядочныхъ кафтановъ, ни сапоговъ, изъ которыхъ-бы неторчала солома; неимѣютъ ни сапоговъ, ни верхняго платья, также и дѣвочки, которыя приходятъ въ училище въ однѣхъ рубашкахъ и юбкахъ". Учитель Тихмангскаго училища разсказываетъ объ одномъ ученикѣ, 8-ми лѣтнемъ малюткѣ, что онъ, до поступленія въ училище, собиралъ подаяніе и ночевалъ, гдѣ заставала ночь. Съ поступленіемъ въ школу, ученики снаб-

жаютъ его хлѣбомъ, а ночуетъ онъ у родственниковъ. Неимѣя теплаго платья, съ наступленіемъ холодовъ, онъ простудился.

Всѣ эти факты представляютъ собою только наиболѣе картинные примѣры нищеты учениковъ въ сельскихъ школахъ. Чтобы неутомлять читателей, мы умалчиваетъ объ остальной массѣ фактовъ, собранныхъ въ отчетѣ олонецкаго общества для пособія бѣднымъ учащимся. Въ немъ приведенъ длинный и сухой перечень училищъ, съ означеніемъ числа учениковъ, которые „питаются милостынею“, или „бѣдны и жалки“, или „терпятъ нужду въ одеждѣ, обуви и дневномъ пропитаніи“. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ читатель самъ пойметъ, какой ужасный смыслъ заключается въ этихъ сухихъ отмѣткахъ.

До сихъ поръ мы наблюдали экономическія условія рабочей жизни, оказывающія вліяніе на народную школу. Въ тѣсной связи и даже зависимости отъ этихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій находятся и семейный бытъ, и складъ нравственныхъ понятій, и степень умственнаго развитія сельскаго рабочаго населенія. Бѣдность угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на душевныя силы человѣка. Она убиваетъ въ немъ энергію и подавляетъ чувство свободы и самостоятельности. Бѣдность побуждаетъ человѣка ограничивать свои потребности до послѣдней крайности, пріучаетъ его довольствоваться тѣмъ, что необходимо для одного поддержанія жизни, и, такимъ образомъ, убиваетъ стремленіе къ прогрессу. Она обрекаетъ человѣка на постоянный физическій трудъ, который изнуряетъ силы и неоставляетъ времени подумать о чемъ-бы то ни было, кромѣ все одной и той-же на цѣлую жизнь работы да вѣчной заботы о

кусѣ хлѣба на завтрашній день. Отсюда умственныя силы его глохнутъ въ бездѣйствіи, языкъ заключаетъ въ себѣ весьма ограниченное число словъ, а въ головѣ хранится лишь скудный запасъ понятій. Въ этомъ отношеніи нашъ крестьянинъ недалеко ушелъ впередъ отъ какого-нибудь дикаря. Дикость и неразвитость рабочей среды, въ свою очередь, неостаются безъ вліянія на успѣхъ школьнаго образованія. Крестьянскія дѣти изъ домашней среды выносятъ такъ мало словъ и понятій и до такой степени непривычны къ быстрому и правильному мышленію, что школьный учитель, одновременно съ обученіемъ грамотѣ, долженъ развивать въ нихъ мышленіе, объяснять незнакомыя имъ понятія и учить новымъ, непонятнымъ имъ словамъ. Такимъ образомъ, затрудняется и замедляется успѣхъ обученія дѣтей въ начальныхъ, народныхъ школахъ. Вотъ эти-то неблагопріятныя условія рабочей жизни и ихъ вліяніе на народную школу довольно подробно выяснены въ любопытныхъ письмахъ одного сельскаго учителя (1874 года, №№ 62 и 82), изъ которыхъ мы приведемъ выдержки.

„Въ недавно—прошедшемъ нашихъ крестьянъ невидно ничего, направляющаго ихъ къ умственной самодѣятельности, кромѣ замедляющаго. Семейникамъ, напримѣръ, смертнымъ грѣхомъ считалось и считается дѣлать, а, слѣдовательно, и мыслить самостоятельно,—грѣхомъ какого-то отщепенства, упрямства, неповиновенія большакамъ. Потому, если непоступать по своему, такъ что и мыслить! Да и досугъ-ли?!

„Идетъ, посмотришь, дѣтина, лѣтъ 20-ти, домой съ денной, тяжелой работы, усталый, угрюмый: если и думаетъ о чемъ, то именно о томъ, какъ-бы скорѣе дотащиться, да на боковую. Какъ на ассигнаціи, на немъ

только и читаешь: „усталъ, ѣсть, спать хочу“. Пришелъ домой. Моетъ руки, крестится, пока молвитъ про себя: „накорми Богъ малымъ“, или: „дай Богъ наѣсться“. Садится за столъ. Подбирая Божій даръ—хлѣбныя крошки, ѣстъ онъ все, что подаетъ большуха. „Слава тебѣ, Господи!“—выходитъ изъ застолья. „Слава Богу, наѣлся!“—крестится. Засимъ ложась на соломенку, или просто солому, успѣлъ развѣ смекнуть: „завтра праздникъ,—посплю подольше“. Да такъ-ли, полно? Нѣтъ. И завтра большакъ найдетъ ему работу, — проводить скотъ, отыскать лошадь, осмотрѣть сѣти и др.; мало-ли, что есть въ порядочномъ хозяйствѣ!

„Въ семейномъ кружкѣ, за чаемъ, пойдетъ рѣчь объ игрищахъ. Перебравши всѣхъ невѣстъ, скажуть молодцу ровню по состоянію, досужую дѣвицу, которую онъ долженъ подспѣживать, а предъ сватовствомъ, если возможно, заручиться отъ нея залогомъ. Нигдѣ небывалый, привязавшійся къ своему дому, какъ кошка къ стѣнамъ, видя тоже вокругъ себя, вынужденный, такимъ образомъ, необходимостью, холостяга-негрѣховодникъ безропотно выносить деспотизмъ набольшихъ, опасаясь лишиться всего ему дорогаго въ силу привычки. При такомъ положеніи, человѣку можно только слушаться другихъ, работать не въ мѣру, отдыхать, ѣсть и спать, а мыслить некогда, да и нужды нѣтъ“.

„Это я говорилъ о семейникахъ. Но немного чего утѣшительнаго могу сказать и о большакахъ-хозяевахъ. Они, правда, больше имѣютъ шансовъ для умственной самодѣятельности. Большакъ долженъ знать средства и время для наживы денегъ на подушину и на праздники. На большакѣ лежитъ вся отвѣтственость по хозяйству,—постройка, поправка всего и нарядъ семейниковъ на

работу. Но вся бѣда въ томъ, что рѣдкій большакъ поступаетъ по собственному соображенію, а больше,— полагаясь на опытъ и примѣръ другихъ и, особенно, на совѣты людей старыхъ. Въ рѣдкомъ дѣйствіи крестьянина услышишь разумное основаніе, а то все больше какая-либо примѣта, либо предубѣжденіе. Такимъ образомъ, и у большаковъ-хозяевъ умственный кругозоръ невыходитъ изъ границъ домашней, обыденной жизни. Выпашка хлѣба и нажива нашихъ крестьянъ, хотя удовлетворяютъ ихъ незатѣйливымъ требованіямъ, но, какъ сопряженныя съ продолжительнымъ, успленнымъ трудомъ, немогутъ не отзываться на нихъ самымъ невыгоднымъ образомъ".

„Крестьянинъ-мальчикъ до 4-хъ или 5-хъ лѣтъ, обученый, какъ попугай, болтать десятокъ-другой словъ безъ яснаго, раздѣльнаго представленія называемыхъ имъ предметовъ, предоставляется самому себѣ, пока нестанутъ впрягать его въ непосильную работу, или пока не отведутъ его въ школу. За это время мальчикъ, въ одной рубашкѣ, привыкаетъ выносить и жаръ, и сырость, и холодъ, ушибы и другія физическія лишенія. Въ играхъ его, — постройка изъ досокъ избушки, размѣщеніе въ ней лавокъ для сидѣнья, качаніе на колѣняхъ куклы-ребенка, печенье изъ глины колобовъ, калитокъ, овсянниковъ и мякушекъ, ѣзда на батогахъ и бѣганье на поясахъ,—весьма ясно сказывается монотонность и скудость его обстановки. Предоставленный самому себѣ въ играхъ, при этомъ ограниченномъ количествѣ пережитыхъ имъ впечатлѣній, ребенокъ только и знаетъ воспроизводить одни и тѣ же впечатлѣнія, неизвлекая, безъ посторонней помощи, ничего новаго и, слѣдовательно, никакой себѣ пользы отъ игры".

„Такъ проходитъ дѣтство крестьянина. Затѣмъ начинается страдная пора. Всегда занятый, усталый, или, лучше, убитый трудомъ, крестьянинъ-работникъ сосредоточивается въ себѣ, становится угрюмымъ. Непомѣрный физическій трудъ отнимаетъ у него всякую словоохотливость. А мало упражняясь въ разговорѣ, въ виду присущей ему скудости словъ и выраженій, крестьянинъ нашъ еще долго непріобрѣтаетъ навыка выражать свои ощущенія, мысли точно, правильно и полно. О праздникахъ, когда крестьяне даютъ полный просторъ своему языку, ясно обнаруживается полное отсутствіе всякой, болѣе или менѣе серьезной, постороннеи мысли, которая-бы занимала умъ крестьянина. И смотрѣть-то неловко, когда, съ чашками, ложками въ рукахъ, всѣ молчатъ. Изрѣдка развѣ услышишь:

— А что, кумъ! поди, сѣялъ?

— Нѣтъ, незаводилъ! съ Макковія отдумалъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Опять молчаніе.

— У тебя, поди, вѣдь, много сѣна наставлено?

Всѣ осматриваются.

— А ты, Иванъ! Я у тебя спрашиваю.

— Еще есть. Вишь, брата-то дома нѣтъ, дакъ все одному,—отвѣчаетъ Иванъ.

— Мы тоже хорошо-то эко время опустили, дакъ какъ-то сгорюемъ! Дѣло къ осени, а работа вся приспѣла,—незнаешь, што и дѣлать,—вставляетъ третій.

„Такъ говорятъ, пожилыхъ лѣтъ, зажиточные крестьяне, если позволите выразиться,—деревенская аристократія. Неясность, неточность, неполнота и косность мысли, незакопченность выраженія ея достаточно характеризуютъ рѣчь нашего крестьянина, — рѣчь, полную

идіотизмовъ и словъ непечатныхъ. За уровень развитія нашихъ крестьянъ въ моральномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, съ умственнымъ ихъ развитіемъ, достаточно ручается положеніе и обращеніе молодежи на зимнихъ бесѣдахъ и лѣтнихъ игрищахъ, въ гумнахъ, на спопахъ соломы".

Если мужчины въ сельскомъ рабочемъ населеніи стоятъ на такой низкой степени развитія, то, само собою разумѣется, что женщина тамъ еще неразвитѣе и грубѣе. Сфера доступной ей дѣятельности еще уже, чѣмъ у мужчинъ, а оттого и умственный кругозоръ ея гораздо ограниченнѣе, а сила мышленія слабѣе, вслѣдствіе недостатка упражненія. Вотъ какими непривлекательными чертами описываетъ крестьянку одинъ сельскій священникъ. „Поставленная въ узкій кругъ дѣятельности около печки, двора, стиральнаго корыта, да дѣтской колыбели, невходя никогда въ интересы общества, его нуждъ и дѣятельности, неотлучаясь изъ дома дальше своей поляны или сосѣдней деревни, съ малолѣтства необученная даже правильно, какъ говорится, перекрестить глаза,—наша крестьянка имѣетъ всѣ благопріятныя условія къ тому, чтобы въ дѣтствѣ вѣрить искренно всѣмъ нелѣпымъ бреднямъ своихъ бабушекъ, а въ лѣтахъ возраста поддаваться на вѣру всякому вздору, который она слышитъ отъ практически опытныхъ въ дѣлѣ шарлатанства и надувательства лицъ, эксплоатирующихъ населеніе въ свою, конечно, пользу. Стоитъ немного присмотрѣться къ умственному состоянію нашей крестьянки, и явится картина далеко неприглядная. Эта картина вѣрованій, воззрѣній, вкуса, привычекъ нашей крестьянки отражается, какъ въ зеркалѣ, въ той домашней обстановкѣ, грязной, непривлекательной, нездо-

ровой, улучшить которую такъ давно стремятся ревнители общественнаго благосостоянія" (1876 г., № 5).

Вотъ та домашняя обстановка, въ которой воспитываются крестьянскія дѣти и которая, рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на развитіе ихъ умственныхъ способностей и складъ нравственнаго характера. Благодаря этой обстановкѣ, крестьянскія дѣти, — какъ замѣчаетъ сельскій учитель въ своихъ письмахъ,—скорѣе забитыя, чѣмъ развитыя, поступаютъ въ школу. „Въ началѣ большаго труда стоитъ учителю втянуть ихъ въ разговоръ не потому только, что они стѣсняются говорить, а потому больше, что небогаты на слова... Одинъ изъ вновь поступившихъ при мнѣ, трое сутокъ высидѣлъ подъ партой, жалуясь на боль въ животѣ. „Ну, а, поди, Ішанька (вмѣсто Иванъ), калитка, мама" и еще нѣсколько другихъ словъ составляютъ весь запасъ словъ, рабомъ котораго, а отнюдь не господиномъ, чувствуетъ себя поступившій въ школу. Отъ такого ученика можно ли ожидать связной, болѣе или менѣе обстоятельной, самостоятельной рѣчи ранѣе трехлѣтняго обученія его въ школѣ? Непривыкшій всматриваться и вдумываться въ окружающій міръ, мальчикъ не вдругъ-то научится замѣчать связь между явленіями и подбирать необходимыя для выраженія этого слова и обороты рѣчи" (1874 г.. № 62 и 82).

Дѣйствуя развивающимъ образомъ на этихъ маленькихъ полудикарей, школа оказываетъ большое вліяніе на нихъ. Чтобы наглядно судить о силѣ этого вліянія, мы обратимся къ помощи сравненія. Сельскій священникъ, онъ-же и законоучитель въ народной школѣ, сообщая свои наблюденія надъ успѣхами школьнаго образованія въ селѣ Девятинахъ, Вытегорскаго уѣзда,

откровенно сознается, что народная школа оказываетъ болѣе сильное вліяніе на крестьянъ, чѣмъ церковь, и что дѣятельность учителя гораздо плодотворнѣе дѣятельности священника. „Мы держимся,—говоритъ онъ о себѣ,—того убѣжденія, подтвержденнаго достаточно на самомъ дѣлѣ, въ жизни, въ пастырско-практической дѣятельности, что проповѣди священника, хотя отъ сердца сказанныя, проникнутыя простотою, задушевностью, искреннею любовью къ тѣмъ, кому говорятся они, и желаніемъ добра, пользы и спасенія слушателямъ, не въ состояніи заставить темный, простой народъ отказаться отъ вѣковыхъ своихъ убѣжденій, хотябы и несправедливыхъ и даже вредныхъ для нихъ-же самихъ. И въ церкви, и дома, въ проповѣдяхъ и частныхъ собесѣдованіяхъ испробовано было все для искорененія того, или другаго вреднаго, или суевѣрнаго обычая, предразсудка, вѣрованія,—но обильнымъ урожаемъ, хотя посѣвъ всегда бывалъ щедрый, неможемъ похвалиться. За-то въ школѣ, хотя сѣемъ иногда скудостію, пожинаемъ сторицею. Законоучитель въ школѣ—отецъ своихъ питомцевъ, въ полномъ смыслѣ. Его мысли, взгляды, убѣжденія, привычки замѣчаются, усвояются, укореняются въ дѣтяхъ“.

Въ чемъ-же, видимымъ образомъ, проявляется вліяніе школы на крестьянскихъ дѣтей? На этотъ вопросъ сельскій священникъ, хотя и даетъ положительный отвѣтъ, но—отвѣтъ односторонній, потому-что онъ смотритъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія законоучителя и вмѣстѣ священника. „Вышедшіе изъ школы нашей, юноши отъ 14 до 18 лѣтъ замѣтно выдвигаются изъ среды своихъ товарищей, необучавшихся въ школѣ, выдвигаются тѣмъ, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, торо-

пятся засвидѣтельствовать своему бывшему учителю почтеніе, вниманіе и особое довѣріе. Кого также чаще видимъ въ церкви? — учениковъ. Лишь-бы помѣстилъ клиросъ церковный, а онъ пусть небываетъ". Точно также отзывается священникъ и о вліяніи школы на крестьянскихъ женщинъ. „Мы можемъ засвидѣтельствовать,—говоритъ онъ,—что уже не разъ имѣли случай указать своимъ прихожанамъ, что наши бывшія ученицы, теперь замужнія женщины и матери, какъ-то усерднѣе другихъ къ богослуженію и гораздо довѣрчивѣе къ совѣтамъ нашимъ тѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя незнаютъ насъ, неслышали уроковъ нашихъ, невоспитаны нами" (1876 г. № 5 и 6).

Школьный учитель такъ-же, какъ и священникъ, замѣчаетъ вліяніе школы на дѣтей, а чрезъ нихъ даже на взрослыхъ крестьянъ. Но онъ видитъ совсѣмъ другую сторону этого вліянія, чѣмъ священникъ. Послѣднему больше всего бросается въ глаза, что обучавшіеся въ школѣ, крестьяне усерднѣе и чаще посѣщаютъ церковь; а учитель обращаетъ особенное вниманіе на то, что ученики, въ свободное время, читаютъ забавную книжку, а взрослые, неграмотные крестьяне собираются слушать ихъ. Чтеніе и слушаніе забавной книжки составляетъ новость въ рабочей жизни,—новость, которая явилась подъ вліяніемъ школы. Учитель Сойдинскаго училища въ Вытегорскомъ уѣздѣ, г. Макліоновъ разсказываетъ, что это вліяніе школы обнаружилось уже на второй годъ послѣ открытія ея. „Теперь,—по словамъ его,—въ Сойдѣ есть крестьяне, которые находятъ для себя удовольствіе, вмѣсто прежнихъ, грубыхъ развлеченій, собираться иногда къ способнымъ ученикамъ и слушать чтеніе интересныхъ и забавныхъ статеекъ" (1878 года, № 20).

Еще сильнѣе и рѣзче замѣтно вліяніе школы самимъ крестьянамъ. На нихъ школа дѣйствуетъ непосредственно, внося глубокія измѣненія въ сложившійся вѣками бытъ ихъ. Понятное дѣло, что они не могутъ оставаться спокойными и безстрастными зрителями тѣхъ рѣзкихъ измѣненій въ рабочемъ быту, которыя совершаются подъ вліяніемъ школы. Нѣтъ,—одни изъ нихъ съ восторженною радостью привѣтствуютъ благотворное вліяніе школы и ничего нехотятъ видѣть въ немъ, кромѣ пользы. Другіе, наоборотъ, сильно вооружены противъ вліянія школы и видятъ въ немъ одинъ вредъ. Представителями перваго взгляда являются сельскіе богачи, а противниками школьнаго вліянія—рабочая бѣднота. Однако, при всемъ своемъ разногласіи во взглядѣ на пользу школы, они совершенно согласны въ томъ, что школа оказываетъ большое, чисто практическое вліяніе на крестьянскій бытъ, что ученики пріобрѣтаютъ въ школѣ новыя практическія свѣдѣнія и правила, которыя стараются примѣнить къ обыденной жизни и чрезъ это разрушающимъ образомъ дѣйствуютъ на укоренившійся складъ жизни, вытѣсняя старыя понятія и измѣняя сложившійся порядокъ обыденнаго быта.

Выразителемъ взгляда сельскихъ богачей на вліяніе школы является одинъ крестьянинъ изъ селенія Паданъ, который въ небольшой статейкѣ ненахвалится мѣстнымъ двукласснымъ училищемъ. По его словамъ, вліяніе школы на дѣтей въ особенности рѣзко бросается въ глаза при сравненіи учениковъ школы съ дѣтьми, непосѣщающими училища. „Вѣжливое обращеніе дѣтей нашихъ нетолько со старшими, но и съ равными себѣ уже есть плодъ нашего молодаго училища, которое одно только могло въ столь короткое время привить это нашимъ

дѣтямъ, ученикамъ, крайне искаженнымъ безтолковымъ и грубымъ домашнимъ воспитаніемъ и обхожденіемъ. Нетрудно изъ десяти въ группѣ играющихъ дѣтей отличить учениковъ отъ непосѣщающихъ училища. Первые держатъ себя скромно, некривляясь, въ поступкахъ своихъ и въ разговорѣ сдержанны и дѣйствуютъ обдуманно; послѣдніе — дерзки, грязны, грубы и крайне невѣжественны. Свѣтлый взглядъ на вещи и особенно на предметы, встрѣчающіеся въ общежитіи, есть важная заслуга лишь толковой школы. Помимо собственныхъ личныхъ наблюденій, допытываемся у учениковъ и ежедневно получаемъ новыя свѣдѣнія, правила и истины для жизни самой свѣтлой, а главное—жизни христіанской“ (1877 г., № 45).

Совсѣмъ иначе смотритъ на вліяніе школы другой крестьянинъ того-же села Паданы, Повѣнецкаго уѣзда, представитель рабочей бѣдноты. Мѣстный діаконъ Миролюбовъ сообщаетъ, что этотъ „невѣжа-крестьянинъ, отецъ ученика“, въ разговорѣ съ учителемъ, высказывалъ слѣдующую жалобу на сына.

— Такъ говорите вы,—сказалъ крестьянинъ учителю, — что училище принесетъ пользу дѣтямъ нашимъ. Не училище здѣсь виновато, а сами вы, учителя. Какая тутъ польза отъ училища, если дѣти наши, то и дѣло, твердятъ о какомъ-то свѣжемъ воздухѣ въ избѣ, объ окнахъ побольше, говоря, что, де, воздухъ нужно чище держать, да свѣту побольше. Спросишь ихъ: къ чему это? А онъ тебѣ въ отвѣтъ: „для хорошаго здоровья“. Извольте видѣть, какой-то чистый воздухъ мой сынъ научился отыскивать для здоровья, о чемъ мы до сего неслыхали, а жили-же и живемъ, пока Богу угодно, здорово, — былъ-бы хлѣбъ да Божій урожай. По мнѣ

такъ такая польза—скорѣе вредъ для нашихъ дѣтей".

— Такъ весною,—продолжаетъ крестьянинъ съ жаромъ,—рано еще, въ одно воскресное утро, я разбудилъ сына, чтобы онъ сходилъ за полторы версты въ поле и привелъ на село лошадь на водопой. Онъ сейчасъ-же и даже поспѣшно всталъ, а я ушелъ на дворъ, думая, что онъ тотчасъ-же и побѣжитъ въ поле. Лпъ пѣтъ!—онъ разбудилъ братишку, приказалъ вынести постели (соломенки) и кафтаны на улицу, открылъ въ задней комнатѣ, въ которой спали, окна и пашетъ (мететъ) скамьи, столы, карнизы у печки, ошестокъ и полъ,—бонтся, вишь-ты, пыли. Потомъ бѣжитъ на рѣку, беретъ воды и моется. Тутъ зазвонили къ заутрени, онъ и говоритъ: „батюшка, я теперь пойду въ церковь, а отъ утрени побѣгу въ поле и успѣю напоить лошадь". Извольте, что это за польза! Вмѣсто того, чтобы сбѣгать за лошадью, онъ пропачкался на улицѣ съ постелями да кафтанами, пашетъ комнаты, бѣгаетъ за какой-то свѣжей водой, когда у него недѣлю стоитъ вода подъ посомъ въ бочкѣ, а онъ не хочетъ ее не только ужь пить,—пусть, если она тепла, но даже по его глазамъ она несвѣжа, гнилая, да тому-же учитъ и меньшаго братишку. Поди, пожалуй, вода у нашихъ дѣтей гнилая; слыхано-ли, чтобы вода гнила! Вотъ и польза отъ ученья: дѣтямъ надо свѣта въ хатѣ больше,—строй окна большія; воздухъ надо чистый,—открывай трубы или двери, когда на дворѣ холодъ. „Даже,—говоритъ,—зимой тоже дѣлать нужно". Мы и самъ онъ запасаемся теплотой, а въ то-же время хочетъ строить окна побольше, отчего, конечно, въ избѣ холоднѣе. Самъ хлопочетъ о теплѣ, а трубы проситъ держать полыя, пока до единаго угля все потухнетъ въ жарникѣ и печкѣ. И это,—

говоритъ,—необходимо, а то наберется въ комнату много угольной кислоты какой-то, можно заболѣть или помереть. Видите, какъ бредятъ дѣти и бреднямъ этимъ такъ вѣруютъ, что ихъ несвернешь.

„Изъ всей этой тенденціи крестьянина ясно, что дѣти ратуютъ противъ нечистоты, пыли, грязи, угара, недостатка свѣта и гнилой, застоявшейся воды, вытѣсняя это изъ употребленія, о чемъ училище напоминаетъ имъ ежедневно, въ виду того, что въ деревняхъ рѣдкое помѣщеніе незаражено крайней нечистотой. Въ комнатѣ непривычному человѣку трудно продышать 3—4 часа, тогда какъ десятидушная семья крестьянина дышетъ этой заразой постоянно, мѣсяцевъ семь или восемь, въ зимнее время. Само собою, вредныя послѣдствія такой атмосферы очевидны на организмѣ здѣшнихъ крестьянъ: они блѣдны и безжизненны, хилы, вялы и даже безсмысленны, особенно дѣти. Но устранить вредныя причины такой несвоевременной старости и болѣзни ни за что незаставишь упрямаго и невѣжественнаго крестьянина“.

„На жалобу крестьянина послѣдовало замѣчаніе учителя, что дѣти, вѣдь, все это дѣлаютъ почти что сами, въ свободное время; что они, вѣдь, невыходятъ изъ послушанія родителей; что они неоказываютъ къ нимъ ни малѣйшаго презрѣнія, напротивъ, за все пристаютъ по полученіи согласія родителей. Что-же тутъ оскорбительнаго для нихъ? Пусть они все, что слышали въ училищѣ, прилагаютъ къ жизни, — на то, вѣдь, они и учатся“.

— А все то, что ты, дядя, сказалъ мнѣ о твоихъ дѣтяхъ, очень полезно и важно для хорошей жизни и для здоровья. Я радуюсь твоимъ дѣтямъ. Напрасно,

другъ, ты винишь, пусть ужь училище, а даже своихъ умныхъ дѣтокъ.

— Поди, пожалуй,—возразилъ крестьянинъ,—умныя дѣти! Это, въ дождливый день, мать и сестры собираются въ лѣсъ, чтобы, на свободѣ за дождемъ отъ работъ, набрать рыжиковъ или ягодъ на зимній запасъ, а онъ (сынъ) чуть не плачетъ, болванъ, убѣждая сестру вымыть избу: „грязь, говоритъ, вредно въ ней жить". Вотъ, чѣмъ нужно ему заниматься, вмѣсто того, чтобы, все забывъ, бѣжать за ягодами. „Пѣтъ,—говоритъ,—вымой, сестра, полъ, а попозже отправимся въ лѣсъ". А самъ—то хомутъ вынесетъ вонъ изъ избы, то дугѣ тутъ не мѣсто, то узда недолжна быть въ комнатѣ, то напрасно грязныя тряпки и поношенныя рубашки лежатъ въ комнатѣ, а не на вышкѣ, или въ сѣняхъ, какъ ему надобно. Оставьте, пожалуйста, эту пользу и неубѣждайте меня. Это-ли для насъ польза"?! (1878 г., № 5).

Въ этомъ интересномъ сообщеніи сельскаго діакона мы видимъ новое подтвержденіе давно подмѣченнаго факта, что народная школа разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на сложившійся изъ-поконъ вѣка, строй рабочей жизни. Разрушительное вліяніе прежде всего сказывается въ сферѣ семейнаго быта. Школа развиваетъ въ крестьянинѣ человѣческую личность, которая, какъ мы видѣли выше, въ рабочей семьѣ совершенно подавлена безпрекословнымъ подчиненіемъ власти большака. Въ лицѣ малютки, ученика школы, въ эту семью вторгается новый элементъ, который расшатываетъ старые устои семьи и стремится поставить власть большака надъ семьею въ законныя рамки, требуя, чтобы и онъ, наравнѣ со всѣми членами семьи, подчинялся культурнымъ требованіямъ. Признать за культурными требова-

ніями обязательную силу въ примѣненіи къ домашнему обиходу—значитъ подорвать авторитетъ большака и допустить вліяніе ученика школы, который знакомъ съ требованіями высшей культуры, тогда какъ большакъ неимѣетъ никакого понятія о нихъ. И вотъ, большакъ видитъ, какъ авторитетъ его, день ото дня, падаетъ въ семьѣ, какъ ученикъ школы пріобрѣтаетъ вліяніе на сестеръ, младшихъ братьевъ, мать, какъ у всѣхъ нихъ пробуждается сознаніе человѣческой личности, самостоятельная работа мысли, критическое отношеніе къ обыденной дѣйствительности и какіе-то новые идеалы, можетъ быть, и самимъ имъ еще неясные, а тѣмъ болѣе непонятные большаку. На сторону большака становятся старшіе дѣти его и всѣ вмѣстѣ начинаютъ преслѣдовать наваторскія стремленія младшихъ членовъ семьи. Такъ, въ рабочей семьѣ возникаетъ разладъ, который будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на развалинахъ старой семьи не возникнетъ совсѣмъ новый семейный строй.

Сущность разрушительнаго вліянія школы на рабочую жизнь заключается въ несоотвѣтствіи экономическихъ условій жизни рабочаго класса съ тѣми культурными потребностями, которыя развиваются въ работникахъ при помощи школьнаго образованія. Мы уже видѣли отчасти, въ чемъ заключаются эти культурныя потребности, вызванныя школою. Молодой членъ рабочей семьи, вышедшій изъ школы, хочетъ чаще ходить въ церковь, по временамъ прочитать книжку,—. кую-нибудь „Каѳедру Исакіевскаго собора“, имѣть квартиру болѣе свѣтлую, чистую и просторную, вставши о[illegible] сна, не сейчасъ-же приниматься за работу, но сначала умыться, убрать свою комнату и т. д. Все это такія простыя,

незамысловатыя потребности, что, кажется, нечего возражать противъ нихъ, а тѣмъ болѣе нельзя отыскать въ нихъ какую-нибудь „неблагонамѣренность“; и, однако, они-то именно и вызываютъ броженіе въ народѣ и измѣненія въ жизни рабочаго класса.

Конечно, ходить въ церковь и читать „Каѳедру Исакіевскаго собора“ не только незазорно, но и весьма похвально. Однако предаваться этимъ похвальнымъ занятіямъ мѣшаетъ рабочему то обстоятельство, что у него нѣтъ времени для этого. Мы видѣли, что „певѣжа-крестьянинъ“ за то и сердится на сына, обученнаго въ школѣ, въ томъ и видитъ вредъ школьнаго образованія, что сынъ его идетъ въ церковь, вмѣсто того, чтобы бѣжать за лошадью, моетъ полъ, вмѣсто того, чтобы идти въ лѣсъ за грибами и т. д. Говоря иначе, все это значитъ, что существующій рабочій день длиненъ до такой степени, что работнику неостается времени для удовлетворенія даже такихъ незатѣйливыхъ, культурныхъ потребностей, какъ-то: ходить въ церковь, читать „Каѳедру Исакіевскаго собора“ и т. д. Слѣдовательно, чтобы могли получить удовлетвореніе, вызванныя школою, культурныя потребности рабочихъ, для этого прежде всего необходимо сократить длину робочаго дня.

Опять-же, не только нигдѣ не запрещается, но „Врачебнымъ Уставомъ“ даже рекомендуется рабочимъ жить въ свѣтлыхъ и просторныхъ помѣщеніяхъ, имѣть достаточное количество чистаго воздуха, наблюдать за чистотою въ жилыхъ домахъ и т. д. Бѣда въ томъ только, что, для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей, необходимо имѣть матеріальныя средства, которыхъ недаетъ нашему рабочему его скудный заработокъ. Какъ мы видѣли выше, заработокъ сельскаго работника такъ малъ, что

имъ непокрываются даже теперешнія, насущныя нужды работника, который часто не въ состояніи бываетъ одѣть, обуть и накормить своихъ дѣтей. Будь у работника хорошій заработокъ, тогда онъ построилъ-бы себѣ такой-же просторный и свѣтлый домъ, какъ у сельскаго богача, и безъ всякихъ затрудненій, сталъ-бы согласовать образъ своей жизни съ требованіями гигіены, которыя внушены ему въ школѣ. Слѣдовательно, чтобы могли получить удовлетвореніе, вызванныя школою, культурныя потребности рабочихъ, для этого недостаточно сократить длину рабочаго дня, но еще нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднять и величину заработка.

Такимъ образомъ, школьное образованіе вызываетъ у рабочихъ новыя потребности, для удовлетворенія которыхъ необходимо сократить длину рабочаго дня и поднять величину заработка. Но работники, получившіе школьное образованіе, въ своемъ стремленіи къ уменьшенію рабочаго дня и увеличенію заработка должны подчиниться роковому вліянію спроса и предложенія. Они не въ силахъ выдержать конкурренцію со стороны работниковъ, неполучившихъ школьнаго образованія, которые, имѣя менѣе развитыя потребности, довольствуются меньшимъ заработкомъ при болѣе продолжительномъ трудѣ. Пока существуетъ свободная конкурренція, до тѣхъ поръ продолжительность рабочаго дня и величина заработка будетъ опредѣляться наименьшими обычными потребностями рабочихъ, и, слѣдовательно, стремленіе рабочихъ, получившихъ школьное образованіе, улучшить свое матеріальное положеніе будетъ встрѣчать препятствіе въ конкурренціи необразованныхъ рабочихъ.

Между тѣмъ, культурныя потребности такъ прочно

прививаются къ рабочимъ, получившимъ школьное образованіе, что становится невозможностью отказаться отъ удовлетворенія этихъ нуждъ и поневолѣ приходится изыскивать для того новыя средства, помимо обычнаго рабочаго труда. Наибольшій заработокъ при наименьшемъ трудѣ даютъ такія занятія, въ основѣ которыхъ лежитъ эксплоатація чужаго труда. Поэтому работники, получившіе школьное образованіе, обыкновенно стремятся захватить въ свои руки подобнаго рода занятія. Крестьяне такъ привыкли къ этому, что считаютъ школу какъ-бы разсадникомъ всякаго рода кулаковъ, а пользу школьнаго образованія привыкли измѣрять степенью пригодности его для наиболѣе выгодной эксплоатаціи чужаго рабочаго труда. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Ладвѣ, Петрозаводскаго уѣзда, „первоначальнымъ побужденіемъ къ обученію дѣтей были внѣшнія выгоды. Грамотные мальчики, большею частію, отправлялись въ Петербургъ, гдѣ поступали въ услуженіе по торговой части; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали порядочный капиталъ и дѣлались купцами“ (1874 г., № 60). Равнымъ образомъ, и отчетъ Повѣнецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта удостовѣряетъ, что родители обучающихся въ школѣ дѣтей „имѣютъ въ виду не надлежащее религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей, а простую выучку грамотѣ и счисленію, или, по ихъ характерному выраженію,—*цифири*, чтобы опредѣлить сына въ какое-нибудь заведеніе мальчикомъ, а впослѣдствіи видѣть прикащикомъ, а нерѣдко и купцомъ“ (1872 г., № 7). Въ этомъ также заключается одна изъ самыхъ главныхъ причинъ, почему сельскіе богачи заботятся объ открытіи школъ и почему школы посѣщаются преимущественно дѣтьми зажиточныхъ крестьянъ.

Но занятія, основанныя на эксплоатаціи чужаго рабочаго труда доступны только ограниченному числу лицъ. Всѣ такія занятія быстро расхватываются лицами, получившими школьное образованіе, которыя и успокоиваются, найдя средства для удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей. Затѣмъ образуется болѣе или менѣе значительный избытокъ, выпущенныхъ изъ народной школы, работниковъ. Эти неудачники, можетъ быть, и рады были-бы заняться кулачествомъ, да не могутъ пристроиться къ занятіямъ, основаннымъ на эксплоатаціи чужаго труда, такъ-какъ эти занятія всѣ уже разобраны. Имъ, поневолѣ, приходится оставаться при занятіи обычнымъ рабочимъ трудомъ, испытывая на самихъ себѣ всю тяжесть той эксплоатаціи, къ которой сами-же стремились. Между тѣмъ, разъ пробудившіяся подъ вліяніемъ школы, культурныя потребности въ нихъ не умолкаютъ, но настойчиво требуютъ для себя полнаго удовлетворенія. Откуда-же взять средства для такого удовлетворенія, если обычный рабочій трудъ не даетъ ихъ, а занятія, основанныя на эксплоатаціи чужаго труда, недоступны всей массѣ рабочихъ, получившихъ школьное образованіе? Въ такомъ положеніи остается одинъ исходъ,—поставить обычный рабочій трудъ въ условія, при которыхъ онъ могъ-бы давать всей массѣ рабочихъ, безъ различія, средства, необходимыя для удовлетворенія культурныхъ потребностей, вызванныхъ школьнымъ образованіемъ. Теперь неудачникамъ поневолѣ приходится, отказавшись отъ попытокъ къ кулачеству, связать свои личные интересы съ интересами всей рабочей массы, выяснить ей эти интересы и возбуждать ее къ дружному и энергичному преслѣдованію ихъ. И вотъ такимъ-то образомъ, нынѣ

существующая у насъ, система народнаго образованія приводитъ къ междоусобицѣ въ области рабочей жизни: друзья и товарищи по школьной скамьѣ, покидая ее, дѣлаются озлобленными врагами изъ-за того, что одни становятся въ среду кулаковъ, а другіе остаются на сторонѣ рабочихъ, однимъ выгодна наименьшая величина заработка работниковъ при наибольшей длинѣ рабочаго дня, а другимъ наоборотъ—наибольшая величина заработка при наименьшей длинѣ рабочаго дня.

Междоусобица въ области рабочей жизни является неизбѣжно, какъ скоро начальное образованіе неравномѣрно распредѣлено въ народѣ и отъ того однимъ рабочимъ нужно больше, а другимъ меньше средствъ для удовлетворенія, развитыхъ не въ одинаковой степени, культурныхъ потребностей. Отсюда является необходимость, въ видахъ общественнаго умиротворенія, измѣнить систему начальнаго народнаго образованія въ такомъ направленіи, чтобы оно равномѣрно распространилось въ рабочей массѣ, сдѣлалось-бы достояніемъ всѣхъ и каждаго изъ работниковъ. Конечно, нечего и думать о возможности этимъ путемъ рѣшить рабочій вопросъ. Но, съ другой стороны, всѣ попытки къ разрѣшенію этого вопроса останутся безъ успѣха, пока образованіе нераспространится въ рабочей средѣ, хотя-бы настолько, чтобы самый низшій образовательный уровень, въ видѣ начальнаго школьнаго образованія, сдѣлался достояніемъ всѣхъ, безъ исключенія, работниковъ.

Мы видѣли, что сами рабочіе отчасти невполнѣ сознаютъ необходимость образованія для достиженія общихъ всѣмъ имъ, рабочихъ интересовъ, отчасти-же, по крайней бѣдности, не могутъ давать образованіе своимъ дѣтямъ. Въ силу этого, возникаетъ необходимость го-

сударственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія. Для достиженія какъ общегосударственныхъ, такъ и спеціально рабочихъ интересовъ, государство должно сдѣлать начальное школьное образованіе обязательнымъ и доступнымъ для всѣхъ, принявъ на свой счетъ всѣ расходы на содержаніе училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо, чтобы начальное школьное образованіе во всемъ государствѣ было строго подчинено одной и той-же системѣ, такъ, чтобы оно повсемѣстно давало народу однообразный minimum культурнаго развитія. Отсюда, само собою, понятно, что начальная школа должна быть изъята изъ вѣдѣнія земства, а земскія учрежденія освобождены отъ расходовъ на начальное народное образованіе. Земство можетъ имѣть только мѣстный контроль надъ народными школами, но самыя школы непремѣнно должны находиться въ рукахъ правительства.

+ Въ настоящее время, у насъ въ Россіи, рабочій вопросъ находится въ такомъ положеніи, что друзья рабочаго дѣла должны поставить себѣ одною изъ главныхъ задачъ введеніе всенароднаго, обязательнаго и безплатнаго образованія въ государственныхъ начальныхъ школахъ, подъ земскимъ контролемъ. Разрозненныя и несогласныя между собою земства не могутъ удовлетворить потребность рабочей массы въ начальномъ школьномъ образованіи. Спасибо земству и за то, что оно уже сдѣлало для народнаго образованія, и незачѣмъ предъявлять требованія, которыя оно не въ силахъ выполнить. Одинаковое для всего народа, обязательное образованіе въ начальныхъ школахъ—это такая обширная задача, выполненіе которой можетъ быть по плечу одному лишь государству. Къ нему-то и должны быть обращены упованія рабочихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава первая.
Крестьянскія невзгоды и земская немочь 1

Глава вторая.
Мужицкая культура и интеллигентный чиновникъ 33

Глава третья.
Подъ прикрытіемъ европейской науки 61

Глава четвертая.
Волостное владѣніе землею 81

Глава пятая.
Личное владѣніе землею 101

Глава шестая.
Исторія перваго передѣла 125

Глава седьмая.
Неурядица въ землевладѣніи 159

Глава восьмая.
Паллiативы 183

Глава девятая.
Сельскіе богачи 231

Глава десятая.
Борьба со звѣремъ 261

Глава одиннадцатая.
Народная школа и рабочая жизнь 309

1985